

ЗОЛОТАЯ КНИГА

ЛУЧШИХ СКАЗОК МИРА

ЗОЛОТАЯ КНИГА ЛУЧШИХ СКАЗОК МИРА

Переводчик и составитель
Галина Шалаева

Иллюстрации
Адриен Сегюр

МОСКВА
«ТЕРРА» – «TERRA»
1992

ББК 84(О)
З-80

Общая редакция и оригинал-макет
Филологического общества «СЛОВО»

З-80 Золотая книга лучших сказок мира/Переводчик и составитель Г. Шалаева; Иллюстрации Ад-
риен Сегюр. — М.: ТЕРРА, 1993. — 463 с.

ISBN 5-85255-324-7

З 4800000000-082 Без объявл.
А30(03)-93

ББК 84(О)

ISBN 5-85255-324-7

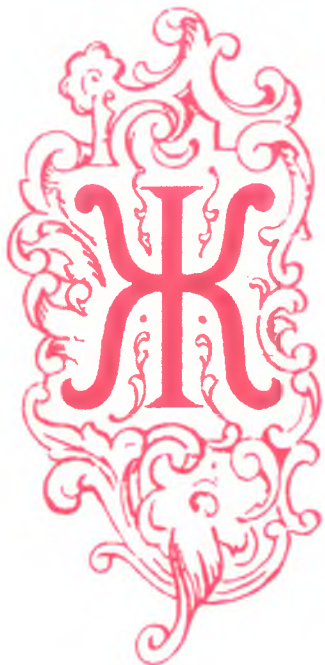
© Издательский центр «ТЕРРА», 1993

СОДЕРЖАНИЕ

Спящая красавица. Шарль Перро	5
Ослиная шкура. Шарль Перро	17
Марья Моревна. Русская сказка	27
Кузьма и лис. Японская сказка	41
Кот в сапогах. Шарль Перро	50
Царевна-лягушка. Русская сказка	59
Дюймовочка. Ганс Христиан Андерсен	67
Три апельсина. Итальянская сказка	82
Зелёная змея. Мадам д'Олнуа	95
Огниво. Ганс Христиан Андерсен	113
Генерал Фанта-Гиро. Итальянская сказка	122
Золушка. Шарль Перро	133
Карлик Нос. В. Хауф	140
Кип, заколдованный кот. Русская сказка	177
Грейс и Дерек. Мадам д'Олнуа	183
Царевна-змея. Русская сказка	195
Урашима и черепаха. Японская сказка	201
Ольховая Чурка. Карельская сказка	207
Мальчик-с-пальчик. Шарль Перро	222
Дикие лебеди. Ганс Христиан Андерсен	231
Волшебное кольцо. Русская сказка	251
Ганс и полосатый кот. Братья Гримм	268
Красная Шапочка. Шарль Перро	273
Фея и котёл. Шотландская сказка	277

Белый олень. <i>Мадам д'Олнуа</i>	282
Красавица и чудовище. <i>Мадам Лёпренс де Бомон</i>	295
Золотое Деревце и Серебряное Деревце. <i>Шотландская сказка</i>	303
Серебряное копытце. <i>Павел Бажов</i>	315
Принцесса-кошка. <i>Мадам д'Олнуа</i>	327
Кола-Рыба. <i>Итальянская сказка</i>	337
Чубчик-Рикки. <i>Шарль Перро</i>	345
Семь принцев-воронов. <i>Братья Гримм</i>	351
Деревянный орёл. <i>Русская сказка</i>	356
Голубой хохолок. <i>Мадам д'Олнуа</i>	365
Королевский баран. <i>Мадам д'Олнуа</i>	379
Принц и дочь великана. <i>Шотландская сказка</i>	387
Брайт, прелестный олень и кот. <i>Графиня де Сегюр</i>	405
Ясная Заря с золотыми волосами. <i>Мадам д'Олнуа</i>	417
Белоснежка. <i>Братья Гримм</i>	425
Финист — ясный сокол. <i>Русская сказка</i>	437
Волшебство. <i>Шарль Перро</i>	448
Синяя свечка. <i>Братья Гримм</i>	451
Хрустальная гора. <i>Русская сказка</i>	459

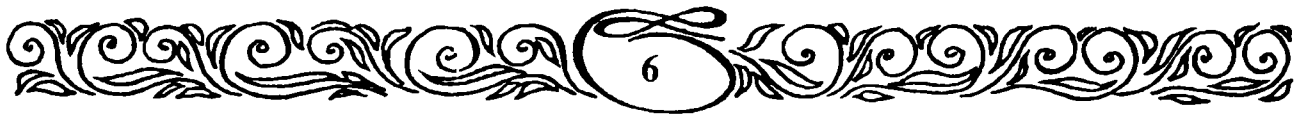
СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

или-были храбрый король со своей прекрасной королевой. Они были бездетны, и это их очень огорчало. Горячо молились они, чтобы Бог послал им ребёночка, и, наконец, королева родила дочь.

Пышно справили крестины новорождённой, пригласив на празднество всех волшебниц королевства (их было семь) в крёстные матери. Приглашённые волшебницы по-тогдашнему обычаю сделали маленькой принцессе подарок и пожелание. Таким образом, принцесса была одарена всякими хорошими качествами.

После крестин все волшебницы отправились на торжественный обед в честь этого знаменательного события, где для них приготовили роскошные угощения. Перед каждой из семи волшебниц поставили золотую посуду, усыпанную бриллиантами и рубинами. Рядом лежали великолепные золотые ложки, вилки и ножи. Когда волшебницы уселись за стол, в зал вошла старая-престарая колдунья, которую не пригласили, потому что её считали давно умершей или очарованной.

Более пятидесяти лет она не показывалась из своей башни, и все, естественно, про неё забыли.

Король с королевой посадили старуху за стол. Но золотой посуды и столовых приборов больше не было, так как они были заказаны и сделаны строго по количеству приглашённых волшебниц, поэтому старой волшебнице поставили серебряную посуду.

Старая ворчунья страшно обиделась на это и пробормотала сквозь зубы:

— Хорошо же, они у меня увидят...

Самая молодая волшебница, сидевшая рядом со старухой, услышала её бормотание и сообразила, что колдунья может наделать малютке неприятностей, поэтому она решила последней наградить маленькую принцессу, чтобы, таким образом, постараться поправить то зло, которое колдунья навлечёт на малышку.

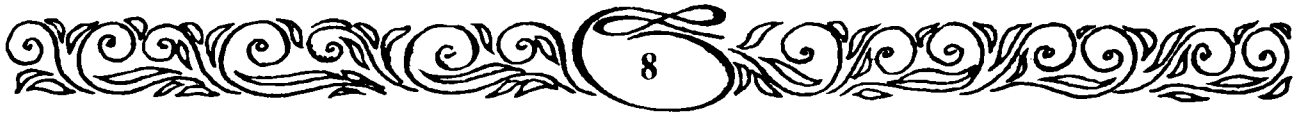
Наконец волшебницы начали награждать маленькую принцессу разными качествами. Младшая пообещала, что она будет красивее всех на свете, вторая — что умнее её трудно будет сыскать девушку, третья дала принцессе милосердие и доброе сердце, четвёртая и пятая наградили её искусством танца и соловьиного пения, шестая — даром игры на всех музыкальных инструментах без исключения.

Затем дошла очередь старой колдуньи. Злорадно ухмыляясь, она сказала:

— Принцесса проткнёт себе палец веретеном и умрёт в тот же час.

От этого ужасного предречения все безудержно заплакали. Но тут седьмая волшебница громко сказала:

— Не плачьте, дорогие гости и вы, король с королевой. Я не могу отменить то, что сказала старая карга, но в моей власти немного изменить это предсказание. Когда принцесса проткнёт себе палец веретеном, она не умрёт. Она уснёт глубоким сном ровно на сто лет. И однажды придёт молодой принц и разбудит её.

Несмотря на это обещание, король издал указ, запрещающий всем в королевстве пользоваться веретенами под страхом смерти. Не разрешалось даже просто держать их дома. Но он не знал, что обычный смертный не может победить волшебство.

Прошло пятнадцать лет. И вот однажды юная принцесса решила обследовать все комнаты и закоулки в огромном отцовском замке. Взобравшись на самый верх, в одной крохотной, покрытой паутиной комнатке она нашла маленькую старушонку, которая, улыбаясь, пряла веретеном пряжу.

— Ой, что это такое у тебя в руках? — воскликнула принцесса.— Бабушка, покажи мне, пожалуйста, эту вещичку.

— Это веретено, моё золотко,— сказала старушка, которая давным-давно не выходила из своей каморки и слыхом не слыхивала о старой колдунье, зловещем предсказании и королевском указе.— Возьми посмотри, если интересно.

Как только принцесса взяла веретено в руки, она уколола им палец и замертво упала на каменный пол комнаты.

— На помощь! — закричала перепуганная старушка, и все королевские слуги вмиг сбежались к ней. Они изо всех сил старались оживить принцессу, прикладывали ей на голову холодное льняное полотенце, нюхательную соль к носу, брызгали в лицо розовой водой — всё было бесполезно.

Прибежавший вслед за слугами король понял, что пророчество старой ведьмы сбылось. Он приказал отнести принцессу в самую лучшую дворцовую комнату, одеть в самое красивое платье и положить на кровать из парчи, золота и серебра. Волшебный сон не нарушил красоты принцессы. Её щёки алели, как розы, зубы были белы, как кораллы, и свежи, как лепестки лилии, спокойное ровное дыхание показывало, что она не умерла, а просто уснула.

Волшебница, которая спасла её жизнь своим заклинанием, в этот роковой день находилась далеко от дворца. Но карлик в семимильных сапогах тотчас же принёс ей известие об этом несчастье, и не прошло получаса, как она появилась в замке.

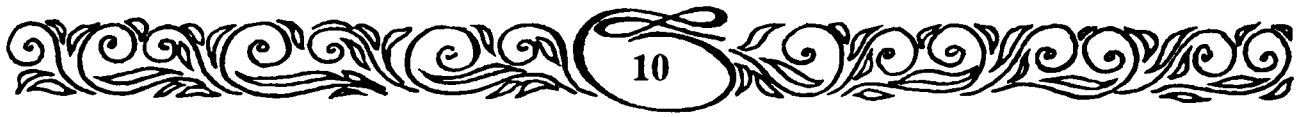
Король рассказал доброй волшебнице всё по порядку и спросил у неё, правильно ли он всё сделал.

— Принцесса очень огорчится, проснувшись через столько лет и не найдя вокруг себя слуг, а увидя только пустой замок,— сказала добрая фея.— Я не могу допустить этого.

Своей волшебной палочкой она коснулась всех, кто был в замке: фрейлин, гувернанток, горничных, дворецких, поваров и поварят, охранников и пажей, конюхов, лошадей в конюшнях, кучера и даже маленькой любимицы принцессы — собачки Пуфлетты, которая лежала рядом с хозяйкой на кровати.

Король с королевой поцеловали свою дочь и ушли жить в другой замок. А добрая фея окружила замок дремучим лесом и зарослями колючего терновника, чтобы ни человек, ни зверь не посмели нарушить раньше времени столетний сон принцессы.

Прошло сто лет. Однажды молодой королевич, сын короля соседнего государства, охотился в этих местах. Вдруг высоко

подняв голову, он увидел в центре дремучего леса верхушки каких-то старинных башен. Принц начал расспрашивать проживающих в этих местах людей и получил на свой вопрос пятьдесят разных ответов. Один сказал ему, что это место сборища ведьм, где они празднуют свой шабаш, другой уверял, что там живут эльфы, маленькие лесные человечки, третий — что там живет огромный голодный людоед.

Только один совсем древний старец сказал ему:

— Когда я был совсем маленьким ребёнком, я слышал от своего отца, что в том замке спит необыкновенной красоты принцесса. Фея усыпила её на сто лет, и только какой-нибудь смелый принц сможет её разбудить.

Молодой королевич поверил старцу.

— Какое интересное приключение ждёт меня! — воскликнул он.— Вперёд, к счастью и удаче! — и, помчавшись к замку, он пришпорил коня. Жажда любви и славы придавала ему храбрости. Подъехав совсем близко к дикому лесу, он собрался пробираться через него, как вдруг колючие заросли терновника расступились сами собой, давая ему дорогу. Принц направился к замку, а заросли сомкнулись у него за спиной, не давая никому возможности следовать за ним. Вскоре он вошёл во дворец и ужаснулся. В полной тишине кругом спали люди, которых сон застал в самых естественных позах: кто-то пировал, кто-то поднимался по дворцовой лестнице, кто-то вышивал или читал. Пройдя дальше, принц вошёл в золотую комнату и остановился в изумлении. На золотой, затканной серебром парчовой кровати спала сказочной красоты принцесса. Даже солнце не могло сравниться с ней, розы бы увяли в сравнении с румянцем на её щеках, а гордые

белые лилии стыдливо спрятались бы, если б им предложили померяться с ней белизною кожи.

Смущённый и очарованный её красотой, принц присел рядом с ней. И вот, наконец, сбылось предсказание доброй феи, и принцесса, ровно через сто лет, проснулась и открыла глаза:

— Как же долго я вас ждала, мой милый принц, — прошептала она.

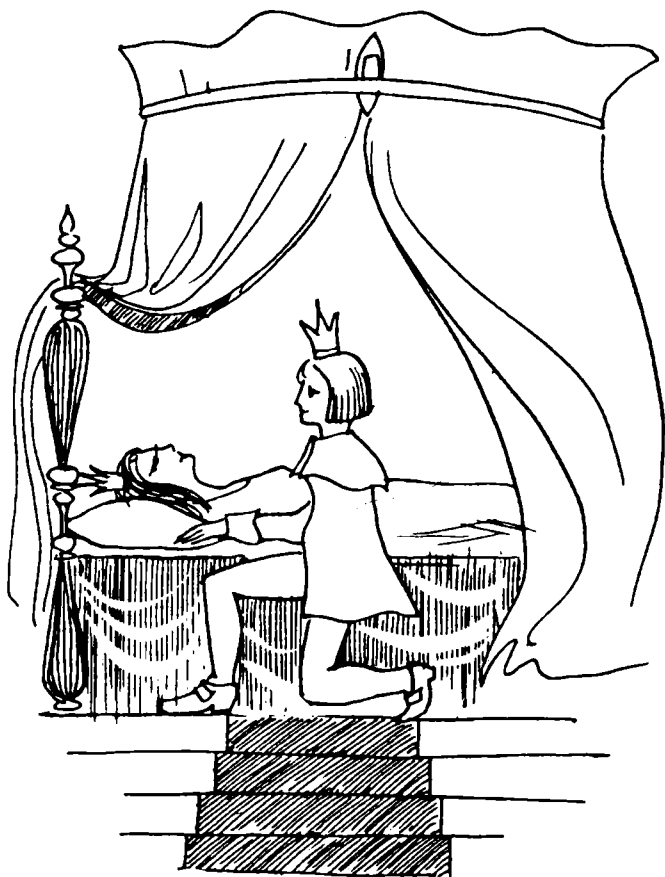
В восхищении от этих слов, от её красоты и от необычности всего происходящего, королевич понял, что полюбил принцессу больше жизни.

Постепенно всё в замке начало оживать, всякий принялся за своё дело, и вошедшая в зал фрейлина объявила:

— Обед подан.

Королевич помог принцессе подняться. Он ни словом не обмолвился, что её роскошное платье уже давно вышло из моды и выглядело очень нелепо. Но даже в этом старомодном наряде она выглядела лучше самых модных красавиц в мире.

В красивой дворцовой комнате они пообедали. Принц был очарован старинными кушаньями и музыкой, мелодию кото-

рой он помнил с детства. После обеда священник обвенчал молодого принца и принцессу в дворцовой церкви.

На следующий день принц отправился домой к своим родителям. Он решил сохранить от них своё приключение в секрете, поскольку его мать была злой женщиной, и говаривали даже, что она из породы людоедов. Кроме того, она отличалась вспыльчивостью и не любила, когда её сын делал что-то, не спросив предварительно у неё совета. Поэтому королевич сказал, что заблудился на охоте и провёл ночь в избушке лесника.

Никто ни о чём не догадывался, и так прошло два года. У принца и принцессы родилось двое детей. Старшую дочку они называли Утренней Зарёй, а второго ребёнка — сына — Ясным Днём.

Вскоре старый король умер, и принц унаследовал его трон. Он объявил о своей женитьбе и с пышной церемонией перевёз в замок своё маленькое семейство.

Некоторое время спустя, следующим летом, молодой король пошёл воевать. Отправляясь в поход, он поручил своей матери управлять государством в его отсутствие.

Как только он уехал, старая королева тотчас отослала принцессу с детьми в разрушенный дом посреди дремучего леса и через несколько дней приехала навестить их.

Она позвала повара и сказала ему:

— Подай мне завтра на обед Утреннюю Зарю.

— О, Ваше Величество! — вскрикнул повар.

— Исполни! — сказала королева страшным людоедским голосом. — И не забудь полить её сверху вкусным соусом.

Бедный повар, видя, что с людоедкой спорить бессмысленно и опасно, взял большой кухонный нож и пошёл в ком-

нату Утренней Зари. Увидя его, маленькая девочка засмеялась, радостно хлопала в ладоши и попросила рассказать ей сказку. Она была так прелестна и нежна, что повар не смог заставить себя сделать чёрное дело и убить её. Он со слезами выбежал из комнаты.

На скотном дворе он нашёл молодого барашка, зарезал его и приготовил на обед старой королеве. Между тем его жена спрятала Утреннюю Зарю на сеновале. Людоедка с большим удовольствием съела молодого барашка, приговаривая: «Никогда в жизни не едала такой вкуснятинки!»

В следующее воскресенье она опять позвала повара и сказала:

— Сегодня к ужину приготовь мне Ясный День!

Повар не стал с ней спорить, а взял и спрятал мальчика на сеновале. Потом приготовил под чудесным белым соусом молодого гуся и отдал его королеве. Людоедка была восхищена кулинарными способностями повара и осталась довольна. Прошло ещё некоторое время. Всё было спокойно. Но однажды злодейка опять заявила повару:

— Теперь я хочу съесть молодую королеву. Подай мне её под тем же вкусным соусом!

Это была трудная задача для повара. Молодой королеве было двадцать лет, не считая ста лет, которые она проспала. А животные на ферме были слишком молоды, и людоедка могла обнаружить обман.

Страшно боясь прогневить людоедку, повар решился-таки убить молодую королеву. Настроившись решительно, он ворвался к ней в комнату. Но увидев прекрасную королеву, он решил рассказать ей всё.

— Делай, как тебе велено! — сказала ему королева, гордо подняв голову.— Я с радостью умру, чтобы на том свете наконец-то встретиться с моими несчастными съеденными детьми.

Она не знала, что её дети живы и здоровы. Её храбрость обезоружила повара.

— О, нет, моя госпожа! — воскликнул он.— Я не могу сделать это. Вам не нужно умирать, чтобы увидеться со своими детьми. Я их надежно спрятал, и вас я спрячу тоже. А злой королеве вместо вас приготовлю на обед дикого оленя.

Он спрятал королеву на сеновале, а людоедке приготовил молодого оленя, которого та съела с огромным удовольствием. Старая карга решила, что когда вернётся её сын, она скажет, будто бы бешеные волки загрызли всю его семью.

Однажды она прогуливалась по двору и проходила мимо сеновала. Вдруг она услышала доносящийся оттуда детский смех и знакомый женский голос, успокаивающий детей. Без сомнения, это была молодая королева со своими детьми. Людоедка впала в бешенство, оттого что её обманули.

Она закричала диким голосом:

— Найдите самую большую и глубокую бочку в королевстве. Поставьте её во внутреннем дворе и к утру заполните её ядовитыми змеями, жабами, ящерицами и ехиднами. Бросьте туда молодую королеву с детьми и поваром. Я хочу посмотреть, как они будут умирать там в страшных муках.

На следующий день людоедские слуги приготовились бросить королеву с детьми и поваром в кишащую извивающимися змеями и отвратительными жабами бочку.

Но вдруг ворота замка распахнулись и в них въехал молодой король, вернувшийся с войны.

— Что это у вас тут готовится? — воскликнул он в изумлении.

Никто не посмел сказать ему правду, все стояли молча, потупив глаза. Старая людоедка поняла, что сейчас все её фокусы станут известны, и со злости, что она не добилась своего, прыгнула в бочку, где её тут же разорвали на части отвратительные ползучие твари.

Король поначалу опечалился, но потом, узнав всё, утешился и стал жить счастливо со своей прекрасной женой и двумя очаровательными детьми.

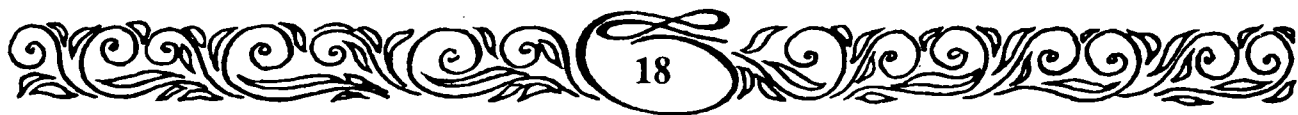
ОСЛИНАЯ ШКУРА

ил да был удачливый в делах, сильный, смелый, добрый король со своей прекрасной женой королевой. Его подданные обожали его. Его соседи и соперники преклонялись перед ним. Его жена была очаровательна и нежна, а их любовь была глубока и искренна. У них была единственная дочь, красота которой равнялась добродетели. Король с королевой любили её больше жизни.

Роскошь и изобилие царили во дворце повсюду, советники короля были мудры, слуги — трудолюбивы и верны, конюшни были полны самыми породистыми лошадьми, подвалы — неисчислимыми запасами еды и питья.

Но самое удивительное заключалось в том, что на самом видном месте, в конюшне, стоял обыкновенный серый длинноухий осел, которого обслуживали тысячи расторопных слуг. Это была не просто причуда короля. Дело заключалось в том, что вместо нечистот, которыми должна бы быть усеяна ослиная подстилка, каждое утро она была усыпана золотыми мо-

нетами, которые слуги ежедневно собирали. Так прекрасно шла жизнь в этом счастливом королевстве.

И вот однажды королева заболела. Съехавшиеся со всего света учёные искусные доктора не могли вылечить её. Она чувствовала, что приближается её смертный час. Позвав короля, она сказала:

— Я хочу, чтобы вы исполнили моё последнее желание. Когда после моей смерти вы женитесь...

— Никогда! — отчаянно перебил её впадавший в горе король.

Но королева, мягко остановив его жестом руки, продолжала твёрдым голосом:

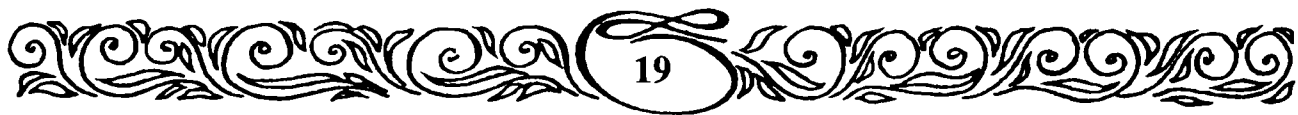
— Вы должны жениться вновь. Ваши министры правы, вы обязаны иметь наследника и должны обещать мне, что дадите согласие на брак только в том случае, если ваша избранница будет красивее и стройнее меня. Обещайте же мне это, и я умру спокойно.

Король торжественно пообещал ей это, и королева скончалась с блаженной уверенностью, что нет на свете другой такой же красивой, как она.

После её смерти министры сразу же стали требовать, чтобы король женился вновь. Король не хотел и слышать об этом, горюя целыми днями об умершей жене. Но министры не отставали от него, и он, поведав им последнюю просьбу королевы, сказал, что женится, если найдется такая же красивая, как она.

Министры стали подыскивать ему жену. Они навестили все семьи, где были дочери на выданье, но ни одна из них по красоте не могла сравниться с королевой.

Однажды, сидя во дворце и горюя по умершей жене, король увидел в саду свою дочь, и мрак застил ему разум.

Она была красивее своей матери, и обезумевший король решил жениться на ней.

Он сообщил ей о своём решении, и она впала в отчаянье и слёзы. Но ни что не могло изменить решение безумца.

Ночью принцесса села в карету и отправилась к своей крёстной матери Сирень-Волшебнице. Та успокоила её и научила, что делать.

— Выйти замуж за своего отца — большой грех,— сказала она,— поэтому мы сделаем так: ты не станешь ему перечить, но скажешь, что хочешь получить в подарок перед свадьбой платье цвета небосвода. Это невозможно сделать, он нигде не сможет найти такого наряда.

Принцесса поблагодарила волшебницу и поехала домой.

На следующий день она сказала королю, что согласится на брак с ним только после того, как он достанет ей платье, не уступающее по красоте небосводу. Король немедленно созвал всех самых искусных портных.

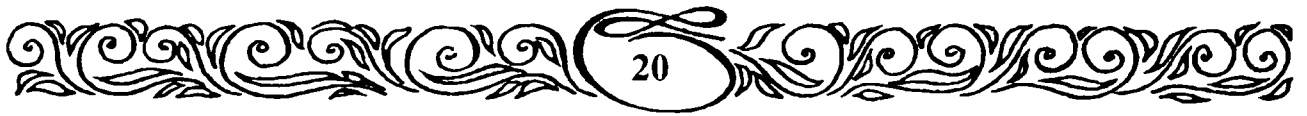
— Срочно сшейте для моей дочери такое платье, в сравнении с которым померк бы голубой небесный свод,— приказал он.— Если вы не выполните мой приказ, то вас всех повесят.

Вскоре портные принесли готовое платье. На фоне голубого небесного свода плыли лёгкие золотые облака. Платье было так прекрасно, что рядом с ним меркло всё живое.

Принцесса не знала, что делать. Она опять отправилась к Сирень-Волшебнице.

— Потребуй платье цвета месяца,— сказала крёстная.

Король, услышав от дочери эту просьбу, опять немедленно созвал самых лучших мастеров и таким грозным голосом отдал им распоряжение, что они сшили платье буквально на следующий день. Это платье было ещё лучше прежнего. Мяг-

кий блеск серебра и камней, которыми оно было расшито, так расстроил принцессу, что она в слезах скрылась в своей комнате. Сирень-Волшебница опять пришла на помощь крестнице:

— Теперь потребуй от него платье цвета солнца,— сказала она,— по крайней мере, это займёт его, а мы тем временем придумаем что-нибудь.

Влюблённый король, не колеблясь, отдал все бриллианты и рубины, чтобы украсить это платье. Когда портные принесли и развернули его, все придворные, видевшие его, сразу ослепли, так ярко оно сияло и переливалось. Принцесса, сказав, что от яркого блеска у неё разболелась голова, убежала в свою комнату. Появившаяся вслед за ней волшебница была крайне раздосадована и обескуражена.

— Ну, а теперь,— сказала она,— наступила самая переломная минута в твоей судьбе. Попроси у отца шкуру его любимого знаменитого осла, который снабжает его золотом. Вперёд, моя дорогая!

Принцесса высказала королю свою просьбу, и тот, хотя понимал, что это безрассудный каприз, не колеблясь отдал распоряжение убить осла. Бедное животное убили, а его шкуру торжественно преподнесли онемевшей от горя принцессе. Стеная и рыдая, она бросилась в свою комнату, где её ожидала волшебница.

— Не плачь, дитя моё,— сказала она,— если ты будешь храброй, горе сменится радостью. Завернись в эту шкуру и уходи отсюда. Иди, пока идут твои ноги и тебя несёт земля: Бог не оставляет добродетель. Если ты всё сделаешь, как я велю, Господь даст тебе счастье. Ступай. Возьми мою волшебную палочку. Вся твоя одежда будет следовать за тобой под

землѣй. Если ты захочешь что-нибудь надеть, стукни палочкой дважды по земле, и явится то, что тебе нужно. А теперь поспеши.

Принцесса надела на себя безобразную ослиную шкуру, вымазалась печной сажей и, никем не замеченная, выскользнула из замка.

Король был взбешён, когда обнаружил её исчезновение. Он разослал во все стороны сто девяносто девять солдат и тысячу сто девяносто девять полицейских, чтобы отыскать принцессу. Но всё было напрасно.

Тем временем принцесса бежала и бежала всё дальше, ища место для ночлега. Добрые люди давали ей еду, но она была такая грязная и страшная, что никто не хотел принять её к себе в дом.

Наконец она попала на большую ферму, где искали девочку, которая бы стирала грязные тряпки, мыла свиные корыта и выносила помои, словом, делала бы всю чёрную работу по дому. Увидев грязную безобразную девочку, фермер предложил ей наняться к нему, считая, что это как раз ей подходит.

Принцесса была очень рада, она усердно трудилась день-деньской среди овец, свиней и коров. И скоро, несмотря на её уродство, фермер с женой полюбили её за трудолюбие и усердие.

Однажды, собирая в лесу хворост, она увидела в ручье своё отражение. Мерзкая ослиная шкура, надетая на неё, привела её в ужас. Она быстро помылась и увидела, что её прежняя красота вернулась к ней. Возвращаясь домой, она опять вынуждена была надеть противную ослиную шкуру.

На следующий день был праздник. Оставшись одна в своей каморке, она достала волшебную палочку и, дважды стукнув ею по полу, вызвала к себе сундук с платьями. Вскоре, безукоризненно чистая, роскошная в своём платье цвета небосвода, вся в бриллиантах и кольцах, она любовалась собой в зеркале.

В это же время королевский сын, которому принадлежала эта местность, поехал на охоту. На обратном пути, уставший, он решил остановиться отдохнуть на этой ферме. Он был молод, красив, прекрасно сложен и добр сердцем. Жена фермера приготовила ему обед. После еды он пошёл осматривать ферму. Зайдя в длинный тёмный коридор, он увидел в глубине его маленькую запертую каморку и посмотрел в замочную скважину. Удивлению и восхищению его не было предела. Он увидел такую прекрасную и богато одетую девушку, какой не видел даже во сне. В ту же минуту он влюбился в неё и поспешил к фермеру узнать, кто эта прекрасная незнакомка. Ему ответили, что в каморке живёт девушка Ослиная Шкура, названная так потому, что она грязная и мерзкая до такой степени, что никто даже не может смотреть на неё.

Принц понял, что фермер и его жена ничего не знают об этой тайне и расспрашивать их бессмысленно. Он возвратился к себе домой в королевский дворец, но образ прекрасной божественной девушки постоянно терзал его воображение, не давая ни минуты покоя. От этого он занемог и слёг в ужасной горячке. Доктора были бессильны ему помочь.

— Возможно,— говорили они королеве,— вашего сына терзает какая-то ужасная тайна.

Взволнованная королева поспешила к сыну и стала умолять его поведать ей причину его горести. Она пообещала исполнить любое его желание.

— Матушка,— отвечал ей принц слабым голосом,— на ферме недалеко отсюда живёт страшная дурнушка по прозвищу Ослиная Шкура. Я хочу, чтобы она лично приготовила мне пирог. Может быть, когда я отведаю его, мне станет легче.

Удивлённая королева стала расспрашивать своих придворных, кто такая Ослиная Шкура.

— Ваше Величество,— объяснил ей один из придворных, который был однажды на этой дальней ферме.— Это ужасная, гнусная, чернокожая дурнушка, которая убирает навоз и кормит помоями свиней.

— Неважно, какая она,— возразила ему королева,— может быть, это и странный каприз моего больного сына, но раз он хочет этого, пусть эта Ослиная Шкура самолично испечёт для него пирог. Вы должны быстро доставить его сюда.

Через несколько минут скороход доставил королевский приказ на ферму. Услышав это, Ослиная Шкура очень обрадовалась такому случаю. Счастливая, она поспешила в свою каморку, заперлась в ней и, умывшись и одевшись в красивую одежду, принялась готовить пирог. Взяв самую белую муку и самые свежие яйца с маслом, она начала месить тесто. И тут, случайно или нарочно (кто знает?), у неё с пальца соскользнуло кольцо и упало в тесто. Когда пирог был готов, она напаялила свою уродливую засаленную ослиную шкуру и отдала пирог придворному скороходу, который поспешил с ним во дворец.

Принц с жадностью начал есть пирог, и вдруг ему попалось маленькое золотое колечко с изумрудом. Теперь он знал, что всё, что он увидел, не было сном. Колечко было такое маленькое, что могло налезть только на самый хорошенький пальчик на свете.

Принц постоянно думал и мечтал об этой сказочной красавице, и его опять схватила горячка, да ещё с гораздо большей силой, чем раньше. Как только король с королевой узнали, что их сын совсем тяжело заболел и нет надежды на его выздоровление, они в слезах прибежали к нему.

— Мой дорогой сын! — вскричал опечаленный король. — Скажи нам, чего ты желаешь? Нет на свете такой вещи, которую бы мы не достали для тебя.

— Мой любезный отец, — отвечал принц, — посмотрите на это колечко, оно даст мне выздоровление и исцелит меня от печали. Я хочу жениться на девушке, которой это колечко будет впору, и неважно кто она — принцесса или самая бедная крестьянка.

Король бережно взял колечко. Тотчас он разослал сотню барабанщиков и глашатаев, чтобы всех оповестили о королевском указе: та девушка, на пальчик которой наденется золотое колечко, станет невестой принца.

Сначала явились принцессы, потом пришли герцогини, баронессы и маркизы. Но никто из них не смог надеть кольцо. Крутили пальцами и старались натянуть кольцо актрисы и белошвейки, но их пальцы были слишком толстыми. Затем дело дошло до горничных, кухарок и пастушек, но и их постигла неудача.

Об этом доложили принцу.

— А приходила ли примерять колечко Ослиная Шкура?

Придворные захохотали и отвечали, что она слишком грязна, чтобы появиться во дворце.

— Найдите её и приведите сюда,— распорядился король,— колечко должны примерить все без исключения.

Ослиная Шкура слышала бой барабанов и крики глашатаев и поняла, что это её колечко вызвала такую суматоху. Как только она услышала, что в её дверь стучат, она вымылась, причесалась и красиво оделась. Затем накинула на себя шкуру и открыла дверь. Посланные за ней придворные с хохотом повели её во дворец к принцу.

— Это вы живете в маленькой каморке в углу конюшни? — спросил он.

— Да, Ваше Высочество,— ответила замарашка.

— Покажите мне вашу руку,— попросил принц, испытывая небывалое прежде волнение. Но каково же было изумление короля с королевой и всех придворных, когда из-под грязной вонючей ослиной шкуры высунулась маленькая белая ручка, на пальчик которой без труда скользнуло золотое колечко, оказавшееся впору. Принц упал перед ней на колени. Бросившись поднимать его, замарашка наклонилась, ослиная шкура соскользнула с неё, и всем предстала девушка такой восхитительной красоты, которая бывает только в сказках. Одета в платье цвета солнца, она вся блистала, её щекам позавидовали бы самые лучшие розы королевского сада, а её глаза цвета голубого неба блестели ярче самых крупных бриллиантов королевской казны. Король сиял. Королева захлопала в ладоши от радости. Они стали умолять её выйти замуж за их сына.

Не успела принцесса ответить, как с небес спустилась Сирень-Волшебница, расточая вокруг нежнейший аромат цве-

тов. Она поведала всем историю Ослиной Шкуры. Король с королевой были безмерно счастливы, что их будущая невестка происходит из такого богатого и знатного рода, а принц, услышав о её храбрости, влюбился в неё ещё сильнее.

В разные страны полетели приглашения на свадьбу. Первому послали приглашение отцу принцессы, но не написали, кто невеста. И вот наступил день свадьбы. Со всех сторон съехались на неё короли и королевы, принцы и принцессы. Кто приехал в золочёных каретах, кто на огромных слонах, свирепых тиграх и львах, кто прилетел на быстрых орлах. Но самым богатым и могущественным явился отец принцессы. Он приехал со своей новой женой красивой вдовой королевой. С огромной нежностью и радостью он узнал свою дочь и тотчас благословил её на этот брак. В качестве свадебного подарка он объявил, что его дочь с этого дня правит его королевством.

Три месяца продолжалось это знаменитое пиршество. А любовь молодого принца с молодой принцессой продолжалась долго-долго, пока в один прекрасный день не умерла вместе с ними.

МАРЬЯ МОРЕВНА

некотором царстве, в некотором государстве жил-был Иван-царевич; у него было три сестры: одна Марья-царевна, другая Ольга-царевна, третья Анна-царевна. Отец и мать у них померли; умирая, они сыну наказывали:

— Кто первый за твоих сестёр станет свататься, за того и отдавай — при себе не держи долго!

Царевич похоронил родителей и с горя пошёл с сёстрами во зелёный сад погулять.

Вдруг находит на небо туча чёрная, встаёт гроза страшная.

— Пойдёмте, сестрицы, домой! — говорит Иван-царевич. Только пришли во дворец — как грянул гром, раздвоился потолок, и влетел к ним в горницу ясен сокол, ударился сокол об пол, сделался добрым молодцем и говорит:

— Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я ходил гостем, а теперь пришёл сватом; хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать.

— Коли люб ты сестрице, я её не унимаю — пусть с Богом идёт!

Марья-царевна согласилась; сокол женился и унёс её в свое царство.

Дни идут за днями, часы бегут за часами — целого года как не бывало; пошёл Иван-царевич с двумя сестрами во зелёный сад погулять. Опять встает туча с вихрем, с молнией.

— Пойдемте, сестрицы, домой! — говорит царевич. Только пришли во дворец — как ударил гром, распалася крыша, раздвоился потолок, и влетел орёл; ударился об пол и сделался добрым молодцем:

— Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом.

И посватал он Ольгу-царевну. Отвечает Иван-царевич:

— Если ты люб Ольге-царевне, то пусть за тебя идёт; я с неё воли не снимаю.

Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замуж; орёл подхватил её и унёс в своё царство.

Прошёл ещё один год; говорит Иван-царевич своей младшей сестрице:

— Пойдём во зелёном саду погуляем!

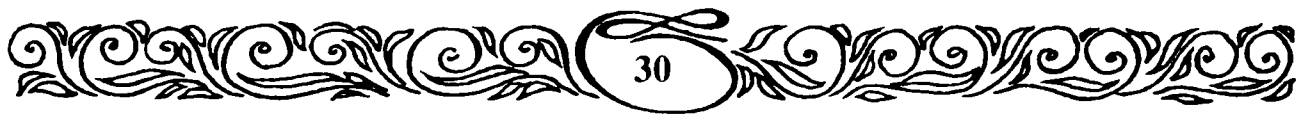
Погуляли немножко; опять встает туча с вихрем, с молнией.

— Вернёмся, сестрица, домой!

Вернулись домой, не успели сесть — как ударил гром, раздвоился потолок и влетел ворон; ударился ворон об пол и сделался добрым молодцем: прежние были хороши собой, а этот ещё лучше.

— Ну, Иван-царевич, прежде я гостем ходил, а теперь пришёл сватом: отдай за меня Анну-царевну.

— Я с сестрицы воли не снимаю; коли ты полюбился ей, пусть идёт за тебя.

Вышла за ворона Анна-царевна, и унёс он её в своё государство.

Остался Иван-царевич один; целый год жил без сестёр, и сделалось ему скучно. «Пойду, говорит, искать сестриц». Собрался в дорогу, шёл, шёл и видит — лежит в поле рать-сила побитая. Спрашивает Иван-царевич:

— Коли есть тут жив человек — отзовися! Кто побил это войско великое?

Отозвался ему жив человек:

— Всё это войско великое побила Марья Моревна, прекрасная королева.

Пустился Иван-царевич дальше, наезжал на шатры белые, выходила к нему навстречу Марья Моревна, прекрасная королева:

— Здравствуй, царевич, куда тебя Бог несёт — по воле аль по неволе?

Отвечал ей Иван-царевич:

— Добрые молодцы по неволе не ездят!

— Ну, коли дело не к спеху, погости у меня в шатрах.

Иван-царевич тому и рад, две ночи в шатрах ночевал, полюбился Марье Моревне и женился на ней.

Марья Моревна, прекрасная королева, взяла его с собой в своё государство; пожили они вместе сколько-то времени, и вздумалось королевне на войну собираться; покидает она на Ивана-царевича всё хозяйство и приказывает:

— Везде ходи, за всем присматривай, только в этот чулан не моги заглядывать!

Он не вытерпел, как только Марья Моревна уехала, тотчас бросился в чулан, отворил дверь, глянул — а там висит Ко-

щей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован. Просит Кощей у Ивана-царевича:

— Сжался надо мной, дай мне напиться! Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил — совсем в горле пересохло!

Царевич подал ему целое ведро воды; он выпил и ещё запросил:

— Мне одним ведром не залить жажды; дай ещё!

Царевич подал другое ведро; Кощей выпил и запросил третье, а как выпил третье ведро — взял свою прежнюю силу, тряхнул цепями и сразу все двенадцать порвал.

— Спасибо, Иван-царевич! — сказал Кощей Бессмертный. — Теперь тебе никогда не видать Марьи Моревны, как ушей своих! — и страшным вихрем вылетел в окно, нагнал на дороге Марью Моревну, прекрасную королевну, подхватил её и унёс к себе. А Иван-царевич горько-горько заплакал, снарядился и пошёл в путь-дорогу:

— Что ни будет, а разыщу Марью Моревну!

Идёт день, идёт другой, на рассвете третьего видит чудесный дворец, у дворца дуб стоит, на дубу ясен сокол сидит. Слетел сокол с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Ах, шурин мой любезный! Как тебя Господь милует?

Выбежала Марья-царевна, встрела Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье расспрашивать, про своё житьё-бытьё рассказывать. Погостил у них царевич три дня и говорит:

— Не могу у вас гостить долго; я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королевну.

— Трудно тебе сыскать её,— отвечает сокол.— Оставь здесь на всякий случай свою серебряную ложку: будем на неё смотреть, про тебя вспоминать.

Иван-царевич оставил у сокола свою серебряную ложку и пошёл в дорогу.

Шёл он день, шёл другой, на рассвете третьего видит дворец ещё лучшего первого, возле дворца дуб стоит, на дубу орёл сидит. Слетел орёл с дерева, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Вставай, Ольга-царевна! Милый наш братец идет.

Ольга-царевна тотчас прибежала навстречу, стала его целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про своё житьё-бытьё рассказывать. Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

— Дольше гостить мне некогда; я иду искать жену мою Марью Моревну, прекрасную королевну.

Отвечает орёл:

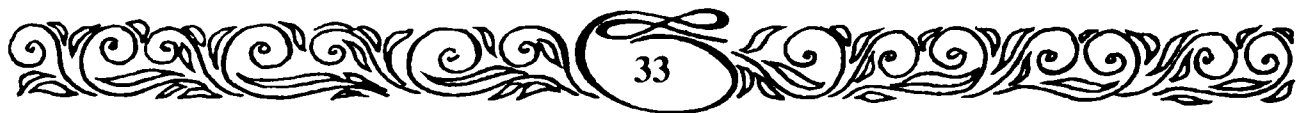
— Трудно тебе сыскать её; оставь у нас серебряную вилку: будем на неё смотреть, тебя вспоминать.

Он оставил серебряную вилку и пошел в дорогу.

День шёл, другой шёл, на рассвете третьего видит дворец лучше первых двух, возле дворца дуб стоит, на дубу ворон сидит. Слетел ворон с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Анна-царевна! Поскорей выходи, наш братец идёт.

Выбежала Анна-царевна, встрела его радостно, стала целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про своё житьё-бытьё рассказывать. Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

— Прощайте! Пойду жену искать — Марью Моревну, прекрасную королевну.

Отвечает ворон:

— Трудно тебе сыскать её; оставь-ка у нас серебряную табакерку: будем на неё смотреть, тебя вспоминать.

Царевич отдал ему серебряную табакерку, попрощался и пошёл в дорогу.

День шёл, другой шёл, а на третий добрался до Марьи Моревны. Увидала она своего милого, бросилась к нему на шею, залилась слезами и промолвила:

— Ах, Иван-царевич! Зачем ты меня не послушался — посмотрел в чулан и выпустил Кощея Бессмертного?

— Прости, Марья Моревна! Не поминай старого, лучше поедem со мной, пока не видать Кощея Бессмертного; авось не догонит!

Собрались и уехали, а Кощей на охоте был; к вечеру он домой ворочается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгoду?

Отвечает конь:

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну увёз.

— А можно ли их догнать?

— Можно пшеницы засеять, дождаться, пока она вырастет, сжать её, смолотить, в муку обратить, пять печей хлеба наготовить, тот хлеб поест, да тогда вдогонь ехать — и то поспеем!

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича:

— Ну, говорит, первый раз тебя прощаю за твою доброту, что водой напоил; и в другой раз прощу, а в третий берегись — на куски изрублю!

Отнял у него Марью Моревну и увез; а Иван-царевич сел на камень и заплакал.

Поплакал-поплакал и опять воротился назад за Марьей Моревною; Кощей Бессмертного дома не случилось.

— Поедем, Марья Моревна!

— Ах, Иван-царевич! Он нас догонит.

— Пускай догонит; мы хоть часок-другой проведем вместе.

Собрались и уехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгону?

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

— А можно ли догнать их?

— Можно ячменю засеять, подождать, пока он вырастет, сжать-смототить, вина наварить, допьяна напиться, до отвала выпасться, да тогда вдогонь ехать — и то поспеем!

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича:

— Ведь я ж говорил, что тебе не видать Марьи Моревны, как ушей своих!

Отнял её и увез к себе.

Остался Иван-царевич один, поплакал-поплакал и опять воротился за Марьей Моревною; на пору Кощея дома не случилось.

— Поедем, Марья Моревна!

— Ах, Иван-царевич! Ведь он догонит, тебя в куски изрубит.

— Пускай изрубит! Я без тебя жить не могу.

Собрались и поехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты спотыкаешься? Али чуешь какую невзгону?

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича, изрубил его в мелкие куски и поклат в смолёную бочку; взял эту бочку, скрепил железными обручами и бросил в синее море, а Марью Моревну к себе увёз.

В то самое время у зятьёв Ивана-царевича серебро почернело.

— Ах,— говорят они,— видно, беда приключилась!

Орёл бросился на синее море, схватил и вытащил бочку на берег, сокол полетел за живой водою, а ворон за мёртвою. Слетелись все трое в одно место, разбили бочку, вынули куски Ивана-царевича, перемили и склади, как надобно. Ворон брызнул мёртвой водою — тело срослось, съединилось; сокол брызнул живой водою — Иван-царевич вздрогнул, встал и говорит:

— Ах, как я долго спал!

— Ещё бы дольше проспал, если б не мы! — отвечали зятья.— Пойдём теперь к нам в гости.

— Нет, братцы! Я пойду искать Марью Моревну.

Приходит к ней и просит:

— Разузнай у Кощея Бессмертного, где он достал себе такого доброго коня.

Вот Марья Моревна улучила добрую минуту и стала Кощея выпрашивать. Кощей сказал:

— За тридевять земель в тридесятом царстве, за огненной рекою живёт баба-яга; у ней есть такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света облетает. Много у ней и других славных кобылиц; я у ней три дня пастухом был, ни одной кобылицы не упустил, и за это баба-яга дала мне одного жеребёночка.

— Как же ты через огненную реку переправился?

— А у меня есть такой платок — как махну в правую сторону три раза, сделается высокий-высокий мост, и огонь его не достанет!

Марья Моревна выслушала, пересказала всё Ивану-царевичу и платок унесла да ему отдала.

Иван-царевич переправился через огненную реку и пошёл к бабе-яге. Долго шёл он не пивши, не евши. Попалась ему навстречу заморская птица с малыми детками. Иван-царевич говорит:

— Съем-ка я одного цыплёночка.

— Не ешь, Иван-царевич! — просит заморская птица. — В некоторое время я пригожусь тебе.

Пошёл он дальше; видит в лесу улей пчёл.

— Возьму-ка я, — говорит, — сколько-нибудь медку.

Пчелиная матка отзывается:

— Не тронь моего мёду, Иван-царевич! В некоторое время я тебе пригожусь.

Он не тронул и пошёл дальше; попадает ему навстречу львица со львёнком.

— Съем я хоть этого львёнка; есть так хочется, ажно тошно стало!

— Не тронь, Иван-царевич, — просит львица. — В некоторое время я тебе пригожусь.

— Хорошо, пусть будет по-твоему!

Побрёл голодный, шёл, шёл — стоит дом бабы-яги, кругом дома двенадцать шестов, на одиннадцати шестах по человеческой голове, только один незанятый.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, Иван-царевич! Пошто пришёл — по своей доброй воле аль по нужде?

— Пришёл заслужить у тебя богатырского коня.

— Изволь, царевич! У меня ведь не год служить, а всего-то три дня; если упасёшь моих кобылиц — дам тебе богатырского коня, а если нет, то не гневайся — торчать твоей голове на последнем шесте.

Иван-царевич согласился; баба-яга его накормила-напоила и велела за дело приниматься. Только что выгнал он кобылиц в поле, кобылицы задрали хвосты и все врозь по лугам разбежались; не успел царевич глазами вскинуть, как они совсем пропали. Тут он заплакал-запечалился, сел на камень и заснул. Солнышко уже на закате, прилетела заморская птица и будит его:

— Вставай, Иван-царевич! Кобылицы теперь дома.

Царевич встал, воротился домой; а баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем вы домой воротились?

— Как же нам было не воротиться? Налетели птицы со всего света, чуть нам глаза не выклевали.

— Ну, вы завтра по лугам не бегайте, а рассыптесь по дремучим лесам.

Переспал ночь Иван-царевич; наутро баба-яга ему говорит:

— Смотри, царевич, если не упасёшь кобылиц, если хоть одну потеряешь — быть твоей буйной головушке на шесте!

Погнал он кобылиц в поле; они тотчас задрали хвосты и разбежались по дремучим лесам. Опять сел царевич на камень, плакал-плакал, да и уснул. Солнышко село за лес; прибежала львица:

— Вставай, Иван-царевич! Кобылицы все собраны.

Иван-царевич встал и пошёл домой; баба-яга пуще прежнего и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем домой воротились?

— Как же нам было не воротиться? Набежали лютые звери со всего света, чуть нас совсем не разорвали.

— Ну, вы завтра забегите в сине море.

Опять переспал ночь Иван-царевич; наутро посылает его баба-яга кобылиц пасти:

— Если не упасёшь — быть твоей буйной головушке на шесте.

Он погнал кобылиц в поле; они тотчас задрали хвосты, скрылись с глаз и забежали в сине море; стоят в воде по шею. Иван-царевич сел на камень, заплакал и уснул. Солнышко за лес село, прилетела пчёлка и говорит:

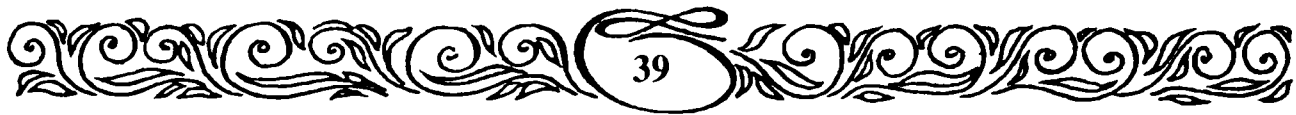
— Вставай, царевич! Кобылицы все собраны; да как воротись домой, бабе-яге на глаза не показывайся, пойдёшь в конюшню и спрячешься за яслями. Там есть паршивый жеребёнок — в навозе валяется; ты украдь его и в глухую полночь уходи из дому.

Иван-царевич встал, пробрался в конюшню и улёгся за яслями; баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем воротились?

— Как же нам было не воротиться? Налетело пчёл видимо-невидимо со всего света и давай нас со всех сторон жалить до крови!

Баба-яга уснула, а самую полночь Иван-царевич украл у неё паршивого жеребёнка, оседлал его, сел и поскакал к огненной реке. Доехал до той реки, махнул три раза платком в правую сторону — и вдруг, откуда ни взялся, повис через ре-

ку высокий, славный мост. Царевич переехал по мосту и махнул платком на левую сторону только два раза — остался через реку мост тоненький-тоненький! Поутру пробудилась баба-яга — паршивого жеребёнка видом не видать! Бросилась в погоню; во весь дух на железной ступе скачет, пестом погоняет, помелом след замечает. Прискакала к огненной реке, взглянула и думает: «Хорош мост!» Поехала по мосту, только добралась до середины — мост обломился, и баба-яга чебурах в реку; тут ей и лютая смерть приключилась! Иван-царевич откормил жеребёнка в зелёных лугах; стал из него чудный конь.

Приезжает царевич к Марье Моревне; она выбежала, бросилась к нему на шею:

— Как тебя Бог сохранил?

— Так и так, говорит. Поедем со мной.

— Боюсь, Иван-царевич! Если Кощей догонит, быть тебе опять изрублену.

— Нет, не догонит! Теперь у меня славный богатырский конь, словно птица летит.

Сели они на коня и поехали. Кощей Бессмертный домой ворочается, под ним конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

— Иван-царевич приезжал, Марью Моревну увёз.

— А можно ли их догнать?

— Бог знает! Теперь у Ивана-царевича конь богатырский лучше меня.

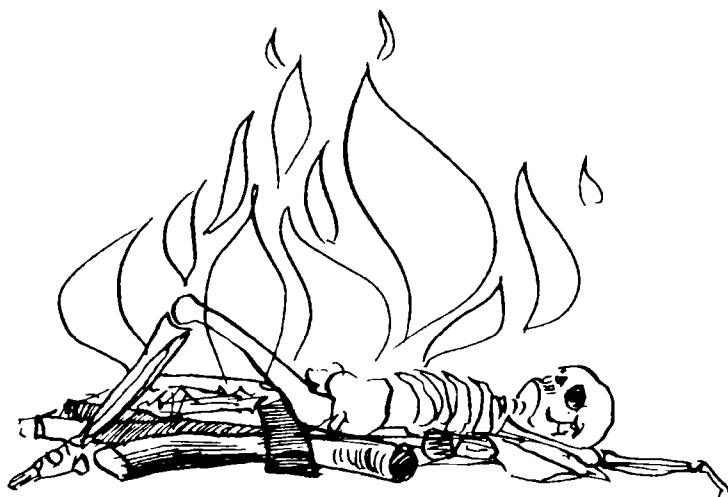
— Нет, не утерплю, — говорит Кощей Бессмертный, — поеду в погоню.

Долго ли, коротко ли — нагнал он Ивана-царевича, соскочил наземь и хотел было сечь его острой саблею; в те поры конь Ивана-царевича ударил со всего размаху копытом Кощея Бессмертного и разmozжил ему голову, а царевич доконал его палицей. После того наклац царевич грудуд дров, развёл огонь, спалил Кощея Бессмертного на костре и самый пепел его пустил по ветру.

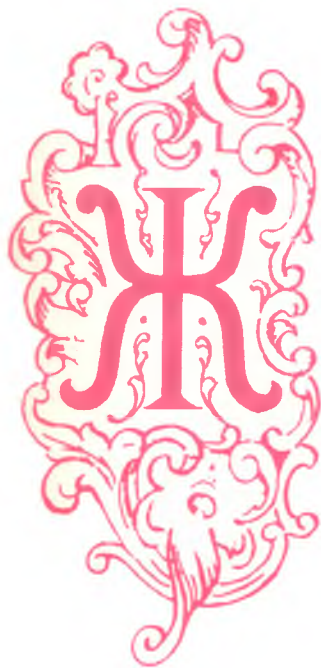
Марья Моревна села на Кощеева коня, а Иван-царевич на своего, и поехали они в гости сперва к ворону, потом к орлу, а там и к соколу. Куда ни приедут, всюду встречают их с радостью:

— Ах, Иван-царевич, а уж мы не чаяли тебя видеть. Ну, да недаром же ты хлопотал: такой красавицы, как Марья Моревна, во всём свете поискать — другой не найти!

Погостили они, попиrowали и поехали в своё царство; приехали и стали себе жить-поживать, добра наживать да медок попивать.

КУЗЬМА И ЛИС

ил-был фермер с женой, и был у них сынок по имени Кузьма. Мальчик он был хороший, да только ленивый, никак не хотел работать. Однажды жена фермера сказала:

— Не нужен нам такой ленивец, пусть идёт и попытает счастья на стороне.

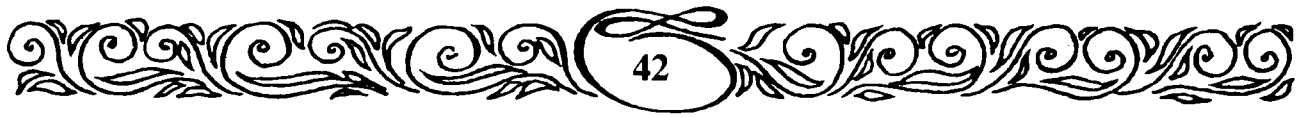
Фермер согласился и отвёл Кузьму в лес. Он построил ему хижину и дал старую лошадь, пять цыплят и глупого петуха.

Там Кузьма и жил, день за днём проводя в безделье. Однажды к хижине подошёл лис, учуяв запах цыплят. И когда Кузьма ушёл на охоту, он пробрался в хижину и стащил одного цыплёнка. Вернувшись с охоты Кузьма очень удивился: что за вор побывал в его домике? На следующий день он опять отправился на охоту и по пути встретил лиса. Хитро улыбаясь, лис поинтересовался:

— Как идет охота?

— Отлично,— ответил Кузьма.

— Желаю удачи,— ухмыляясь, пожелал лис. Затем он быстро побежал к хижине и украл ещё одного цыплёнка. Вернувшись домой и обнаружив пропажу ещё одного цыплёнка,

Кузьма очень огорчился: «Может быть, это проделки лиса?» — подумал он.

На другой день он, перед тем как уйти, запер все окна и двери. По пути он опять встретил лиса. Хитрый лис опять поинтересовался, как идёт охота и, пожелав Кузьме удачи, стремглав бросился к хижине. Но как он ни пытался пролезть в дом, он не мог: окна и двери были крепко закрыты. Вдруг он увидел на крыше печную трубу и решил проникнуть в дом через дымоход.

А Кузьма в это время на охоту не пошёл, а притаился в кустах и всё видел.

— Ну, теперь уж я поймаю тебя, противный воришка! — закричал Кузьма. — Сейчас я тебе задам!

— О, пожалуйста, добренький Кузьма, не убивай меня, — запричитал лис жалостливым голосом. — Теперь тебе не придётся работать. Всё, что тебе нужно будет сделать, это заплатить мне вперёд за мою работу. Зажарь мне в свежем сливочном масле самого толстого цыплёнка.

Кузьма, пораскинув умом, решил рискнуть. Он зажарил цыплёнка и досыта накормил лиса. Наевшись, лис сказал:

— За этим лесом расположено королевство короля Громовержца и королевы Молнии. У них есть дочь — красавица из красавиц. Она добра, богата и вскоре станет твоей женой.

— Что-что? Принцесса выйдет за меня замуж?! — захохотал Кузьма.

— Вот увидишь! — сказал лис. — Я дал тебе слово и сдержу его.

И лис побежал прямо в королевский дворец. Вбежав в тронный зал, лис учтиво поклонился и вежливо сказал:

— Приветствую вас, Ваше Высочество король Громовержец и королева Молния.

— Здравствуй, маленький лис,— ответил король.— Что тебе нужно?

— Я пришёл к вам со сватовством. У вас есть прекрасная девушка, а у меня отличный жених для неё.

— Но почему он не пришёл сам? С ним что-нибудь случилось? — спросил король, удивившись учтивости лиса.

— Сейчас он не может покинуть свои владения,— отвечал лис.— Он правит всеми дикими зверями и должен за ними следить.

— Странное занятие для моего будущего зятя,— сказал король.— Пусть он пришлёт мне сорок раз по сорок волков. Тогда, может быть, я и соглашусь выдать свою дочь за него замуж.

Лис побежал в самую гущу леса. Там он начал весело распевать песню о том, как сытно он сегодня поел.

Услышав эту песню, к лису подошёл волк и спросил, где это ему удалось так хорошо пообедать?

— Я был на королевском банкете для зверей,— сказал лис.— Почему ты не пришёл туда? Я никогда не видел столько вкуснятины и такого количества зверей, явившихся туда.

— Как я люблю пиршества,— мечтательно произнёс волк.— Возьми меня туда с собой в следующий раз.

— Хорошо,— сказал лис.— Но королевский повар не будет готовить ужин для одного. Он готовит обычно для целой стаи. Завтра в полдень приведи сюда ко мне сорок раз по сорок волков, и мы все вместе пойдём во дворец. Мы отлично проведём там время.

На следующий день в лесу в назначенном месте собралась огромная стая волков. Лис повёл их во дворец, выстроив в шеренгу по сорок.

— Ваше Сомневающееся Высочество,— сказал он.— Здесь то, что вы просили. Сосчитайте их. Ваш будущий зять посылает их вам, в знак своего уважения.

— Спасибо,— сказал польщённый король.— Загоните их на скотный двор. Я вижу, что у моего будущего зятя отличные звери. Почему бы ему не прислать мне в подарок такое же количество медведей?

Лис побежал к Кузьме и сказал:

— Я голоден. Чтобы мои замыслы удались, я должен выглядеть сытым. Зарежь мне ещё одного цыплёнка на ужин, пожалуйста.

Наевшись, лис побежал в королевский лес. Он развалился под деревом и стал громким голосом распевать о том, как сытно он сегодня наелся. Его песню слышал медведь и подошёл узнать у него, где это он побывал.

— Ты такой толстый, сразу видно, что сытно поел,— сказал медведь.— Где это тебе удалось?

— Я только что вернулся с королевского банкета для зверей,— сказал лис, облизывая свои лапы.— Какая жалость, я уже не мог съесть ни крошечки. А банкет ещё продолжается.

— Вот это да! — мечтательно сказал медведь.— А медведи могут пойти на банкет?

— Если со мной, то, конечно,— сказал лис.— Но дело в том, что королевский повар готовит только для целой стаи. Давай встретимся завтра. Ты захвати с собой сорок раз по сорок медведей, а я отведу вас во дворец.

На следующий день ровно тысяча шестьсот медведей ждали лиса на поляне. Лис повёл их во дворец, построив в шеренгу по сорок. Зайдя в тронный зал, лис, поклонившись королю, сказал:

— Ваше Высочество, медведи прибыли.

— Отлично,— сказал король и велел слугам отвести зверей на скотный двор.— Ну, а теперь я хочу получить сорок раз по сорок норок и тогда сразу же объявлю о свадьбе.

Лис опрометью помчался к Кузьме.

— Покорми меня ещё раз,— попросил он.— Я должен выглядеть упитанным, чтобы нам повезло в наших делах.

Кузьма зажарил ему последнего цыплёнка и глупого петуха. Лис, наевшись, побежал опять в королевский лес. Он, повалившись под деревом, опять заголосил песню о том, как он отлично наелся сегодня. Вскоре перед ним появилась норка и спросила, где это ему удалось сегодня поесть?

— Сегодня на королевском банкете для зверей. Было множество блюд из форели,— сказал лис.

— А почему же не пригласили меня? — удивилась норка.

— Не знаю,— ответил лис,— но завтра опять будет банкет по случаю бракосочетания королевской дочери. Если хочешь, я отведу тебя во дворец. Но чтобы было веселее, возьми с собой сорок раз по сорок норок.

На следующий день, выйдя из дворца, король увидел шествующих на скотный двор сорок раз по сорок норок. Он сказал лису:

— Завтра будет официально объявлено о помолвке моей дочери с твоим господином. Скажи ему, что я приглашаю его на обед по этому случаю.

На следующий день лис явился к королю и с озабоченным видом сказал:

— Мой господин очень извиняется, что не сможет сегодня явиться к вам.

— Почему? — спросил король.

— Он хотел приподнести в подарок половину своего золота, но у него не нашлось достаточно больших ёмкостей, чтобы взвесить его. Если вы можете одолжить ему свои огромные корзины для взвешивания, дело пойдёт быстрее.

— Корзины? — изумился король. — Хорошо, возьми их.

Он был в восторге от того, что у него будет зять, который меряет золото корзинами. На следующий день лис опять прибежал во дворец и сказал:

— Ваше Высочество, ваш будущий зять сегодня прибудет к вам. Он решил привезти всё своё золото, а вы возьмёте столько, сколько вам захочется.

Король радостно захлопал в ладоши. Лис побежал в хижину Кузьмы.

— Свершилось! — ещё с порога закричал он. — Сегодня ты должен жениться на дочери короля Громовержца и королевы Молнии. Готовься, сейчас едем.

— Ты уверен, что ты не сошёл с ума? — спросил Кузьма. — Как я могу поехать к королю? У меня даже нет хорошей одежды!

— Не думай об этом, — сказал лис. — Седлай свою старую клячу и захвати с собой пилу. Остальное предоставь мне.

Кузьма послушался лиса. Он сел на свою старую лошадь и поехал за лисом. Доехав до моста через реку, лис сказал Кузьме:

— Видишь столбы, которые держат мост? Пойди и подпили их.

Кузьма исполнил его приказание, и подпиленный мост рухнул в реку.

— Теперь,— сказал лис,— раздевайся. Отправь свою лошадь домой и утопи в реке свои лохмотья. Стой в воде, пока твоя кожа не посинеет. Затем вскарабкайся вон на то бревно, плывущее по течению, и жди меня. Это последняя работа в твоей жизни, я обещаю тебе это.

Кузьма почесал в недоумении за ухом, однако всё исполнил в точности.

Лис помчался во дворец, громко вопя:

— Караул!!! Караул!!! Ваше добрейшее Высочество! Помогите! Какая ужасная трагедия! Всё потеряно, он погибает!

— Что случилось? — закричал король.

— Вы знаете мост через реку, недалеко от вашего дворца? Он рухнул! Он не выдержал огромного количества золота, которое вёз вам ваш будущий зять. Мой господин упал в воду. Золото, лошади, слуги — всё утонуло,— причитал лис.

Король пришёл в ужас от происшедшего, ему было также очень стыдно за свой старый мост. Он послал слуг с сухой одеждой для своего будущего зятя.

Слуги нашли Кузьму, едва живого от холода. Они растёрли его душистыми мазями и одели в королевские одежды.

Когда король увидел Кузьму — статного и красивого в роскошных одеждах, он крепко обнял его. Он пообещал ему срочно сделать новый мост и попросил прощения за то, что стал виновником его несчастья. Кузьма милостиво простил его.

Зазвенели колокола, засверкал фейерверк, и Кузьма женился на дочери короля и зажил счастливо. Лиса он взял с собой во дворец и до конца дней его кормил жареными цып-лятами на свежем сливочном масле.

КОТ В САПОГАХ

было у мельника три сына, и оставил он им, умирая, всего только мельницу, осла и кота.

Братья поделили между собой отцовское добро без нотариуса и судьи, которые бы живо проглотили всё их небогатое наследство. Старшему досталась мельница. Среднему — осёл. Ну, а уж младшему пришлось взять себе кота.

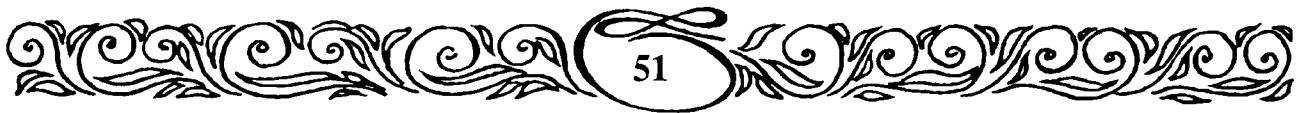
Бедняга долго не мог утешиться, получив такую жалкую долю наследства.

— Братья могут честно заработать себе на хлеб,— говорил он.— А что станется со мной после того, как я съем своего кота и сделаю из его шкурки муфту? Прямо хоть помирай с голоду.

Кот услышал эти слова, но виду не подал, а сказал спокойно и рассудительно:

— Не печальтесь, хозяин. Дайте-ка мне мешок, да закажите пару сапог, чтобы легче было бродить по лесу, и вы увидите, что вас не так уж и обделили, как вам это сейчас кажется.

Хозяин кота и сам не знал, верить этому или нет, но он хорошо помнил, на какие хитрости пускался этот плут, когда охотился на крыс и мышей, как ловко он прикидывался мёрт-

вым, то повиснув на задних лапках, то зарывшись чуть ли не с головой в муку. Кто его знает, а вдруг и в самом деле он чем-нибудь поможет в беде!

Едва кот получил всё, что ему было надобно, он живо обулся, молодецки притопнул, перекинул через плечо мешок и, придерживая его за шнурки передними лапами, зашагал в заповедный лес, где водилось много кроликов. А в мешке у него были отруби и заячья капуста.

Растянувшись на траве и притворившись мёртвым, он стал поджидать, когда какой-нибудь глупый кролик, ещё не успевший испытать на собственной шкуре, как зол и коварен свет, заберётся в мешок, чтобы полакомиться припасённым для него угощением.

Долго ждать ему не пришлось: какой-то молоденький доверчивый простачок-кролик сразу же прыгнул в мешок.

Недолго думая, кот затянул шнурки и покончил с кроликом безо всякого милосердия.

После этого, гордый своей добычей, он отправился прямо во дворец и попросил приёма у короля.

Его ввели в королевские покои. Он отвесил его величеству почтительный поклон и сказал:

— Государь, вот кролик из лесов маркиза де Карабаса (такое имя выдумал он для своего хозяина). Мой господин приказал мне преподнести вам этот скромный подарок.

— Поблагодари своего господина,— ответил король,— и скажи ему, что он доставил мне большое удовольствие.

Несколько дней спустя кот пошёл на поле и там, спрятавшись среди колосьев, опять открыл свой мешок.

На этот раз к нему в ловушку попались две куропатки. Он живо затянул шнурки на мешке и понёс обеих к королю.

Король охотно принял и этот подарок и приказал наградить кота.

Так прошло два или три месяца. Кот то и дело приносил королю дичь, будто бы убитую на охоте его хозяином, маркизом де Карабасом.

И вот как-то раз кот узнал, что король вместе со своей дочкой, самой прекрасной принцессой на свете, собирается совершить прогулку в карете по берегу реки.

— Согласны вы послушаться моего совета? — спросил он своего хозяина. — В таком случае счастье у вас в руках. Всё, что от вас требуется, — это пойти купаться на реку, туда, куда я вам укажу. Остальное предоставьте мне.

Маркиз де Карабас послушно исполнил всё, что посоветовал ему кот, хоть он вовсе и не догадывался, для чего это нужно. В то время как он купался, королевская карета выехала на берег реки.

Кот со всех ног бросился к ней и закричал что было мочи: — Сюда, сюда! Помогите! Маркиз де Карабас тонет!

Король услышал этот крик, приоткрыл дверцу кареты и, узнав кота, который столько раз приносил ему в подарок дичь, сейчас же послал свою стражу выручать маркиза де Карабаса.

Пока бедного маркиза вытаскивали из воды, кот успел рассказать королю, что у его господина во время купанья воры украли всё до нитки. (А на самом деле хитрец собственными лапами припрятал хозяйское платье под большим камнем.)

Король немедленно приказал своим придворным принести для маркиза де Карабаса один из лучших нарядов королевского гардероба.

Наряд оказался и впору, и к лицу, а так как маркиз и без того был хоть куда — красивый и статный, — то, приодевшись, он, конечно, стал ещё лучше, и королевская дочка, поглядев на него, нашла, что он как раз в её вкусе.

Когда же маркиз де Карабас бросил в её сторону два-три взгляда, очень почтительных и в то же время нежных, она влюбилась в него без памяти.

Отцу её молодой маркиз тоже пришёлся по сердцу. Король был с ним очень ласков и даже пригласил сесть в карету и принять участие в прогулке.

Кот был в восторге оттого, что всё идёт как по маслу, и весело побежал перед каретой.

По пути он увидел крестьян, косивших на лугу сено.

— Эй, люди добрые,— крикнул он на бегу,— если вы не скажете королю, что этот луг принадлежит маркизу де Карабасу, вас всех изрубят на куски, словно начинку для пирога! Так и знайте!

Тут как раз подъехала королевская карета, и король спросил, выглянув из окна:

— Чей это луг вы косите?

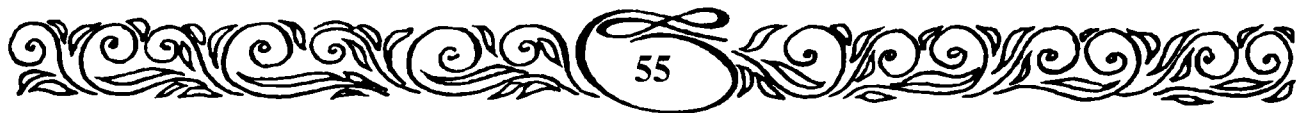
— Маркиза де Карабаса! — в один голос отвечали косцы, потому что кот до смерти напугал их своими угрозами.

— Однако, маркиз, у вас тут славное именье! — сказал король.

— Да, государь, этот луг каждый год даёт отличное сено,— скромно ответил маркиз.

А между тем кот бежал всё вперёд и вперёд, пока не увидел по дороге жнецов, работающих в поле.

— Эй, добрые люди,— крикнул он,— если вы не скажете королю, что все эти хлеба принадлежат маркизу де Карабасу,

так и знайте: вас всех изрубят в куски, словно начинку для пирога!

Через минуту к жнецам подъехал король и захотел узнать, чьи поля они жнут.

— Поля маркиза де Карабаса,— ответили жнецы.

И король опять порадовался за господина маркиза.

А кот всё бежал и бежал впереди кареты и всем, кто попался ему навстречу, приказывал говорить одно и то же: «Это дом маркиза де Карабаса», «это мельница маркиза де Карабаса», «это сад маркиза де Карабаса». Король не мог надивиться богатству молодого маркиза.

И вот, наконец, кот прибежал к воротам прекрасного замка. Тут жил один очень богатый великан-людоед. Никто на свете никогда не видел великана богаче этого. Все земли, по которым проехала королевская карета, были в его владении.

Кот заранее разузнал, что это был за великан, в чём его сила, и попросил допустить к хозяину. Он, дескать, не может и не хочет пройти мимо, не засвидетельствовав своего почтения.

Людоед принял его со всей учтивостью, на какую способен людоед, и предложил отдохнуть.

— Меня уверяли,— сказал кот,— что вы умеете превращаться в любого зверя. Ну, например, вы будто бы можете превратиться в льва или слона...

— Могу! — рявкнул великан.— И, чтобы доказать это, сейчас же сделаюсь львом. Смотри!

Кот до того испугался, увидев перед собой льва, что в одно мгновение взобрался по водосточной трубе на крышу, хоть это было трудно и даже опасно, потому что в сапогах не так-то просто ходить по черепице.

Только когда великан опять принял свой прежний облик, кот спустился с крыши и признался хозяину, что едва не умер со страху.

— А ещё меня уверяли,— сказал он,— но уж этому-то я никак не могу поверить, что вы будто бы умеете превращаться даже в самых мелких животных. Ну, например, сделаться крысой или мышкой. Должен сказать по правде, что считаю это совершенно невозможным.

— Ах вот как! Невозможным? — переспросил великан.— А ну-ка, погляди!

И в то же мгновение великан превратился в мышь. Мышка проворно забежала по полу, но кот погнался за ней и разом проглотил.

Тем временем король, проезжая мимо, заметил по пути прекрасный замок и пожелал войти туда.

Кот услышал, как гремят на подъёмном мосту колёса королевской кареты и, выбежав навстречу, сказал королю:

— Добро пожаловать в замок маркиза де Карабаса, ваше величество! Милости просим!

— Как, господин маркиз?! — воскликнул король.— Этот замок тоже ваш? Нельзя себе представить ничего красивее, чем этот двор и постройки вокруг. Да это прямо дворец! Давайте же посмотрим, каков он внутри, если вы не возражаете.

Маркиз подал руку прекрасной принцессе и повёл её вслед за королём, который, как полагается, шёл впереди.

Все втроем они вошли в большой зал, где был приготовлен великолепный ужин.

Как раз в этот день людоед пригласил к себе приятелей, но они не посмели явиться, узнав, что в замке гостит король.

Король был очарован достоинствами господина де Карабаса почти так же, как его дочка, которая была от маркиза просто без ума.

Кроме того, его величество не мог, конечно, не оценить прекрасных владений маркиза и, осушив пять-шесть кубков, сказал:

— Если хотите стать моим зятем, господин маркиз, это зависит только от вас. А я — согласен.

Маркиз почтительным поклоном поблагодарил короля за честь, оказанную ему, и в тот же день женился на принцессе.

А кот стал знатным вельможей и с тех пор охотился на мышей только изредка — для собственного удовольствия.

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

старые годы у одного царя было три сына. Вот когда сыновья стали на возрасте, царь собрал их и говорит:

— Сынки мои любезные, покуда я ещё не стар, мне охота бы вас женить, посмотреть на ваших деточек, на моих внучат.

Сыновья отцу отвечают:

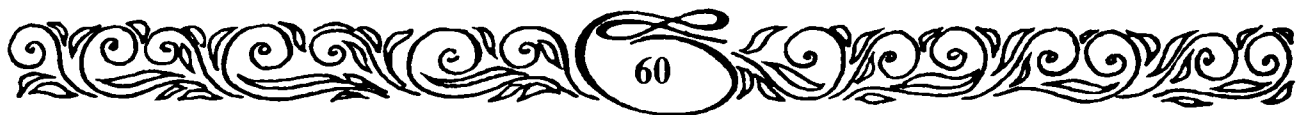
— Так что ж, батюшка, благослови. На ком тебе желательно нас женить?

— Вот что, сынки, возьмите по стреле, выходите в чистое поле и стреляйте: куда стрелы упадут, там и судьба ваша.

Сыновья поклонились отцу, взяли по стреле, вышли в чистое поле, натянули луки и выстрелили.

У старшего сына стрела упала на боярский двор, подняла стрелу боярская дочь. У среднего сына упала стрела на широкий купеческий двор, подняла её купеческая дочь.

А у младшего сына, Ивана-царевича, стрела поднялась и улетела сам не знает куда. Вот он шёл, шёл, дошёл до болота, видит — сидит лягушка, подхватила его стрелу. Иван-царевич говорит ей:

— Лягушка, лягушка, отдай мою стрелу.

А лягушка ему отвечает:

— Возьми меня замуж!

— Что ты, как я возьму в жёны лягушку?

— Бери, знать судьба твоя такая.

Закручинился Иван-царевич. Делать нечего, взял лягушку, принёс домой. Царь сыграл три свадьбы: старшего сына женил на боярской дочери, среднего — на купеческой, а несчастного Ивана-царевича — на лягушке.

Вот царь позвал сыновей:

— Хочу посмотреть, которая из ваших жён лучшая рукодельница. Пускай сошьют мне к завтраму по рубашке.

Сыновья поклонились отцу и пошли.

Иван-царевич приходит домой, сел и голову повесил. Лягушка по полу скачет, спрашивает его:

— Что, Иван-царевич, голову повесил? Или горе какое?

— Батюшка велел тебе к завтраму рубашку ему сшить.

Лягушка отвечает:

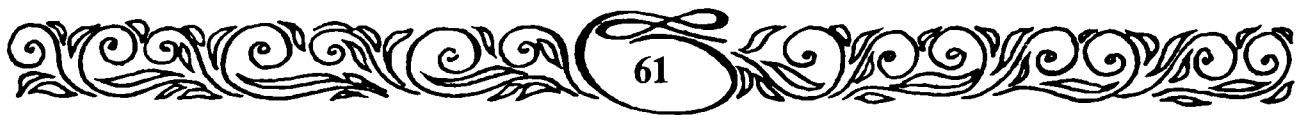
— Не тужи, Иван-царевич, ложись лучше спать, утро вечера мудренее.

Иван-царевич лёг спать, а лягушка прыгнула на крыльцо, сбросила с себя лягушачью кожу и обернулась Василисой Премудрой, такой красавицей, что и в сказке не расскажешь.

Василиса Премудрая ударила в ладоши и крикнула:

— Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Сшейте мне к утру такую рубашку, какую видела я у моего родного батюшки.

Иван-царевич утром проснулся, лягушка опять по полу скачет, а рубашка уж лежит на столе, завёрнута в полотенце. Обрадовался Иван-царевич, взял рубашку, понёс к отцу. Царь

в это время принимал дары от больших сыновей. Старший сын развернул рубашку, царь принял её и сказал:

— Эту рубашку в чёрной избе носить.

Средний сын развернул рубашку, царь сказал:

— В ней только в баню ходить.

Иван-царевич развернул рубашку изукрашенную золотом-серебром, хитрыми узорами. Царь только взглянул:

— Ну, вот это рубашка — в праздник её надевать.

Пошли братья по домам — те двое — и судят между собой.

— Нет, видно, мы напрасно смеялись над женой Ивана-царевича: она не лягушка, а какая-нибудь хитрая колдунья.

Царь опять позвал сыновей.

— Пускай ваши жёны испекут мне к завтраму хлеб. Хочу узнать, которая лучше стряпает.

Иван-царевич голову повесил, пришёл домой. Лягушка его спрашивает:

— Что закручинился?

Он отвечает:

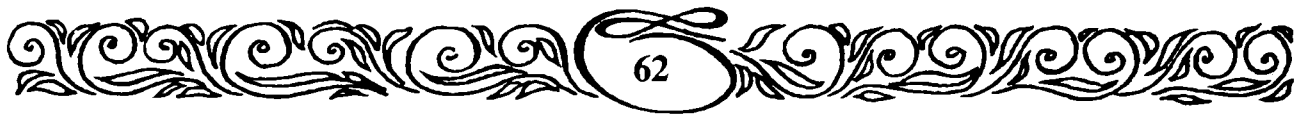
— Надо к завтраму испечь царю хлеб.

— Не тужи, Иван-царевич, лучше ложись спать, утро вечера мудренее.

А те невестки сперва-то смеялись над лягушкой, а теперь послали одну бабушку-задворенку посмотреть, как лягушка будет печь хлеб.

А хитрая лягушка это смекнула. Замесила квашню, печь сверху разломала да прямо туда, в дыру, всю квашню и опрокинула. Бабушка-задворенка прибежала к царским невесткам, всё рассказала, и те так же стали делать.

А лягушка прыгнула на крыльцо, обернулась Василисой Премудрой, ударила в ладоши:

— Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Испеките мне к утру мягкий белый хлеб, какой я у моего родного батюшки ела.

Иван-царевич утром проснулся, а уж на столе лежит хлеб, изукрашен разными хитростями: по бокам узоры печатные, сверху города с заставами.

Иван-царевич обрадовался, завернул хлеб в ширинку, понёс к отцу. А царь в то время принимал хлебы от больших сыновей. Их жёны-то попускали тесто в печь, как им бабушка-задворенка сказала, и вышла у них одна горелая грязь. Царь принял хлеб от старшего сына, посмотрел и отослал в людскую. Принял от среднего сына и туда же отослал. А как подал Иван-царевич, царь сказал:

— Вот это хлеб, только в праздник его есть.

И приказал царь трём своим сыновьям, чтобы завтра явились к нему на пир вместе с жёнами.

Опять воротился Иван-царевич домой невесел, ниже плеч голову повесил. Лягушка по полу скачет:

— Ква, ква, Иван-царевич, что закручинился? Или услышал от батюшки слово не приветливое?

— Лягушка, лягушка, как мне не горевать? Батюшка наказал, чтобы я пришёл с тобой на пир, а как я тебя людям покажу?

Лягушка отвечает:

— Не тужи, Иван-царевич, иди на пир один, а я вслед за тобой буду. Как услышишь стук да гром, не пугайся. Спросят тебя, скажи: «Это моя лягушонка в коробчонке едет».

Иван-царевич и пошёл один. Вот старшие братья приехали с жёнами, разодетыми, разубранными, нарумяненными, насурьмлёнными. Стоят да над Иваном-царевичем смеются:

— Что же ты без жены пришёл? Хоть бы в платочке её принёс. Где ты такую красавицу выискал? Чай, все болота исходил.

Царь с сыновьями, с невестками, с гостями сели за столы дубовые, за скатерти браные — пировать. Вдруг поднялся стук да гром, весь дворец затрясся. Гости напугались, повскакали с мест, а Иван-царевич говорит:

— Не бойтесь, честные гости: это моя лягушонка в коробчонке приехала.

Подлетела к царскому крыльцу золочёная карета о шести белых лошадях, и выходит оттуда Василиса Премудрая: на лазоревом платье — частые звёзды, на голове — месяц ясный, такая красавица — ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. Берёт она Ивана-царевича за руку и ведёт за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть, пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила. Закусила лебедем да косточки за правый рукав бросила.

Жёны больших-то царевичей увидали её хитрости и давай то же делать.

Попили, поели, настал черёд плясать. Василиса Премудрая подхватила Ивана-царевича и пошла. Уж она плясала, плясала, вертелась, вертелась — всем на диво. Махнула левым рукавом — вдруг сделалось озеро, махнула правым рукавом — поплыли по озеру белые лебеди. Царь и гости диву дались.

А старшие невестки пошли плясать: махнули рукавом — только гостей забрызгали; махнули другим — только кости разлетелись, одна кость царю в глаз попала. Царь рассердился и прогнал обеих невесток.

В ту пору Иван-царевич отлучился потихоньку, побежал домой, нашёл там лягушачью кожу и бросил её в печь, сжёг на огне.

Василиса Премудрая возвращается домой, хватилась — нет лягушачьей кожи. Села она на лавку, запечалилась, приуныла и говорит Ивану-царевичу:

— Ах, Иван-царевич, что же ты наделал? Если бы ты ещё только три дня подождал, я бы вечно твоей была. А теперь прощай. Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве, у Кощея Бессмертного...

Обернулась Василиса Премудрая серой кукушкой и улетила в окно. Иван-царевич поплакал, поплакал, поклонился на четыре стороны и пошёл куда глаза глядят — искать жену, Василису Премудрую. Шёл он близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, сапоги проносил, кафтан истёр, шапчонку дождик иссёк. Попадаетеся ему навстречу старичок.

— Здравствуй, добрый молодец! Что ищешь, куда путь держишь?

Иван-царевич рассказал ему про своё несчастье. Старичок говорит ему:

— Эх, Иван-царевич, зачем ты лягушачью кожу спалил? Не ты её надел, не тебе её было снимать. Василиса Премудрая хитрей, мудреней своего отца уродилась. Он за то осерчал на неё и велел ей три года быть лягушкой. Ну, делать нечего, вот тебе клубок: куда он покатится, туда и ты ступай за ним смело.

Иван-царевич поблагодарил старичка и пошёл за клубочком. Клубок катится, он за ним идёт. В чистом поле попадаетеся ему медведь. Иван-царевич нацелился, хочет убить зверя. А медведь говорит ему человеческим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич, когда-нибудь тебе пригожусь.

Иван-царевич пожалел медведя, не стал его стрелять, пошёл дальше. Глядь, летит над ним селезень. Он нацелился, а селезень говорит ему человеческим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь.

Он пожалел селезня и пошёл дальше. Бежит косой заяц. Иван-царевич опять спохватился, хочет в него стрелять, а заяц говорит человеческим голосом:

— Не убивай меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь!

Пожалел он зайца, пошёл дальше. Подходит к синему морю и видит — на берегу, на песке, лежит щука, едва дышит и говорит ему:

— Ах, Иван-царевич, пожалей меня, брось в синее море!

Он бросил щуку в море, пошёл дальше берегом. Долго ли, коротко ли, прикатился клубочек к лесу. Там стоит избушка на курьих ножках, кругом себя поворачивается.

— Избушка, избушка, стань по-старому, как мать поставила: к лесу задом, ко мне передом.

Избушка повернулась к нему передом, к лесу задом. Иван-царевич вошёл в неё и видит — на печи, на девятом кирпиче, лежит бага-яга, костяная нога, зубы — на полке, а нос в потолок врос.

— Зачем, добрый молодец, ко мне пожаловал? — говорит ему баба-яга. — Дело пытаешь или от дела лытаешь?

Иван-царевич ей отвечает:

— Ах ты, старая хрычовка, ты бы меня прежде накормила, напоила, в бане выпарила, тогда бы и спрашивала.

Баба-яга в бане его выпарила, напоила, накормила, в постель уложила, и Иван-царевич рассказал ей, что ищет свою жену, Василису Премудрую.

— Знаю, знаю,— говорит ему баба-яга,— твоя жена теперь у Кощея Бессмертного. Трудно её будет достать, нелегко с Кошеем сладить: его смерть на конце иглы, та игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, тот заяц сидит в каменном сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и тот дуб Кощей Бессмертный как свой глаз бережёт.

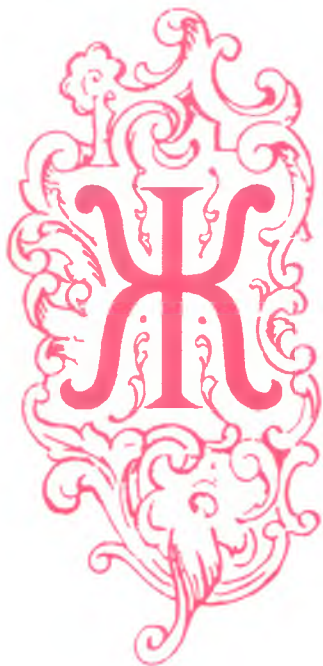
Иван-царевич у бабы-яги переночевал, и наутро она ему указала, где растёт высокий дуб. Долго ли, коротко ли, дошёл туда Иван-царевич, видит — стоит, шумит высокий дуб, на нём каменный сундук, а достать его трудно.

Вдруг откуда ни взялся, прибежал медведь и выворотил дуб с корнем. Сундук упал и разбился. Из сундука выскочил заяц — и наутёк во всю прыть. А за ним другой заяц гонится, нагнал и в клочки разорвал. А из зайца вылетела утка, поднялась высоко, под самое небо. Глядь, на неё селезень кинулся; как ударит её — утка яйцо выронила, упало яйцо в синее море...

Тут Иван-царевич залился горькими слезами — где же в море яйцо найти! Вдруг подплывает к берегу щука и держит яйцо в зубах. Иван-царевич разбил яйцо, достал иголку и давай у неё конец ломать. Он ломает, а Кощей Бессмертный бьётся, мечется. Сколько ни бился, ни метался Кощей, сломал Иван-царевич у иглы конец, пришлось Кощею умереть.

Иван-царевич пошёл в Кошечевы палаты белокаменные. Выбежала к нему Василиса Премудрая, поцеловала его в сахарные уста. Иван-царевич с Василисой Премудрой воротились домой и жили долго и счастливо до глубокой старости.

ДЮЙМОВОЧКА

ила-была женщина; очень ей хотелось иметь ребёнка, да где его взять? И вот она отправилась к одной старой колдунье и сказала ей:

— Мне так хочется иметь ребёночка; не скажешь ли ты, где мне его достать?

— Отчего же! — сказала колдунья.— Вот тебе ячменное зерно; это не простое зерно, не из тех, что крестьяне сеют в поле или бросают курам; посади-ка его в цветоч-

ный горшок — увидишь, что будет!

— Спасибо! — сказала женщина и дала колдунье двенадцать скиллингов; потом пошла домой, посадила ячменное зерно в цветочный горшок, и вдруг из него вырос большой чудесный цветок вроде тюльпана, но лепестки его были ещё плотно сжаты, точно у нераспустившегося бутона.

— Какой славный цветок! — сказала женщина и поцеловала красивые пёстрые лепестки.

Что-то щёлкнуло, и цветок распустился. Это был точь-в-точь тюльпан, но в самой чашечке на зелёном стульчике сиде-

ла крошечная девочка. Она была такая нежная, маленькая, всего с дюйм ростом, её и прозвали Дюймовочкой.

Блестящая лакированная скорлупка грецкого ореха была её колыбелькою, голубые фиалки — матрацем, а лепесток розы — одеяльцем; в эту колыбельку её укладывали на ночь, а днём она играла на столе. На стол женщина поставила тарелку с водою, а на края тарелки положила венок из цветов; длинные стебли цветов купались в воде, у самого же края плавал большой лепесток тюльпана. На нём Дюймовочка могла переправляться с одной стороны тарелки на другую; вместо вёсел у неё были два белых конских волоса. Всё это было прелесть как мило! Дюймовочка умела и петь, и такого нежного, красивого голоса никто ещё не слыхивал!

Раз ночью, когда она лежала в своей колыбельке, через разбитое оконное стекло пролезла большущая жаба, мокрая, безобразная! Она вспрыгнула прямо на стол, где спала под розовым лепестком Дюймовочка.

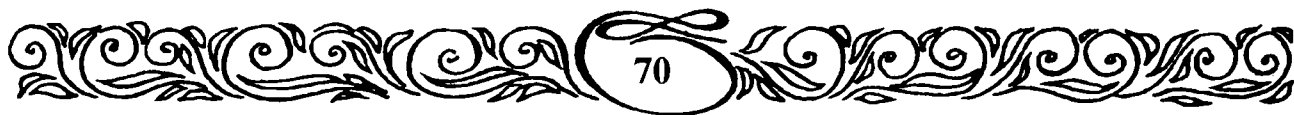
— Вот и жена моему сынку! — сказала жаба, взяла ореховую скорлупу с девочкой и выпрыгнула через окно в сад.

Там протекала большая, широкая река; у самого берега было топко и вязко; здесь-то, в тине, и жила жаба с сыном. У! Какой он был тоже гадкий, противный! Точь-в-точь мамаша.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог он сказать, когда увидал прелестную крошку в ореховой скорлупке.

— Тише ты! Она ещё проснётся, пожалуй, да убежит от нас, — сказала старуха жаба. — Она ведь легче лебединого пуха! Высадим-ка её посередине реки на широкий лист кувшинки — это ведь целый остров для такой крошки, оттуда она не сбежит, а мы пока приберём там, внизу, наше гнёздышко. Вам ведь в нём жить да поживать.

В реке росло множество кувшинок; их широкие зелёные листья плавали по поверхности воды. Самый большой лист был дальше всего от берега; к этому-то листу подплыла жаба и поставила туда ореховую скорлупу с девочкой.

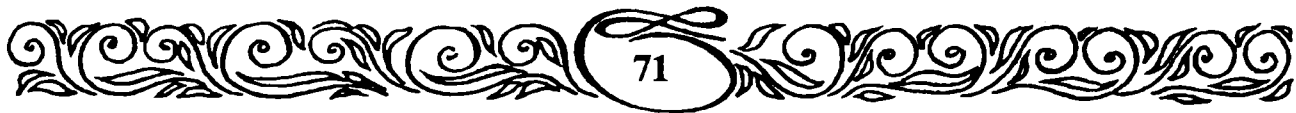
Бедная крошка проснулась рано утром, увидала, куда она попала, и горько заплакала: со всех сторон была вода, и ей никак нельзя было перебраться на сушу!

А старая жаба сидела внизу, в тине, и убирала своё жильё тростником и жёлтыми кувшинками — надо же было приукрасить всё для молодой невестки! Потом она поплыла со своим безобразным сынком к листу, где сидела Дюймовочка, чтобы взять прежде всего её хорошенькую кроватку и поставить в спальне невесты. Старая жаба очень низко присела в воде перед девочкой и сказала:

— Вот мой сынок, твой будущий муж! Вы славно заживёте с ним у нас в тине.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог сказать сынок.

Они взяли хорошенькую кроватку и уплыли с ней, а девочка осталась одна-одинёшенька на зелёном листе и горько-горько плакала, — ей вовсе не хотелось жить у гадкой жабы и выйти замуж за её противного сына. Маленькие рыбки, которые плавали под водой, верно, видели жабу с сынком и слышали, что она говорила, потому что все повысунули из воды головки, чтобы поглядеть на крошку невесту. А как они увидели её, им стало ужасно жалко, что такой миленькой девочке приходится идти жить к старой жабе в тину. Не бывать же этому! Рыбки столпились внизу, у стебля, на котором держался лист, и живо перегрызли его своими зубами; листок с де-

вочкой поплыл по течению, дальше, дальше... Теперь уж жабе ни за что было не догнать крошку!

Дюймовочка плыла мимо разных прелестных местечек, и маленькие птички, которые сидели в кустах, увидав её, пели:

— Какая хорошенькая девочка!

А листок всё плыл да плыл, и вот Дюймовочка попала за границу.

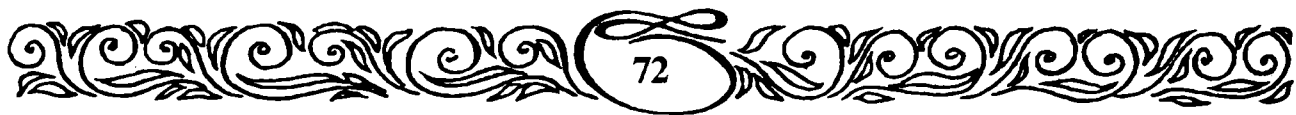
Красивый белый мотылёк всё время порхал вокруг неё и наконец уселся на листок — уж очень ему понравилась Дюймовочка! А она ужасно радовалась: гадкая жаба не могла теперь догнать её, а вокруг всё было так красиво! Солнце так и горело золотом на воде! Дюймовочка сняла с себя пояс, одним концом обвязала мотылька, а другой привязала к своему листку, и листок поплыл ещё быстрее.

Мимо летел майский жук, увидал девочку, обхватил её за тонкую талию лапкой и унёс на дерево, а зелёный листок поплыл дальше, и с ним мотылёк — он ведь был привязан и не мог освободиться.

Ах, как перепугалась бедняжка, когда жук схватил её и полетел с ней на дерево! Особенно ей жаль было хорошенького мотылёчка, которого она привязала к листку: ему придётся теперь умереть с голоду, если не удастся освободиться. Но майскому жуку и горя было мало.

Он уселся с крошкой на самый большой зелёный лист, покормил её сладким цветочным соком и сказал, что она прелесть какая хорошенькая, хоть и совсем непохожа на майского жука.

Потом к ним пришли с визитом другие майские жуки, которые жили на том же дереве. Они оглядывали девочку с го-

ловы до ног, и жучки-барышни шевелили усиками и говорили:

— У неё только две ножки! Жалко смотреть!

— У неё нет усиков!

— Какая у неё тонкая талия! Фи! Она совсем как человек! Как некрасиво! — сказали в один голос все жуки женского пола.

Дюймовочка была премиленькая! Майскому жуку, который принёс её, она тоже очень понравилась сначала, а тут вдруг и он нашёл, что она безобразна, и не захотел больше держать её у себя — пусть идёт куда хочет. Он слетел с нею с дерева и посадил её на ромашку. Тут девочка принялась плакать о том, что она такая безобразная: даже майские жуки не захотели держать её у себя! А на самом-то деле она была прелестнейшим созданием: нежная, ясная, точно лепесток розы.

Целое лето прожила Дюймовочка одна-одинёшенька в лесу. Она сплела себе колыбельку и подвесила её под большой лопушиный лист — там дождик не мог достать её. Ела крошка сладкую цветочную пыльцу, а пила росу, которую каждое утро находила на листочках. Так прошли лето и осень; но вот дело пошло к зиме, длинной и холодной. Все певуны птички разлетелись, кусты и цветы увяли, большой лопушиный лист, под которым жила Дюймовочка, пожелтел, весь засох и свернулся в трубочку. Сама крошка мёрзла от холода: платьице её всё разорвалось, а она была такая маленькая, нежная — замерзай, да и всё тут! Пошёл снег, и каждая снежинка была для неё то же, что для нас целая лопата снега; мы ведь большие, а она была всего-то с дюйм! Она завернулась было в сухой лист, но он совсем не грел, и бедняжка сама дрожала как лист.

Возле леса, куда она попала, лежало большое поле; хлеб давно был убран, одни голые, сухие стебельки торчали из мёрзлой земли; для Дюймовочки это был целый лес. Ух! Как она дрожала от холода! И вот пришла бедняжка к дверям полевой мыши; дверью была маленькая дырочка, прикрытая сухими стебельками и былинками. Полевая мышь жила в тепле и довольстве: все амбары были битком набиты хлебными зёрнами; кухня и кладовая ломились от припасов! Дюймовочка стала у порога, как нищенка, и попросила подать ей кусочек ячменного зерна — она два дня ничего не ела!

— Ах ты бедняжка! — сказала полевая мышь: она была, в сущности, добрая старуха.— Ступай сюда, погрейся да поешь со мною!

Девочка понравилась мыши, и мышь сказала:

— Ты можешь жить у меня всю зиму, только убирай хорошенько мои комнаты да рассказывай мне сказки — я до них большая охотница.

И Дюймовочка стала делать всё, что приказывала ей мышь, и зажила отлично.

— Скоро, пожалуй, у нас будут гости,— сказала как-то полевая мышь.— Мой сосед обычно навещает меня раз в неделю. Он живёт ещё куда лучше меня: у него огромные залы, а ходит он в чудесной бархатной шубке. Вот если бы тебе удалось выйти за него замуж! Ты бы зажила на славу! Беда только, что он слеп и не может видеть тебя; но ты расскажи ему самые лучшие сказки, какие только знаешь.

Но девочке мало было дела до всего этого: ей вовсе не хотелось выйти замуж за соседа — ведь это был крот. Он в самом деле скоро пришёл в гости к полевой мыши. Правда, он носил черную бархатную шубку, был очень богат и учён; по

словам полевой мыши, помещение у него было раз в двадцать просторнее, чем у неё, но он совсем не любил ни солнца, ни прекрасных цветов и отзывался о них очень дурно — он ведь никогда не видел их. Девочке пришлось петь, и она спела две песенки: «Майский жук, лети, лети» и «Бродит по лугам монах», да так мило, что крот прямо-таки в неё влюбился. Но он не сказал ни слова — он был такой степенный и солидный господин.

Крот недавно прорыл под землёй длинную галерею от своего жилья к дверям полевой мыши и позволил мыши и девочке гулять по этой галерее сколько угодно. Крот просил только не пугаться мёртвой птицы, которая лежала там. Это была настоящая птица, с перьями, с клювом; она, должно быть, умерла недавно, в начале зимы, и была зарыта в землю как раз там, где крот прорыл свою галерею.

Крот взял в рот гнилушку — в темноте это ведь всё равно, что свечка, — и пошёл вперед, освещая длинную тёмную галерею. Когда они дошли до места, где лежала мёртвая птица, крот проткнул своим широким носом в земляном потолке дыру, и в галерею пробился дневной свет. В самой середине галереи лежала мёртвая ласточка; хорошенькие крылья были крепко прижаты к телу, лапки и головка спрятаны в пёрышки; бедная птичка, верно, умерла от холода. Девочке стало ужасно жаль её, она очень любила этих милых птичек, которые целое лето так чудесно пели ей песенки, но крот толкнул птичку своей короткой лапой и сказал:

— Небось не свистит больше! Вот горькая участь родиться пичужкой! Слава Богу, что моим детям нечего бояться этого! Этакая птичка только и умеет чирикать — поневоле замёрзнешь зимой!

— Да, да, правда ваша, умные слова приятно слышать,— сказала полевая мышь.— Какой прок от этого чириканья? Что оно приносит птице? Холод и голод зимой? Много, нечего сказать!

Дюймовочка не сказала ничего, но когда крот с мышью повернулись к птице спиной, нагнулась к ней, раздвинула пёрышки и поцеловала её прямо в закрытые глазки. «Может быть, эта та самая, которая так чудесно распевала летом! — подумала девочка.— Сколько радости доставила ты мне, милая, хорошая птичка!»

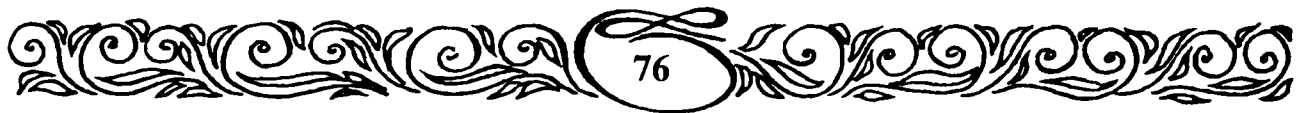
Крот опять заткнул дыру в потолке и проводил дам обратно. Но девочке не спалось ночью. Она встала с постели, сплела из сухих былинки большой славный ковёр, снесла его в галерею и завернула в него мёртвую птичку; потом отыскала у полевой мыши пуху и обложила им всю ласточку, чтобы ей было потеплее лежать на холодной земле.

— Прощай, миленькая птичка,— сказала Дюймовочка.— Прощай! Спасибо тебе за то, что ты так чудесно пела мне летом, когда все деревья были такие зелёные, а солнышко так славно грело!

И она склонила голову на грудь птички, но вдруг испугалась — внутри что-то застучало. Это забилося сердечко птицы: она не умерла, а только окоченела от холода, теперь же согрелась и ожила.

Осенью ласточки улетают в теплые края, а если которая запоздает, то от холода окоченеет, упадёт замертво на землю, и её засыплет холодным снегом.

Девочка вся задрожала от испуга — птица ведь была в сравнении с крошкой просто великаном, — но всё-таки собралась с духом, ещё больше закутала ласточку, потом сбегала

принесла листок мяты, которым закрывалась вместо одеяла сама, и покрыла им голову птички.

На следующую ночь Дюймовочка опять потихоньку пробралась к ласточке. Птичка совсем уже ожила, только была ещё очень слаба и еле-еле открыла глаза, чтобы посмотреть на девочку, которая стояла перед нею с кусочком гнилушки в руках, — другого фонаря у неё не было.

— Благодарю тебя, милая крошка! — сказала больная ласточка. — Я так славно согрелась. Скоро я совсем поправлюсь и опять вылечу на солнышко.

— Ах, — сказала девочка, — теперь так холодно, идёт снег! Остайся лучше в своей тёплой постельке, я буду ухаживать за тобой.

И Дюймовочка принесла птичке воды в цветочном лепестке. Ласточка попила и рассказала девочке, как поранила себе крыло о терновый куст и поэтому не смогла улететь вместе с другими ласточками в тёплые края. Как упала на землю и... да больше она уж ничего не помнила и как попала сюда — не знала.

Всю зиму прожила тут ласточка, и Дюймовочка ухаживала за ней. Ни крот, ни полевая мышь ничего не знали об этом — они ведь совсем не любили птичек.

Когда настала весна и пригрело солнышко, ласточка распрощалась с девочкой, и Дюймовочка ототкнула дыру, которую проделал крот.

Солнце так славно грело, и ласточка спросила, не хочет ли девочка отправиться вместе с ней, — пускай сядет к ней на спину, и они полетят в зелёный лес! Но Дюймовочка не захотела бросить полевую мышь — она ведь знала, что старуха очень огорчится.

— Нет, нельзя! — сказала девочка ласточке.

— Прощай, прощай, милая добрая крошка! — сказала ласточка и вылетела на солнышко.

Дюймовочка посмотрела ей вслед, и у неё даже слезы навернулись на глазах, — уж очень полюбилась ей бедная птичка.

— Кви-вить, кви-вить! — прощеветала птичка и скрылась в зелёном лесу.

Девочке было очень грустно. Ей совсем не позволяли выходить на солнышко, а хлебное поле так всё заросло высокими толстыми колосьями, что стало для бедной крошки дремучим лесом.

— Летом тебе придётся готовить себе приданое! — сказала ей полевая мышь.

Оказалось, что скучный сосед в бархатной шубе посватался за девочку.

— Надо, чтобы у тебя всего было вдоволь, а там выйдешь замуж за крота и подавно ни в чём нуждаться не будешь!

И девочке пришлось прясть по целым дням, а старуха мышь наняла четырёх пауков для тканья, и они работали день и ночь.

Каждый вечер крот приходил к полевой мыши в гости и всё только и болтал о том, что вот скоро лету будет конец, солнце перестанет так палить землю, — а то она совсем уж как камень стала, — и тогда они сыграют свадьбу. Но девочка была совсем не рада: ей не нравился скучный крот. Каждое утро на восходе солнышка и каждый вечер на закате Дюймовочка выходила на порог мышиной норки; иногда ветер раздвигал верхушки колосьев, и ей удавалось увидеть кусочек голубого неба. «Как светло, как хорошо там, на воле!» — дума-

ла девочка и вспоминала о ласточке; ей очень хотелось бы по-видаться с птичкой, но ласточки нигде не было видно: должно быть, она летала там, далеко-далеко, в зелёном лесу!

К осени Дюймовочка приготовила всё своё приданое.

— Через месяц твоя свадьба! — сказала девочке полевая мышь.

Но крошка заплакала и сказала, что не хочет выходить замуж за скучного крота.

— Пустяки! — сказала старуха мышь. — Только не капризничай, а то я укушу тебя — видишь, какой у меня белый зуб? У тебя будет чудеснейший муж. У самой королевы нет такой бархатной шубки, как у него! Да и в кухне и в погребе у него не пусто! Благодарим Бога за такого мужа!

Наступил день свадьбы. Крот пришёл за девочкой. Теперь ей приходилось идти за ним в его нору, жить там, глубоко-глубоко под землёй, и никогда не выходить на солнце, — крот ведь терпеть его не мог! А бедной крошке было так тяжело навсегда распрощаться с красным солнышком! У полевой мыши она всё-таки могла хоть изредка любоваться на него.

И Дюймовочка вышла взглянуть на солнце в последний раз. Хлеб был уже убран с поля, и из земли опять торчали одни голые, засохшие стебли. Девочка отошла от дверей подалее и протянула к солнцу руки:

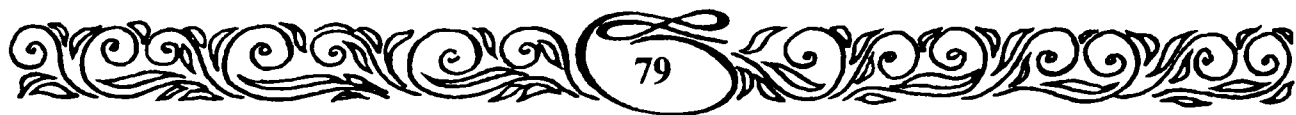
— Прощай, ясное солнышко, прощай!

Потом она обняла ручонками маленький красный цветок, который рос тут, и сказала ему:

— Кланяйся от меня милой ласточке, если увидишь её!

— Кви-вить, кви-вить! — вдруг раздалось над её головой.

Дюймовочка подняла глаза и увидела ласточку, которая пролетала мимо. Ласточка тоже увидела девочку и очень об-

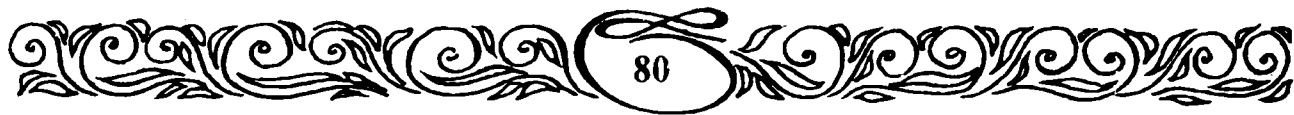
радовалась, а девочка заплакала и рассказала ласточке, как ей не хочется выходить замуж за противного крота и жить с ним глубоко под землёй, куда никогда не заглянет солнышко.

— Скоро придёт холодная зима,— сказала ласточка,— и я улетаю далеко-далеко, в тёплые края. Хочешь лететь со мной? Ты можешь сесть ко мне на спину — только привяжи себя покрепче поясом, — и мы улетим с тобой далеко от гадкого крота, далеко за синие моря, в тёплые края, где солнышко светит ярче, где всегда лето и цветут чудные цветы! Полетим со мной, милая крошка! Ты ведь спасла мне жизнь, когда я замерзала в тёмной, холодной яме.

— Да, да, я полечу с тобой! — сказала Дюймовочка, села птичке на спину, упёрлась ножками в её распростёртые крылья и крепко привязала себя поясом к самому большому перу.

Ласточка взвилась стрелой и полетела над тёмными лесами, над синими морями и высокими горами, покрытыми снегом. Тут было страсть как холодно; Дюймовочка вся зарылась в тёплые перья ласточки и только головку высунула, чтобы любоваться всеми прелестями, которые встречались в пути.

Но вот и тёплые края! Тут солнце сияло уже гораздо ярче, а около канав и изгородей рос зелёный и чёрный виноград. В лесах зрели лимоны и апельсины, пахло миртами и душистой мятой, а по дорожкам бегали прелестные ребятишки и ловили больших пёстрых бабочек. Но ласточка летела всё дальше и дальше, и чем дальше, тем было всё лучше. На берегу красивого голубого озера, посреди зелёных кудрявых деревьев, стоял старинный белый мраморный дворец. Виноградные лозы обвивали его высокие колонны, а наверху, под крышей, лепи-

лись ласточкины гнёзда. В одном из них и жила ласточка, что принесла Дюймовочку.

— Вот мой дом! — сказала ласточка. — А ты выбери себе внизу какой-нибудь красивый цветок, я тебя посажу в него, и ты чудесно заживёшь!

— Вот было бы хорошо! — сказала крошка и захлопала в ладоши.

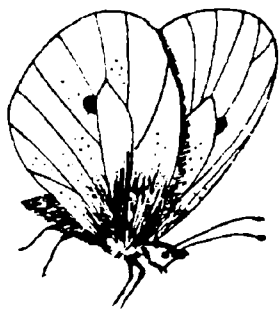
Внизу лежали большие куски мрамора, — это свалилась верхушка одной колонны и разбилась на три куска, между ними росли крупные белые цветы. Ласточка спустилась и посадила девочку на один из широких лепестков. Но вот диво! В самой чашечке цветка сидел маленький человечек, беленький и прозрачный, точно хрустальный. На голове у него сияла прелестная золотая корона, за плечами развевались блестящие крылышки, а сам он был не больше Дюймовочки.

Это был эльф. В каждом цветке живёт эльф, мальчик или девочка, а тот, который сидел рядом с Дюймовочкой, был сам король эльфов.

— Ах, как он хорош! — шепнула Дюймовочка ласточке.

Маленький король совсем перепугался при виде ласточки. Он был такой крошечный, нежный, и она показалась ему просто чудовищем. Зато он очень обрадовался, увидав нашу крошку, — он никогда ещё не видывал такой хорошенькой девочки! И он снял свою золотую корону, надел её Дюймовочке на голову и спросил, как её зовут и хочет ли она быть его женой, королевой эльфов и царицей цветов? Вот это так муж! Не то что сын жабы или крот в бархатной шубе! И девочка согласилась. Тогда из каждого цветка вылетели эльфы — мальчики и девочки — такие хорошенькие, что просто прелесть! Все они поднесли Дюймовочке подарки. Самым лучшим была

пара прозрачных стрекозиных крылышек. Их прикрепили к спинке девочки, и она тоже могла теперь летать с цветка на цветок! Вот-то была радость! А ласточка сидела наверху, в своём гнёздышке, и пела им, как только умела.

ТРИ АПЕЛЬСИНА

о всей Италии рассказывают историю о трёх апельсинах. Но вот удивительно — в каждой местности её рассказывают по-своему. Генуэзцы говорят одно, неаполитанцы — другое, сицилийцы — третье. А мы выслушали все эти сказки и теперь знаем, как всё случилось на самом деле.

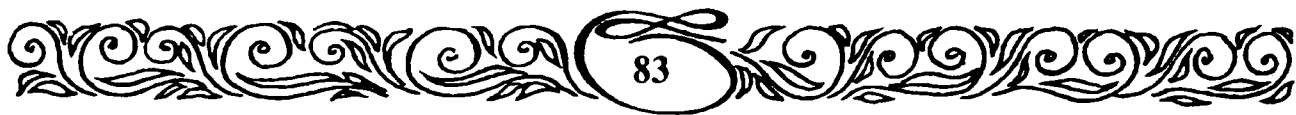
Жили когда-то король и королева. Был у них дворец, было королевство, были, конечно, и подданные, а вот детей у короля и королевы не было.

Однажды король сказал:

— Если бы у нас родился сын, я поставил бы на площади перед дворцом фонтан. И била бы из этого фонтана ровно семь лет высокая струя, да не воды, а доброго вина.

— А я бы приказала поставить рядом с этим фонтаном другой фонтан,— сказала королева.— И било бы из него не вино, а золотистое оливковое масло. Семь лет приходили бы к нему женщины с кувшинами и благословляли бы моего сына.

Скоро у короля и королевы родился прехорошенький мальчик. Счастливые родители выполнили свой обет, и на

площади забили два фонтана. В первый год фонтаны вина и масла вздымались выше дворцовой башни. На следующий год они стали пониже. Словом, королевский сын, что ни день, становился больше, а фонтаны — меньше.

На исходе седьмого года фонтаны уже не били, из них по капле сочилось вино и масло.

Как-то королевский сын вышел на площадь поиграть в кегли. А в это самое время к фонтанам притащилась седая сгорбленная старушонка. Она принесла с собой губку и два глиняных кувшина. По каплям губка впитывала то вино, то масло, а старуха выжимала её в кувшины.

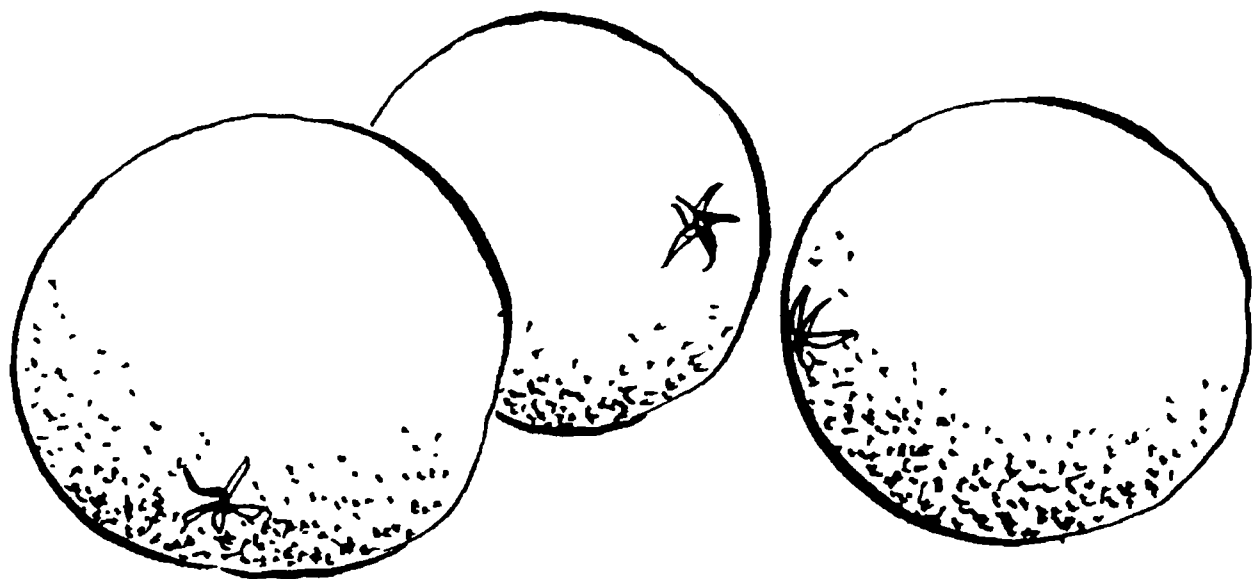
Кувшины почти наполнились. И вдруг — трах! — оба разлетелись в черепки. Вот так меткий удар! Это королевский сын целился большим деревянным шаром в кегли, а попал в кувшины. В тот же миг иссякли и фонтаны, они уже не давали ни капли вина и масла. Ведь королевичу как раз в эту минуту исполнилось ровно семь лет.

Старуха погрозила скрюченным пальцем и заговорила скрипучим голосом:

— Слушай меня, королевский сын. За то, что ты разбил мои кувшины, я положу на тебя заклятье. Когда тебе минет трижды семь лет, на тебя нападёт тоска. И станет она тебя терзать, пока ты не найдёшь дерево с тремя апельсинами. А когда ты найдёшь дерево и сорвёшь три апельсина, тебе захочется пить. Тогда-то мы и посмотрим, что будет.

Старуха злорадно засмеялась и поплелась прочь.

А королевский сын продолжал играть в кегли и через полчаса уже забыл и о разбитых кувшинах, и о старухином заклятье.

Вспомнил о нём королевич, когда ему исполнилось трижды семь — двадцать один год. Напала на него тоска, и ни охотничьи забавы, ни пышные балы не могли её развеять.

— Ах, где найти мне три апельсина! — повторял он.

Усышали это отец-король и мать-королева и сказали:

— Неужели мы пожалеем для своего дорогого сына хоть три, хоть три десятка, хоть три сотни, хоть три тысячи апельсинов!

И они навалили перед королевичем целую гору золотистых плодов. Но королевич только покачал головой.

— Нет, это не те апельсины. А какие те, что мне нужны, я и сам не знаю. Оседлайте коня, я поеду их искать.

Королевичу оседлали коня, он вскочил на него и поехал. Ездил, ездил он по дорогам, ничего не нашёл. Тогда свернул королевич с дороги и поскакал напрямик. Доскакал до ручья, вдруг слышит тоненький голосок:

— Эй, королевский сын, смотри, как бы твой конь не растоптал моего домика!

Посмотрел королевич во все стороны — никого нет. Глянул под копыта коню — лежит в траве яичная скорлупка. Спешился он, наклонился, видит — сидит в скорлупке фея. Удивился королевич, а фея говорит:

— Давно у меня в гостях никто не бывал, подарков не приносил.

Тогда королевич снял с пальца перстень с дорогим камнем и надел фее вместо пояса. Фея засмеялась от радости и сказала:

— Знаю, знаю, чего ты ищешь. Добудь алмазный ключик, и ты попадёшь в сад. Там висят на ветке три апельсина.

— А где же найти алмазный ключик? — спросил королевич.

— Это, наверно, знает моя старшая сестра. Она живёт в каштановой роще.

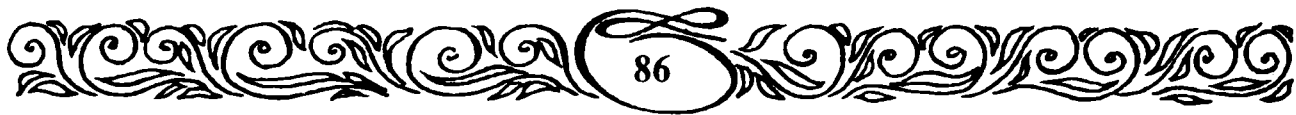
Юноша поблагодарил фею и вскочил на коня. Вторая фея и вправду жила в каштановой роще, в скорлупке каштана. Королевич подарил ей золотую пряжку с плаща.

— Спасибо тебе, — сказала фея, — у меня теперь будет золотая кровать. За это я тебе открою тайну. Алмазный ключик лежит в хрустальном ларце.

— А где же ларец? — спросил юноша.

— Это знает моя старшая сестра, — ответила фея. — Она живёт в орешнике.

Королевич разыскал орешник. Самая старшая фея устроила себе домик в скорлупке лесного ореха. Королевский сын снял с шеи золотую цепочку и подарил её фее. Фея подвязала цепочку к ветке и сказала:

— Это будут мои качели. За такой щедрый подарок я скажу тебе то, чего не знают мои младшие сёстры. Хрустальный ларец находится во дворце. Дворец стоит на горе, а та гора за тремя горами, за тремя пустынями. Охраняет ларец одноглазый сторож. Запомни хорошенько: когда сторож спит — глаз у него открыт, когда не спит — глаз закрыт. Поезжай и ничего не бойся.

Долго ли ехал королевич, не знаем. Только перевалил он через три горы, проехал три пустыни и подъехал к той самой горе. Тут он спешился, привязал коня к дереву и оглянулся. Вот и тропинка. Совсем заросла она травой, — видно, в этих краях давно никто не бывал. Пошёл по ней королевич. Ползёт тропинка, извиваясь, как змея, всё вверх да вверх. Королевич с неё не сворачивает. Так и довела его тропинка до вершины горы, где стоял дворец.

Пролетала мимо сорока. Королевич попросил её:

— Сорока, сорока, загляни в дворцовое окошко. Посмотри, спит ли сторож.

Сорока заглянула в окошко и закричала:

— Спит, спит! Глаз у него закрыт!

— Э,— сказал себе королевич, — сейчас не время входить во дворец.

Подождал он до ночи. Пролетала мимо сова. Королевич попросил её:

— Совушка, сова, загляни в дворцовое окошко. Посмотри, спит ли сторож.

Сова заглянула в окошко и проухала:

— Ух-ух! Не спит сторож! Глаз у него так на меня и смотрит.

— Вот теперь самое время,— сказал себе королевич и вошёл во дворец.

Там он увидел одноглазого сторожа. Около сторожа стоял трёхногий столик, на нём хрустальный ларчик. Королевич поднял крышку ларчика, вынул алмазный ключик, а что открывать им — не знает. Стал он ходить по дворцовым залам и пробовать, к какой двери подойдёт алмазный ключик. Перепробовал все замки, ни к одному ключик не подходит. Осталась только маленькая золотая дверка в самом дальнем зале. Вложил королевич алмазный ключик в замочную скважину, он пришёлся, как по мерке. Дверца сразу распахнулась, и королевич попал в сад.

Посреди сада стояло апельсиновое дерево, на нём росли всего-навсего три апельсина. Но какие это были апельсины! Большие, душистые, с золотой кожурой. Словно всё щедрое солнце Италии досталось им одним. Королевский сын сорвал апельсины, спрятал их под плащ и пошёл обратно.

Только королевич спустился с горы и вскочил на коня, одноглазый сторож закрыл свой единственный глаз и проснулся. Он сразу увидел, что в ларце нет алмазного ключика. Но было уже поздно, потому что королевич скакал во весь опор на своём добром коне, увозя три апельсина.

Вот перевалил он одну гору, едет по пустыне. День знойный, на лазурном небе ни облачка. Раскалённый воздух струится над раскалённым песком. Королевичу захотелось пить. Так захотелось, что ни о чём другом он и думать не может.

«Да ведь у меня есть три апельсина! — сказал он себе.— Съем один и утолю жажду!»

Едва он надрезал кожуру, апельсин распался на две половинки. Из него вышла красивая девушка.

— Дай мне пить,— попросила она жалобным голосом.

Что было делать королевичу! Он ведь и сам сгорал от жажды.

— Пить, пить! — вздохнула девушка, упала на горячий песок и умерла.

Погоревал над ней королевич и поехал дальше. А когда оглянулся, то увидел, что на том месте зеленеет апельсиновая роща. Королевич удивился, но назад возвращаться не стал.

Скоро пустыня кончилась, юноша подъехал к лесу. На опушке приветливо журчал ручеек. Королевич бросился к ручью, сам напился, вволю напоил коня, а потом сел отдохнуть под раскидистым каштаном. Вынул он из-под плаща второй апельсин, подержал его на ладони, и стало томить королевича любопытство так же сильно, как недавно томила жажда. Что скрыто за золотой кожурой? И королевич надрезал второй апельсин.

Апельсин распался на две половинки, и из него вышла девушка. Она была ещё красивее, чем первая.

— Дай мне пить,— сказала девушка.

— Вот ручей,— ответил королевич,— вода его чиста и прохладна.

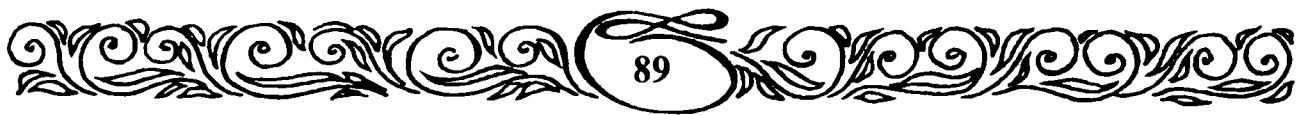
Девушка припала к струе и мигом выпила всю воду из ручья, даже песок на дне его стал сухим.

— Пить, пить! — опять застонала девушка, упала на траву и умерла.

Королевич очень огорчился и сказал:

— Э, нет, уж теперь-то я и капли воды в рот не возьму, пока не напою третью девушку из третьего апельсина!

И он прищипорил своего коня. Проехал немного и оглянулся. Что за чудо! По берегам ручья стеной встали апельсино-

вые деревья. Под густой зеленью их веток ручей наполнился водой и опять запел свою песенку.

Но королевич и тут не стал возвращаться. Он поехал дальше, прижимая к груди последний апельсин.

Как он страдал в пути от зноя и жажды,— и рассказать невозможно. Однако, рано или поздно, доскакал королевич до реки, что протекала у границ его родного королевства. Здесь он надрезал третий апельсин, самый большой и спелый. Апельсин раскрылся, словно лепестки, и перед королевичем появилась девушка невиданной красоты. Уж на что были хороши первые две, а рядом с этой показались бы просто дурнушками. Королевич взора не мог от неё отвести. Лицо её было нежнее цветка апельсинового дерева, глаза зелёные, как завязь плода, волосы золотые, словно кожура спелого апельсина.

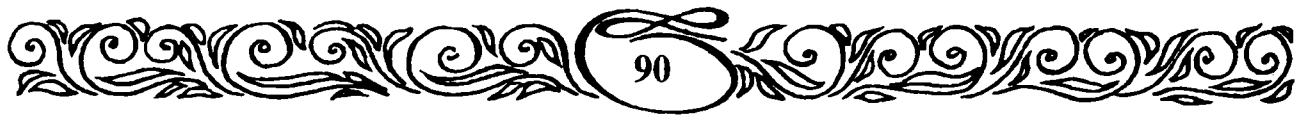
Королевский сын взял её за руку и подвёл к реке. Девушка наклонилась над рекой и стала пить. Но река была широка и глубока. Сколько ни пила девушка, воды не убывало.

Наконец красавица подняла голову и улыбнулась королевичу.

— Спасибо тебе, королевич, за то, что дал мне жизнь. Перед тобой дочь короля апельсиновых деревьев. Я так долго ждала тебя в своей золотой темнице! Да и сёстры мои тоже ждали.

— Ах, бедняжки,— вздохнул королевич. — Это я виноват в их смерти.

— Но ведь они не умерли,— сказала девушка.— Разве ты не видел, что они стали апельсиновыми рощами? Они будут давать прохладу усталым путникам, утолять их жажду. Но

теперь мои сёстры уже никогда не смогут превратиться в де-
вушек.

— А ты не покинешь меня? — воскликнул королевич.

— Не покину, если ты меня не разлюбишь.

Королевич положил руку на рукоять своего меча и по-
клялся, что никого не назовёт своей женой, кроме дочери ко-
роля апельсиновых деревьев.

Он посадил девушку впереди себя на седло и поскакал к
родному дворцу.

Вот уже заблестели вдали дворцовые башенки. Королевич
остановил коня и сказал:

— Подожди меня здесь, я вернусь за тобой в золотой каре-
те и привезу тебе атласное платье и атласные туфельки.

— Не надо мне ни кареты, ни нарядов. Лучше не оставляй
меня одну.

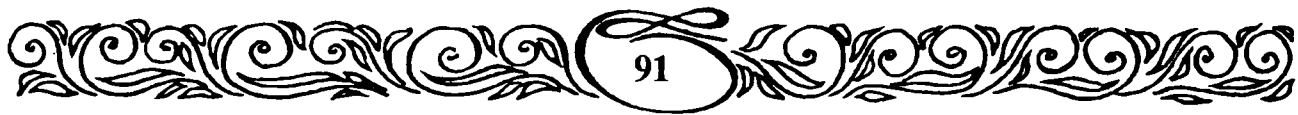
— Но я хочу, чтобы ты въехала во дворец моего отца, как
подобает невесте королевского сына. Не бойся, я посажу тебя
на ветку дерева, вот над этим прудом. Тут тебя никто не уви-
дит.

Он поднял её на руки, посадил на дерево, а сам въехал в
ворота.

В это время хромоногая, кривая на один глаз служанка
пришла к пруду полоскать бельё. Она наклонилась над водой
и увидела в пруду отражение девушки.

— Неужели это я? — закричала служанка. — Как я стала
прекрасна! Верно, само солнце завидует моей красоте!

Служанка подняла вверх глаза, чтобы посмотреть на сол-
нце, и заметила среди густой листвы девушку. Тут служанка
поняла, что видит в воде не своё отражение.

— Эй, кто ты такая и что тут делаешь? — со злобой крикнула служанка.

— Я невеста королевского сына и жду, когда он приедет за мной.

Служанка подумала: «Вот случай перехитрить судьбу».

— Ну, это ещё неизвестно, за кем он приедет,— ответила она и принялась изо всех сил трясти дерево.

Бедная девушка из апельсина старалась, как могла, удержаться на ветвях. Но служанка раскачивала ствол всё сильнее и сильнее. Девушка сорвалась с ветки и, падая, превратилась опять в золотистый апельсин.

Служанка живо схватила апельсин, сунула за пазуху и полезла на дерево. Только успела она примоститься на ветке, как подъехал королевич в карете, запряженной шестёркой белых коней.

Служанка не стала дожидаться, пока её снимут с дерева, и спрыгнула на землю.

Королевич так и отшатнулся, увидев свою невесту хромоногой и кривой на один глаз.

Служанка быстро сказала:

— Э, женишок, не беспокойся, это всё у меня скоро пройдёт. В глаз мне попала соринка, а ногу я отсидела на дереве. После свадьбы я стану ещё лучше, чем была.

Королевичу ничего другого не оставалось, как везти её во дворец. Ведь он поклялся на своём мече.

Отец-король и мать-королева очень огорчились, увидев невесту своего любимого сына. Стоило ездить за такой красоткой чуть не на край света! Но раз слово дано, надо его выполнять. Принялись готовиться к свадьбе.

Настал вечер. Весь дворец так и сиял огнями. Столы были пышно накрыты, а гости разряжены в пух и прах. Все веселились. Невесел был только королевский сын. Его томила тоска, такая тоска, будто он и не держал никогда в руках трёх апельсинов. Хоть снова садись на коня да поезжай неведомо куда, неизвестно за чем.

Тут ударили в колокол, и все сели за стол. А во главе стола посадили молодых. Слуги обносили гостей искусно приготовленными кушаньями и напитками.

Невеста попробовала одного кушанья, попробовала другого, но каждый кусок так и застревал у неё в горле. Ей хотелось пить. Но, сколько она ни пила, жажда не унималась. Тогда она вспомнила про апельсин и решила его съесть. Вдруг апельсин выкатился у неё рук и покатился по столу, выговаривая нежным голосом:

Кривая кривда сидит за столом,
А правда с нею проникла в дом!

Гости затаили дыхание. Невеста побледнела. Апельсин прокатился вокруг стола, подкатился к королевичу и раскрылся. Из него вышла прекрасная дочь короля апельсиновых деревьев.

Королевич взял её за руки и подвёл к отцу и матери.

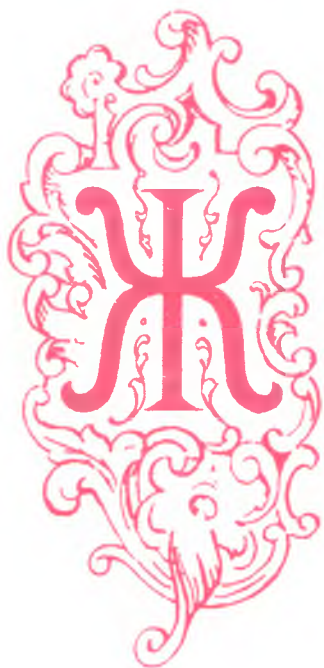
— Вот моя настоящая невеста!

Злую обманщицу тотчас прогнали прочь. А королевич с девушкой из апельсина отпраздновали весёлую свадьбу и прожили счастливо до глубокой старости.

ЗЕЛЕНАЯ ЗМЕЯ

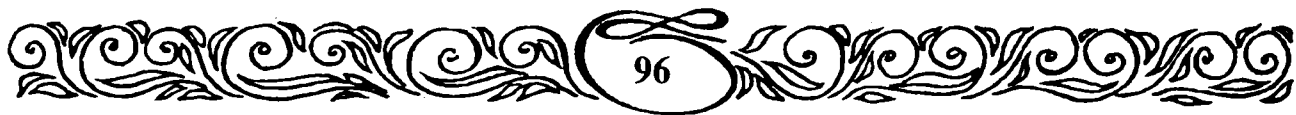
ила-была королева, у которой родились однажды дочки-близнецы. Она позвала на крестины фей. А в те времена, если феи приходили крестить ребёнка, они приносили ему в дар множество подарков. Они могли превратить обычного ребёнка в красивейшего и умнейшего в мире. Но иногда феи, рассердившись на что-либо, могли пожелать младенцу много плохого, поэтому все родители старались всячески

задобрить фей.

И вот во дворце был устроен роскошный банкет для фей. Не успели феи приняться за еду, как появилась старая-старая фея, которую уже много лет никто не видел. Королева в ужасе затряслась от страшного предчувствия. А король, подбежав к старухе, хотел усадить её за стол, но та грубо оттолкнула его и сказала:

— Мне не нужны ваши подачки.

— Ну, пожалуйста,— взмолилась королева,— удостойте нас чести видеть вас за нашим столом.

— Если бы вы хотели этого, то пригласили бы меня,— возмущенно воскликнула гадкая старуха.— Если вы думаете, что сила моего волшебства уменьшилась с годами, то это не так, и скоро я докажу вам это.

Наконец она соизволила сесть за стол, но её злоба закипела с новой силой, когда она увидела пояса, усеянные драгоценными камнями, которые другие феи получили в подарок от короля и королевы. Ей не досталось пояса. Перепуганная королева принесла ей шкатулку, украшенную бриллиантами, но старая карга оттолкнула подарок, заявив с возмущением:

— Вот ещё одно доказательство того, что вы и не думали меня приглашать. Уберите свою коробку, у меня есть столько бриллиантов, что вам и не снилось!

Она ударила дважды волшебной палочкой по столу, и вместо роскошных кушаний на блюдах появились гадкие извивающиеся змеи. В ужасе все феи разбежались.

Как только они исчезли, старая карга подошла к кровати первого ребёнка и сказала:

— Я желаю тебе быть отвратительной и ужасной, насколько это возможно.

Она подошла уже было к другой кровати, но тут к ней подскочила молоденькая смелая фея, оставшаяся в тронном зале, и схватила её за спину. Старая карга от злости вспыхнула и сгорела. Вернувшиеся феи постарались наградить бедную пострадавшую малышку самыми лучшими своими дарами. Но королева была безутешна, видя, что с каждой минутой её дочь становится всё уродливей и уродливей.

— Как мы можем помочь ей? — спорили феи. Они немного посовещались.

— Ваше величество,— сказали они,— не плачьте. Мы обещаем вам, что в один прекрасный день ваша дочь станет счастливейшей девушкой на свете.

— А будет ли она красивой? — спросила безутешная королева.

— Мы не можем всего объяснить,— ответили феи.— Но верьте нам — она будет счастливой.

Королева поблагодарила их и дала им богатые подарки. Первую дочь она назвала Дорагли, а вторую — Дорабелла. Дорагли с годами становилась всё страшнее и страшнее, а Дорабелла — всё прекрасней и прекрасней. Когда Дорагли исполнилось 12 лет, она стала такой ужасной, что никто без брезгливости не мог даже приближаться к ней. Поэтому король купил самый отдалённый замок в королевстве и поселил её туда жить в одиночестве. Она отправилась туда со своей старой нянькой и несколькими слугами. Старый замок стоял на берегу моря. С другой стороны его был дремучий лес, за которым простирались необъятные поля. Там и жила Дорагли долгих два года.

Она занималась музыкой и живописью и даже сочинила целую книгу стихов. Но она очень скучала по родителям и однажды решила навестить их. Дорагли приехала как раз в то время, когда её сестра выходила замуж за принца из соседнего королевства. Родственники были совсем не рады ей. Им было неприятно смотреть на её уродство, и они боялись, что принц, увидев её, откажется жениться на её сестре, Дорабелле.

Бедная Дорагли сквозь слёзы сказала им:

— Я приехала только, чтобы на минуточку увидеть вас. Я так скучала! Но вы не желаете меня видеть, и я сейчас же уезжаю обратно!

Она хотела было напомнить им, что её уродство — это не её вина, а их. Но у неё было очень доброе сердце, и она не стала этого делать, а лишь в слезах покинула дворец. Однажды, гуляя по лесу, она увидела огромную зелёную змею, которая, приподняв голову, сказала ей человеческим голосом:

— Доброе утро, Дорагли. Не грусти. Посмотри на меня. Я гораздо уродливей тебя. А когда-то я была привлекательной.

Дорагли очень испугалась и убежала домой. Несколько дней она боялась выходить из дома, но однажды вечером, устав от однообразности дворцовых комнат, она вышла погулять к морю. Подойдя к берегу, она увидела роскошную маленькую золотую лодочку, всю усыпанную драгоценными камнями и сияющую в лучах заходящего солнца.

Её вёсла были сделаны из чистого золота. Лодочка потихоньку качалась на волнах, и Дорагли подошла посмотреть её поближе. Она вошла в лодочку и спустилась в маленькую кабину, обшитую зелёным бархатом. Пока она рассматривала убранство каюты, подул ветер, и лодочка быстро поплыла в открытое море. Дорагли сначала пыталась остановить лодочку, но потом подумала:

— Я наверняка умру, и тогда моим мучениям придёт конец. Я такая уродина, что все ненавидят меня. Моя сестра стала королевой, а я страшной уродиной. Только гадкие змеи хотят говорить со мной.

Вдруг среди волн появилась зелёная змея, которая сказала человеческим голосом:

— Дорагли, если ты не отвергнешь помощь гадкой змеи, я смогу спасти тебе жизнь.

— Лучше я умру,— сказала Дорагли, так как всю жизнь боялась змей.

Ни слова не сказав, змея исчезла в волнах.

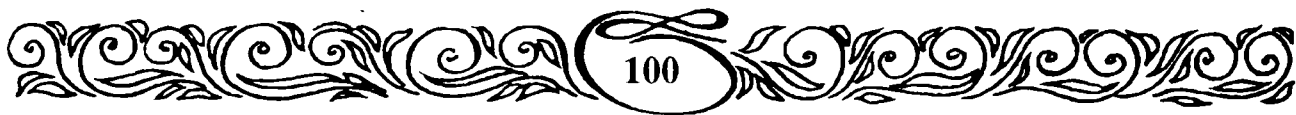
«Это зелёное пресмыкающееся наводит на меня ужас. Я просто трясусь от страха, когда вижу эти горящие жёлтым огнём глаза и жало, торчащее из отвратительной пасти. Я лучше умру, чем доверю ей свою жизнь. Но почему она преследует меня? И как она научилась говорить?»— подумала Дорагли.

Вдруг, ветер донёс до неё слова:

— Принцесса, будь ласкова с зелёной змеей. В конце концов, она для змеи очень даже красива, в отличие от тебя. Она может тебе помочь даже в том, в чём ты не предполагаешь. Разреши ей сделать это.

Тут налетел ураган, погнал лодку на рифы и, разбив её вдребезги, утих. Дорагли схватилась за обломок лодки, едва уместаясь на нём. Вдруг она с ужасом обнаружила, что держится не за обломок дерева, а за туловище зелёной змеи. Через какое-то время они подплыли к скале, и змея, высадив Дорагли на берег, исчезла опять. Дорагли в одиночестве сидя на скале плакала, приговаривая: «Я спаслась от бури, но здесь я точно умру».

Приближался вечер. Взобравшись на верхушку скалы, Дорагли прилегла, укрывшись фартучком, и заснула. Во сне ей слышалась самая чудесная музыка, которую она когда-либо слышала. «Какой чудесный сон»,— подумала Дорагли и, потянувшись, открыла глаза. Но каково же было её удивление, когда она вдруг увидела вокруг себя не море и не скалу

под собой, а прекрасный золотой зал с золочёным балконом. Выйдя на балкон, Дорагли увидела цветущие сады и леса, огромный старинный парк со сверкающими фонтанами и статуями необыкновенной работы. Вдалеке, переливаясь всеми цветами радуги, стояли маленькие домики, усыпанные драгоценными камнями.

— Что это со мной? Где я нахожусь? — недоумевала Дорагли.

Вдруг она услышала стук в дверь. Подойдя и открыв её, она обнаружила на пороге пятьдесят маленьких китайских куколок, живых, как обычные люди. Они были величиной всего с ладошку, но смеялись и говорили, как люди. Они поприветствовали Дорагли и выразили надежду, что ей понравится в их чудесном королевстве.

— Наша дорогая гостья,— сказала самая маленькая куколка, которая, по-видимому, была среди них главная.— Наш дорогой король пожелал, чтобы мы сделали ваше присутствие здесь очень счастливым. Поэтому мы в вашем распоряжении.

Они повели Дорагли в сад, где показали ей роскошный бассейн. Рядом с бассейном она увидела два больших стула.

— Чьи это? — спросила она.

— Один короля,— сказали куколки,— а второй — ваш.

— Но где же сам король? Я его не вижу,— сказала Дорагли.

— Он сейчас сражается на войне,— ответила куколка.

— А он женат? — поинтересовалась Дорагли.

— Нет,— ответила куколка.— Он ещё не встретил свою мечту.

Искупавшись в бассейне, Дорагли надела роскошные одежды, которые принесли ей куколки. Они причесали её и

украсили причёску драгоценными камнями. Дорагли была счастлива. Впервые в жизни она почувствовала себя принцессой.

Незаметно пролетела неделя. Дорагли была счастлива, куколки тоже.

Они полюбили её за доброе сердце. Однажды ночью, лёжа в своей постели, она размышляла, что же будет дальше. Она чувствовала себя почему-то всё равно одиноко.

«Это потому, что не знаешь любви,— ответил её мыслям голос сверху.— Настоящее счастье приходит только к любящим людям».

— Какая же из куколок разговаривает со мной? — поинтересовалась Дорагли.

— Это не куколка. Это я, король всех этих земель, моя дорогая. И я люблю вас всем сердцем.

— Принц любит меня? — спросила поражённая Дорагли.— Вы, должно быть, незрячи. Я самая страшная уродина на свете.

— Нет, я прекрасно вижу вас и ещё раз смею утверждать, что вы самая прекрасная девушка на свете.

— Вы очень добры,— сказала Дорагли.— Я даже не знаю, что и сказать.

Невидимый король больше ничего не сказал в эту ночь. На следующий день Дорагли спросила куколок, не вернулся ли домой король, и их ответ: «Нет ещё», очень её озадачил.

— Молод ли и хорош он собой? — спросила она.

— Да,— ответили куколки.— И ещё он очень любезен. Он сообщает нам новости о себе каждый день.

— Но знает ли он, что я здесь?

— Да, он знает о вас всё. Каждый час скороходы доставляют ему подробный отчёт о вашем пребывании здесь.

С тех пор, едва почувствовав себя одиноко, Дорагли слышала голос невидимого короля. Он всегда говорил ей приятные и добрые слова.

Однажды ночью, проснувшись, она увидела рядом со своей кроватью туманную фигуру. Она подумала, что это одна из куколок охраняет её сон, и протянула руку, пытаясь дотронуться до фигурки. Вдруг кто-то начал целовать её руку, и несколько капель слёз пролилось на неё. Дорагли вдруг поняла, что это невидимый король.

— Что ты хочешь от меня? — спросила она. — Как я могу полюбить тебя, если никогда не видела твоего лица?

— Моя возлюбленная принцесса, — ответил невидимый король. — Дело в том, что я не могу показать тебе своё лицо. Злая старая колдунья, которая жестоко обошлась с тобой, наложила на меня семилетнее заклятье. Пять лет уже минуло, осталось всего два года. И если ты сейчас согласишься выйти за меня замуж, они будут самыми счастливыми в моей жизни.

Тронутая добротой и благородством невидимого короля, Дорагли сразу же полюбила его и дала согласие выйти за него замуж. При этом она обещала, что не будет настаивать увидеть его в течении оставшихся двух лет заклятья.

— Всё дело в том, моя любимая, — сказал невидимый король, — что если ты нарушишь свой обет, то с этого момента семь лет заклятья-начнутся вновь. А если ты сдержишь своё обещание, то я через два года предстану пред тобой самым красивейшим мужчиной на свете, и ты тоже станешь прекрас-

нейшей из королев, поскольку и к тебе вернётся твоя красота, отобранная злой колдуньей.

Дорагли пообещала ему быть терпеливой и нелюбопытной, и вскоре они поженились.

Через несколько месяцев после свадьбы Дорагли очень затосковала по своим родным. Она попросила короля разрешить ей пригласить их в гости. Невидимый король пытался отговорить её, но всё было напрасно. Наконец он разрешил ей послать кукол к её родным за море с приглашением посетить их дворец.

Матери Дорагли было очень интересно увидеть своего зятя. Она сразу же отправилась в путь, захватив с собой Дорабеллу.

Дорагли с большим удовольствием показывала им свой дворец. Когда же они интересовались её мужем, она лгала им, как могла, говоря, то он на войне, то на охоте, то просто болен. Но поскольку она была очень правдивой девушкой, то как следует врать не умела, и мать с сестрой решили, что у неё вообще нет мужа. Они принялись выпытывать у неё правду. Не выдержав их расспросов, Дорагли рассказала им всю правду.

— Он просто дурит тебе голову,— сказали ей мать с сестрой, выслушав её рассказ.— Неужели ты веришь его словам? А, может быть, он ужасный монстр, который хочет убить тебя?

Слова матери ужасно обеспокоили Дорагли. Проводив её с богатыми подарками домой, Дорагли решила узнать тайну своего невидимого мужа до конца. Однажды ночью она поставила у своей кровати лампу, и когда король подошёл к её

кровати, она осветила его лицо. О, ужас! Это был не король, а огромная зелёная змея.

— О, Боже! — вскричал, заливаясь слезами король.— За что ты так наказала меня, ведь я люблю тебя больше жизни!

Дорагли в ответ только молча тряслась от страха. Зелёная змея исчезла.

Утром явились куколки, очень грустные, поскольку только что получили новости, что злая колдунья наслала на их королевство врагов — марионеток. Куколки храбро сражались и победили их. Тогда колдунья закружила вихрь из пыли и грязи на всё королевство невидимого короля. Уцелела только Дорагли. Марионетки взяли её в плен и привели к старой колдунье.

— Здравствуй, дорогуша,— сказала старуха.— Мне кажется, что мы раньше встречались с тобой.— Она захохотала.— Я однажды отлично погуляла на твоих крестинах.

— Неужели,— взмолилась Дорагли,— ты тогда недостаточно наказала меня, сделав отвратительной уродиной? Зачем же сейчас ты ещё делаешь мне больно, так поступив с моим мужем?

— Ты слишком много болтаешь,— сказала старуха.— Эй, слуги, принесите железные башмаки и наденьте их на королеву.

Слуги натянули узкие и тяжёлые башмаки на королеву. Затем старая карга дала ей ужасное веретено, колющее пальцы до крови и спутанный клубок паутины.

— Распутай её в течение двух часов и спряди в красивую пряжу.

— Я не умею прясть, но постараюсь,— ответила Дорагли.

Её отвели в тёмную-претёмную маленькую каморку и закрыли на замок. Дорагли несколько раз пыталась распутать паутину, но у неё ничего не получалось. Она до крови исколола себе пальцы. Уронив голову на грудь, она горько заплакала, вспомнив свою безмятежно-счастливую жизнь во дворце, которой она лишилась по собственной глупости.

Вдруг она услышала знакомый голос.

— Моя возлюбленная, зачем ты заставила меня так страдать? Но я люблю тебя и хочу, чтобы ты спаслась. У меня остался один друг — Фея Покровительница, и я попросил её помочь тебе.

Вдруг кто-то три раза хлопнул в ладоши, и паутина Дорагли превратилась в прелестную пряжу.

Через два часа явилась колдунья, предвкушая расправу.

— Ну что же ты не напярала, гадкая ленивица,— ещё с порога завопила она.

— Я сделала всё, что смогла,— ответила Дорагли, протягивая ей моток красивой пряжи.

— Ты думаешь, что ты можешь перехитрить меня,— затряслась от злости ведьма.— Ну так вот, моё второе задание. Сплети из этой пряжи сеть, да такую прочную, чтобы ею можно было ловить лосося.

— Но, бабушка,— отвечала ей Дорагли,— даже мухи иногда прорывают сеть из паутины.

— Я уничтожу тебя, если ты не выполнишь моё задание,— злобно зашипела старуха.

Как только она ушла, Дорагли горько заплакала и, воздев к небу руки, сказала:

— Фея Покровительница, умоляю тебя, помоги мне.

Не успела она договорить, как сеть была готова. Дорагли поблагодарила фею и добавила:

— Мой любимый король! Только теперь я поняла, как не ценила твою любовь и причинила тебе столько страданий. Прости меня, если можешь.

Когда ведьма увидела сеть, она пришла в бешенство.

— Я заберу тебя к себе во дворец, и там уже никто не сможет тебе помочь,— вскричала она.

Она схватила Дорагли и велела слугам увезти её на корабле к себе в государство. Ночью, сидя на палубе, Дорагли смотрела на звезды и оплакивала свою судьбу. Вдруг она услышала знакомый голос.

— Не беспокойся, любовь моя. Я спасу тебя.

Дорагли посмотрела на воду и увидела зелёную змею. Вдруг откуда ни возьмись появилась злая колдунья. Она никогда не спала и слышала голос невидимого короля.

— Зелёная змея,— закричала она страшным голосом.— Я приказываю тебе уплыть отсюда на самый край света и больше здесь не появляться. Ты же Дорагли увидишь, что я сделаю с тобой, когда мы прибудем на место.

Зелёная змея уплыла к месту своего заключения. Наутро корабль прибыл на место. Колдунья взяла Дорагли, привязала ей на шею огромный камень и дала в руки дырявое ведёрко.

— Поднимайся на скалу,— приказала она ей. На вершине скалы находится дикий лес, полный злобных зверей, которые охраняют колодец Мудрости и Терпения. Иди туда и принеси мне ведёрко, полное воды из этого колодца. И поторопись, я даю тебе на это три года.

— Но как я могу взобраться на эту скалу? — взмолилась Дорагли.— Как я могу принести воды в дырявом ведёрке?

— Меня не интересует, как ты это сделаешь,— захохотала ведьма,— сделай это, или я убью зелёную змею.

Дорагли дала себе слово, что зелёная змея больше никогда не пострадает из-за неё, и она принялась за дело. Фея Покровительница помогала ей. Поднявшийся сильный ветер забросил Дорагли на вершину скалы. Фея укротила диких зверей своей волшебной палочкой. После ещё одного взмаха волшебной палочкой появилась колесница, запряжённая двумя орлами. Дорагли начала горячо благодарить фею, но та, улыбнувшись, сказала:

— Зелёная змея попросила меня помочь тебе. Орлы вмиг домчат тебя до колодца Мудрости и Терпения. Они также наполнят водой твоё ведёрко. Когда ты получишь воду Мудрости и Терпения, умой ей своё лицо, и к тебе вернётся твоя красота.

— Как это прекрасно! — воскликнула Дорагли.

— Но ты должна поторопиться и сделать то, что я тебе скажу, прежде чем вернуться к колдунье. Твоё заклятье сделало тебя рабыней ровно на семь лет. Птицы домчат тебя до леса. Пережди срок своего заклятья там.

Дорагли горячо поблагодарила фею и сказала:

— Все твои подарки и даже красота, которая должна вернуться ко мне, не принесут мне удовлетворения. Я не могу быть счастливой, пока страдает зелёная змея.

— Если ты будешь храброй все оставшиеся годы твоего заклятья, ты будешь свободна и зелёная змея тоже,— пообещала фея.

— Неужели такое долгое время я не увижу и не услышу его? — спросила Дорагли.

— К сожалению, нет,— ответила фея.— Твоё заклятье не позволяет тебе получать от него вести.

Слёзы брызнули из глаз Дорагли при этих словах. Она села в колесницу, и орлы помчали её к колодцу Мудрости и Терпения.

Когда орлы наполнили её ведёрко водой так, что не пролилось ни капельки, Дорагли подумала: «Это вода может сделать меня мудрее. Я, пожалуй, выпью глоток и стану разумнее. А уж потом умоюсь, чтобы быть красивой».

Она сначала выпила глоток волшебной воды. Потом умылась. Она стала такой привлекательной, что все птицы вокруг сразу же запели, глядя на её красоту.

Тут же появилась добрая фея и сказала:

— Твоё желание стать мудрее, чем красивее, радуёт меня. И я сокращу твоё заклятье на три года.

— Благодарю тебя,— сказала Дорагли.— Но вместо этого лучше помоги зелёной змее.

— Я попробую,— сказала фея.— Но посмотри на себя. Какой прекрасной ты стала, ты не можешь называться больше Дорагли. Я дала тебе новое имя — королева Дискрит. Перед тем как исчезнуть, фея коснулась ног королевы, и тесные уродливые железные башмаки превратились в пару золотых туфелек.

Птицы примчали королеву Дискрит в лес. Как прекрасно там было. Райские птицы пели на райских деревьях, а звери вокруг говорили человеческими голосами.

— Фея прислала нам гостью,— оповестили орлы всех вокруг.— Это королева Дискрит.

— О, как она прекрасна! — зашумели звери.— Стань, пожалуйста, нашей повелительницей!

— С удовольствием,— сказала Дискрит.— Но скажите мне сначала, что это за место, где мы сейчас находимся?

Старый мудрый крот ответил ей:

— Много-много лет назад феи устали бороться с людской ленью, ложью и бездельем. Сначала они пытались образумить людей, но потом рассердились на них и превратили хамов в свиней, болтливые сплетницы стали попугаями или курицами, а лгуны — обезьянами. Этот лес стал их домом. Они будут здесь находиться до тех пор, пока феи не посчитают, что они достаточно проучены.

Звери очень полюбили добрую, мудрую, прекрасную Дискрит. Они собирали для неё орехи, кормили её ягодами и развлекали сказками. Поистине, любой бы был счастлив в этом раю. Но Дискрит постоянно терзалась думами о том, какое несчастье она принесла зелёной змее. Быстро пролетели три года. Королева Дискрит опять надела свои железные башмаки, взяла ведёрко с водой мудрости, надела на шею цепь с камнем и попросила орлов отправить её к старой колдунье.

Старая карга очень удивилась, увидев её. Она считала, что Дискрит уже давно умерла, или её растерзали дикие звери в лесу. Но вот, перед ней, стояла живая и здоровая Дискрит и протягивала ей ведёрко с волшебной водой. Увидев её лицо, ведьма впала в неопишемую ярость.

— Что сделало тебя такой красивой? — зарычала она диким от злобы голосом.

— Я умылась водой мудрости,— сказала королева.

— Ты посмела послушаться меня,— закричала колдунья, в ярости топая ногами.— Я проучу тебя. Отправляйся в своих

железных башмаках на край света. Там в глубокой яме лежит бутыл с эликсиром долголетия. Принеси её мне. Я запрещаю тебе открывать бутыл. Если ты ослушаешься меня, твоё заклятье будет длиться вечно.

Слёзы навернулись на глаза Дискрит. Увидев их, колдунья злорадно засмеялась.

— Беги быстрее,— зашипела она.— И попробуй не выполнить мой приказ!

Принцесса побрела, даже не зная, в какой стороне конец света. Она шла много дней и ночей, но однажды её израненные и кровоточащие ноги подкосились от усталости. Она упала на землю и подумала, что умирает и сожалеет только о том, что больше не увидит зелёной змеи.

Вдруг перед ней появилась добрая фея и сказала ей:

— Дискрит, знаешь ли ты, что ты сможешь расколдовать зелёную змею только в том случае, если принесёшь колдунье эликсир долголетия?

— Я обязательно дойду туда,— пообещала Дискрит.— Но как мне узнать, где находится край света?

— Возьми эту волшебную ветку,— сказала фея,— и воткни её в землю.

Поблагодарив фею, королева всё исполнила, как она велела. Со страшным гулом перед ней раздвинулась земля, и королева увидела глубокую тёмную яму. И хотя она очень боялась, смело спустилась вниз. Её отвага была заслуженно вознаграждена. Внизу её ждал красивейший юноша на свете, и Дискрит поняла, что это зелёная змея. Увидев её, король лишился дара речи, поражённый её красотой.

Долгое время они сидели, обнявшись и плача от счастья. Затем появилась колдунья, охраняющая эликсир, и вручила

Дискрит бутыл. Как будто чтобы испытать её, бутыл была открыта. Но Дискрит хорошо помнила уроки судьбы и преодолела искушение отпить из бутыл.

Король и королева принесли элексир старой ведьме. Выпив его за один глоток, она стала такой красивой и доброй, что сразу же забыла про все те гадости, которые она делала в жизни.

Взмахнув своей палочкой, она превратила разрушенное королевство зелёной змеи в ещё более прекрасное, чем прежде. Затем она отослала прекрасного короля и мудрую королеву домой к своим любимым куколкам.

Там они и прожили долго и счастливо много-много лет.

ОГНИВО

ёл солдат по дороге: раз-два! раз-два! Ранец за спиной, сабля на боку; он шёл домой с войны. На дороге встрети-лась ему старая ведьма — безобразная, противная: нижняя губа висела у неё до самой груди.

— Здорово, служивый! — сказала она.— Какая у тебя славная сабля! А ранец-то какой большой! Вот brave солдат! Ну сейчас ты получишь денег, сколько твоей душе угодно.

— Спасибо, старая ведьма! — сказал солдат.

— Видишь вон то старое дерево? — сказала ведьма, показывая на дерево, которое стояло неподалёку.— Оно внутри пустое. Влезь наверх, там будет дупло, ты и спустишься в него, в самый низ! А перед тем я обвяжу тебя верёвкой вокруг пояса, ты мне крикни, и я тебя вытащу.

— Зачем мне туда лезть? — спросил солдат.

— За деньгами! — сказала ведьма.— Знай, что когда ты доберёшься до самого низа, то увидишь большой подземный ход; в нём горит больше сотни ламп, и там совсем светло. Ты

увидишь три двери; можешь отворить их, ключи торчат снаружи. Войди в первую комнату; посреди комнаты увидишь большой сундук, а на нём собаку: глаза у неё, словно чайные чашки! Но ты не бойся! Я дам тебе свой синий клетчатый передник, расстели его на полу, а сам живо подойди и схвати собаку, посади её на передник, открой сундук и бери из него денег вволю. В этом сундуке одни медяки; захочешь серебра — ступай в другую комнату; там сидит собака с глазами, как мельничные колёса! Но ты не пугайся: сажай её на передник и бери себе денежки. А захочешь, так достанешь и золота, сколько сможешь унести; пойдёшь только в третью комнату. Но у собаки, что сидит там на деревянном сундуке, глаза — каждый с круглую башню. Вот это собака! Злющая-презлющая! Но ты её не бойся: посади на мой передник, и она тебя не тронет, а ты бери себе золота, сколько хочешь!

— Оно бы недурно! — сказал солдат. — Но что ты с меня за это возьмёшь, старая ведьма? Ведь что-нибудь да тебе от меня нужно?

— Я не возьму с тебя ни полушки! — сказала ведьма. — Только принеси мне старое огниво, его позабыла там моя бабушка, когда спускалась в последний раз.

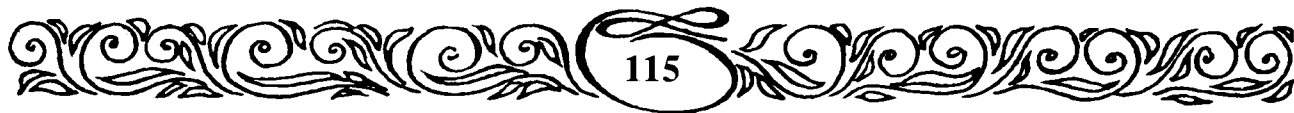
— Ну, обвязывай меня верёвкой! — приказал солдат.

— Готово! — сказала ведьма. — А вот и мой синий клетчатый передник!

Солдат влез на дерево, спустился в дупло и очутился, как сказала ведьма, в большом проходе, где горели сотни ламп.

Вот он открыл первую дверь. Ох! Там сидела собака с глазами, как чайные чашки, и таращилась на солдата.

— Вот так молодец! — сказал солдат, посадил пса на ведьмин передник и набрал полный карман медных денег, потом

закрыв сундук, опять посадил на него собаку и отправился в другую комнату. Ай-ай! Там сидела собака с глазами, как мельничные колёса.

— Нечего тебе таращиться на меня, глаза заболят! — сказал солдат и посадил собаку на ведьмин передник. Увидев в сундуке огромную кучу серебра, он выбросил все медяки и набил оба кармана и ранец серебром. Затем солдат пошёл в третью комнату. Фу ты пропасть! У этой собаки глаза были ни дать ни взять две круглые башни и вертелись, точно колёса.

— Мое почтение! — сказал солдат и взял под козырёк. Такой собаки он ещё не видывал.

Долго смотреть на неё он, впрочем, не стал, а взял да и посадил на передник и открыл сундук. Батюшки! Сколько тут было золота! Он мог бы купить на него весь Копенгаген, всех сахарных поросят у торговли сластями, всех оловянных солдатиков, всех деревянных лошадок и все кнутики на свете! На всё хватило бы! Солдат повыбросил из карманов и ранца серебряные деньги и так набил карманы, ранец, шапку и сапоги золотом, что еле-еле мог двигаться. Ну, наконец-то он был с деньгами! Собаку он опять посадил на сундук, потом захлопнул дверь, поднял голову и закричал:

— Тащи меня, старая ведьма!

— Огниво взял? — спросила ведьма.

— Ах чёрт, чуть не забыл! — сказал солдат, пошёл и взял огниво.

Ведьма вытащила его наверх, и он опять очутился на дороге, только теперь и карманы его, и сапоги, и ранец, и фуражка были набиты золотом.

— Зачем тебе это огниво? — спросил солдат.

— Не твоё дело! — ответила ведьма.— Получил деньги, и хватит с тебя! Ну, отдай огниво!

— Как бы не так! — сказал солдат.— Сейчас же говори, зачем тебе оно, не то вытащу саблю да отрублю тебе голову.

— Не скажу! — упёрлась ведьма.

Солдат взял и отрубил ей голову. Ведьма повалилась мёртвая, а он завязал все деньги в её передник, взвалил узел на спину, сунул огниво в карман и зашагал прямо в город.

Город был чудесный; солдат остановился на самом дорогом постоялом дворе, занял самые лучшие комнаты и потребовал все свои любимые блюда — теперь ведь он был богачом!

Слуга, который чистил приезжим обувь, удивился, что у такого богатого господина такие плохие сапоги, но солдат ещё не успел обзавестись новыми. Зато на другой день он купил себе и хорошие сапоги и богатое платье. Теперь солдат стал настоящим барином, и ему рассказали обо всех чудесах, какие были тут, в городе, и о короле, и о его прелестной дочери, принцессе.

— Как бы её увидеть? — спросил солдат.

— Этого никак нельзя! — сказали ему.— Она живёт в огромном медном замке, за высокими стенами с башнями. Никто, кроме самого короля, не смеет ни войти туда, ни выйти оттуда, потому что королю предсказали, будто дочь его выйдет замуж за простого солдата, а короли этого не любят!

«Вот бы на неё поглядеть!» — подумал солдат.

Да кто бы ему позволил?!

Теперь-то он зажил весело: ходил в театры, ездил кататься в королевский сад и много помогал бедным. И хорошо делал: он ведь по себе знал, как плохо сидеть без гроша в кармане! Теперь он был богат, прекрасно одевался и приобрёл

очень много друзей; все они называли его славным малым, настоящим кавалером, а ему это очень нравилось. Так он всё тратил да тратил деньги, а вновь-то взять было неоткуда, и осталось у него в конце концов всего-навсего две денежки! Пришлось перебраться из хороших комнат в крошечную каморку под самой крышей, самому чистить себе сапоги и даже латать их; никто из друзей не навещал его, — уж очень высоко было к нему подниматься!

Раз как-то, вечером, сидел солдат в своей каморке; совсем уже стемнело, и вспомнил про маленький огарочек в огниве, которое взял в подземелье, куда спускала его ведьма. Солдат достал огниво и огарок, но стоило ему ударить по кремню, как дверь распахнулась, и перед ним очутилась собака с глазами, точно чайные чашки, та самая, которую он видел в подземелье.

— Что угодно, господин? — пролаяла она.

— Вот так история! — сказал солдат. — Огниво-то, выходит, прелюбопытная вещица: я могу получить всё, что захочу! Эй ты, добудь мне деньжонок! — сказал он собаке. Раз — её уж и след простыл, два — она опять тут как тут, а в зубах у неё большой кошель, набитый медью! Тут солдат понял, что за чудное у него огниво. Ударишь по кремню раз — является собака, которая сидела на сундуке с медными деньгами; ударишь два — является та, которая сидела на серебре; ударишь три — прибегает собака, что сидела на золоте.

Солдат опять перебрался в хорошие комнаты, стал ходить в щегольском платье, и все его друзья сейчас же узнали его и ужасно полюбили.

Вот ему и приди в голову: «Как это глупо, что нельзя видеть принцессу. Такая красавица, говорят, а что толку? Ведь

она век свой сидит в медном замке, за высокими стенами с башнями. Неужели мне так и не удастся поглядеть на неё хоть одним глазком? Ну-ка, где моё огниво?» И он ударил по кремню раз — в тот же миг перед ним стояла собака с глазами, точно чайные чашки.

— Теперь, правда, уже ночь,— сказал солдат.— Но мне до смерти захотелось увидеть принцессу, хоть на одну минуточку!

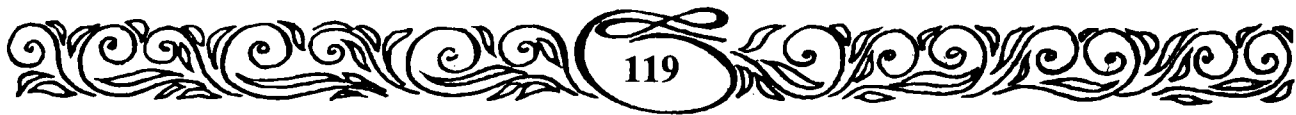
Собака сейчас же за дверь, и не успел солдат опомниться, как она явилась с принцессой. Принцесса сидела у собаки на спине и спала. Она была чудо как хороша; всякий сразу бы увидел, что это настоящая принцесса, и солдат не утерпел и поцеловал её, — он ведь был brave воин, настоящий солдат.

Собака отнесла принцессу назад, и за утренним чаем принцесса рассказала королю с королевой, какой она видела сегодня ночью удивительный сон про собаку и солдата: будто она ехала верхом на собаке, а солдат поцеловал её.

— Вот так история! — сказала королева.

И на следующую ночь к постели принцессы приставили старуху фрейлину — она должна была разузнать, был ли то в самом деле сон или что другое.

А солдату опять до смерти захотелось увидеть прелестную принцессу. И вот ночью опять явилась собака, схватила принцессу и помчалась с ней во всю прыть, но старуха фрейлина надела непромокаемые сапоги и пустилась вдогонку. Увидав, что собака скрылась с принцессой в одном большом доме, фрейлина подумала: «Теперь я знаю, где их найти!» — взяла кусок мела, поставила на воротах дома крест и отправилась домой спать. Но собака, когда понесла принцессу назад, увидала этот крест, тоже взяла кусок мела и наставила

крестов на всех воротах в городе. Это было ловко придумано: теперь фрейлина не могла отыскать нужные ворота — повсюду белели кресты.

Рано утром король с королевой, старуха фрейлина и все офицеры пошли посмотреть, куда это ездила принцесса ночью.

— Вот куда! — сказал король, увидев первые ворота с крестом.

— Нет, вот куда, муженёк! — возразила королева, заметив крест на других воротах.

— Да и здесь крест и здесь! — зашумели другие, увидев кресты на всех воротах. Тут все поняли, что толку им не добиться.

Но королева была женщина умная, умела не только в каретах разъезжать. Взяла она большие золотые ножницы, изрезала на лоскутки штуку шёлковой материи, сшила крошечный хорошенький мешочек, насыпала в него мелкой гречневой крупы, привязала его на спину принцессе и потом прорезала в мешочке дырочку, чтобы крупа могла сыпаться на дорогу, по которой ездила принцесса.

Ночью собака явилась опять, посадила принцессу на спину и понесла к солдату; солдат так полюбил принцессу, что начал жалеть, отчего он не принц, — так хотелось ему жениться на ней. Собака и не заметила, что крупа сыпалась за нею по всей дороге, от самого дворца до окна солдата, куда она прыгнула с принцессой. Поутру король и королева сразу узнали, куда ездила принцесса, и солдата посадили в тюрьму.

Как там было темно и скучно! Засадили его туда и сказали: «Завтра утром тебя повесят!» Очень было невесело слышать это, а огниво своё он позабыл дома, на постоялом дворе.

Утром солдат подошёл к маленькому окошку и стал смотреть сквозь железную решётку на улицу: народ толпами валил за город смотреть, как будут вешать солдата; били барабаны, проходили полки. Все спешили, бежали бегом. Бежал и мальчишка-сапожник в кожаном переднике и туфлях. Он мчался вприпрыжку, и одна туфля слетела у него с ноги и ударилась прямо о стену, у которой стоял солдат и глядел в окошко.

— Эй ты, куда торопишься! — сказал мальчику солдат. — Без меня ведь дело не обойдется! А вот, если сбегаешь туда, где я жил, за моим огнивом, получишь четыре монеты. Только живо!

Мальчишка был не прочь получить четыре монеты, он стрелой пустился за огнивом, отдал его солдату и... А вот теперь послушаем!

За городом построили огромную виселицу, вокруг стояли солдаты и сотни тысяч народу. Король и королева сидели на роскошном троне прямо против судей и всего королевского совета.

Солдат уже стоял на лестнице, и ему собирались накинуть веревку на шею, но он сказал, что, прежде чем казнить преступника, всегда исполняют какое-нибудь его желание. А ему бы очень хотелось выкурить трубочку, — это ведь будет последняя его трубочка на этом свете!

Король не посмел отказать в этой просьбе, и солдат вытащил своё огниво. Ударил по кремню раз, два, три — и перед ним предстали все три собаки: собака с глазами, как чайные чашки, собака с глазами, как мельничные колёса, и собака с глазами, как круглая башня.

— А ну помогите мне избавиться от петли! — приказал солдат.

И собаки бросились на судей и на весь королевский совет: того за ноги, того за нос да кверху на несколько сажень, и все падали и разбивались вдребезги!

— Не надо! — закричал король, но самая большая собака схватила его вместе с королевой и подбросила их вверх вслед за другими. Тогда солдаты испугались, а весь народ закричал:

— Служивый, будь нашим королём и возьми за себя прекрасную принцессу!

Солдата посадили в королевскую карету, и все три собаки танцевали перед ней и кричали «ура». Мальчишки свистели, засунув пальцы в рот, солдаты отдавали честь. Принцесса вышла из своего медного замка и сделалась королевой, чем была очень довольна. Свадебный пир продолжался целую неделю; собаки тоже сидели за столом и таращили глаза.

ГЕНЕРАЛ ФАНТА-ГИРО

ассказывают и пересказывают удивительную историю, что случилась в давние времена.

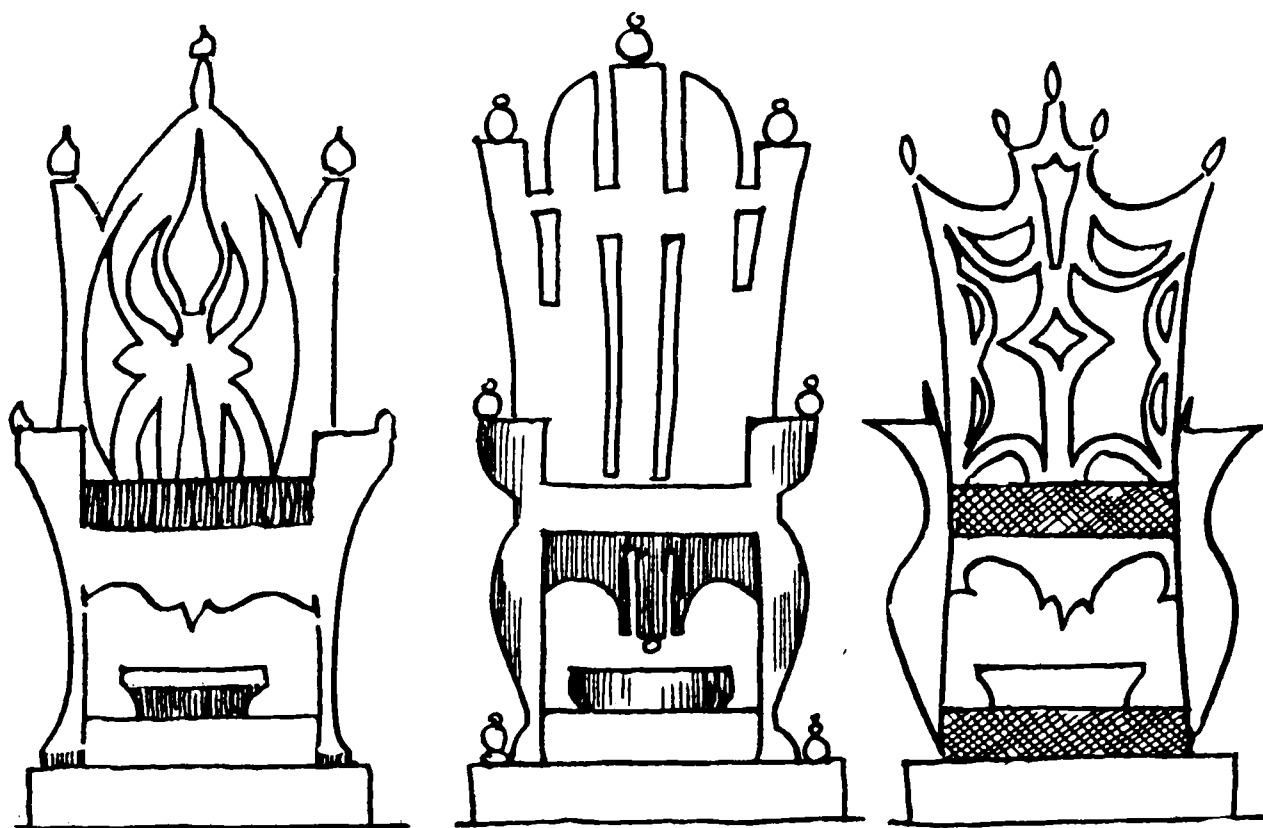
Жил король, у которого не было ни одного сына, зато было три дочери. Старшую звали Бьянка, среднюю — Ассунтина, а о младшей стоит поговорить отдельно. Только она родилась на свет и открыла чёрные-пречёрные глаза, все так и ахнули — такая она была красавица. И решили её назвать самым красивым именем, которого никто никогда на свете не слыхивал, —

Фанта-Гиро.

Кроме трёх дочерей, у короля было три трона. Один голубой, другой чёрный, а третий пурпурный. На голубом троне король восседал, когда был весел, на чёрном — когда был чем-нибудь недоволен, а на пурпурном никогда не сидел.

Вот однажды утром дочки прибежали поздороваться с отцом и увидели, что он сидит на чёрном троне и смотрит в окно.

— Чем вы недовольны, отец? — спросили дочки и тоже посмотрели в окно.

Ничего нового они не увидели. Перед дворцом расстилался луг, немного подальше блестела река, потом поднималась роща, за рощей стояла гора. А за горой начиналось соседнее королевство, только его не было видно.

— Чем же вы недовольны, ваше величество? — опять спросили дочери.

— Как мне быть довольным, если в соседнем королевстве солнце встаёт на целых полчаса раньше. И всё из-за проклятой горы! Я прожил семьдесят лет и никогда этого не замечал. Но сегодня я это заметил и теперь ни за что не сойду с чёрного трона.

Дочки опечалились. Они знали, что во дворце не будет ни балов, ни праздников, пока отец не пересядет на голубой трон.

Поэтому старшая, немного подумав, сказала:

— Если перетащить дворец на триста шагов правее, гора не будет загораживать солнце.

Король молча покачал головой.

Тогда средняя дочь сказала:

— Если вы не хотите перетащить дворец направо, можно перетащить его налево.

Тут король чуть не заплакал от огорчения.

— Вот и видно, что вы девчонки! — сказал он. — Ваш брат, мой сын, которого никогда и не было, не стал бы давать такие глупые советы. Он ведь прекрасно знает, то есть знал бы, что королевский дворец не собачья будка, которую можно перетаскивать с места на место. Там, где жил мой пра-прадед, мой прадед, мой дед, мой отец, должен жить и я.

— Есть о чём печалиться, дорогой отец, — весело сказала Фанта-Гиро. — Раз нельзя перенести дворец, прикажите срыть гору.

— Ах, дочь моя, — закричал обрадованный король, — ты почти так же умна, как твой брат... Если бы он был.

Король тут же отдал приказание срыть гору.

Конечно, срыть гору нелегко, но возможно. Потому что, как говорит пословица, нельзя разрушить только тот дом, который нарисован на бумаге. Гора, правда, не дом, однако скоро или не скоро, а дело было сделано, и дочери пришли поздравить отца.

Что же они увидели! Отец сидел не на чёрном троне, но и не на голубом. Король сидел на пурпурном троне. Такого с королём ещё ни разу не бывало.

— Что случилось, синьор отец? — спросили дочери.

— Мне грозит война, — ответил он. — Соседний король недоволен тем, что у него пропало эхо.

— А куда же оно делось, дорогой отец, и при чём тут вы? — воскликнули дочери.

— Да вот, видите ли, гора, которую я повелел скрыть, стояла на нашей земле и принадлежала нам. А эхо, которое отдавалось от горы, было собственностью соседнего короля. Когда срыли гору, куда-то пропало и эхо. Соседний король собрал войско и требует, чтобы ему вернули его королевское эхо, иначе он объявит войну. Вот я и сел на пурпурный трон — трон войны.

— И вы будете воевать? — спросили дочери.

— Уж не знаю, как и быть, — ответил, вздыхая, король. — Во-первых, я ни разу не воевал и не знаю, как это делается. Во-вторых, я стар и немощен. А в-третьих, у меня нет генерала. Вот если бы у вас был брат, он и был бы генералом.

— Если вы разрешите, — сказала Бьянка, старшая дочь, — генералом буду я. Неужели я не сумею командовать солдатами!

— Не женское это дело, — проворчал король.

— А вы меня испытайте, — настаивала Бьянка.

— Испытать, пожалуй, можно, — согласился король. — Но помни, если ты в походе начнёшь болтать о разных женских пустяках, — значит, ты не генерал, а просто королевская дочка. Изволь тогда немедленно возвращаться домой вместе со всем войском.

Так и порешили. Король велел своему верному оруженосцу Тонино ни на шаг не отходить от королевны и слушать, что она говорит.

Вот Бьянка и Тонино поскакали на войну, а за ними всё войско. Миновали луг и подъехали к реке, поросшей тростником.

— Что за чудесный тростник! — воскликнула Бьянка. — На обратном пути с войны обязательно нарежем его побольше и наделаем прялок.

— Можете резать тростник хоть сейчас, — сказал Тонино, — потому что вы уже возвращаетесь.

Он подал команду, и всё войско сделало налево кругом. Так и не удалось Бьянке стать генералом.

— Теперь испытайте меня, — сказала королю средняя дочь, Ассунтина.

Войско выступило во второй раз. Впереди скакали Ассунтина и верный оруженосец короля.

Проехали тростник. Ассунтина не сказала ни слова. Въехали в рощу. Ассунтина заговорила:

— Что за чудесные каштаны! Каких жердей можно нарубить для веретён!

— Стой! — скомандовал войску Тонино. — Поехали домой.

И всё войско — кавалерия, артиллерия, пехота и обоз — двинулось в обратный путь.

Тогда к отцу прибежала младшая дочь — Фанта-Гиро.

— Нет, нет, — сказал король, — ты слишком молода.

— Дорогой отец, неужели вы любите меня меньше, чем сестёр?

Король не устоял. Он издал третий указ и назначил генералом Фанта-Гиро.

— Если уж быть генералом, так настоящим,— сказала себе девушка.

Она надела доспехи, подобрала длинные косы под шлем, опоясалась мечом да ещё прибавила два пистолета. Генерал получился хоть куда.

Двинулись походом в третий раз. Проехали тростник — Фанта-Гиро ни слова; проехали каштановую рощу — Фанта-Гиро будто воды в рот набрала. Вот и граница, а по ту сторону границы стоит вражеское войско. Перед войском разъезжает на вороном коне молодой король, красивый и статный.

Тут Фанта-Гиро остановила свои полки и сказала Тонино:

— Прежде чем начать сражение, я поговорю с соседом. А ты скачи туда, где стояла гора, и спрячься в кустах. Если я подъеду к тому месту и заговорю, повторяй за мной каждое моё последнее слово. Да погромче, — слышишь?

Будь Фанта-Гиро, как раньше, младшей королевской дочерью, Тонино, может, попробовал бы с ней спорить. Ведь он не кто-нибудь, а верный оруженосец самого короля. Ему ли, словно зайцу, прятаться в кустах. Но теперь Тонино стоял перед генералом. Поэтому он сделал налево кругом и отправился в кусты.

А Фанта-Гиро подъехала к вражескому королю и сказала.

— Ваше королевское величество, моё войско готово к бою. Кони сыты, пушки заряжены, ружья начищены, сабли наточены. Но давайте поговорим — из-за чего мы будем воевать? Ведь король, мой повелитель, мог делать со своей горой всё, что ему угодно.

— С горой да,— возразил молодой король,— но ведь он посягнул на чужую собственность — на моё эхо.

— Ах, ваше величество, я уверен, что вам это показалось. Поедем к тому месту, и вы убедитесь, что эхо никуда не исчезло.

— Поедем,— согласился король.

Они пришпорили коней и скоро очутились там, где ещё недавно возвышалась гора. Тут они остановились, и генерал Фанта-Гиро запел нежным голосом:

Жило долго маленькое эхо
На горе высокой и крутой.
Слыша песню, людям на потеху
Отвечало песенкой простой...

— ...Простой-ой-ой! — завопил из кустов Тонино, да так, что король вздрогнул.

Но он тут же забыл про эхо, потому что генерал продолжал свою песенку:

Говорят, теперь пропало эхо,
Больше нет ни песенок, ни смеха...
Только правды в том ни капли нет.
Спой лишь звонче — эхо даст ответ.

— Ого-го! — заревел оруженосец.— Да ещё как да-аст!

— О, пресвятая мадонна! — воскликнул король, затыкая уши.— И из-за этого я, безумец, хотел воевать!

— Я могу спеть ещё,— любезно предложил генерал.

— Только не здесь,— поспешно сказал король.— Мне очень нравится ваше пение, но эха я не желаю больше слышать. Забудем все наши раздоры и станем друзьями. Не согласитесь ли вы погостить в моём замке?

— Охотно, ваше величество,— сказал генерал.

Едва они приехали в королевский замок, король побежал в покои своей матери.

— Матушка, я привёз с собой в гости неприятельского генерала. Но он совсем не похож на усатого вояку. Ах, какие глаза, какой ротик, какой нежный голос! Сдаётся мне, что это не генерал, а переодетая девушка. Вы мудрая женщина, посоветуйте, как мне узнать правду.

— Сведи генерала в оружейную палату,— ответила королева.— Если генерал и впрямь девушка, она и внимания не обратит на оружие.

Молодой король послушался совета матери. Но, едва генерал переступил порог оружейной палаты, он вскрикнул от восхищения. Он хвалил длинноствольные пищали, пробовал, хорошо ли наточены мечи, заострены ли шпаги. Он схватил саблю и принялся размахивать ею перед самым носом короля.

Тогда король снова поспешил к королеве.

— Матушка,— сказал он,— генерал ведёт себя, как настоящий мужчина, но я ещё больше, чем раньше, уверен, что это девушка. И девушка с каждой минутой нравится мне всё больше.

— Что ж, сынок,— ответила королева.— Поведи генерала в сад. Если это девушка, она сорвёт розу или фиалку и приколет к груди. Если это мужчина, он сорвёт веточку жасмина и заложит её за ухо.

Молодой король пригласил Фанта-Гиро погулять в саду. Он глаз не спускал с генерала. А тот и не глянул ни на пышные розы, ни на стыдливые фиалки. Зато, проходя мимо цветущего куста жасмина, генерал небрежно сорвал веточку и сунул себе за ухо.

Король в третий раз постучался в покои старой королевы.

— Матушка, по всем вашим приметам генерал — мужчина, а сердце моё говорит, что это девушка. Что же мне делать?

— Вот тебе мой последний совет. Пригласи генерала к обеду. Да смотри повнимательней. Женщина отрезает ломтики, прижимая хлеб к груди, мужчина же режет хлеб на весу.

Начался обед. Генерал взял нож и на весу отхватил большой ломоть хлеба.

А после обеда мать сказала сыну:

— Теперь ты окончательно убедился, что генерал — мужчина.

— Нет, матушка, это девушка. И я сам испытаю её.

Подойдя к Фанта-Гиро, молодой король сказал:

— Я так подружился с вами, генерал, что хочу познакомиться вас с моей невестой. Сейчас мы немного отдохнем, а к вечеру, если вы согласны, велим оседлать коней и поедem к ней в гости.

Ох, что сделалось с генералом! Он побледнел, потом покраснел и ответил дрожащим голосом:

— Охотно, ваше величество. Увидеть вашу невесту будет для меня самым большим удовольствием.

Потом король проводил генерала в отведённые ему покои. Когда же часа через два он пришел снова, генерала и след простыл. Молодой король, не медля ни минуты, вскочил на коня и поскакал в соседнее государство.

А Фанта-Гиро в это время обнимала своего отца, сидевшего снова на голубом троне.

— Ах, дорогой отец,— говорила она, горько плача,— я поехала на войну, а привезла с собой мир.

— Так о чём же ты плачешь, милая дочь? — спросил её отец.

— Я потеряла там своё сердце! — отвечала она, заплакав ещё жалобней.

Вдруг под окнами дворца послышался топот копыт, а через минуту в тронный зал вбежал молодой король. Он подошёл прямо к Фанта-Гиро и сказал:

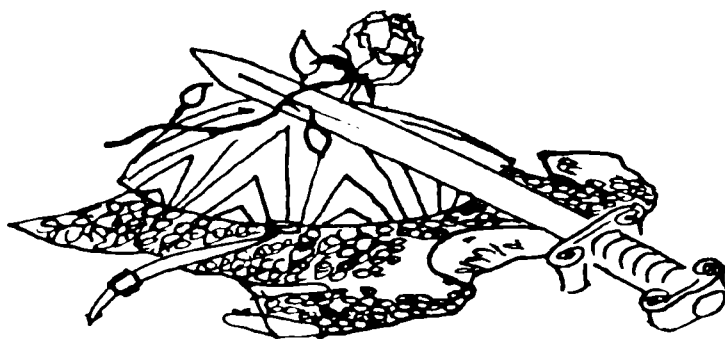
— Генерал, прошу вас стать моей женой.

— А ваша невеста? — спросила девушка.

— Милая Фанта-Гиро, когда я вам рассказывал о невесте, вы были генералом. А неприятельского генерала обмануть, право же, не грешно. Никакой невесты у меня нет, кроме вас, если вы на то согласны.

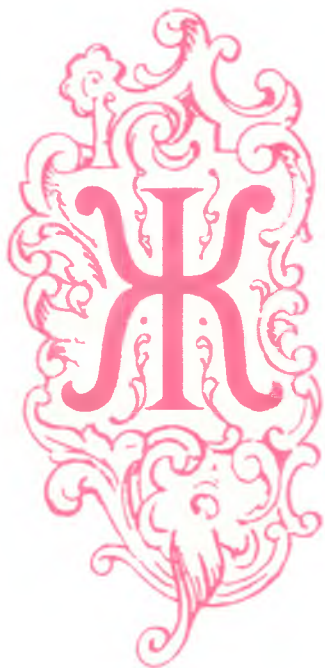
— Согласна, она согласна, — ответил старый король за свою дочь.

Скоро сыграли свадьбу. Фанта-Гиро, забросив боевые доспехи, надела платье с длинным шлейфом и приколола к груди розу. Молодой король весь сиял, глядя на свою красавицу жену. А старый король и старая королева так отплясывали тарантеллу, что любо-дорого было смотреть.

ЗОЛУШКА

ил-был вдовец, у которого была прелестная добрая дочка. Однажды он решил жениться вновь и взял в жёны злую, эгоистичную женщину. У неё были две дочери, которые по характеру были как две капли воды похожи на свою мать.

После свадьбы мачеха сразу же показала свой злой нрав. Она прекрасно понимала, что рядом с красивой добросердечной падчерицей её родные дочери выглядят ещё грязнее и уродливее. Поэтому она возненавидела падчерицу и заставляла её делать всю самую грязную работу по дому.

Бедная девочка готовила и стирала, убирала комнаты сестёр и мыла лестницы. Сама же она жила в маленькой тесной каморке на чердаке. Она переживала за своего тихого отца, которого страшно третировала новая жена.

По вечерам она часто сидела на тёплой золе у самого очага, поэтому её прозвали Золушкой. Но, несмотря на своё имя, она была в своих лохмотьях в сто раз милее, чем её сёстры в дорогих платьях, расшитых золотом.

Однажды королевский сын давал бал в свою честь и разослал приглашения всем подданным своего королевства. Сёстры Золушки были в восторге от этого и целыми днями примеряли вороха новых платьев, специально накопленных по этому случаю.

— Я надену красное бархатное платье,— говорила старшая,— с отделкой из ручных кружев.

— А я надену вот это гладкое бальное платье,— говорила вторая сестра,— но поверх него я надену свои бриллианты и шляпу с золотыми цветами.

Они советовались с самым лучшим парикмахером насчёт модных причёсок. У Золушки был отличный вкус, поэтому у неё тоже спрашивали совета.

— Я сделаю вам самые модные причёски во всём королевстве,— сказала Золушка.

Сёстры милостиво согласились. Пока она причёсывала их, они выпытывали у неё:

— Тебе бы хотелось пойти на бал, Золушка?

— Я боюсь, что меня не пустят на бал,— отвечала Золушка.

— Ты права. Только представишь тебя на балу и сразу можно умереть со смеху!

Любая другая девочка отомстила бы за такие насмешки и сделала бы их причёски похожими на копны сена. Но она как можно лучше причесала сестёр. Они были довольны. Они постоянно крутились и вертелись перед зеркалами и даже совсем забыли про еду. Чтобы сделать свои талии потоньше, они истратили кучу лент, замотавшись в них, как в коконы. Наконец они были готовы ехать на бал. Золушка проводила их до порога и немножко всплакнула от одиночества. Золуш-

кина крёстная мать, волшебница, пришла посмотреть, почему она плачет.

— Как я мечтаю попасть на бал! — всхлипывала Золушка.

— Делай всё, как я скажу, а там посмотрим, — сказала волшебница. — Принеси мне из сада большую тыкву.

Золушка побежала в сад и принесла самую большую тыкву, какую только могла принести. Волшебница выдолбила тыкву, а затем коснулась её волшебной палочкой. Она мгновенно превратилась в прелестную золотую карету.

Потом она заметила в мышеловке шесть маленьких мышей. Она выпустила их и, прикоснувшись к ним волшебной палочкой, превратила их в шесть красивых быстроногих коней.

Теперь не хватало кучера.

— Крыса подойдёт? — спросила Золушка.

— Конечно, — ответила крёстная.

Золушка принесла крысоловку. Волшебница выбрала крысу с самыми длинными усами и превратила её в толстого важного кучера.

Затем она сказала:

— У ворот сада сидят шесть ящериц. Принеси их мне.

Золушка быстро исполнила приказание. Волшебница превратила их в ловких слуг, стоящих на запятках кареты.

— Ну а теперь, ты можешь ехать на бал, — сказала она. — Ты довольна?

— Конечно, — ответила сияющая от счастья Золушка.

— Но удобно ли мне будет появиться там в этих лохмотьях?

Волшебница взмахнула своей палочкой и золушкины лохмотья превратились в роскошный, затканый золотом и сереб-

ром наряд. Её стоптанные башмаки превратились в хрустальные туфельки, словно предназначенные именно для балльных танцев. Золушка была ослепительно красива в своём наряде.

Золушка уселась в карету, и волшебница сказала ей:

— Желаю тебе весело провести время. Но запомни одну вещь. Ты должна покинуть бал ровно в полночь. Если ты не сделаешь этого, твоя карета превратится в тыкву, лошади опять станут мышами, слуги — ящерицами, а твоё роскошное балльное платье — грязными лохмотьями.

Золушка пообещала крёстной покинуть бал ровно в полночь и умчалась.

Слуги доложили принцу, что на бал приехала прекрасная богатая незнакомка. Он поспешил встретить её и проводить во дворец. Легкий шёпот изумления и восторга пробежал по залу. Все взгляды были прикованы к красавице. Старый король шепнул королеве, что он уже много лет не видел такого чуда. Дамы внимательно рассматривали её наряд, стараясь не упустить ни одной мелочи, чтобы завтра же заказать себе такой же, если им только это удастся.

Принц пригласил её на танец. Одно удовольствие было смотреть, как она танцует. Подали ужин, но принц совсем забыл про еду, его глаза не отрывались от глаз прекрасной незнакомки. Она села рядом со своими сводными сёстрами и угостила их экзотическими фруктами из корзинки, которую преподнёс ей принц. Они зарделись от удовольствия, удостоившись такой чести, но не узнали Золушку.

В самый разгар бала часы пробили три четверти двенадцатого. Золушка попрощалась со всеми и поспешила уйти. Вернувшись домой, она сердечно поблагодарила волшебницу и попросила у неё разрешения назавтра опять отправиться на

бал, поскольку принц очень просил её приехать. Волшебница обещала ей помочь опять.

Вскоре явились сёстры с мачехой. Золушка, притворившись, что она спала, зевая, открыла дверь.

Сёстры были в страшном возбуждении от появления на балу красавицы-незнакомки.

— Она была красивей всех на свете,— без умолку тараторила старшая сестра.— Она даже угостила нас фруктами.

Золушка улыбнулась и спросила:

— А как её звали?

— Никто не знает. Принц отдал бы что угодно, лишь бы узнать, кто она такая?

— Как я хочу увидеть её. Не смогли бы вы одолжить мне какое-нибудь ненужное вам платье, чтобы я тоже смогла пойти на бал? — спросила Золушка.

— Что? Ты собираешься напялить на себя наши платья? Никогда! — зашикали на неё сёстры.

Золушка была уверена, что так и случится. Если бы они разрешили ей, что бы она делала? На следующий вечер сёстры опять отправились на бал. Золушка тоже поехала вскоре после них, одетая ещё более богато, чем в прошлый раз. Принц не покидал её ни на минуту. Он был так любезен и мил, что Золушка совсем забыла про наказ волшебницы. Вдруг она услышала, как часы пробили полночь. Выскочив из зала, она помчалась к выходу, как быстроногая лань. Принц попытался поймать её. Вдруг с её ноги соскользнула и упала хрустальная туфелька, и принц еле успел подхватить её. Едва достигнув ворот дворца, Золушка превратилась в грязную замарашку в лохмотьях, а карета, кучер и слуги в

тыкву, крысу и ящериц. Ничего больше не напоминало о волшебстве, кроме хрустальной туфельки, оставшейся у неё.

Она прибежала домой чуть раньше сестёр. Они опять рассказали ей о том, что прекрасная незнакомка появлялась вновь. Она была ещё лучше, чем прежде. Но она исчезла так внезапно, что потеряла хрустальную туфельку. Принц нашёл её и спрятал у сердца. Все уверены, что он безумно влюблён в незнакомку.

Они были правы. На следующий день принц объявил, что женится на той девушке, которой хрустальная туфелька окажется впору. Принцессы, герцогини и придворные дамы — все примеряли туфельку, но безуспешно. Придворные принесли туфельку и к золушкиным сёстрам. Они изо всех сил старались надеть туфельку, но безуспешно. Тогда Золушка спросила:

— Можно мне попробовать тоже?

Её сёстры рассмеялись. Но королевский слуга сказал:

— Мне дан приказ примерять туфельку всем девушкам королевства без исключения.

Туфелька свободно наделась на золушкину ножку, как будто была сделана по ней. Тут же Золушка достала из кармана вторую туфельку, и все вокруг застыли в изумлении.

Появившаяся тут же волшебница, коснулась Золушки волшебной палочкой, и она превратилась в богато одетую красавицу-незнакомку.

Вот тут-то сёстры и узнали её. Они упали перед ней на колени и покаялись во всех своих дурных делах. Золушка простила их и предложила им стать друзьями.

С почётным эскортом Золушку проводили во дворец, где с нетерпением ожидал её молодой красавец-принц. Через не-

сколько дней они поженились и справили пышную свадьбу. Золушка была так же добра, как и красива. Она взяла сестёр жить во дворец и вскоре выдала их замуж за знатных вельмож.

КАРЛИК НОС

В одном большом городе в Германии много лет тому назад скромно и тихо жил сапожник со своей женой. Сапожник сидел обыкновенно в лавке на углу улицы и чинил башмаки и туфли. Случалось ему иногда шить и новую обувь, если находились заказчики, но для этого ему каждый раз приходилось покупать кожу, так как он по бедности не имел запасов. Жена сапожника торговала овощами и фруктами, которые разводила в небольшом садике за городом, и многие охотно покупали у неё, так как она всегда была опрятно одета и умела привлекательно раскладывать свой товар.

У сапожника был сын, хорошенький двенадцатилетний мальчик, очень стройный, даже высокий для своего возраста. Он обыкновенно сидел на рынке подле матери и относил на дом купленную женщинами или поварами провизию. Редко случалось ему возвращаться без какого-нибудь подарка: то, бывало, принесёт какой-нибудь цветочек, то кусок пирога, а то и небольшую монету, потому что жители города, покупав-

шие у его матери, очень любили красивого мальчика и почти никогда не отпускали его с пустыми руками.

Однажды жена сапожника сидела, по обыкновению, на рынке, а пред нею стояло несколько больших корзин с капустой, разными кореньями и семенами, а в одной — корзине, поменьше, лежали груши и абрикосы. Маленький Яков — так звали мальчика — стоял подле матери и звонким голосом зывал покупателей.

— Пожалуйте сюда! Посмотрите, какая хорошая капуста, какие душистые коренья! Не угодно ли груш, яблок и абрикосов? Матушка дёшево продаёт, купите!

Как раз в это время на рынке показалась какая-то стран-

ная старуха; платье на ней было оборвано, лицо маленькое, острое, сморщенное от старости, с красными глазами и длинными крючковатым носом. Она шла, опираясь на длинную палку, хромала, шаталась из стороны в сторону, как будто на ногах у неё были колёса, того и гляди, она могла шлёпнуться острым носом на мостовую.

Жена сапожника с удивлением поглядела на неё. Вот уже шестнадцать лет, как она ежедневно сидит на рынке, но ни разу не приходилось ей видеть такой странной особы. Она невольно вздрогнула, когда старуха, хромая и пошатываясь, подошла к ней и остановилась перед её корзиной.

— Это ты — Анна, торговка зеленью? — спросила старуха неприятным, хриплым голосом, беспрестанно тряся головой.

— Да, это я, — отвечала жена сапожника. — Что вам угодно?

— А вот посмотрим, есть ли у тебя то, что мне нужно, — отвечала старуха и, нагнувшись над корзинами, стала рыться в них своими безобразными чёрными руками. Она вытаскивала из корзины коренья, поочерёдно подносила их к своему длинному носу и обнюхивала.

Жене сапожника было неприятно видеть, как старуха обращается с её овощами, но она ничего не посмела сказать: ведь каждый покупатель имеет право осматривать товар, и к тому же старуха внушала ей какой-то непонятный страх.

Наконец, старуха, перерыв всю корзину, пробормотала:

— Дурной товар, дрянные коренья! Нет ничего, что мне нужно. То ли дело пятьдесят лет назад... Дурной товар... дурной.

Слова эти рассердили маленького Якова.

— Ах, ты, бесстыжая старуха! — вскричал он с досадой. — Сперва рылась своими безобразными пальцами и перемяла всю зелень, потом перенюхала всё своим длинным носом, так что всякий, кто видел это, не захочет покупать у нас, а теперь ещё ругает наш товар! У нас сам герцогский повар покупает, не то что такие нищие, как ты.

Старуха покосилась на смелого мальчика, засмеялась противным смехом и сказала своим хриплым голосом:

— Вот как, сыночек! Тебе не нравится мой прекрасный длинный нос? погоди, и у тебя будет такой же, до самого подбородка!

Сказав это, она перешла к другой корзине, в которой лежала капуста, и снова стала перебирать руками великолепные белые кочни, сжимая их так, что они громко трещали, после чего в беспорядке бросала их назад в корзину и говорила:

— Плохой товар... скверная капуста.

— Да не качай ты так безобразно головой! — воскликнул боязливо мальчик. — Шея у тебя тонкая, словно кочерыжка, — она может переломиться, и тогда голова твоя упадёт в корзину. А уж её-то никто покупать не станет!

— Так тебе не нравится моя тонкая шея? — со смехом пробормотала старуха. — Ну что ж, у тебя её не будет совсем; голова будет торчать прямо из плеч, чтобы не оторвалась от тебя.

— Не говорите таких слов мальчику! — сказала, наконец, жена сапожника, рассерженная этим долгим осматриванием и обнюхиванием. — Если хотите купить что-нибудь, то поторопитесь; ведь вы только разгоняете у меня других покупателей.

— Хорошо, пусть будет по-твоему! — воскликнула старуха с яростным взглядом.— Я куплю у тебя эти шесть кочней. Только вот что: я ведь должна опираться на палку и сама нести их не могу, так вели своему сынку, чтобы он отнёс мне товар на дом. Я ему за это заплачу.

Мальчуган не хотел идти, потому что боялся безобразной старухи, но мать строго приказала ему отнести капусту, так как жалела слабую, дряхлую женщину. Мальчик повиновался, но со слезами на глазах. Сложив капусту в платок, он пошёл вслед за старухой по рынку.

Старуха шла очень медленно, и потому ей понадобилось добрых три четверти часа, пока она добралась до отдаленной части города и остановилась перед маленьким ветхим домиком. Она вынула из кармана старый заржавленный ключ, проворно всунула его в замочную скважину, и дверь с шумом раскрылась. Но как же изумился маленький Яков, когда вошёл в дом! Внутренность его была великолепно убрана; потолок и стены были мраморные, мебель из лучшего чёрного дерева украшена золотом и драгоценными камнями; пол же был весь из стекла и такой гладкий, что мальчик несколько раз поскользнулся и упал.

Между тем старуха достала из кармана серебряный свисток. Раздался резкий, пронзительный звук. В ту же минуту по лестнице сбежало несколько морских свинок. Якову показалось очень странным, что они ходили на двух ногах, обутом вместо башмаков в ореховые скорлупки, носили человеческое платье и даже шляпы по последней моде.

— Где мои туфли, негодные твари? — крикнула старуха и так сильно ударила палкой, что свинки с криком подскочили вверх.— Долго ли мне ещё стоять тут?

В одну минуту свинки взбежали вверх по лестнице и, вернувшись с парой кокосовых скорлупок, подбитых кожей, проворно надели их старухе на ноги.

И в тот же миг прежней хромоты и пошатывания как не бывало. Старуха отбросила в сторону палку и проворно побежала по стеклянному полу, увлекая за собою маленького Якова. Наконец, они остановились в комнате, наполненной всякой утварью, придававшей ей вид кухни, хотя столы из красного дерева и диваны, покрытые драгоценными коврами, могли стоять и в любой роскошной гостиной.

— Присядь тут,— сказала старуха очень ласково, усаживая Якова в угол дивана и ставя пред ним стол таким образом, чтобы он не мог оттуда выйти.— Присядь! Тебе ведь пришлось нести немалую тяжесть: человеческие головы не очень-то легки.

— Что вы, старуха, что вы такое говорите? — воскликнул мальчик.— Правда, я действительно устал, но ведь то, что я нёс, были лишь кочни капусты, которые вы купили у моей матери.

— Как же, много ты знаешь! — сказала старуха со смехом и, подняв крышку с корзины, вытащила оттуда за волосы человеческую голову.

Мальчик чуть не обмер от страха. Он не мог понять, как это всё могло случиться, но при этом невольно подумал об опасности, которая угрожала его матери, если б кто-нибудь узнал об этих человеческих головах.

— Надо чем-нибудь вознаградить тебя за то, что ты был такой вежливый,— пробормотала старуха.— Вот подожди немного, я сварю тебе суп, которого ты не забудешь во всю жизнь.

Тут она снова засвистела. Снова появилось несколько морских свинок в человеческих платьях и передниках; за поясом у них торчали кухонные ложки и поварские ножи. За ними вприпрыжку прибежало множество белок в широких турецких шароварах и зелёных бархатных шапочках. Они, по-видимому, были поварятами. С величайшим проворством они лазали по висевшим на стенах полкам, доставали оттуда кастрюли и блюда, приносили яйца и масло, коренья и муку и всё это ставили на плиту.

Старуха же в своих кокосовых скорлупках бегала и сутилась по комнате, и мальчик видел, что она старается сварить ему что-то очень вкусное.

Вот затрещал огонь под плитой, в кастрюле закипело, и приятный аромат разлился по комнате. Но старуха продолжала бегать туда и сюда, морские свинки за ней, и каждый раз, проходя мимо плиты, она совала свой длинный нос прямо в горшок.

Наконец, кушанье закипело, пар густыми клубами повалил из горшка, и пена полилась на плиту. Тогда старуха сняла горшок с плиты, вылила содержимое его в серебряную тарелку и поставила её перед маленьким Яковом.

— Вот тебе, сыночек! — сказала она. — Покушай этого супа, тогда у тебя будет всё то, что тебе так понравилось у меня. Будешь и ты искусным поваром, но корешка, корешка-то не найдёшь, потому что его не оказалось в корзине твоей матери!

Мальчик не понял, о чём старуха говорит; да он и не старался понять: всё его внимание было поглощено супом, который ему очень понравился. Правда, мать не раз готовила для него разные лакомые блюда, но такого супа он никогда ещё

не пробовал. От супа исходил чудный аромат трав и корней; при этом он был и сладок, и кисловат, и чрезвычайно крепок.

Пока Яков доедал последние ложки лакомого блюда, морские свинки зажгли аравийский ладан, и комната наполнилась голубоватым дымом. Всё гуще и гуще становился этот дым, а запах ладана усыпительно действовал на мальчика. Несколько раз он вспоминал, что ему пора возвратиться к матери, но вслед за тем его снова одолевала сильная дремота — он забывался и, наконец, крепко заснул на диване у старухи.

Странные сны мерещились ему. Ему казалось будто старуха снимает с него платье и одевает в беличью шкуру. Теперь он мог прыгать и лазать не хуже белок. Он жил вместе с белками и морскими свинками, которые оказались очень благовоспитанными особами, и вместе с ними прислуживал старухе. Сначала ему поручали только чистку сапог, то есть он должен был натирать до блеска маслом кокосовые скорлупки, служившие старухе туфлями. Так как в доме отца ему часто приходилось исполнять подобную работу, то он справлялся с нею наилучшим образом. Через год — снилось ему дальше — ему стали поручать более тонкую работу. Вместе с несколькими другими белками он должен был ловить и собирать пылинки, а потом просеивать их сквозь тончайшее волосяное сито. Дело в том, что старуха считала пылинки питательными веществами, а так как она за неимением зубов не могла разжевать ничего твердого, то ей пекли хлеб исключительно из пылинок.

Ещё через год он был переведён в разряд слуг, собиравших воду для питья старухи. Не думайте, однако, что она велела для этого вырыть бассейн или доставить во двор бочку, чтобы собирать в неё дождевую воду, — нет, у неё дело было

обставлено похитрее. Белки, а в том числе и Яков, должны были собирать в ореховые скорлупки росу с роз, которую старуха употребляла для питья, а так как она пила очень много, то у водоносов работа была нелёгкая.

Прошёл ещё год, и маленького Якова перевели на домашние работы. Ему поручено было содержать в чистоте пол, но так как последний был из стекла, на котором можно было заметить малейшее дыхание, то и эта работа была тоже не из лёгких. Чтобы вытирать пол, Яков должен был обёртывать ноги старым сукном и разъезжать таким образом по всем комнатам.

Наконец, на пятый год его перевели на кухню. Это была почётная должность, которой можно было достигнуть только после продолжительного искуса. Яков прошёл все степени, начиная с поварёнка до первого повара, и достиг такой ловкости и умения во всём, что касается кухни, что часто дивился самому себе. Самые замысловатые блюда, паштеты из двухсот снадобьев, супы из всевозможных корней и зелени — всё это он научился готовить, и притом необыкновенно скоро и вкусно.

Так провёл он около семи лет в услужении у старухи. Но вот однажды она сняла кокосовые туфли и, взяв в руку корзину и клюку, собралась уходить. Она приказала Якову, чтобы к её возвращению он ошипал курицу, начинил её зеленью и хорошенько зажарил. Так Яков и сделал. Свернув курице шею, он обварил её кипятком, искусно ошипал перья, соскоблил кожу, чтобы она стала гладкая и нежная, и вынул из курицы внутренности. Потом он начал собирать корни, которыми должен был её начинить. В кладовой он увидел стеной шкафчик, дверь которого была полуотворена и которого он до

сих пор ни разу не замечал. Он с любопытством заглянул туда. В шкафу стояло множество корзинок, из которых исходил сильный приятный запах. Он открыл одну из корзинок и нашёл в ней растение какой-то особенной формы и цвета. Стебли и листья его были голубовато-зелёные, а цветок огненно-красный, с жёлтой каймой. Яков задумчиво поглядел на этот цветок, понюхал его и вспомнил, что он так же сильно пахнет, как тот суп, которым когда-то угостила его старуха. Запах был так силён, что он должен был чихнуть — раз, другой, и, наконец, он начал чихать так сильно, что проснулся.

Он лежал на диване старухи и удивлённо осматривался кругом. «Удивительно, как можно видеть такие вздорные сны,— сказал он самому себе,— и притом с такой ясностью! Ведь я мог бы поспорить, что был белкой, товарищем морских свинок и всякой другой нечисти и, наконец, сделался великим поваром. Вот ужо посмеётся маменька, когда я ей расскажу всё это! Впрочем, не будет ли она меня бранить за то, что я заснул в чужом доме, вместо того чтобы помогать ей на рынке?» С этими мыслями маленький Яков поднялся с места, чтобы уйти домой, но всё его тело так онемело от сна, в особенности затылок, что он не мог повернуть головы. Он невольно рассмеялся над собою и над своею сонливостью, так как каждую минуту стучался носом то о шкаф, то о стену или же задевал им за косяк двери. Белки и морские свинки с визгом бегали вокруг него, как будто желая его проводить. На пороге он обернулся и пригласил их последовать за собой, но они побежали обратно в дом и только издали провожали его жалобным визгом.

Улица, куда привела его старуха, находилась в очень отдалённой части города, и Яков едва мог выбраться из узких

переулков. Там была страшная толкотня. По всей вероятности, думал он, где-нибудь поблизости показывают карлика, так как он поминутно слышал возгласы:

— Ах, посмотрите на безобразного карлика! Откуда он взялся? Какой у него длинный нос и как смешно голова торчит у него прямо на плечах! А руки-то, руки какие у него чёрные, безобразные!

В другое время Яков и сам побежал бы за толпой, потому что очень любил смотреть на великанов, карликов и вообще на всякие диковинки, но на этот раз ему было не до того: он спешил вернуться к матери.

Ему стало как-то жутко, когда он пришёл на рынок. Мать всё ещё сидела на своём месте, и в корзине у неё оставалось довольно много овощей,— следовательно, он проспал недолго. Однако ему ещё издали показалось, что мать сидит какая-то грустная, потому что она не зазывала покупателей, а сидела неподвижно, подперев голову рукой; а когда он подошёл поближе, то ему показалось даже, что она бледнее обыкновенного. С минуту он простоял в нерешительности, не зная, что делать но потом собрался с духом, подошёл к ней сзади, ласково опустил руку на её плечо и сказал:

— Что с тобой, мамочка, ты сердишься на меня?

Мать обернулась, но в ту же минуту отшатнулась от него с криком ужаса.

— Что тебе нужно от меня, безобразный карлик! — воскликнула она.— Прочь, прочь от меня, я терпеть не могу подобных шуток!

— Но, мамочка, что с тобой? — спросил Яков с испугом.— Тебе, верно, нездоровится. Зачем же ты гонишь меня, своего сына?

— Я уже сказала тебе: убирайся прочь! — возразила она с гневом.— От меня ты не получишь ни гроша за свои шутки, уродливое создание!

«Вот горе-то, она совсем помешалась! — подумал огорчённый Яков.— Как бы мне отвести её домой?..»

— Милая мамочка, будь же рассудительна, посмотри на меня хорошенько,— ведь я твой сын, твой Яков...

— Нет, это уж чересчур! — воскликнула мать, обращаясь к соседке.— Посмотрите на безобразного карлика! Вот он стоит предо мной и разгоняет покупателей, да ещё осмеливается издеваться над моим несчастьем. Этот бессовестный урод не стыдится уверять меня, будто он — мой сын, мой Яков.

Тут соседки с шумом поднялись и осыпали Якова отборнейшей бранью: ведь торговки, как известно, на этот счёт мастерицы. Они ругали его за то, что он смеётся над несчастьем бедной женщины, у которой семь лет тому назад украли красавца-сына. Они грозили, если он не уйдёт, сейчас же накинуться на него и выцарапать ему глаза.

Бедный Яков не знал, что и подумать обо всём происходящем. Ведь не далее как сегодня утром он пошёл с матерью на рынок, помог ей разложить товар, потом отправился за старухой, поел у неё супу, вздремнул маленько и вернулся на рынок, а между тем и мать и соседки толкуют о каких-то семи годах да ещё называют его безобразным карликом. Что же такое случилось с ним? Однако, убедившись, что мать не хочет его знать, он с трудом удержался от слёз и печально побрёл в лавку, где отец его днём занимался починкой обуви. «Посмотрим,— подумал он,— может быть, он узнает меня; я встану у дверей и заговорю с ним».

Дойдя до лавки сапожника, он остановился перед дверью и заглянул туда. Отец был так углублен в работу, что сначала и не заметил его, но когда случайно взгляд его упал на дверь, он выронил из рук сапог, шило, дратву и воскликнул с ужасом:

— Господи, помилуй, что я вижу?

— Добрый вечер, хозяин! — сказал карлик, входя в лавку. — Как идут дела?

— Плохо, очень плохо, маленький господин! — отвечал отец, к великому изумлению Якова: как видно, он тоже не узнавал сына. — Дело у меня плохо спорится, я одинок, становлюсь старым, а держать подмастерья мне не по средствам.

— А разве у вас нет сына, которого вы могли бы мало-помалу приучить к делу? — продолжал расспрашивать Яков.

— Да, был у меня сын, по имени Яков. Теперь он был бы уже стройным, ловким двадцатилетним парнем и мог бы стать мне отличным помощником. То-то была бы жизнь! Когда ему было ещё двенадцать лет, он выказывал уже большое проворство и ловкость и кое-что уже смыслил в ремесле. А какой был красавчик! Будь он при мне, у меня было бы столько заказчиков, что я перестал бы чинить старьё и шил бы только новые башмаки. Да, видно, этому не суждено исполниться!

— Где же теперь ваш сын? — спросил Яков дрожащим голосом.

— Про то знает один Бог! — отвечал сапожник. — Лет семь тому назад его украли у нас на рынке.

— Семь лет! — воскликнул Яков с ужасом.

— Да, маленький господин, семь лет тому назад. Я ещё, как сейчас, помню, как жена моя вернулась домой с криком и

плачем, что мальчик целый день не возвращался, и что она искала его повсюду и не нашла. Я всегда опасался, что так случится. Яков был мальчик красивый — жена гордилась им и была довольна, когда чужие его хвалили. Часто она посылала его с овощами в богатые дома; положим, это было выгодно, потому что его каждый раз щедро награждали за это, а всё-таки не раз говорил я ей: «Берегись, город велик, злых людей много, смотри в оба за Яковом!» Так оно и случилось. Однажды пришла на рынок безобразная старуха, накупила столько овощей, что не могла сама снести их домой; у жены моей сердце жалостливое, вот она и послала с ней мальчика, и с тех пор — только мы его и видели.

— И это случилось семь лет тому назад, говорите вы?

— Да, весной исполнится семь лет. Уж мы искали его, искали, ходили из дома в дом и везде расспрашивали о нём. Многие знали хорошенького мальчика, любили его и помогали нам в розысках, но всё было напрасно. Да и старухи, которая купила у нас овощи, также не могли отыскать. Только одна старая-престарая женщина, прожившая уже на свете девяносто лет, сказала, что это, вероятно, злая волшебница, которая каждые пять—десять лет приходит в город, чтобы закупить себе разные травы.

Сказав это, отец Якова снова взял в руки башмак и обеими руками вытащил дратву. И тут только Яков, наконец, понял, что то, что казалось ему сном, произошло в действительности и что он в самом деле под видом белки прослужил у старухи семь лет. Сердце его преисполнилось горя и гнева: как, целых семь лет его юности украла у него старуха, и что же он получил взамен? Разве то, что он может чистить туфли из кокосовых скорлупок, мести стеклянные полы, или то, что

он научился от морских свинок всем тайнам поварского искусства?

Так простоял он несколько минут, раздумывая о своей судьбе, пока отец не спросил его.

— Не угодно ли вам заказать мне что-нибудь, молодой господин? Может быть, пару новых туфель или, — прибавил он, улыбаясь, — футляр для вашего носа?

— Какое вам дело до моего носа? — спросил Яков. — Зачем мне к нему футляр?

— Ну, — возразил сапожник, — у каждого свой вкус. Что до меня, то, будь у меня такой ужасный нос, я бы непременно заказал для него футляр из розовой кожи. Посмотрите, у меня как раз есть хорошенький кусочек. Правда, для вашего носа потребуется не меньше аршина, но зато, по крайней мере, вы будете в безопасности. Ведь вы, наверно, стучаетесь носом о каждый косяк, о каждую карету, от которой хотите посторониться?

Яков онемел от изумления. Он ощупал свой нос. О, ужас! Нос оказался необыкновенно толстым, а длиной — чуть ли не в две ладони. Итак, старуха изуродовала даже его наружность! Вот почему мать не узнала его, вот почему все называли его безобразным карликом!

— Хозяин, — сказал он, чуть не плача, — нет ли у вас маленького зеркальца, в которое я мог бы посмотреть на себя?

— Молодой человек, — возразил отец серьёзным тоном, — у вас не такая наружность, чтобы быть тщеславным, и вам, право, не следовало бы поминутно глядеться в зеркало. Постарайтесь отучить себя от этой смешной привычки.

— Ах, дайте мне всё-таки посмотреться в зеркало! — сказал карлик. — Уверяю вас, что я делаю это не из тщеславия...

— Оставьте меня в покое! У жены моей есть зеркало, но я не знаю, куда она его запрятала. Если же вам непременно хочется посмотреть на себя, то вон там, через улицу, живёт цирюльник Урбан; у него есть зеркало вдвое больше вашей головы; отправляйтесь к нему, а пока прощайте!

С этими словами отец тихонько выпроводил его из лавки, запер за ним дверь на ключ и снова сел за работу. Яков же, глубоко огорчённый, отправился через улицу к цирюльнику Урбану, которого ещё помнил по прежнему времени.

— Здравствуйте, Урбан! — сказал он ему. — Я пришёл попросить у вас маленькой услуги: будьте любезны, позвольте мне посмотреться в ваше зеркало.

— С удовольствием, вот оно! — воскликнул цирюльник, смеясь, и все посетители, которым он собирался брить бороды, расхохотались вслед за ним. — Что и говорить, вы красавец хоть куда, стройный, изящный! Шея у вас, как у лебедя, ручки, как у королевы, а нос такой, лучше которого и не найдешь. Правда, вы немного тщеславны, но так и быть, погляди-те на себя! Пусть не говорят добрые люди, что я из зависти не позволил вам полюбоваться собою.

Неудержимый хохот присутствующих сопровождал слова цирюльника. Яков же между тем подошёл к зеркалу и взглянул на себя. Слезы выступили у него на глазах. «Да, конечно, в таком виде ты не могла узнать своего Якова, милая маменька! — сказал он самому себе. — Не такой он был в те счастливые дни, когда ты гордилась им перед всеми!»

И действительно, перемена была ужасающая: глаза стали крошечными, как у свиньи, огромный нос висел ниже подбородка, шея как будто совсем исчезла, так что голова прямо торчала на плечах, и только с трудом он мог поворачивать её

направо или налево. Ростом он был не выше, чем тогда, когда ему было двенадцать лет. Но в то время, как другие юноши от двенадцати до двадцатилетнего возраста растут в вышину, он вырос только в ширину: спина и грудь у него были широкие и выгнутые и походили на туго набитые мешки. Это толстое туловище держалось на маленьких, слабых ножках, которым такая тяжесть была не под силу. Зато его руки были такой же длины, как у обыкновенного взрослого человека. Ладони толстые, коричневые, пальцы длинные, паукообразные, и когда он вытягивал руки, то мог, не сгибаясь, достать ими до полу. Вот каким безобразным карликом стал теперь маленький Яков...

Теперь он вспомнил то утро, когда старуха подошла к корзинам его матери. Всё, над чем он тогда смеялся: её длинный нос, её безобразные пальцы — всё это она передала ему, за исключением длинной, дрожащей шеи.

— Ну что, достаточно налюбовался собой, мой принц, — сказал цирюльник, подходя к Якову и со смехом рассматривая его. — Право, даже во сне нельзя вообразить себе ничего более смешного. А знаете, я вам сделаю предложение, маленький человечек. Хотя моя цирюльня и из лучших, но последнее время у меня не так много посетителей, как прежде, и в том виной мой сосед, цирюльник Пенкин, который где-то отыскал великана, заманивающего к нему публику. Но великан-то — невелика редкость, а вот такой человек, как вы, — это дело другого рода. Поступайте ко мне на службу, любезный! Вы получите квартиру, стол, одежду — всё, что вам нужно, а за это вы будете каждое утро стоять у дверей и зазывать посетителей. Вы будете взбивать пену и подавать гостям полотенце, и будьте уверены, что мы оба не останемся внакладе. У

меня будет больше посетителей, чем у соседа с его великаном, а вам все охотно будут давать на чай.

Яков в глубине души был глубоко возмущён этим предложением. Но — увы! — он должен был теперь привыкать к подобным оскорблениям. Поэтому он по возможности спокойно заявил цирюльнику, что у него нет времени для подобной службы, и пошёл далее.

Но хотя злая старуха придавала ему уродливый вид, она всё же, как видно, ничего не могла сделать с его умственными способностями. Это он сознавал вполне ясно, потому что теперь он думал и чувствовал далеко не так, как семь лет тому назад. Яков за этот промежуток времени стал и умнее и рассудительнее. И действительно, он не горевал о своей утраченной красоте, не плакал из-за своего безобразия; его огорчало лишь то, что его, как собаку, прогнали из родного дома. Однако он решился сделать ещё одну попытку и поговорить с матерью.

Он подошёл к ней на рынке и упросил спокойно выслушать его. Он напомнил ей о том дне, когда пошёл за старухой, напомнил ей разные случаи из своего детства, рассказал потом, как прослужил семь лет у волшебницы белкой и как она околдовала его за то, что он посмеялся над ней на рынке. Жена сапожника не знала, что и подумать. Всё, что Яков рассказывал о своём детстве, было совершенно верно, но когда он заговорил о том, как семь лет прослужил белкой, — то она никак не могла представить себе, чтобы это было возможно. А когда она при этом ещё взглядывала на карлика, то приходила в ужас от его уродства и окончательно отказывалась верить, что это её сын. Однако она сочла более благоразумным

переговорить с мужем. Собрав свои корзины, она велела Якову следовать за нею, и они отправились в лавку сапожника.

— Послушай,— сказала она мужу,— этот вот человек уверяет, что он наш пропавший Яков. Он рассказал мне всё: как его украли у нас семь лет тому назад и как он был заколдован волшебницей.

— Вот как! — с гневом прервал её сапожник.— Так это он тебе рассказал! Постой же ты, негодяй! Ведь всё это я сам с час тому назад рассказал ему, а потом он отправился к тебе, чтобы надуть тебя. Так ты был заколдован, сыночек? погоди же, я сейчас сниму с тебя колдовство!

С этими словами он схватил пучок ремней, которые только что нарезал, бросился на карлика и так хлестнул его по спине и длинным рукам, что тот закричал от боли и с плачем побежал прочь.

В городе нелегко было найти человека, который готов был помочь несчастному, обладающему такой смешной наружностью. Бедный карлик оставался весь день без пищи и питья и вечером должен был избрать для ночлега церковную паперть, несмотря на то, что ступени её были и жёстки и холодны.

На другое утро, проснувшись на заре, Яков серьёзно задумался о том, как найти себе пропитание, так как отец и мать окончательно прогнали его. Служить вывеской для цирюльника или показывать себя за деньги ему не позволяла гордость. Что же ему оставалось делать? Но тут вдруг ему пришло в голову, что, будучи белкой, он сделал большие успехи в поварском искусстве. Он справедливо полагал, что не уступит в этом деле никакому повару, и решил воспользоваться своими познаниями по этой части.

Как только улицы стали оживляться, он отправился в город. Он знал, что герцог, повелитель страны, был большой любитель хорошего стола и собирал у себя искусных поваров из разных стран света; к его-то дворцу и отправился наш карлик. Когда он подошёл к наружным воротам, караульные спросили, что ему нужно, и стали над ним насмехаться. Но он потребовал, чтобы его повели к главному смотрителю над кухней. Караульные расхохотались и повели его через парадные двери. Повсюду на его пути слуги останавливались, глядели на него и со смехом сопровождали его, так что, когда он стал подниматься по лестнице дворца, за ним тянулся уже длинный хвост всяческой прислуги. Конюхи побросали свои скребницы, скороходы бежали со всех ног, полотёры забыли выколачивать ковры; все бегали и суетились так, как будто неприятель стоял у ворот. Со всех сторон раздавались крики: «Карлик, карлик! Видели вы карлика?» Наконец, в дверях появился смотритель дворца с гневным лицом, держа в руке огромный хлыст.

— Что тут за шум? Разве вы не знаете, собаки, что герцог ещё спит?

С этими словами он взмахнул хлыстом и не совсем деликатно опустил его на спины ближайших конюхов и привратников.

— Ах, господин! — вскричали они. — Да разве вы не видите? Ведь мы привели карлика, да такого, какого вы, наверно, никогда не видали.

Смотритель дворца теперь только увидел Якова и с трудом удержался от смеха, так как боялся уронить этим своё достоинство. Поэтому он, разогнав хлыстом толпу, повёл кар-

лика в дом и спросил, что ему нужно. Но услышав, что тот хочет видеть смотрителя над кухней, возразил:

— Ты, верно, ошибся, голубчик! Ведь ты хочешь ко мне, к смотрителю дворца? Ты хочешь сделаться лейб-карликом герцога, не правда ли?

— Нет, господин,— отвечал Яков,— я искусный повар и умею готовить всевозможные редкие блюда. Соблаговолите отвести меня к главному смотрителю над кухней; быть может, ему пригодятся мои услуги.

— Как угодно, маленький человек, а всё-таки ты нерассудительный малый. В кухню — вот выдумал! Ведь, будучи лейб-карликом, ты мог бы ничего не делать, есть и пить вдоволь и носить прекрасное платье. Ну, да мы ещё увидим, вправду ли ты настолько искусен, чтобы быть поваром у герцога. А для поварёнка ты слишком хорош.

С этими словами смотритель дворца взял его за руку и повёл в комнаты главного смотрителя над кухней.

— Милостивый государь! — сказал карлик и поклонился так низко, что коснулся носом ковра, покрывавшего пол.— Не нужен ли вам искусный повар?

Главный смотритель над кухней оглядел его с ног до головы и разразился громким хохотом.

— Как, ты хочешь быть поваром? Неужели ты думаешь, что сможешь достать до плиты, даже ставши на цыпочки и высунув голову из плеч? Нет, крошка, тот, кто прислал тебя ко мне, хотел, видно, посмеяться над тобой.

Говоря это, смотритель над кухней заливался смехом, а смотритель дворца и все бывшие в комнате громко ему вторили.

Но карлик ничуть не смутился таким приёмом.

— Послушайте,— продолжал он,— что вам стоит рискнуть парой яиц, небольшим количеством вина, муки и кореньев? Ведь у вас этого добра вдоволь. Прикажите мне приготовить какое-нибудь лакомое блюдо, дайте мне всё, что нужно для этого, и оно будет приготовлено на ваших же глазах, да так, что вы сами должны будете сказать: «Он готовит по всем правилам искусства».

Такие слова говорил карлик, и странно было видеть, как он при этом сверкал своими крошечными глазками, как жестикулировал своими тонкими паукообразными пальцами и как поворачивался во все стороны его длинный нос.

— Ладно, будь по-твоему! — воскликнул, наконец, смотритель над кухней и взял под руку смотрителя дворца.— Что ж, попробуем, хотя бы ради шутки! Пойдёмте все в кухню.

Они миновали несколько залов и коридоров и, наконец, пришли в кухню. Это было большое, очень просторное помещение, великолепно устроенное. Под двадцатью плитами горел огонь; посредине комнаты протекал прозрачный ручеёк, служивший одновременно и бассейном для рыбы. В шкафах из мрамора и драгоценного дерева были сложены разные припасы, которые необходимо иметь всегда под рукой, а по обеим сторонам кухни тянулись десять залов, в которых хранилось всё, что только можно найти редкого и лакомого во всех странах востока и запада. Кухонная прислуга всякого рода бегала туда и сюда, гремела котлами и кастрюлями, вилками и половниками. Но когда главный смотритель над кухней появился среди них, они все безмолвно выстроились в ряд, так что слышен был лишь треск огня и журчание воды.

— Какой завтрак заказал герцог на сегодня? — спросил смотритель у первого повара, заведовавшего завтраками.

— Его высочеству угодно было заказать датский суп и красные гамбургские клёцки.

— Хорошо,— продолжал смотритель над кухней.— Слышал ты, что заказал герцог? Считаешь ли ты себя способным приготовить этот мудрёный суп? Что касается клёцок, то ты, во всяком случае, не сделаешь их,— это наша тайна.

— Нет ничего легче! — возразил карлик, к всеобщему удивлению, так как, будучи белкой, он часто готовил это блюдо.— Нет ничего легче: для супа вы мне дайте такие-то и такие коренья, такие-то пряности, кабаньей жир и яйца. Что же касается клёцок,— продолжал он потише, так, чтобы его могли слышать только смотритель над кухней и первый повар,— то для них мне нужно мясо четырёх сортов, немного вина, утиный жир, имбирь и одна травка, называемая «желудочной».

— Да ты, верно, был в ученье у какого-нибудь волшебника! — воскликнул повар с изумлением.— Ведь он назвал всё, как есть, а про желудочную травку мы и сами не знали. Нет сомнения, от неё клёцки будут ещё вкуснее; положительно, ты не повар, а совершенство!

— Никогда бы не поверил этому! — сказал главный смотритель над кухней.— Ну что ж, пусть покажет образец своего искусства. Дайте ему всё, что нужно, и пусть он приготовляет завтрак.

Так и было сделано. На плите всё приготовили для завтрака, но тут оказалось, что карлик едва может достать до неё носом. Тогда к плите приставили два стула, положили на них мраморную доску, и маленький человечек взобрался на неё, чтобы показать своё искусство. Кругом со всех сторон расположились повара, поварята и всякая другая кухонная при-

слуга. Все с изумлением глядели, как быстро и ловко всё спорилось у него в руках. Когда все нужные приготовления были окончены, он приказал поставить оба блюда на огонь и варить до тех пор, пока он не велит снять. Потом он начал считать: раз, два, три и т. д., и когда сосчитал ровно пятьсот, крикнул: «Стой!» Немедленно горшки были сняты с огня, и карлик пригласил зрителя отведать его кушанье.

Главный повар приказал поварёнку принести золотую ложку, сполоснул её в ручейке и передал зрителю над кухней. Тот с торжественным видом подошёл к плите, зачерпнул ложкой супа, отведал его, зажмурил глаза и даже прищёлкнул от удовольствия языком.

— Великолепно, клянусь здоровьем герцога, великолепно! Не отведаете ли и вы, господин зритель дворца?

Тот поклонился, взял ложку, отведал и в свою очередь пришёл в восторг:

— Нет, господин повар, вы, конечно, знаток своего дела, но вам никогда ещё не удавался такой суп и такие клёцки, какие приготовил этот карлик!

Отведал и сам повар, после чего почтительно пожал руку карлику и сказал:

— Да, крошка, ты знаток своего дела! Эта желудочная травка придаёт всему какой-то особенный вкус.

Как раз в эту минуту в кухню вошёл камердинер герцога и объявил, что герцог хочет завтракать. Немедленно блюда были поставлены на серебряные подносы и отосланы герцогу, старший же зритель над кухней взял карлика под руку и увёл в свою комнату, где вступил с ним в беседу. Но не прошло и нескольких минут, как явился посланный от герцога,

чтобы позвать к нему смотрителя над кухней. Тот поспешно переоделся в парадное платье и последовал за посланным.

Герцог был в великолепном расположении духа: он съел всё, что ему было подано на серебряных подносах, и вытирал себе бороду, когда к нему вошёл смотритель над кухней.

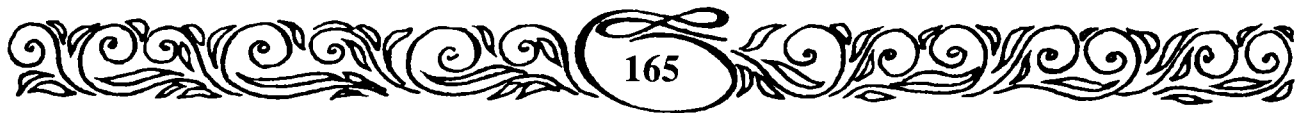
— Слушай, смотритель, — сказал герцог, — я всегда был доволен твоими поварами, но скажи, кто сегодня приготовил мой завтрак? С тех пор, как я сижу на троне моих предков, я никогда не ел ничего подобного. Скажи, как зовут этого повара, чтобы я мог послать ему в награду несколько червонцев.

— Государь, это престранная история! — отвечал смотритель над кухней и рассказал, как утром к нему привели карлика, который непременно хотел сделаться поваром.

Удивлённый герцог велел призвать к себе карлика и спросил, кто он и откуда. Но бедный Яков, конечно, не мог сказать, что он заколдован и был раньше белкой. Однако он не совсем уклонился от правды, а рассказал только, что у него нет ни отца, ни матери и что он научился стряпать у одной старухи. Герцог и не стал более расспрашивать; его больше всего занимала странная наружность нового повара.

— Остайся у меня! — сказал он. — Ты будешь получать ежегодно пятьдесят червонцев, праздничное платье и, сверх того, две пары панталон. За это ты будешь ежедневно готовить мне завтрак, следить за приготовлением обеда и вообще присматривать за кухней. А так как в моём дворце каждый получает особое прозвище, то ты будешь называться впредь Носом и занимать должность младшего смотрителя над кухней.

Карлик Нос поблагодарил герцога и обещал служить ему верой и правдой.

Итак, Яков был теперь пристроен. И, надо отдать ему справедливость, он справлялся со своим делом как нельзя лучше.

Он сделался своего рода знаменитостью. Многие повара обращались к смотрителю над кухней с просьбой позволить им присутствовать при том, как стряпает карлик, а некоторые из вельмож добились позволения герцога посылать к нему на выучку своих слуг, что доставило ему немалый заработок. Впрочем, чтобы не возбуждать зависти в остальных поварах, карлик Нос отдавал в их пользу деньги, которые господа платили ему за обучение поваров.

Так прожил карлик Нос почти два года в довольстве и почёте, и только мысль о родителях по временам омрачала его счастье. Жизнь его текла безмятежно, без всяких приключений, до тех пор, пока не произошёл следующий случай.

Необходимо заметить, что карлик Нос умел удачно делать всякого рода закупки. Поэтому всякий раз, когда ему позволяло время, он отправлялся сам на рынок, чтобы закупать дичь и зелень. Однажды утром он отправился в птичий ряд и стал искать жирных гусей, до которых герцог был большой охотник.

Несколько раз прошёл он по рядам, осматривая провизию.

Вдруг в конце одного ряда он заметил женщину, продававшую гусей, но, в отличие от других торговок, не зазывавшую покупателей. К ней-то он и подошёл и стал взвешивать и осматривать её гусей. Найдя их достаточно жирными, он купил три штуки вместе с клеткой, взвалил на свои широкие плечи и направился домой. Однако по дороге ему показалось очень странным, что только двое из гусей гоготали и орали, как настоящие гуси, тогда как третья, гусыня, сидела тихо и

испускала вздохи, словно человек. «Надо поскорее заколоть её,— подумал карлик,— не то она ещё околеет». Но тут гусыня совершенно внятно и громко проговорила:

— Если захочешь меня заколоть, я укушу тебя; если свернёшь мне шею, сам сойдёшь со мной в могилу.

Вне себя от изумления карлик Нос поставил клетку на-земь, но гусыня по-прежнему смотрела на него своими прекрасными, умными глазами и продолжала вздыхать.

— Вот чудеса! — воскликнул карлик Нос.— Гусыня умеет говорить по-человечьи. Вот уж никак не ожидал! Ну-ну, успокойся, я не так жесток и не лишу жизни такую редкую птицу. Но я готов биться об заклад, что ты не всегда принадлежала к пернатым, ведь и я когда-то был жалкой белкой.

— Ты прав,— ответила гусыня.— Я тоже родилась не в этом позорном обличье. Увы, кто бы мог предположить, что Мими, дочь великого Веттербока, будет зарезана на кухне герцога...

— Будь спокойна, любезная Мими! — утешал её карлик.— Клянусь честью, тебе не будет сделано ничего дурного. Я устрою тебе помещение в моей комнате, буду доставлять тебе корм, а в свободное время будем беседовать. При первом удобном случае я выпущу тебя на свободу. Прочим же поварам я скажу, что я откармливаю тебя для герцога особенными травами.

Гусыня поблагодарила его со слезами на глазах. И карлик действительно сделал так, как обещал. Он заколол двух других гусей, для Мими же отвёл отдельное помещение под предлогом, что хочет её откармливать для герцога. Но он не давал ей обыкновенного гусяного корма, а доставлял ей печенья и сладкие блюда. Когда у него было свободное время, он от-

правлялся к ней, беседовал с ней и утешал её. Они рассказали друг другу каждый свою историю, и Нос узнал, таким образом, что гусыня была дочерью волшебника Веттербока на острове Готланде. Веттербок когда-то поссорился с одной старой феей, которая его победила с помощью хитрости и превратила его дочь в гусыню. Когда же карлик Нос рассказал Мими свою собственную историю, она сказала:

— Я тоже немного смыслю в этих делах: отец кое-что из своих знаний передал мне и сёстрам. Ваш спор у корзины с овощами, твоё внезапное превращение, когда ты понюхал какой-то травки, и те слова старухи, которые ты запомнил, свидетельствуют о том, что твои чары находятся в связи с травами, то есть, если ты отыщешь ту траву, которая фея сварила перед твоим превращением, то будешь избавлен от своего уродства.

Всё это, конечно, было плохим утешением для карлика; в самом деле, как найти траву, которой не знаешь даже по названию? Но тем не менее он поблагодарил Мими и в глубине души почувствовал некоторую надежду.

Скоро после этого к герцогу приехал в гости его друг, один из соседних князей. Герцог по этому случаю позвал к себе карлика и сказал ему:

— Наступило время, когда ты должен доказать, что ты знаток своего дела. Князь, который приехал ко мне в гости, считается после меня величайшим знатоком по части еды, и кухня у него одна из лучших в мире. Постарайся же, чтобы мой стол возбудил удивление даже в нём. Старайся также, под страхом моей немилости, чтобы за всё то время, которое он проведёт при моём дворе, ни одно блюдо не подавалось дважды. Всё, что тебе будет нужно, ты можешь требовать от

моего казначея; хотя бы тебе пришлось растопить для этого моё золото и бриллианты, ты не должен остановиться ни перед чем. Я готов лучше остаться бедняком, чем ударить лицом в грязь перед своим гостем.

Так говорил герцог, и карлик отвечал:

— Воля ваша, государь, будет исполнена! Сделаю так, чтобы вашему гостю здесь всё понравилось.

Крошечный повар нашёл теперь случай выказать своё искусство во всём его блеске. Он не щадил сокровищ своего хозяина, да и себя ничуть не берёт: целый день его можно было видеть перед плитой окутанным облаками пара, и голос его беспрестанно звучал в огромной кухне, раздавая приказания целой армии поваров и поварят.

Приезжий князь провёл уже две недели в гостях у герцога и, по-видимому, чувствовал себя прекрасно. Ежедневно гость и хозяин пять раз садились за стол, и герцог был в высшей степени доволен искусством карлика. На пятнадцатый день герцог призвал карлика к своему столу, представил его гостю и спросил последнего, доволен ли он его поваром.

— Ты превосходный повар,— отвечал гость, обращаясь к карлику,— и знаешь, как разнообразить стол. За всё время, пока я здесь, ты ни разу не повторил ни одного блюда, и все они тебе великолепно удавались. Но скажи мне, почему ты до сих пор ещё ни разу не подавал к столу царя всех блюд — паштет-сюзерен?

Карлик испугался: он никогда не слышал о таком паштете. Но он сохранил наружное спокойствие и отвечал:

— О государь, я надеялся, что ты ещё долго будешь освещать наш двор, вот почему я и медлил с этим блюдом. Чем

же другим мог я почтить тебя в день отъезда, как не царём паштетов?

— Вот как! — заметил герцог, смеясь. — А что касается меня, то ты, вероятно, ждал дня моей смерти, чтобы угостить меня этим кушаньем. Ведь ты мне ещё ни разу не подавал этого паштета. Ну, нет, любезный, придумай что-нибудь другое для прощального обеда, а паштет этот ты должен завтра же подать на стол.

— Как угодно моему государю! — отвечал карлик и удалился. Но на душе у него было далеко не весело. Он чувствовал, что наступил день его срама и несчастья: ведь он не имел даже понятия о том, как приготовить этот паштет. Он пошёл в свою комнату и залился слезами при мысли об ожидающей его участи. Но тут Мими, расхаживавшая в его комнате, обратилась к нему с вопросом о причине его горя.

— Не печалься, — сказала гусыня, узнав, в чём дело, — это блюдо часто подавалось за столом моего отца, и я приблизительно могу сказать тебе, что для него нужно. Возьми того-то и того-то в таком-то количестве; может быть, это не совсем так, как нужно, но надеюсь, что эти господа не разберут, в чём дело.

Услыхав это, карлик радостно вскочил с места, благословляя тот день, когда купил гусыню, и стал готовиться к завтрашнему дню. Сначала он сделал маленький пробный паштет и нашёл его удачным; он дал отведать его главному смотрителю над кухней, и тот, по обыкновению, рассыпался в похвалах его искусству.

На другой день он приготовил паштет как следует и послал его к столу герцога прямо из печки, предварительно украсив его цветами. Сам он надел своё лучшее парадное платье

и отправился в столовую. Он вошёл как раз в ту минуту, когда один из служителей был занят разрезанием паштета, который затем поднёс на серебряных блюдах герцогу и его гостю. Герцог отрезал себе порядочный кусок и, проглотив его, поднял глаза к потолку и сказал:

— Да, недаром называют его царём паштетов! Но ведь и мой карлик — король всех поваров, не правда ли, любезный друг?

Гость отвечал не сразу: он предварительно проглотил несколько кусков с видом знатока, но потом улыбнулся насмешливо и таинственно.

— Да, штука приготовлена недурно,— отвечал он, наконец, отодвигая тарелку,— а всё-таки это не то, что называется паштетом-сюзерен. Впрочем, я так и ждал.

Тут герцог от досады нахмурил лоб и даже покраснел от стыда.

— Ах, ты, собака-повар! — воскликнул он.— Как ты осмелился так сконфузить своего государя? Ты заслуживаешь, чтобы я велел отрубить твою большую голову в наказание за скверную стряпню.

— Ради Бога, государь, не гневайтесь: я приготовил это блюдо по всем правилам искусства; здесь есть всё, что нужно,— сказал карлик, дрожа от страха.

— Врёшь, негодяй! — возразил герцог, толкнув его ногой.— Мой гость не сказал бы напрасно, что тут чего-то недостаёт. Я велю разрубить тебя самого и запечь в паштет.

— Сжальтесь! — воскликнул карлик.— Скажите мне, чего не хватает в этом паштете, чтобы он пришёлся вам по вкусу. Не дайте мне умереть из-за какой-нибудь недостающей крупицы муки или кусочка мяса.

— Это тебе мало поможет, любезный Нос,— отвечал гость со смехом.— Я вчера ещё был уверен, что ты не приготовишь этого паштета, как мой повар. Знай же, в нём недостаёт одной травки, которой здесь, в вашей стране, совсем не знают и которая называется «чихай-трава». Без неё паштет не будет паштет-сюзерен, и твоему государю никогда не удастся кушать его в таком виде, в каком он подаётся мне.

При этих словах герцог пришёл в ярость.

— А всё-таки мы будем есть его! — вскричал он со сверкающими глазами.— Клянусь моей герцогской короной, либо завтра я угощу вас таким паштетом, какого вы желаете, либо голова этого карлика будет красоваться на воротах дворца. Поди прочь, собака! Я даю тебе двадцать четыре часа срока.

Полный отчаяния, карлик снова ушёл в свою комнату и стал жаловаться гусыне на свою горькую судьбу, так как до сих пор ни разу он не слышал о подобной траве.

— Ну, если дело только за этим,— сказала Мими,— то я могу помочь твоему горю, потому что мой отец научил меня распознавать все травы. Быть может, в другое время тебе не избежать бы смерти, но, к счастью, теперь как раз новолуние, а трава эта цветёт именно в начале месяца. Но скажи мне, есть ли тут поблизости старые каштановые деревья?

— О, да! — отвечал Нос с облегчённым сердцем.— У озера, в двухстах шагах от дворца растёт много этих деревьев. Но к чему тебе непременно каштаны?

— Да потому, что эта травка цветёт только у подножья старых каштанов! — сказала Мими.— Однако медлить нечего. Пойдём искать то, что тебе нужно. Возьми меня на руки и, когда выйдем из дворца, спусти меня на землю — я помогу тебе в поисках.

Карлик сделал так, как сказала гусыня, и отправился с ней к воротам дворца, но тут караульный протянул к нему ружьё и сказал:

— Мой добрый Нос, дело твоё плохо: ты не смеешь выходить из дворца, — мне строжайше запрещено выпускать тебя.

— Но ведь могу же я выйти в сад? — возразил карлик. — Сделай милость, пошли одного из твоих товарищей к смотрителю дворца и спроси у него, могу ли я отправиться в сад, чтобы поискать нужных мне трав.

Караульный осведомился, и позволение было получено. Сад был окружен высокими стенами, так что убежать из него не было возможности. Когда карлик Нос с гусыней очутились под открытым небом, он осторожно спустил её на землю, и она быстро побежала к озеру, где росли каштаны. Сам он со стеснённым сердцем последовал за ней: ведь это была его последняя, его единственная надежда! Если Мими не найдёт травы, то он твёрдо решил лучше броситься в озеро, чем дать себя обезглавить. Мими искала напрасно. Она обошла все каштаны, переворачивала клювом малейшую травку — всё было безуспешно. Из жалости и страха она даже заплакала, потому что ночь надвигалась и становилось всё труднее различать в темноте.

Вдруг взгляд карлика устремился на другой берег озера, и он воскликнул:

— Посмотри, вон там, за озером, растёт ещё одно большое старое дерево. Пойдём поищем: быть может, там-то и расцветёт моё счастье!

Гусыня вспорхнула и полетела впереди, а карлик побежал за ней, как только позволяли его маленькие ножки. Каштановое дерево бросало большую тень, и кругом было так темно,

что почти ничего нельзя было уже разобрать. Но вдруг гусыня остановилась, от радости захлопала крыльями, потом поспешно опустила голову в высокую траву, что-то сорвала и поднесла это в клюве изумлённому карлику.

— Вот твоя травка! Здесь её растёт такое множество, что у тебя не будет в ней недостатка.

Карлик задумчиво посмотрел на травку: от неё исходил какой-то особенный аромат, который невольно напомнил ему сцену его превращения. Стебелёк и листья растения были зеленовато-голубые, а среди них красовался ослепительно-красный цветок с жёлтой каймой.

— Ну, наконец-то! — воскликнул он. — Что за счастье! Знаешь, ведь, мне кажется, это та самая трава, которая превратила меня в жалкого карлика. Не попробовать ли мне сейчас же принять свой настоящий вид?

— погоди ещё, — сказала гусыня, — набери горсть этой травы, а затем пойдём в комнату. Там ты заберёшь свои деньги и всё, что скопил, а потом уж мы испытаем силу этой травы.

Так они и сделали. Сердце карлика сильно билось от ожидания. Забрав пятьдесят или шестьдесят червонцев, которые он успел скопить, и уложив своё платье в небольшой узел, он сказал:

— Наконец-то я избавлюсь от этого бремени! И глубоко засунув нос в траву, он стал вдыхать её аромат.

Что-то словно затрещало и потянулось в его теле; он почувствовал, как он вытягивается, как голова его высовывается из плеч; он покосился глазом на свой нос и заметил, что тот становится всё меньше и меньше; спина и грудь стали выравниваться, ноги становились всё длиннее.

Мими с изумлением смотрела на него.

— Ах, какой же ты большой, какой красивый! — воскликнула она.— Теперь в тебе не осталось ничего, что напоминало бы о твоём прежнем уродстве.

Обрадованный Яков, несмотря на свою радость, всё-таки не забывал, как много он обязан своей спасительнице Мими. Правда, сердце влекло его отправиться прямо к родителям, но он из благодарности подавил это желание и сказал:

— Кому, как не тебе, обязан я своим исцелением? Не будь тебя, я никогда не нашёл бы этой травки и навеки должен был бы оставаться карликом, а то и совсем погибнуть от руки палача. Но я постараюсь отблагодарить тебя. Я отвезу тебя к твоему отцу,— быть может, он, столь опытный в волшебстве, сумеет и тебя избавить от злых чар.

Мими залилась слезами радости и приняла его предложение. Якову удалось благополучно выбраться с нею из дворца, после чего они пустились в путь по направлению к морскому берегу, родине Мими.

Не станем подробно описывать, как они совершили своё путешествие, как Веттербок снял чары со своей дочери и отпустил Якова с богатыми подарками, как Яков вернулся в свой родной город и как родители его с радостью признали в красивом молодом человеке своего пропавшего сына.

Прибавим лишь одно, что после его исчезновения из дворца герцога, там поднялась страшная суматоха.

Когда на другой день герцог, не получив паштета, захотел исполнить свою клятву и приказал отрубить карлику голову, последнего нигде не могли отыскать.

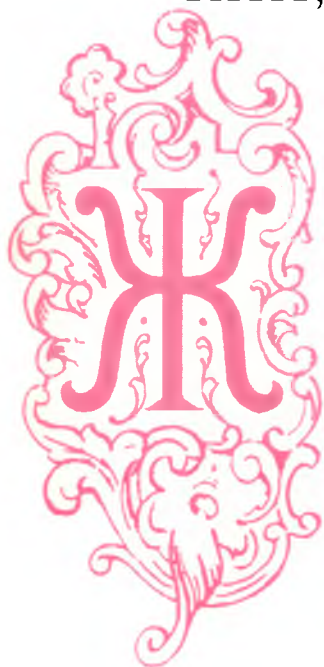
Князь же утверждал, что герцог сам дал ему возможность тайком убежать, чтобы не потерять своего лучшего повара, и упрекал его в том, что он нарушил своё слово.

Из-за этого между обоими государями возникла продолжительная война, которая известна в истории под названием «Травяной войны». Обе стороны дали несколько сражений, но в конце концов был заключен мир, который получил название «Паштетного», так как на празднике в честь примирения повар князя подал к столу паштет-сюзерен, которому герцог и оказал должную честь.

КИП, ЗАКОЛДОВАННЫЙ КОТ

ила-была однажды королева, у которой была кошка. Также у неё был муж-король, прекрасное королевство, драгоценности и множество верных слуг. Но больше всего на свете королева любила свою кошку.

Она была очень красива: с пышной серебристой шерстью и ярко-голубыми глазами. Она тоже очень любила королеву. Они всегда были вместе, и кошке было позволено есть за королевским столом.

Однажды у кошки появился котёнок, и его называли Кип.

— Ты счастливее меня,— сказала кошке королева.— У меня нет детей, а у тебя такой чудесный малыш, а ты покидаешь меня, оставляя его на мое попечение.

— Не плачьте, Ваше Высочество,— сказала кошка, которая была настолько же разумна, насколько красива.— Слезами горю не поможешь. Я обещаю вам, что скоро и вы родите малыша.

В ту же ночь кошка ушла в лес, чтобы найти своих сородичей, а через некоторое время королева родила прелестную дочь, которую называли Ингрид. Маленькая принцесса и котё-

нок очень подружились. Они целыми днями вместе играли и спали в одной кровати. Но однажды котёнок ночью отправился ловить мышей и исчез. Больше его никто не видел.

Прошли годы. Однажды принцесса Ингрид играла в саду с мячом. Она подбрасывала мяч вверх, как можно выше, забавляясь и смеясь. И вот, подброшенный ею мяч упал в кустарник с розами. Она отправилась искать его и услышала голос:

— Здравствуй, Ингрид!

Она посмотрела под ноги и увидела прелестного полосатого кота.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут? — спросила она.

— А ты разве не помнишь меня? Мое имя — Кип,— сказал кот.

— Я никогда не слышала этого имени,— ответила Ингрид.

— Я — Кип,— продолжал кот.— Маленьким я спал у тебя на руках. Но у детей, в отличие от котов, короткая память,— с сожалением сказал кот.

Вдруг рядом с принцессой появилась её гувернантка, которая, увидев кота, закричала:

— Убирайся прочь, грязный воришка!

Услышав это, кот тотчас же исчез в кустах. Ингрид, задумавшись, пошла во дворец. Вечером, когда она лежала в постели, пришла королева пожелать ей спокойной ночи, и Ингрид спросила её о коте.

— Да, действительно, так и было,— сказала королева.— Как бы я хотела увидеть Кипа ещё раз.

На следующий день стояла ужасная жара и играть в саду было невозможно. Ингрид с гувернанткой отправились к опушке леса.

Там они сели под тенистое дерево, и Ингрид стала тихонько напевать. Через некоторое время гувернантка заснула, по крайней мере, так показалось Ингрид.

Она вскочила и, бросившись в лес, стала громко звать:

— Кип, Кип!

Она увидела ручей и, сняв туфли, зашла в прохладную воду. Вдруг сзади послышался подозрительный шум.

Обернувшись, она увидела позади себя громадного чёрного чудовищного великана. Он схватил Ингрид за руки и зарычал страшным голосом:

— Пойдём со мной!

Он потащил её за собой и шёл так быстро, что Ингрид едва успевала за ним. Её ноги стёрлись до крови, но она не смела попросить его вернуться к ручью за своими башмаками.

Её слёзы привели великана в бешенство.

— Я терпеть не могу слезливых детей,— заявил он.— Если ты не перестанешь, я убью тебя!

Он достал огромный нож и отрезал Ингрид ступни ног. Сунув их к себе в карман, он исчез в лесу. Потрясённая и стонущая от боли, Ингрид упала на землю. Вдруг она услышала слабый свист.

— Помогите! — закричала она, что было сил.

— Иду-иду,— ответил ей голос. Это был Кип. Он ехал в своей собственной карете, запряжённой великолепной лошадью. Он поднял Ингрид и бережно положил её в карету.

Очнувшись и открыв глаза, Ингрид вдруг обнаружила, что лежит в мягкой белоснежной кровати, и Кип поит её теплым молоком с ложечки.

Её ноги больше не болели, поскольку Кип смазал их волшебной мазью вербенного дерева.

— Постарайся не двигаться,— сказал Кип.— Поспи, пока я не найду великана и не принесу назад твои ступни. Я закрою дверь на ключ, чтобы никто не потревожил тебя.

Кип сел в свою карету и поехал. Через некоторое время он увидел хижину великана. Он прислонился ухом к замочной скважине и стал слушать.

Великан разговаривал со своей женой.

— Гадкая плакса эта девчонка,— злобно говорил он.— Я должен убить её.

— Ты успеешь сделать это и завтра,— ответила ему жена.— Мы зажарим её и устроим вкусный ужин.

— Она слишком молода,— ответил людоед.— В этом возрасте они ещё очень костлявые.

Пока они разговаривали, Кип пробрался в кухню и, взяв большую пачку соли, высыпал её в готовящийся на плите суп. Затем он спрятался опять. Вскоре жена людоеда принесла из кухни суп, и они принялись есть его огромными половниками. От большого количества соли у них пересохло в горле.

— Я пойду, пожалуй, к колодцу, попью,— сказал людоед.

— Я тоже,— ответила жена.

Когда они вышли, Кип пробрался в их хижину и вытащил из кармана людоедовой куртки ступни Ингрид. Он схватил их и помчался домой так быстро, как только мог.

Ингрид ждала его.

— Вот, возьми,— сказал Кип,— и не беспокойся. Я смажу их волшебной мазью, и они за секунду прирастут снова.

Он приложил отрезанные ступни к ногам Ингрид и смазал их волшебной мазью из вербены.

— Но ты не должна несколько дней вставать с постели,— сказал он.— Завтра я отвезу тебя домой. Королева будет очень рада увидеть тебя живой и здоровой.

В самом деле королева была счастлива увидеть свою дочь снова. Взяв Ингрид из рук Кипа, она спросила его:

— Как мне отблагодарить тебя? Ты спас ей жизнь, а её жизнь для меня дороже моей собственной.

— Не думай пока об этом,— ответил Кип.— Позаботься об Ингрид. Как-нибудь я попрошу у тебя помощи.

Кип сел в свою карету и вернулся домой. Когда Ингрид услышала, что Кип уехал, она очень затосковала. Она не могла ни есть, ни пить и не думать ни о чем, кроме него.

Её мать приносила ей новые нарядные платья, экзотические фрукты и волшебные сказки, но ничто не могло рассеять грусть Ингрид.

— Я не знаю, что делать! — сказала королева, обращаясь к мужу-королю.— Я перепробовала все средства.

— Не все,— сказал задумчиво король.

— Что ты имеешь в виду? — спросила изумленная королева.

— Мы должны найти ей мужа. Может быть, это спасёт её от тоски.

Королева согласилась, и со всех концов во дворец съехались прекрасные молодые принцы. Выбрав самого отважного и красивого из них, Ингрид впервые улыбнулась, и они обручились.

Приближался день свадьбы. Звонили во все колокола. Во дворцовой церкви священник обвенчал молодых.

После церемонии бракосочетания состоялся бал. Уже в конце бала появился Кип. Ингрид была очень рада увидеть его. Она обняла его и расцеловала.

— Я хочу попросить тебя об одном одолжении,— сказал Кип.

— Я исполню всё, что ты пожелаешь, мой дорогой Кип,— сказала Ингрид.

— Разреши мне сегодня ночью лечь у твоих ног? — попросил он.

— И это всё? Конечно, я разрешаю,— сказала Ингрид.

— Благодарю! — ответил Кип.

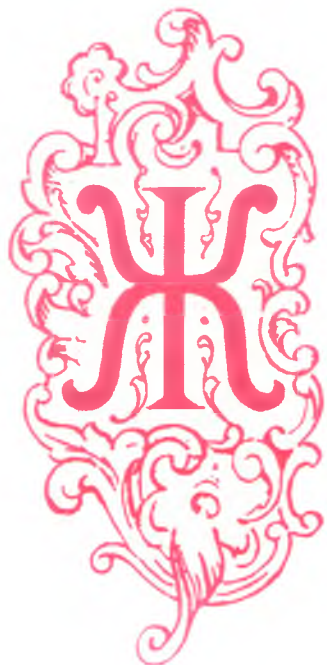
В эту ночь Кип спал у ног Ингрид. На следующее утро, проснувшись, Ингрид увидела на месте, где спал кот, прелестную молодую принцессу.

Она поведала Ингрид странную историю. Она и её мать были заколдованы злой волшебницей. Их чары должны были продолжаться до тех пор, пока они не устранят какое-нибудь большое зло. Мать Кипа умерла, так и не расколдовавшись. А Кип противостоял злу великана, и поэтому чары заклятья спали с него, и он стал принцессой.

Ингрид была очень рада за принцессу и пригласила её жить во дворце. Вскоре принцессе нашли богатого молодого принца, и они поженились.

А потом у Ингрид с мужем и молодой принцессы с принцем появились дети, которые больше всего на свете любили слушать историю про Кипа — заколдованного кота.

ГРЕЙС И ДЕРЕК

ил-был король с королевой, и у них была единственная дочь, которую звали Грейс. Это имя очень подходило ей. Она была красива, добра и умна. Грейс была украшением дворца, и многие королевские советники спрашивали у неё совета перед принятием решений.

По утрам мать обучала её искусству быть королевой. Слуги сервировали ей стол серебряными и золотыми приборами и подавали самые роскошные и экзотические кушанья на свете, словом — она была счастливейшей из девушек.

Среди дворцовых дам была вечно всем недовольная и завистливая герцогиня Грудж, у неё были сальные волосы и круглое красное лицо. Она была неряхой, ленивицей и, кроме того, одна нога у неё была короче другой. Она ненавидела Грейс, которая всё хорошела и хорошела с каждым днём.

Однажды королева заболела и умерла. Грейс очень тосковала по своей матери, а король безутешно оплакивал кончину своей супруги. Так прошёл год. Король всё чах и чах от тоски, и доктора велели ему чаще бывать на свежем воздухе.

Король решил поехать поохотиться. В один прекрасный день, поехав на охоту, он остановился отдохнуть в большом особняке. Это был дом герцогини Грудж.

Она вышла встретить короля и проводила его в прохладную часть дома, где он прилёг отдохнуть. После обильного ужина герцогиня повела короля показать свои винные погреба.

— Разрешите мне предложить вам немного старинного вина,— сказала она.

— Что за вина хранятся у вас здесь? — поинтересовался король.

— Сейчас мы посмотрим,— ответила герцогиня. Она вытащила пробку из одной бочки. Тысячи золотых монет посыпались на пол.

— Как странно,— сказала герцогиня. Она выдернула пробку из другой бочки, и десятки тысяч монет посыпались из новой бочки.

— Всё-таки это очень странно,— усмехнулась герцогиня. И она начала выдёргивать пробки из каждой бочки подряд. Жемчуга и бриллианты, сапфиры и изумруды посыпались на пол погреба.

— О, Ваше Высочество, похоже здесь совсем нет вина. Вместо него бочки полны каким-то хламом,— сказала хитрая герцогиня.

— Хламом? — вскричал изумлённый король.— Вы называете богатство хламом?

— Вы ещё не видели моего богатства,— сказала Грудж, которая просто упивалась своей хитростью.— Все мои погреба полны золота и драгоценных камней. Все они будут вашими, если вы женитесь на мне.

— Моя дорогая герцогиня, конечно же, я женюсь на вас! — воскликнул король, который просто обожал деньги.

— Но у меня есть одно условие,— сказала Грудж.— Я хочу быть опекуницей вашей дочери и настаиваю на том, чтобы она подчинялась мне беспрекословно.

— Хорошо,— согласился король.

Герцогиня вручила ему ключи от погребов, и в этот же день они обвенчались в маленькой церкви.

Приехав домой, король сразу же пошёл в комнату дочери.

— Ну как прошла охота? — спросила Грейс.— Велика ли добыча?

— Добыча огромная — это несметные сокровища герцогини Грудж, с которой мы обвенчались сегодня утром. Теперь ты должна любить её, уважать и слушаться беспрекословно. Пойди переоденься в свою лучшую одежду. Сегодня я привезу герцогиню во дворец.

Грейс очень любила отца и хотела ему только счастья, но она не смогла держать нахлынувших слёз. Это увидела её нянюшка, заинтересовавшись, что же случилось.

— Мой отец женился вновь,— рыдала Грейс.— И моя мачеха — мой заклятый враг герцогиня Грудж.

— Никогда не забывай, что ты принцесса, дорогая. Умей скрывать свои чувства. Обещай мне, что герцогиня никогда не узнает о твоём отношении к ней,— попросила старая нянюшка.

Это было очень тяжело. Но Грейс дала себе слово встретить герцогиню со счастливым лицом и самыми добрыми намерениями. Она надела платье цвета молодой зелени и золотую мантию. Грейс также сделала красивую причёску и увенчала её короной, усыпанной бриллиантами.

Грудж тоже готовилась к встрече тщательно. На свою короткую ногу она надела башмак на высоком каблуке, покрасила свои волосы в чёрный цвет, а лицо обильно напудрила.

А портниха сшила ей платье, скрывающее горб. Послав скорохода с запиской к королю, она написала, что хотела бы въехать на королевский двор на самой прекрасной лошади короля.

Пока шли приготовления, Грейс вышла прогуляться в лес. Здесь никто не мешал наплакаться вволю. Успокоившись, она посмотрела вверх и увидела очаровательного маленького пажа, одетого в зелёный шёлковый камзол и белую бархатную шляпу. Он, улыбаясь, приближался к ней.

— Принцесса, король ждёт вас.

Грейс была озадачена. «Почему она никогда не видела его среди королевских слуг?»

— Давно ли вы служите у нас? — спросила она.

— Я не служу никакому королю, моя дорогая. Я служу только вам. Меня зовут Дерек. Я принц волшебного королевства. При рождении я был наделён волшебной силой, позволившей мне находиться с вами везде, где бы вы ни были, оставаясь невидимым. Я слышал весь ваш разговор с отцом и пришёл, чтобы помочь вам.

— Так значит вы и есть тот самый умный на свете принц Дерек, о котором я столько слышала. Я рада, что вы предлагаете мне свою помощь. Теперь я уже не так боюсь герцогини Грудж, — сказала Грейс.

Они вернулись в замок. Дерек выбрал для принцессы самую красивую лошадь, и она с отцом выехала встречать герцогиню. В суматохе приготовлений никто и не заметил, что

лошадь Грейс во сто крат красивее, чем лошадь, выбранная для герцогини.

Кортеж герцогини встретил их на полпути. Король помог герцогине выйти из кареты и проводил её до выбранной для неё лошади. Увидев лошадь Грейс, уродина-герцогиня закричала страшным голосом:

— Что это за издевательство надо мной! Почему у этой девчонки лошадь лучше, чем у меня? Я отказываюсь ехать в замок и возвращаюсь домой. Король стал умолять герцогиню не делать этого и велел Грейс отдать ей свою лошадь.

Взобравшись в седло герцогиня со злости так хлестнула лошадь кнутом, что та полетела быстрее вихря. И как ни старалась Грудж удержаться в седле, она всё-таки свалилась в грязную лужу.

Король подбежал к ней, поднял на руки и унёс её во дворец, где слуги уложили её в постель.

— Это всё мне подстроила Грейс,— вопила злая герцогиня.— Она сделала это, чтобы унижить меня. Она хотела убить меня!

Король решил задобрить Грудж. Он знал, как ей хочется быть красивой, и заказал для неё портрет, который как могли приукрасили королевские живописцы. Он дал бал в честь герцогини и посадил её на самое почётное место.

Герцогиня сияла от счастья. Ей казалось, что все только и делают, что смотрят на неё. На самом деле все приглашённые принцы, короли, герцоги и бароны смотрели на Грейс, которая стояла за спиной своей мачехи. Увидев это, герцогиня решила уничтожить падчерицу.

Поздно ночью стража схватила Грейс и отвезла далеко в лес, полный диких зверей. Там её и оставили одну-оденёшеньку. Бредя по дикому, тёмному лесу, Грейс плакала, причитая:

— О, Дерек, где же ты? Неужели и ты покинул меня?

И вдруг случилось чудо. На каждой веточке каждого дерева зажглось по свечке, освещая дорогу к роскошному хрустальному дворцу, стоящему в глубине леса. Подойдя к нему поближе, она увидела на пороге сияющего Дерека, который протягивал к ней руки.

— Не бойся, моя дорогая, ведь я так люблю тебя,— сказал он.— Идём скорее во дворец, моя матушка и сёстры заждались тебя.

Чудесная музыка играла повсюду во дворце. Королева и её дочери проводили Грейс в волшебную хрустальную комнату, где поражённая принцесса увидела в зеркалах всю свою жизнь и все приключения, что с ней случились.

— Я хочу запомнить всё о тебе навсегда,— объяснил Дерек.

Грейс не знала, что сказать. Тут вмешалась королева и позвала всех к столу. После обильного ужина, Грейс почувствовала себя уставшей. Тридцать служанок раздели её и уложили в постель, где она сладко уснула под тихую мелодичную музыку.

Когда она проснулась, ей показали шкафы полные платьев и драгоценностей, а также множество красивой обуви. Всё было её размера и на её вкус. Грейс поблагодарила Дерека за всё это.

— Я должна идти,— сказала она.— Мой отец, должно быть, волнуется.

— Здесь ты в безопасности,— возразил ей Дерек.— Зачем тебе уходить? Выходи за меня замуж и забудь своё прошлое, как дурной сон. Мы прекрасно заживём здесь.

— Я бы с удовольствием осталась здесь,— ответила Грейс.— Но мой долг находиться сейчас рядом с отцом, который сойдёт с ума, решив, что я умерла. Кроме того, я очень боюсь, что эта гадкая Грудж изведёт его до смерти.

Дерек пытался уговорить Грейс, но всё было бесполезно. В конце концов он согласился отпустить её. Он сделал её невидимой, чтобы она могла незаметно пробраться в замок.

Грейс, проникнув в замок, сразу же направилась в комнату отца. Сначала он очень испугался, приняв Грейс за привидение, но потом успокоился и выслушал её.

Она объяснила отцу, что Грудж хотела убить её, и только чудом ей удалось спастись. Она просила отца отправить её в самый дальний конец королевства, чтобы там спокойно прожить без козней Грудж.

Король, хотя и был человек смелый и волевой, оказался под каблуком у новой жены. Он успокоил Грейс и пригласил её поужинать с ним. Слуги герцогини увидели Грейс и доложили ей, что принцесса живая и невредимая возвратилась во дворец.

Когда король уснул, герцогиня начала действовать. Она схватила Грейс, одела её в рваные лохмотья и посадила в тюремную яму. Вместо постели она кинула ей туда пучок соломы. Грейс очень тосковала по родному дворцу, милому отцу и доброму Дереку. Но никого не звала на помощь.

В это время Грудж со своей подругой, злой феей, придумывали для Грейс самые ужасные наказания. Наконец фея, напрягши свой изощрённый в гадостях ум, сказала:

— Давай попробуем вот это.

Они дали ей заколдованный клубок спутанных ниток и велели до утра разобрать его и смотать заново. Как Грейс ни старалась, шерсть только всё больше запутывалась и запутывалась.

Грейс отложила клубок в сторону и горько заплакала.

— Пусть лучше Грудж убьёт меня, чем я буду так мучиться,— рыдала она.— О, Дерек, если ты не можешь помочь мне, то хотя бы приди и попрощайся со мной.

Не успела она произнести последние слова, как откуда ни возьмись появился принц Дерек.

— Не плачь, моя дорогая,— сказал он.— Пойдём со мной, мы поженимся и будем жить счастливо.

— Но как я могу проверить, что ты действительно любишь меня, ведь мы знакомы очень короткое время? — сказала Грейс.

Дерек только грустно склонил голову, чтобы скрыть свои слёзы и, попрощавшись с ней, исчез.

Грудж едва могла дожждаться ночи, предвкушая расправу с Грейс. Она принесла Грейс огромный саквояж, полный перьев различных птиц, и потребовала, чтобы Грейс разделила их по видам.

Перья были такие разноцветные и разные и их было такое огромное количество, что это была просто невыполнимая задача. Никто не смог бы, кроме самих птиц, отличить, какое перышко принадлежит какому виду.

«Я больше не буду звать Дерека,— подумала Грейс.— Если он действительно любит меня, он придёт сюда сам».

— Я здесь, моя дорогая! — слышался сверху голос, и она увидела своего любимого. Он трижды взмахнул своей палочкой, и все пёрышки сами разделились на нужные кучки.

— Как я благодарна тебе за всё,— горячо поблагодарила его Грейс.— Я никогда не забуду твоей доброты ко мне!

Наутро, увидев, что вся работа выполнена верно и в срок, Грудж пришла в неопишемую ярость. Она опрометью кинулась к подруге — колдунье и умоляла её дать Грейс самую невыполнимую работу.

— Возьми вот эту волшебную коробочку,— сказала злая фея.— Если Грейс откроет её, она уже никогда не закроется. Отправь её с ней и строго-настрого накажи ей не раскрывать её, любопытство всё равно возьмёт верх, и Грейс откроет коробочку. Вот тогда у тебя будет повод наказать её.

Грудж в точности выполнила наказ колдуньи и, отдавая Грейс коробочку, сказала:

— Отнеси это ко мне в поместье. Да смотри, не заглядывай в неё, потому что там находятся вещи, которые слишком дороги для тебя, чтобы видеть их. Я запрещаю тебе это под страхом смерти.

Грейс взяла коробочку и отправилась в путь. Пройдя почти половину пути, она остановилась отдохнуть. Присев на траву, она положила коробочку на колени и подумала:

«Интересно, что там внутри? Я открою её разок и не буду ничего трогать».

Она открыла коробочку и оттуда вдруг вылетела целая стая крохотных прозрачных человечков, самый большой из которых был с ноготь человеческого мизинца. Они покружились немного в воздухе и исчезли.

— О, Боже, что же я наделала,— заплакала Грейс.— Из-за своего любопытства я попала в беду. О, Дерек, если ты ещё любишь меня, такую глупую, помоги мне скорее!

Принц сразу же появился. Он взмахнул своей волшебной палочкой и крохотные человечки, вдруг слетевшись со всех сторон, сразу же запрыгнули в коробочку и закрыли за собой крышку.

Он ещё раз взмахнул своей палочкой и появилась его карета. Дерек посадил в неё Грейс и отвёз её в поместье Грудж.

Но слуги не впустили Грейс, поскольку она была в грязных лохмотьях.

Принцесса была вынуждена вернуться назад, во дворец. К тому времени, когда она вернулась, у злой герцогини созрел новый план.

В саду она велела вырыть большую яму с капканом на дне и сверху заложить её травой.

Вечером вместе со своими служанками и Грейс она отправилась прогуляться в сад. Проходя мимо ямы, она столкнула туда бедную принцессу, а сама со служанками убежала обратно во дворец.

Горько плакала бедняжка Грейс в тёмной сырой яме.

— Я похоронена здесь заживо,— рыдала она.— О, Дерек, вот мне наказание за то, что я не верила твоей любви.

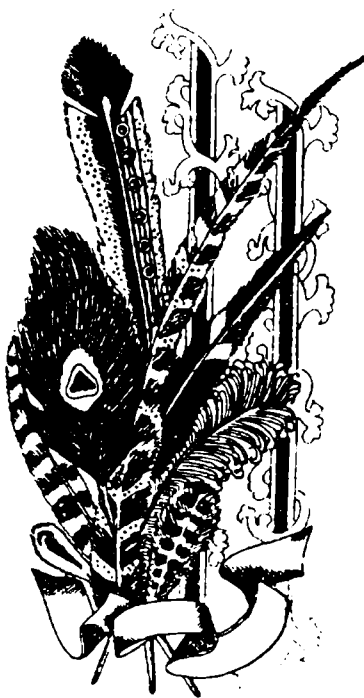
Вдруг она услышала странный шорох и, обернувшись, увидела, что в одном из углов ямы появилась дверь, которая стала увеличиваться и увеличиваться.

Через неё пробивался свет. Открыв её, Грейс увидела цветущий сад с диковинными цветами и фруктами и фонтаном необыкновенной красоты.

А впереди красовался огромный хрустальный дворец принца Дерека. Сам принц, его мать и сёстры вышли её встречать.

— Дорогой принц,— сказала Грейс.— Я не верила твоей любви, но ты доказал мне её. Если ты не передумал, я с удовольствием выйду за тебя замуж.

Они тут же поженились и зажили счастливо в волшебном королевстве, где и живут до сих пор.

ЦАРЕВНА-ЗМЕЯ

хал казак путём-дорогою и заехал в дремучий лес; в том лесу на прогалинке стоит стог сена. Остановился казак отдохнуть немножко, лёг около стога и закурил трубку; курил, курил и не видал, как заронил искру в сено. Сел казак на коня и тронулся в путь; не успел и десяти шагов сделать, как вспыхнуло пламя и весь лес осветило. Оглянулся казак, смотрит — стог сена горит, а в огне стоит красная девица и говорит гром-

ким голосом:

— Казак, добрый человек! Избавь меня от смерти.

— Как же тебя избавить? Кругом пламя, нет к тебе подступу.

— Сунь в огонь свою пику, я по ней выберусь.

Казак сунул пику в огонь, а сам от великого жару назад отвернулся.

Тотчас красная девица оборотилась змеёю, влезла на пику, скользнула казаку на шею, обвилась вокруг шеи три раза и взяла свой хвост в зубы. Казак испугался; не придумает, что ему делать и как ему быть.

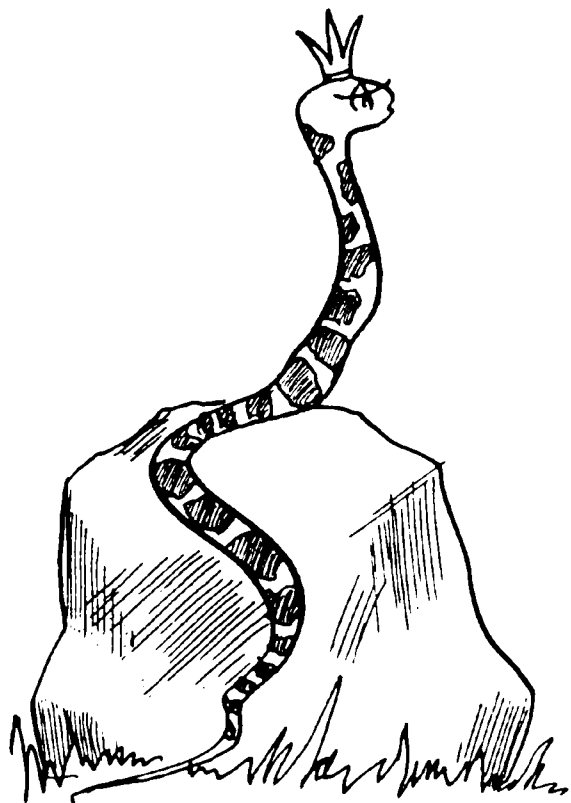
Провещала змея человеческим голосом:

— Не бойся, добрый молодец! Носи меня на шее семь лет да разыскивай оловянное царство, а приедешь в то царство — останься и проживи там ещё семь лет безвыходно. Сослужишь эту службу, счастлив будешь!

Поехал казак разыскивать оловянное царство.

Много ушло времени, много воды утекло, на исходе седьмого года добрался до крутой горы; на той горе стоит оловянный замок, кругом замка высокая белокаменная стена.

Поскакал казак на гору, перед ним стена раздвинулась, и въехал он на широкий двор. В ту же минуту сорвалась с его шеи змея, ударилась о сырую землю, обернулась душой-девицей и с глаз пропала — словно её не было.

Казак поставил своего доброго коня на конюшню, вошёл во дворец и стал осматривать комнаты. Всюду зеркала, серебро да бархат, а нигде не видать ни одной души человеческой. «Эх,— думает казак,— куда я заехал? Кто меня кормить и поить будет? Видно, придётся помирать голодною смертью!»

Только подумал, глядь — перед ним стол накрыт, на столе и пить и есть — всего вдоволь; он закусил и выпил, и вздумал пойти на коня посмотреть. Приходит в конюшню — конь стоит в стойле да овёс ест.

— Ну, это дело хорошее: можно, значит, без нужды прожить.

Долго-долго оставался казак в оловянном замке, и взяла его скука смертная: шутка ли — завсегда один-одинёшенек! Не с кем и словечка перекинуть. Вздумалось ему ехать на вольный свет; только куда ни бросится — везде стены высокие, нет ни входу, ни выходу. За досаду то ему показалось, схватил добрый молодец палку, вошёл во дворец и давай зеркала и стёкла бить, бархат рвать, стулья ломать, серебро швырять: «Авось-де хозяин выйдет да на волю выпустит!» Нет, никто не является.

Лёг казак спать. На другой день проснулся, погулял-походил и вздумал закусить; туда-сюда смотрит — нет ему ничего! «Эх,— думает,— сама себя раба бьёт, коль нечисто жнёт! Вот набедокурил вчера, а теперь голодай!» Только покаялся, как сейчас и еда и питьё — всё готово!

Прошло три дня; проснулся казак поутру, глянул в окно — у крыльца стоит его добрый конь осёдланный. Что бы такое значило? Умылся, оделся, взял свою длинную пику и вышел на широкий двор. Вдруг откуда ни возьмись — явилась красная девица:

— Здравствуй, добрый молодец! Семь лет окончились — избавил ты меня от конечной гибели. Знай же: я королевская дочь. Унёс меня Кощей Бессмертный от отца, от матери, хотел взять за себя замуж, да я над ним насмеялась; вот он озлобился и оборотил меня лютой змеёю. Спасибо тебе за долгую службу! Теперь поедem к моему отцу; станет он награждать тебя золотой казной и камнями самоцветными, ты ничего не бери, а проси себе бочонок, что в подвале стоит.

— А что за корысть в нём?

— Покатишь бочонок в правую сторону — тотчас дворец явится, покатишь в левую — дворец пропадёт.

— Хорошо, — сказал казак.

Сел он на коня, посадил с собой и прекрасную королевну; высокие стены сами перед ними пораздвинулись, и поехали они в путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли — приезжает казак с королевной к королю. Король увидел свою дочь, возрадовался, начал благодарствовать и даёт казаку полные мешки золота и жемчугу.

Говорит добрый молодец:

— Не надо мне ни злата, ни жемчугу; дай мне на память тот бочоночек, что в подвале стоит.

— Многого хочешь, брат! Ну, да делать нечего: дочь мне всего дороже! За неё и бочонка не жаль. Бери.

Казак взял королевский подарок и отправился по белу свету странствовать.

Ехал, ехал, попадается ему навстречу древний старичок. Просит старик:

— Накорми меня, добрый молодец!

Казак соскочил с лошади, отвязал бочонок, покатыл его вправо — в ту ж минуту чудный дворец явился.

Взошли они оба в расписные палаты и сели за накрытый стол.

— Эй, слуги мои верные! — закричал казак. — Накормите-напоите моего гостя.

Не успел вымолвить — несут слуги целого быка и три котла пива. Начал старик есть да похваливать; съел целого быка, выпил три котла пива, крякнул и говорит:

— Маловато, да делать нечего! Спасибо за хлеб и за соль.

Вышли из дворца; казак покатил свой бочонок в левую сторону — и дворца как не бывало.

— Давай поменяемся,— говорит старик казаку,— я тебе меч отдам, а ты мне бочонок.

— А что толку в мече?

— Да ведь это меч-саморуб; только стоит махнуть — хоть какая будь сила несметная, всю побьёт! Вон видишь — лес растёт; хочешь, пробу сделаю?

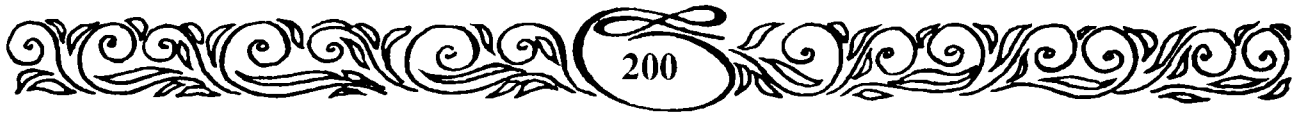
Тут старик вынул свой меч, махнул им и говорит:

— Ступай, меч-саморуб, поруби дремучий лес!

Меч полетел и ну деревья рубить да в сажени класть; порубил и назад к хозяину воротился.

Казак не стал долго раздумывать, отдал старику бочонок, а себе взял меч-саморуб, сел на коня и вздумал к королю вернуться. А под стольный город того короля подошёл сильный неприятель; казак увидел рать-силу несметную, махнул на неё мечом:

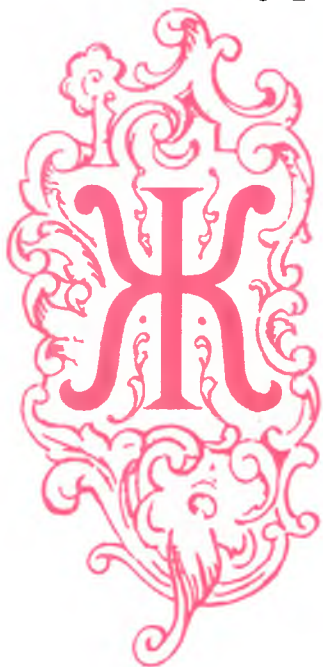
— Меч-саморуб! Сослужи-ка службу; поруби войско вражее!

Полетели головы... И часу не прошло, как вражьей силы не стало.

Король выехал казаку навстречу, обнял его, поцеловал и тут же решил выдать за него замуж прекрасную королевну.

Свадьба была богатая; на той свадьбе и я был, мёд-вино пил, по усам текло, во рту не было.

УРАШИМА И ЧЕРЕПАХА

ил-был однажды молодой рыбак, который больше всего на свете любил море. Он жил в хижине на берегу. Утром и вечером, зимой и летом он не переставал любоваться морем. Звали его Урашима.

Каждый день он ловил рыбу. Но поскольку был влюблён в море и добр от природы, он всегда выпускал пойманную рыбу обратно в море.

Однажды, закинув свою удочку, Урашима вдруг почувствовал, что леска сильно натянулась. Выдернув её, он увидел большую черепаху, зацепившуюся за крючок. Урашима освободил черепаху и отпустил её обратно в море. «Лучше я буду голодать сегодня,— подумал он,— чем убью молодую черепаху».

Ты знаешь, что черепахи живут много-много лет, а эта была ещё совсем юная. Черепаха исчезла в волнах, а через некоторое время необыкновенной красоты девушка появилась у лодки Урашимы.

Присев на её край, она сказала:

— Я дочь морского царя. Мы живём на дне моря. Отец разрешил мне превратиться в черепаху, чтобы испытать твоё доброе сердце. Ты и в самом деле добр и благороден. Я приглашаю тебя к себе в гости посмотреть мой подводный дворец.

Урашима не мог вымолвить ни слова, поражённый её неземной красотой. Одним лишь желанием было следовать за ней повсюду.

— Да,— только и мог вымолвить он и, подав ей руку, последовал за ней на морское дно. Хрустальная рыбка с золотыми плавниками сопровождала их. Ещё до захода солнца они достигли подводного дворца.

Он был сделан из кораллов и жемчуга и сверкал так, что было больно глазам. Драконы с нежно-бархатной кожей охраняли вход во дворец.

В тишине и роскоши дворца прожил Урашима четыре года вместе с красавицей принцессой. Каждый день море искрилось и сияло в лучах солнца. Они были счастливы, пока однажды Урашима не повстречал маленькую черепаху. Она напомнила ему тот день, когда он ушёл к морю. Он вспомнил о своей деревне и своей семье.

Принцесса знала, что однажды он вспомнит и затоскует по дому.

— Ты должен вернуться на землю, к людям,— сказала она.— Если ты останешься здесь, ты возненавидишь меня и умрёшь с тоски. Если ты отправишься сейчас, ты сможешь вернуться назад. Возьми эту жемчужную коробочку, перевязанную зелёной лентой. Но смотри, не развязывай ленты. Если ты сделаешь это и раскроешь коробочку, ты уже никогда не сможешь вернуться назад.

Урашима сел в свою лодку, и принцесса вынесла её наверх. Он поплыл к родному берегу. Увидев его, он заплакал от радости.

Там всё также стоял холм, росли черешневые деревья, и всё таким же золотым был прибрежный песок, из которого он в детстве строил красивые замки. Урашима поспешил вверх по знакомой тропе. Поднявшись, он не узнал окрестностей. Всё также светило солнце, пели птицы и синело, переливаясь, море. Хижины его не было, не было даже дерева, под тенью которого она стояла. Он пошёл дальше. Что же случилось за четыре года, пока он был в подводном царстве?

Вдруг он увидел седовласого старца, отдыхающего под тенью дерева, и подошёл поговорить к нему.

— Простите, вы не скажете, как пройти к хижине Урашима? — спросил он.

— Урашима? — переспросил старец. — Это очень древнее имя. Я слышал его однажды в детстве. Это было в рассказе моего прадедушки о мальчике, который утонул в море. Его братья, их сыновья и их внуки жили здесь и рыбачили. Но все они уже умерли. Это очень грустная история, правда? Молодой человек пошёл в море 400 лет назад и не вернулся домой. Не нашли даже щепки от его лодки. Море поглотило всё, — сказал старец.

Без семьи, без дома, никому незнакомый и ненужный Урашима был чужой в своей деревне.

Старец, указав в сторону холма, сказал:

— Там находится деревенское кладбище, и там вы найдете его могилу.

Медленно Урашима побрёл на кладбище. Там, среди имён матери, отца и братьев он увидел и своё имя, вырезанное на сером могильном камне.

И вдруг он понял. Ничто не связывало его больше со своей деревней. Здесь на земле он был мёртв, он опоздал сюда на 400 лет. Он должен вернуться к своей возлюбленной принцессе.

Он знал, что ему нельзя потерять свою коробочку, перевязанную зелёной лентой. Он знал, что должен поспешить, но чувствовал себя усталым и ненужным.

Он потихоньку вернулся на берег, сел на морской песок и положил на колени жемчужную коробочку. Он мечтал о том, как вернётся назад, в морское царство. Машинально он развязал зелёную ленту и открыл коробочку.

Белый туман потихоньку выплыл из коробочки и поднялся высоко в небо. Там он приобрёл очертания его любимой, прелестной принцессы.

Урашима протянул к ней руки и кинулся за ней, но туман рассеялся в морском воздухе.

Урашима почувствовал себя очень старым. Его спина вмиг сгорбилась, руки затряслись, а волосы поседели. Его мускулы стали дряблыми, а ноги стали едва передвигаться.

Вскоре на морском берегу дети нашли скелет неизвестного человека. А на морских волнах всё плыла, качаясь, маленькая жемчужная коробочка. Над ней легко кружилась на ветру зелёная лента.

ОЛЬХОВАЯ ЧУРКА

авным-давно жили старик со старухой. Некому было их старость покоить — не было у них ни сына, ни дочери. Пошёл как-то старик в лес дрова рубить. А старуха и говорит:

— Вытесал бы ты, старик, из ольховой чурки мне куклу. Я бы её вместо ребёнка в колыбели качала, коли своих детей качать мне не привелось.

Пошёл старик в лес и целый день тесал из ольховой чурки куклу. Принёс старик куклу домой, сделал колыбельку. Старуха спеленала деревяшку, как ребёнка, уложила в колыбель, стала качать и песни колыбельные ей петь.

Три года качала старуха ольховую чурку. Однажды утром стала она хлеба печь. Слышит — колыбель сама закачалась — застучала по половицам. Оглянулась: в колыбели сидит трёхлетний мальчик и раскачивается. Спрыгнул он на пол и говорит:

— Испеки мне, мать, хлебец, я есть хочу!

Старуха так обрадовалась, что не знает, куда сына и посадить, чем его накормить.

Спрашивает сын:

— А где же отец?

— Отец поле пашет.

— Я пойду ему помогать,— говорит мальчик.

Пришёл на край поля, кричит:

— Здравствуй, отец, я пришёл тебе помогать!

Старик остановил лошадь, посмотрел и говорит:

— Кто меня отцом кличет? У нас же нет сына.

— А я Ольховая Чурка, которую мать три года качала. Теперь я ваш сын. Скажи, что мне делать.

Смотрит старик: перед ним стоит молодец, что ни в песне спеть, ни в сказке сказать!

— Ну, коли ты мне сын, помогай. Надо сделать изгородь, чтобы медведи овёс не травили.

Пошёл старик обедать, а Ольховая Чурка остался поле городить. Такую изгородь из толстых деревьев сделал, что зайцу под неё не пролезть, птице через неё не перелететь. А проход на поле не догадался оставить. Вернулся старик, увидел это, только головой покачал. А вечером старухе сказал:

— Силы у парня много, а что толку: такую изгородь сделал, что теперь и на поле не попадёшь.

За всякую работу с охотой принимался Ольховая Чурка, но в полсилы работать не умел. Вот и выходило, что не столько пользы от его помощи, сколько хлопот.

Ольховая Чурка и сам понял это. Однажды утром и говорит он старухе:

— Испеки, мать, мне подорожников. Пойду по белу свету бродить, может, где моя сила и пригодится.

Всплакнула старушка, а Ольховая Чурка взял с её плеч красный платок, привязал к жерди под потолком и сказал:

— Когда с этого платка кровь закапает, тогда и ищите меня.

И пошёл. Шёл близко ли, далеко ли, видит: сидит на утёсе, на берегу озера, человек и удит. Удилище — толстенная сосна, леска — якорная цепь, а вместо крючка — якорь.

— Вот это силач так силач! — сказал Ольховая Чурка.

— Что ты, добрый человек! Разве я силач? Говорят, есть на свете Ольховая Чурка — так тот всем силачам силач! — говорит Удильщик.

Смолчал Ольховая Чурка, не сказал, кто он.

— Пойдём вместе белый свет смотреть,— говорит он Удильщику.

Пошли вдвоём. Шли близко ли, далеко ли, слышат грохот. Смотрят: стоит человек, высоко над головой скалу поднял. Как бросит скалу на скалу, так обе и разлетаются на куски.

— Эй, добрый человек, что ты делаешь? — кричат ему Ольховая Чурка и Удильщик.

— А я не знаю, куда силу девать — просто так тешусь.

— Вот это силач так силач! — говорит Ольховая Чурка.

— Что ты, разве я силач? Вот говорят есть на свете Ольховая Чурка — тот всем силачам силач! — отвечает Скалолом.

Опять ничего не сказал Ольховая Чурка о себе.

— Пошли вместе белый свет смотреть,— говорят Скалолому Ольховая Чурка и Удильщик.

Идут втроём. Шли близко ли, далеко ли, стало вдруг смеркаться. И чем дальше идут, тем темнее становится. Удивились путники — ведь только что было утро, почему же среди бела дня ночь наступила? Идут они, идут — совсем темно стало, как в осеннюю ночь. Видят впереди что-то ровное,

словно море, а на берегу не то город, не то крепость — в темноте-то не разобрать.

У самой крепостной стены стоит бедная избушка, в которой жила старая вдова. Зашли в неё путники и спрашивают:

— Что это за земля, где среди бела дня ночь наступает?

— Ох, сыночки! Уже три года не видим мы ни солнца, ни месяца, ни зари. Один злой человек проклял солнышко, потому что жгло его сильно, вот девятиглавый змей и похитил солнце. Другой злодей месяц проклял, потому что мешал он ему воровать и темные дела творить. И шестиглавый змей похитил месяц. А третий дурной человек зарю утреннюю проклял: лентяй был, так заря, видишь ли, ему спать мешала по утрам. Трёхглавый змей и унёс зарю.

— А нельзя ли этому горю помочь? — спросил Ольховая Чурка.

— Ох, сынок,— говорит старая вдова,— три года ищут силачей, которые могли бы этих змеев одолеть, да нигде не могут найти. Есть у нашего царя такой волшебный напиток: слабые его и пить не могут — обжигает, как огонь. Вот если бы кто смог три чаши этого напитка выпить, тот освободил бы зарю, кто бы выпил шесть чаш — освободил бы месяц, а кто бы девять чаш осушил — тот и солнце бы освободил... Только нет таких силачей у нас.

— А не попробовать ли нам? — говорит Ольховая Чурка. Пошли они к царю.

А было у царя своё горе великое. Трёхглавый змей, который зарю утреннюю на дно морское унёс, потребовал старшую дочь царя на съедение.

Принесли тот волшебный напиток огненный, налили первую чашу. Удильщик взял и выпил её до дна — не поморщил-

ся. Налили другую чашу — выпил, и третью выпил. Скалолом шесть чаш выпил, а Ольховая Чурка — все девять до дна осушил, как будто это была вода. Разнеслась весть по округе: нашлись богатыри, которые могут зарю, месяц и солнце освободить!

Попросили Удильщик, Скалолом и Ольховая Чурка им мечи сковать: первому трёхпудовый, второму шестипудовый, а Ольховой Чурке девятипудовый меч. Взяли они мечи и пошли к той старой вдове, попросили у неё ночлега.

Наступил вечер, когда трёхглавый змей должен выйти из моря за старшей дочерью царя. Привели слуги девушку на берег и на камень усадили. Приходит Удильщик и говорит ей:

— Смотри зорко на море и жди, а я тем временем посплю. Когда змей будет из моря выходить, разбуди меня.

Положил он голову царевне на колени и крепко заснул. Прошло сколько-то времени, всколыхнулось море раз, другой, третий. Царевна начала Удильщика трясти, а он не просыпается. Вот уже голова змея показалась над водой. Тут у царевны от страха сил прибавилось, встряхнула она Удильщика что было силы! Он вскочил, схватил свой трёхпудовый меч и пошёл на змея. Увидел змей молодца и говорит:

— Ху-ху, человеческим духом пахнет. Хотел одну съесть, а пришли двое.

— Раньше времени не радуйся! Сперва поборемся,— говорит Удильщик.

— Коли ты такой сильный, то выдохни, чтоб здесь железное поле было, где нам биться,— говорит змей.

— Зачем тебе, толстобрюхому, железное поле? Я и на песке тебе головы отрублю.

И стали они биться. Бились они, бились, снёс Удильщик змею голову, другую, а третью никак отрубить не может. Крикнул молодец:

— Смотри, дом твой горит!

Оглянулся змей, тут Удильщик и третью голову отрубил. Царская дочь подарила ему своё именное кольцо и стала звать с собой в царский дворец, но молодец велел ей одной идти домой, а сам пошёл к той старушке-вдове, где его ждали товарищи.

А утром рано люди проснулись: на небе утренняя заря сияет.

Но скоро опять потемнело. Пошёл Ольховая Чурка с товарищами по городищу гулять, а народ уже не радуется, снова плачет! Узнали они, что шестиглавый змей, который месяц на дно морское унёс, требует среднюю дочь царя.

Настал вечер. Теперь пришёл черёд Скалолomu идти со змеем биться. Приходит он на берег моря, а средняя дочь царя уже там сидит на камне, слезами заливается. Подходит к ней Скалолом и говорит:

— Не горюй, девушка, авось всё обойдется. Я тут немного посплю, а ты не спускай глаз с моря, жди, когда змей будет подниматься. Тогда меня разбуди. Если не проснусь, то уколи меня булавкой.

Положил Скалолом голову царевне на колени и заснул крепким сном. А царевна глаз не спускает с моря. Вот всколыхнулось море раз, другой, третий. Стала царская дочь тормошить Скалолома, а тот никак не просыпается. Вот уже море в четвёртый раз всколыхнулось и в пятый, а царевна всё не может разбудить своего спасителя. Вспомнила наконец о бу-

лавке, уколола руку Скалолома. Тот мигом вскочил на ноги и схватил свой шестипудовый меч.

Всколыхнулось море в шестой раз, и вышел из воды шестиглавый змей. Увидел змей Скалолома и говорит:

— Ху-ху! Человечьим духом пахнет. Хотел одну съесть, а пришли двое! То-то ужин добрый будет.

— Раньше времени-то не хвались! Давай сперва силами померяемся,— говорит Скалолом.

— Ну, коли ты такой сильный, так выдохни, чтобы здесь медное поле стало, где нам биться,— говорит змей.

— Зачем тебе, толстоброхому, медное поле? Я и на песке тебе головы поотрубаю.

И пошёл Скалолом на змея. Бились, бились они, отрубил молодец змею голову, вторую и третью, но змей не поддается. Уже четвертая, пятая голова скатилась на песок, а у змея будто и силы не убавилось. Никак не может Скалолом шестую, последнюю голову одолеть. Пошёл на хитрость:

— Смотри-ка, змей, дети твои на тебя дивуются, что ты безголовый стал! — кричит Скалолом.

Змей оглянулся — и шестая голова на песок скатилась. И тут из моря выплыла луна, которую змей на дно морское упрятал. А царевна на радостях подарила своему спасителю именное кольцо и стала звать его с собой в царский дворец, но Скалолом пошёл к старой вдове, где его дожидались Удильщик да Ольховая Чурка.

Пошли утром три товарища по городищу гулять и видят: народ ликует, как в великий праздник.

Но не успели люди вдоволь нарадоваться, как разнеслась молва: сам девятиглавый змей требует на съедение младшую дочь царя.

Настал вечер, привели царские слуги младшую царевну на берег моря, на белый камень усадили. Сидит она на камне и горько плачет.

Вдруг, откуда ни возьмись, очутился перед ней молодец с девятипудовым мечом (это был Ольховая Чурка) и говорит царевне:

— Раньше времени девушка, не горюй! Я немного посплю, а ты не спускай с моря глаз и жди: как начнет змей выходить, меня разбуди. Если не добудишься, то вынь мой нож из ножен и ткни меня в руку — тут уж я вскочу.

Положил голову на колени девушке и заснул. Мало ли, много ли времени прошло, всколыхнулось море раз, другой, третий... Царевна давай молодца будить, тормошить, а Ольховая Чурка всё спит. Всколыхнулось море в четвёртый, пятый раз, волны до неба взметнулись, а она всё не может его разбудить. Вот уже в восьмой раз вздыбилось море, огненные полосы пробежали по гребням волн. Тут царевна вспомнила о ноже, схватила за рукоятку, вынула из ножен и ткнула остриём Ольховую Чурку в руку. Когда море в девятый раз вздыбилось, он уже был на ногах. Вышел из воды девятиглавый змей, увидел Ольховую Чурку и говорит:

— Ху-ху! Сам Ольховая Чурка ко мне на ужин пришёл! Это как раз по мне! Слышал я про Ольховую Чурку, но не надеялся, что он сам ко мне в пасть полезет.

— Хвастливые речи только слабосильным говорить,— отвечает Ольховая Чурка.— Лучше без лишних слов к делу приступить!

— Ну, коли таким сильным себя мнишь, так выдуй серебряное поле, где нам биться! — говорит змей.

— Для чего тебе серебряное поле? Твоим головам и на песке мягко будет лежать, — говорит молодец.

И пошёл Ольховая Чурка прямо на змея со своим девятипудовым мечом. Не успел змей опомниться, как полетели у него три головы с плеч. Уже четвёртая, и пятая, и шестая головы на песок скатились, а змей всё не поддаётся. Бились они долго, вот уже седьмую голову Ольховая Чурка отрубил, а последние две никак не может одолеть. Но вот и восьмая голова покатилась. Тут уж и Ольховая Чурка стал уставать. И не отрубить бы ему последней головы, если бы не придумал хитрость.

— Смотри, змей, солнышко из моря выходит! — крикнул Ольховая Чурка.

И правда, над морем уже заря занялась. Змей оглянулся. Тут Ольховая Чурка и девятую голову змею отрубил.

Младшая царевна выбежала из-за камня, взяла Ольховую Чурку за руку и стала звать во дворец: хотелось ей отцу показать своего спасителя. Но он велел ей одной идти во дворец, а подарок её — именное кольцо — спрятал в карман.

Ольховая Чурка пошёл к избушке старой вдовы и лёг спать. Совсем немного удалось ему поспать, разбудили его радостные крики с улицы.

— Почему там кричат, чему радуются? — спрашивает Ольховая Чурка.

— Э, родимый, — отвечает старушка-вдова, — ты всё спишь, и про то не ведаешь, что солнышко ясное встало. Три года мы солнца не видали — как же тут не радоваться! Один только Ольховая Чурка на свете мог убить девятиглавого змея и освободить солнце. Хоть бы одним глазом на него взглянуть!

Удильщик и Скалолом поглядывают на своего товарища: может он и есть Ольховая Чурка?

Вышли все трое из избушки, пошли по городищу гулять. Говорят люди трём товарищам:

— По всему царству ищут трёх силачей, которые освободили утреннюю зарю, месяц и солнышко ясное да ещё избавили царство от страшных змеев. Царь обещал каждому из этих молодцев в жёны ту царевну, которую тот спас. А ещё обещал царь поделить между ними полцарства и половину сокровищ.

Три дня прошло, а те молодцы никак не объявляются. На четвёртый день приходят царские слуги в избушку старой вдовы и говорят:

— У тебя какие-то три чужестранца живут. Вели им по приказу царя явиться во дворец.

— Ну что ж, раз велено, так надо идти,— говорит Ольховая Чурка.— Только надо нам нарядиться как следует. Нет ли у тебя, хозяйка, какой-нибудь рваной одежды, что от мужа покойного осталась?

Принесла вдова из подклети рваную одежду, молодцы натянули её на себя и стали похожи на нищих бродяг. Так и пошли в царский дворец. Не пускают их слуги — не место нищим в царских палатах. Тогда Ольховая Чурка и говорит:

— Позовите сюда младшую дочь царя.

Пришла царевна, Ольховая Чурка вынул из кармана её именное кольцо и говорит:

— Признаёшь ли своё кольцо, царевна?

Тут царевна вскрикнула от радости и бросилась Ольховой Чурке на шею. Слуги диву даются! А царевна отстранила слуг и сказала:

— Они победили змеев!

Пришли они в ту палату, где был царь с царицей и со своими дочерьми. Разгневался было царь — зачем впустили бродяг — но младшая дочь подошла к царю и всё рассказала. Тут и Удильщик и Скалолом показали свои кольца, и старшие дочери царя признали в них своих спасителей.

Что же оставалось делать — хоть и не по вкусу пришлись царю женихи, а свадьбу надо справить: не к лицу царю изменять своему слову.

Но тут заговорил Ольховая Чурка:

— Не надо нам ни царства, ни дочерей твоих, царь. Об одном только просим: дай нам, царь, добрых коней и немного припасов, чтобы доехать до родной стороны.

Обрадовался царь и щедро наградил молодцев. Только младшая дочь царя опечалилась: по душе ей пришёлся Ольховая Чурка.

И отправились три товарища в обратный путь.

Едут они, едут, вдруг видят — стоит в лесу, недалеко от дороги, избушка. Избушка как избушка, но какие-то странные голоса оттуда слышны. Слез Ольховая Чурка с коня и обернулся горностаем. Вскарабкался на поленницу дров, под самое гнездо избушки. Слышит голос:

— Вот едут убийцы моих сыновей! Думают скоро дома быть. Да не уйти им от меня!

Ольховая Чурка тут догадался, что это мать тех змеев, Сююятар.

— А что ты им сделаешь? — спрашивает другой голос.

— А напущу на них такой голод, что они совсем сил лишатся. А возле дороги накрою столы со всякой едой. Но как только они присядут к тем столам, тотчас умрут. Откуда им

знать, что стоит лишь ударить трижды мечами по столам, как исчезнут эти столы, а вместе с ними и голод.

— А если они догадуются? — спрашивает кто-то.

— Если на этот раз они спасутся,— говорит Суюятар,— то я напущу на них такую жажду, что они от слабости с коней валиться будут. А возле дороги я наколдую озеро, и берестяные черпачки тут будут — только пей! Станут молодцы пить — тут им и смерть. А догадайся они мечами три раза по воде ударить, пропало бы озеро, и жажду их как рукой бы сняло. Ну а если они и на этот раз спасутся, то есть у меня про запас третья хитрость: напущу на них такой сон, что они с коней попадают. А у самого края дороги три кровати поставлю. Как улягутся на них молодцы, тут и сгорят. На этот раз и меч им не поможет. Хитрее всех Ольховая Чурка, но если он эту тайну вслух выскажет, то навеки с белым светом распрощается.

Выслушал это Ольховая Чурка, побежал от избушки горностаем, потом обернулся снова человеком. Идёт к своим товарищам, задумался крепко, опечалился. А Скалолом и Удильщик начали его расспрашивать, о чём в избушке говорили и что за люди там живут.

— А, пустое дело,— говорит Ольховая Чурка.— Там какие-то женщины от нечего делать болтали всякое.

Поехали они дальше. Проехали немного, и напал на них такой голод — хоть ложись и умирай. И тут же, откуда ни возьмись, появились у дороги столы со всякой едой. Не успели Скалолом и Удильщик руки протянуть, чтобы взять по куску, как Ольховая Чурка ударил своим мечом три раза по столам, и они пропали. Рассердились товарищи:

— Не дал нам поесть! А еда такая хорошая была.

Ничего не сказал Ольховая Чурка, но все вдруг заметили, что есть им уже вовсе не хочется.

Едут дальше. Проехали сколько-то, и напала на них такая жажда, что прямо умирают они от слабости. А у самой дороги вдруг озеро появилось, и берестяные черпачки на берегу положены. Не успели товарищи Ольховой Чурки с коней слезть, чтобы напиться, как тот ударил по воде три раза мечом, и озера как не бывало. А у путников жажда прошла.

Едут дальше. Напал на них такой сон, что вот-вот с коней свалятся. И показались у края дороги три кровати с перинами и подушками пуховыми — только спи, отсыпайся. Соскочили Скалолом и Удильщик с коней, хотели было броситься на кровати. Тут Ольховая Чурка, не помня себя, закричал:

— Постойте! Если вы ляжете на эти кровати, то погибнете!

Рассердились товарищи на Ольховую Чурку, разгневались не на шутку:

— Что ты нам ни есть, ни пить, ни спать не даёшь? — говорят они.— Ты как хочешь, а мы ляжем — нет сил больше ехать.

Видит Ольховая Чурка, что не послушаются они, а как сделать, чтобы заколдованные кровати исчезли, не знает.

— Погодите, послушайте, что я вам скажу,— говорит Ольховая Чурка.— Эти кровати Сюоятар наколдовала. Если вы ляжете на них, то сгорите. Вы бы давно пропали, если бы не я. Про это колдовство я от самой Сюоятар слышал, когда ходил к той избушке...

Только успел сказать эти слова, как превратился в ольховый чурбан, который старик некогда вытесал. Погоревали тут Удильщик и Скалолом, погоревали, но что делать? Не оста-

ваться же им тут на веки вечные. Поехали они дальше, своей дорогой. А сон с них так и слетел.

В это самое время в доме старика и старухи с того красного платка, который Ольховая Чурка перед уходом к воронцу привязал, кровь закапала. Испугалась старуха, запричитала:

— Беда случилась с моим ненаглядным сыночком, которого я три года в колыбели качала!

Собралась старуха сына искать, из беды выручать. Старик уговаривает:

— Куда ты, старая, пойдёшь? И где ты его найдёшь? Может, ему уже глаза вороны выклевали, кости звери лесные растаскали? Только сама пропадёшь.

Но не послушалась старая, собрала в кошель еды, кошель на плечи, посох в руки — и вышла на дорогу, еще до солнышка. Спрашивает старушка у зари утренней:

— Золотая зоренька, скажи, не видела ли моего сына, Ольховую Чурку?

— Нет,— говорит заря,— не видела. Спроси у моего братца месяца, он высоко в небо поднимается и всюду заглядывает, может, он видел.

Идёт старушка день до самой ночи. Взошла полная луна. Старушка спрашивает:

— Месяц ясный, скажи, не видал ли сына моего, Ольховую Чурку?

— Нет,— говорит месяц,— не видал. Я плохо в тёмных чашах вижу, а ты лучше спроси у старшего брата солнышка, оно во все уголки заглядывает, ничего от его глаз не скроется.

Идёт старушка всю ночь, утро, до самого полудня, когда солнце высоко поднялось. Спрашивает у солнца:

— Солнышко светлое, скажи, не видало ли ты сына моего, Ольховую Чурку?

— Знаю я, где Ольховая Чурка. Он меня от змея девятиглавого освободил, а я вот его беде помочь не могу.

И рассказало солнышко, где и как найти Ольховую Чурку. Приходит старушка на ту лесную опушку, где Ольховая Чурка остался лежать, увидела деревянную куклу, узнала сразу — как не узнать, коли три года её качала — припала к ней и запричитала:

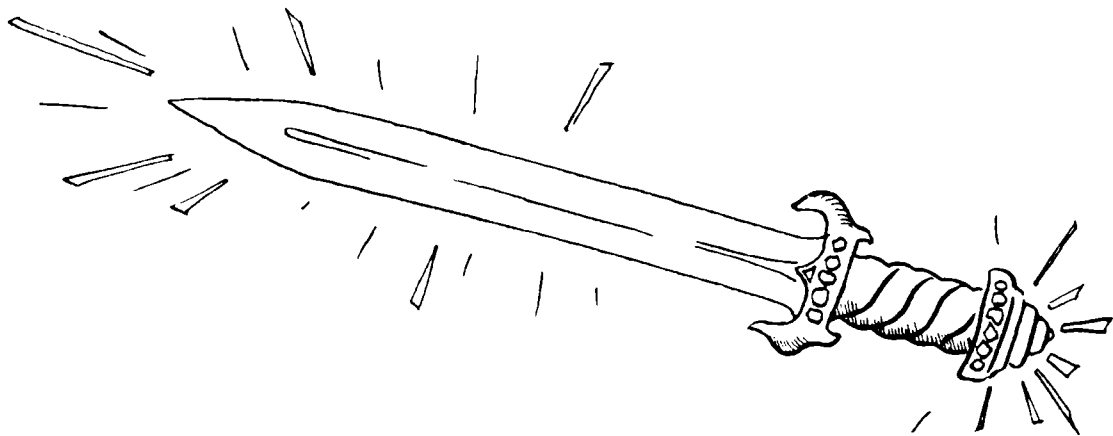
— Сынок мой единственный, ненаглядный, что с тобой приключилось? На кого ты меня, старую, покинул?

Плачет старушка над Ольховой Чуркой. Упала слеза горячая на деревянную куклу — ожил Ольховая Чурка, вскочил на ноги — молодец молодцом, как и раньше был!

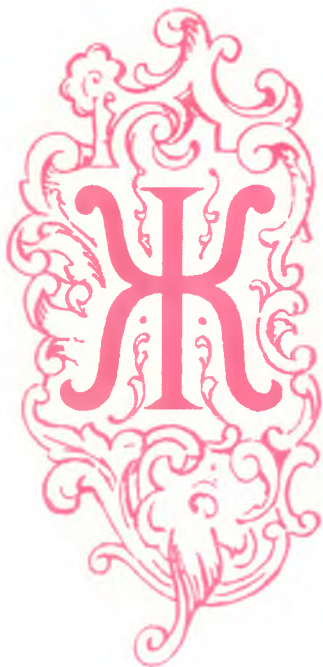
— Долго же я спал! — говорит Ольховая Чурка.

— Век бы спал, сыночек, если бы не я, — отвечает мать.

Вернулись мать с сыном домой. Старик им сильно обрадовался. Стали они жить, не тужить. Может, и нынче ещё Ольховая Чурка со стариком и старушкой живёт, а может, опять пошёл дело себе по плечу искать. Как знать?

МАЛЬЧИК-С-ПАЛЬЧИК

ил был однажды дровосек, и было у них с женой семеро сыновей: два близнеца по десять лет, два близнеца по девять лет, два близнеца по восемь лет и один младшенький семи лет. Он был очень маленький и молчаливый. Когда он родился, то был ростом не больше вашего пальца, поэтому его и называли Мальчик-с-пальчик. Он был очень умён, хотя родители и братья считали его дурачком, поскольку он всё время молчал. Но зато он отлично умел слушать собеседника. Дровосек был очень беден, и семья постоянно жила впроголодь. Однажды случилась засуха, и погиб весь урожай. Везде наступил голод. Однажды вечером дровосек сказал своей жене:

— Что же нам делать? Я люблю своих сыновей, но моё сердце разрывается от боли, когда я вижу, что они умирают от голода. Завтра мы отведём их в чащу леса и оставим там.

— Нет! Это было бы слишком жестоко,— вскричала его жена. Она понимала, что еды достать негде, но без памяти любила своих дорогих сыновей.

— В лесу у них есть шанс спастись,— сказал дровосек.— А дома они уж точно умрут.

Его жена зарыдала и согласилась.

Мальчик-с-пальчик не спал и слышал весь разговор родителей. Он моментально придумал план. Он вышел во двор, наполнил свои карманы блестящей галькой и вернулся домой спать.

Наутро дровосек повёл сыновей далеко в лес.

Пока он рубил деревья, дети собирали хворост. Потихоньку дровосек всё отходил от детей дальше и дальше, пока совсем не потерял их из виду. В одиночестве он вернулся домой.

Когда мальчики увидели, что их отец исчез, они очень испугались. Но Мальчик-с-пальчик знал дорогу домой, потому что пока они шли, он бросал из карманов блестящие камешки, по которым можно было вернуться назад. Поэтому он сказал братьям:

— Не плачьте. Идите за мной, и я приведу вас обратно к дому.

Следуя за младшим братом, дети пришли домой. Они сели на скамеечку, боясь войти в дом, и стали прислушиваться к тому, что происходило внутри.

Они не подозревали, что пока их не было дома, у дровосека произошёл приятный сюрприз. Человек, который давным-давно занимал у него деньги, наконец-то вернул свой долг, и дровосек с женой на радостях накупили много вкусной еды.

Когда голодные муж с женой сели есть, жена начала опять плакать:

— Как бы я хотела, чтобы мои дорогие сыночки были сейчас здесь. Я бы приготовила им вкусный обед.

Мальчики слышали её.

— Мы здесь, матушка! — закричали они. Они вбежали в дом и сели за вкусный ужин.

Радостная семья счастливо зажила вновь. Но скоро деньги кончились, и дровосек опять впал в отчаянье. Он сказал жене, что опять уведёт детей в лес, но теперь уже подальше и глубже. Мальчик-с-пальчик опять услышал их разговор. Он решил снова набрать камешков, но не смог, так как все двери были заперты на замки.

На следующий день, перед их уходом, матушка дала им на завтрак хлеба. Мальчик-с-пальчик не стал есть свой кусок, а припрятал его, чтобы по крошкам разбросать его вдоль дороги вместо камешков.

Они зашли в самую глубокую чащу леса. Пока дети трудились в поте лица, отец оставил их и скрылся. Мальчик-с-пальчик ничуть не волновался, поскольку был уверен, что найдёт дорогу к дому по хлебным крошкам. Но когда он стал их искать, то обнаружил, что птицы съели все хлебные крошки.

Дети в отчаянии плутали и плутали по лесу. Наступила ночь, и подул холодный сильный ветер. Мальчики промочили свои ботинки. Пошёл сильный холодный дождь. Мальчик-с-пальчик вскарабкался на дерево посмотреть, не видно ли дороги домой. Далеко в левой стороне он увидел огонёк. Он слез с дерева и повёл братьев налево.

На краю леса они увидели домик с огоньками в окошечках. Они постучались в дверь, и женский голос ответил им, что они могут войти. Они вошли и Мальчик-с-пальчик сказал женщине, вышедшей к ним навстречу:

— Мадам! Мы потерялись в лесу. Не будете ли вы так добры разрешить нам переночевать здесь?

— Ах, вы, бедные крошки! — запричитала женщина. — Знаете ли вы, что этот дом принадлежит страшному людоеду, который обожает маленьких мальчиков?

Сбившись в кучку, холодные, промокшие до костей, голодные мальчики стояли в нерешительности у двери.

— Что же нам делать? — спросил Мальчик-с-пальчик. — Если мы опять пойдём в лес, волки уж точно съедят нас. Может быть, ваш муж окажется добрее волков.

— Хорошо, — ответила жена людоеда. — Входите и согрейтесь у огня.

Едва мальчики успели просушить свою мокрую одежду, раздался жуткий стук в дверь. Это пришёл людоед! Его жена быстро спрятала детей под кровать и отворила дверь людоеду. Людоед ввалился в комнату и сел за стол есть. Вдруг он начал принюхиваться.

— Я чувствую запах живого мяса, — заревел людоед страшным голосом.

— Я зарезала сегодня гуся, — сказала жена.

— Я чувствую запах человеческого мяса, — ещё громче заорал людоед. — Ты не обманешь меня.

Он подошёл к кровати и заглянул под неё. Он вытащил за ноги мальчиков одного за другим.

— Отлично! — захохотал он. — Семь лакомых молоденьких мальчиков. Я приготовлю из них отличный десерт для вечеринки, на которую я пригласил моих друзей.

Мальчики упали на колени и стали умолять людоеда пощадить их, но людоед пожирал их глазами, смачно облизываясь. Он наточил свой большой нож и схватил одного из мальчиков. Но не успел он замахнуться ножом, чтобы разрезать

мальчика, как его жена подбежала к нему и, схватив его за руку, сказала:

— Совершенно незачем делать это сегодня. Мы успеем убить их и завтра.

— Замолчи! — заорал людоед.

Его жена быстро заговорила:

— Но они испортятся, пока ты соберёшься их съесть. У нас в погребе очень много мяса.

— Ты права, — сказал людоед, отпуская мальчика. — Хорошо накорми их и положи в постель. Мы подержим их несколько дней, чтобы они потолстели и стали вкуснее.

Добрая женщина была рада, что приключение закончилось так благополучно. Она сытно накормила их и уложила в комнате, где спали её собственные дочери — молодые людоедки. Они все спали на одной большой кровати, и у каждой на голове была золотая корона. Они все были очень страшные: с крошечными глазками, крючковатыми носами и огромным ртом, из которого выставлялись гигантские острые зубы. В комнате стояла ещё одна большая кровать. Жена людоеда уложила на неё мальчиков.

Мальчик-с-пальчик заметил золотые короны на головах людоедок. Он подумал: «А вдруг людоед изменит своё решение и захочет резать нас ночью?»

Он собрал шапки братьев и надел их на головы людоедских дочерей, а их золотые короны на своих братьев. И стал ждать.

Он оказался прав. Людоед, проснувшись, пожалел о своём намерении и решил действовать немедленно. Взяв в руку длинный-предлинный нож, он поспешил в соседнюю комнату. Он подошёл к кровати, где спали мальчики, и стал ощупы-

вать их головы. Нащупав золотые короны, людоед страшно испугался и запричитал:

— Я чуть было не зарезал моих маленьких девочек, хорошеньких людоедочек.

Он подошёл к другой кровати и нащупав шапочки сказал:

— А, вот и они.

Довольный, он быстро зарезал семерых своих дочерей и радостный отправился спать дальше.

Когда Мальчик-с-пальчик услышал, что людоед опять захрапел, он разбудил своих братьев. Они быстро оделись и убежали из этого дома.

На следующее утро людоед проснулся пораньше, чтобы успеть приготовить гостям вкусные мясные кушанья. Он отправился в детскую комнату, где, к своему ужасу, увидел семерых мертвых людоедочек.

— Они поплатятся за этот фокус,— в бешенстве заорал он и затопал ногами.

Он достал из сундука семимильные сапоги и поспешил вслед за братьями. Он пересёк полгосударства за несколько шагов и вскоре оказался на дороге, по которой бежали мальчики. Они уже были близко к отцовскому дому, когда услышали позади себя сопение людоеда. Он перепрыгивал с горы на гору, перешагивал огромные реки, словно маленькие лужицы.

Мальчик-с-пальчик заметил в скале пещеру и быстро спрятался в неё вместе с братьями. Через несколько секунд появился людоед. Он очень устал, так как семимильные сапоги натерли ему ноги, и поэтому решил прилечь отдохнуть. Он повалился на землю, где находились братья, и захрапел.

Мальчик-с-пальчик сказал:

— Не беспокойтесь и бегите быстреей домой, пока он спит. Увидимся позже.

Мальчики убежали и скрылись в доме родителей. Между тем Мальчик-с-пальчик стащил с храпящего людоеда семимильные сапоги и надел их на себя. Конечно же, они были очень большие. Но секрет состоял в том, что они могли и увеличиваться и уменьшаться в зависимости от размера ноги, надевшего их человека. В секунду сапоги уменьшились и стали впору Мальчику-с-пальчику.

Он отправился в них к людоедской жене и сказал ей:

— Разбойники напали на вашего мужа и требуют выкуп, иначе они убьют его. Он попросил меня сообщить вам об этом и приказал собрать всё его золото для выкупа. Он не хочет умирать.

Жена людоеда отдала ему все золотые монеты и ценные вещи людоеда. Мальчик-с-пальчик поспешил домой с мешком денег за плечами.

Людоед, проснувшись, обнаружил пропажу семимильных сапог. Но без них он не мог разыскать братьев и огорчённый отправился домой.

Семья Мальчика-с-пальчика очень гордилась им.

— Мой младший сынок хоть и очень мал ростом,— говорила его мать,— зато очень умен.

ДИКИЕ ЛЕБЕДИ

алеко-далеко, в той стране, куда улетают от нас на зиму ласточки, жил король. У него было одиннадцать сыновей и одна дочка, Элиза. Одиннадцать братьев-принцев уже ходили в школу; на груди у каждого красовалась звезда, а сбоку гремела сабля; писали они на золотых досках алмазными грифелями и отлично умели читать, хоть по книжке, хоть наизусть — всё равно. Сразу было слышно, что читают настоящие принцы! Сестрица их Элиза сидела на скамеечке из зеркального стекла и рассматривала книжку с картинками, за которую было заплачено полкоролевства.

Да, хорошо жилось детям, только недолго!

Отец их, король той страны, женился на злой королеве, которая невзлюбила бедных детей. Им пришлось испытать это в первый же день: во дворце шло веселье, и дети затеяли игру в гости, но мачеха вместо разных пирожных и печёных яблок, которых они всегда получали вдоволь, дала им чайную чашку песку и сказала, что они могут представить себе, будто это угощение.

Через неделю она отдала сестрицу Элизу на воспитание в деревню каким-то крестьянам, а прошло ещё немного времени, и она успела столько наговорить королю о бедных принцах, что он больше и видеть их не хотел.

— Летите-ка подобиру-поздорову на все четыре стороны! — сказала злая королева. — Летите большими птицами без голоса и промышляйте о себе сами!

Но она не могла сделать им такого зла, как бы ей хотелось, — они превратились в одиннадцать прекрасных диких лебедей, с криком вылетели из дворцовых окон и понеслись над парками и лесами.

Было раннее утро, когда они пролетали мимо избы, где спала ещё крепким сном их сестрица Элиза. Они принялись летать над крышей, вытягивали свои гибкие шеи и хлопали крыльями, но никто не слышал и не видел их; так им пришлось улететь ни с чем. Высоко-высоко взвились они к самым облакам и полетели в большой тёмный лес, что тянулся до самого моря.

Бедняжка Элиза стояла в крестьянской избе и играла зелёным листочком — других игрушек у неё не было; она проткнула в листе дырочку, смотрела сквозь неё на солнышко, и ей казалось, что она видит ясные глаза своих братьев; когда же тёплые лучи солнца скользили по её щеке, она вспоминала их нежные поцелуи.

Дни шли за днями, один как другой. Колыхал ли ветер розовые кусты, росшие возле дома, и шептал розам: «Есть ли кто-нибудь красивее вас?» — розы качали головками и говорили: «Элиза красивее». Сидела ли в воскресный день у дверей своего домика какая-нибудь старушка, читавшая псалтырь, а ветер переворачивал листы, говоря книге: «Есть ли кто набож-

нее тебя?» книга отвечала: «Элиза набожнее!» И розы и псалтырь говорили сущую правду.

Но вот Элизе минуло пятнадцать лет, и её отправили домой. Увидав, какая она хорошенькая, королева разгневалась и возненавидела падчерицу. Она с удовольствием превратила бы её в дикого лебедя, да нельзя было сделать этого сейчас же, потому что король хотел видеть свою дочь.

И вот рано утром королева пошла в мраморную, всю убранную чудными коврами и мягкими подушками купальню, взяла трёх жаб, поцеловала каждую и сказала первой:

— Сядь Элизе на голову, когда она войдёт в купальню; пусть она станет такою же тупой и ленивой, как ты! А ты сядь ей на лоб! — сказала она другой. — Пусть Элиза будет такою же безобразной, как ты, и отец не узнает её! Ты же ляг ей на сердце! — шепнула королева третьей жабе. — Пусть она станет злонравной и мучится от этого!

Затем она спустила жаб в прозрачную воду, и вода сейчас же вся позеленела. Позвав Элизу, королева раздела её и велела ей войти в воду. Элиза послушалась, и одна жаба села ей на темя, другая на лоб, а третья на грудь; но Элиза даже не заметила этого, и, как только вышла из воды, по воде поплыли три красных мака. Если бы жабы не были отравлены поцелуем ведьмы, они превратились бы, полежав у Элизы на голове и на сердце, в красные розы; девушка была так набожна и невинна, что колдовство никак не могло подействовать на неё.

Увидав это, злая королева натёрла Элизу соком грецкого ореха, так что она стала совсем коричневой, вымазала ей личико вонючей мазью и спутала её чудные волосы. Теперь нельзя было и узнать хорошенькую Элизу. Даже отец её испугался и сказал, что это не его дочь. Никто не признавал её,

кроме цепной собаки да ласточек, но кто же стал бы слушать бедных тварей!

Заплакала Элиза и подумала о своих выгнанных братьях, тайком ушла из дворца и целый день брела по полям и болотам, пробираясь к лесу. Элиза и сама хорошенько не знала, куда надо ей идти, но так истосковалась по своим братьям, которые тоже были изгнаны из родного дома, что решила искать их повсюду, пока не найдёт.

Недолго пробыла она в лесу, как уже настала ночь, и Элиза совсем сбилась с дороги; тогда она улеглась на мягкий мох, прочла молитву на сон грядущий и склонила голову на пень. В лесу стояла тишина, воздух был такой тёплый, в траве мелькали, точно зелёные огоньки, сотни светлячков, а когда Элиза задела рукой за какой-то кустик, они посыпались в траву звёздным дождём.

Всю ночь снились Элизе братья: все они опять были детьми, играли вместе, писали грифелями на золотых досках и рассматривали чудеснейшую книжку с картинками, которая стоила полкоролевства. Но писали они на досках не чёрточки и нулики, как бывало прежде, — нет, они описывали всё, что видели и пережили. Все картины в книжке были живые: птицы распевали, а люди сходили со страниц и разговаривали с Элизой и её братьями; но стоило ей захотеть перевернуть лист, — они впрыгивали обратно, иначе в картинках вышла бы путаница.

Когда Элиза проснулась, солнышко стояло уже высоко; она даже не могла хорошенько видеть его за густой листвой деревьев, но отдельные лучи его пробирались между ветвями и бегали золотыми зайчиками по траве; от зелени шёл чудный запах, а птички чуть не садились Элизе на плечи. Невда-

леке слышалось журчание источника; оказалось, что тут бежало несколько больших ручьёв, вливавшихся в пруд с чудным песчаным дном. Пруд был окружён живой изгородью, но в одном месте дикие олени проломали для себя широкий проход, и Элиза могла спуститься к самой воде. Вода в пруду была чистая и прозрачная; не шевели ветер ветвей деревьев и кустов, можно было бы подумать, что и деревья и кусты нарисованы на дне, так ясно они отражались в зеркале вод.

Увидав в воде своё лицо, Элиза совсем перепугалась, такое оно было чёрное и гадкое; и вот она зачерпнула горсть воды, потёрла глаза и лоб, и опять заблестела её белая нежная кожа. Тогда Элиза разделась совсем и вошла в прохладную воду. Такой хорошенькой принцессы поискать было по белу свету!

Одевшись и заплетя свои длинные волосы, она пошла к журчащему источнику, напилась воды прямо из пригоршни и потом пошла дальше по лесу, сама не зная куда. Она думала о своих братьях и надеялась, что бог не покинет её: это он ведь повелел расти диким лесным яблокам, чтобы напитать ими голодных; он же указал ей одну из таких яблонь, ветви которой гнулись от тяжести плодов. Утолив голод, Элиза подпёрла ветви палочками и углубилась в самую чащу леса. Там стояла такая тишина, что Элиза слышала свои собственные шаги, слышала шуршанье каждого сухого листка, попадавшего ей под ноги. Ни единой птички не залетало в эту глушь, ни единый солнечный луч не проскальзывал сквозь сплошную чащу ветвей. Высокие стволы стояли плотными рядами, точно бревенчатые стены; никогда ещё Элиза не чувствовала себя такой одинокой.

Ночью стало ещё темнее; во мху не светилося ни единого светлячка. Печально улеглась Элиза на траву, и вдруг ей показалось, что ветви над ней раздвинулись, и на неё глянул добрыми очами сам господь бог; маленькие ангелочки выглядывали из-за его головы и из-под рук.

Проснувшись утром, она и сама не знала, было ли то во сне или наяву.

Отправившись дальше, Элиза встретила старушку с корзинкой ягод; старушка дала девушке горсточку ягод, а Элиза спросила её, не проезжали ли тут, по лесу, одиннадцать принцев.

— Нет,— сказала старушка,— но вчера я видела здесь на реке одиннадцать лебедей в золотых коронах.

И старушка вывела Элизу к обрыву, под которым протекала река. По обоим берегам росли деревья, простиравшие навстречу друг другу свои длинные, густо покрытые листьями ветви. Те из деревьев, которым не удавалось сплести своих ветвей с ветвями их братьев на противоположном берегу, так вытягивались над водой, что корни их вылезали из земли, и они всё же добивались своего.

Элиза простилась со старушкой и пошла к устью реки, впадавшей в открытое море.

И вот перед молодой девушкой открылось чудное безбрежное море, но на всём его просторе не виднелось ни одного паруса, не было ни единой лодочки, на которой бы она могла пуститься в дальнейший путь. Элиза посмотрела на бесчисленные валуны, выброшенные на берег морем, — вода отшлифовала их так, что они стали совсем гладкими и круглыми. Все остальные выброшенные морем предметы: стекло, железо и камни — тоже носили следы этой шлифовки, а между тем

вода была мягче нежных рук Элизы, и девушка подумала: «Волны неустанно катятся одна за другой и наконец шлифуют самые твёрдые предметы. Буду же и я трудиться неустанно! Спасибо вам за науку, светлые быстрые волны! Сердце говорит мне, что когда-нибудь вы отнесёте меня к моим милым братьям!»

На выброшенных морем сухих водорослях лежали одиннадцать белых лебединых перьев; Элиза собрала и связала их в пучок; на перьях ещё блестели капли — росы или слёз, кто знает? Пустынно было на берегу, но Элиза не чувствовала этого: море представляло собою вечное разнообразие; в несколько часов тут можно было насмотреться больше, чем в целый год где-нибудь на берегах пресных внутренних озёр. Если на небо надвигалась большая чёрная туча и ветер крепчал, море как будто говорило: «Я тоже могу почернеть!» — начинало бурлить, волноваться и покрывалось белыми барашками. Если же облака были розоватого цвета, а ветер спал, — море было похоже на лепесток розы; иногда оно становилось зелёным, иногда белым; но какая бы тишь ни стояла в воздухе и как бы спокойно ни было само море, у берега постоянно было заметно лёгкое волнение, — вода тихо вздымалась, словно грудь спящего ребёнка.

Когда солнце было близко к закату, Элиза увидела вереницу летевших к берегу диких лебедей в золотых коронах; всех лебедей было одиннадцать, и летели они один за другим, вытянувшись длинною белою лентой. Элиза взобралась наверх и спряталась за куст. Лебеди спустились недалеко от неё и захлопали своими большими белыми крыльями.

В ту же самую минуту, как солнце скрылось под водой, оперение с лебедей вдруг спало, и на земле очутились один-

надцать красавцев принцев, Элизиных братьев! Элиза громко вскрикнула; она сразу узнала их, несмотря на то, что они успели сильно измениться; сердце подсказало ей, что это они! Она бросилась в их объятия, называла их всех по именам, а они-то как обрадовались, увидав и узнав свою сестрицу, которая так выросла и похорошела. Элиза и её братья смеялись и плакали и скоро узнали друг от друга, как скверно поступила с ними мачеха.

— Мы, братья,— сказал самый старший,— летаем в виде диких лебедей весь день, от восхода до самого заката солнечного; когда же солнце заходит, мы опять принимаем человеческий образ. Поэтому ко времени захода солнца мы всегда должны иметь под ногами твёрдую землю: случись нам превратиться в людей во время нашего полёта под облаками, мы тотчас же упали бы с такой страшной высоты. Живём же мы не тут; далеко-далеко за морем лежит такая же чудная страна, как эта, но дорога туда длинна, приходится перелетать через всё море, а по пути нет ни единого острова, где бы мы могли провести ночь. Только по самой середине моря торчит небольшой одинокий утёс, на котором мы кое-как и можем отдохнуть, тесно прижавшись друг к другу. Если море бушует, брызги воды перелетают даже через наши головы, но мы благодарим бога и за такое пристанище: не будь его, нам вовсе не удалось бы навестить нашей милой родины — и теперь-то для этого перелёта нам приходится выбирать два самых длинных дня в году. Лишь раз в год позволено нам прилетать на родину; мы можем оставаться здесь одиннадцать дней и летать над этим большим лесом, откуда нам виден дворец, где мы родились и где живёт наш отец, и колокольня церкви, где покоится наша мать. Тут даже кусты и деревья кажутся нам

родными; тут по равнинам по-прежнему бегают дикие лошади, которых мы видели в дни нашего детства, а угольщики по-прежнему поют те песни, под которые мы плясали детьми. Тут наша родина, сюда тянет нас всем сердцем, и здесь-то мы нашли тебя, милая, дорогая сестричка! Два дня ещё можем мы пробывать здесь, а затем должны улететь за море, в чужую страну! Как же нам взять тебя с собой? У нас нет ни корабля, ни лодки!

— Как бы мне освободить вас от чар? — спросила братьев сестра.

Так они проговорили почти всю ночь и задремали только на несколько часов.

Элиза проснулась от шума лебединых крыл. Братья опять стали птицами и летали в воздухе большими кругами, а потом и совсем скрылись из виду. С Элизой остался только самый младший из братьев; лебедь положил свою голову ей на колени, а она гладила и перебирала его перышки. Целый день провели они вдвоём, к вечеру же прилетели и остальные, и когда солнце село, все вновь приняли человеческий образ.

— Завтра мы должны улететь отсюда и сможем вернуться не раньше будущего года, но тебя мы не покинем здесь! — сказал младший брат. — Хватит ли у тебя мужества улететь с нами? Мои руки довольно сильны, чтобы пронести тебя через лес, — неужели же мы все не сможем перенести тебя на крыльях через море?

— Да, возьмите меня с собой! — сказала Элиза.

Всю ночь провели они за плетеньем сетки из гибкого лозняка и тростника; сетка вышла большая и прочная; в неё положили Элизу. Превратившись на восходе солнца в лебедей, братья схватили сетку клювами и взвились с милой, спавшей

крепким сном, сестрицей к облакам. Лучи солнца светили ей прямо в лицо, поэтому один из лебедей полетел над её головой, защищая её от солнца своими широкими крыльями.

Они были уже далеко от земли, когда Элиза проснулась, и ей показалось, что она видит сон наяву, так странно было ей лететь по воздуху. Возле неё лежали ветка с чудесными спелыми ягодами и пучок вкусных кореньев; их набрал и положил к ней самый младший из братьев, и она благодарно улыбнулась ему, — она догадалась, что это он летел над ней и защищал её от солнца своими крыльями.

Высоко-высоко летели они, так что первый корабль, который они увидели в море, показался им плавающей на воде чайкой. В небе позади них стояло большое облако — настоящая гора! — и на нём Элиза увидела движущиеся исполинские тени одиннадцати лебедей и свою собственную. Вот была картина! Таких ей ещё не приходилось видеть! Но по мере того как солнце подымалось выше и облако оставалось всё дальше и дальше позади, воздушные тени мало-помалу исчезли.

Целый день летели лебеди, как пущенная из лука стрела, но всё-таки медленнее обыкновенного; теперь ведь они несли сестру. День стал клониться к вечеру, поднялась непогода; Элиза со страхом следила за тем, как опускалось солнце, одинокого морского утёса всё ещё не было видно. Вот ей показалось, что лебеди как-то усиленно машут крыльями. Ах, это она была виной того, что они не могли лететь быстрее! Зайдёт солнце, — они станут людьми, упадут в море и утонут! И она от всего сердца стала молиться богу, но утёс всё не показывался. Чёрная туча приближалась, сильные порывы ветра предвещали бурю, облака собрались в сплошную грозную

свинцовую волну, катившуюся по небу; молния сверкала за молнией.

Одним своим краем солнце почти уже касалось воды; сердце Элизы затрепетало; лебеди вдруг полетели вниз с неимоверною быстротой, и девушка подумала уже, что все они падают; но нет, они опять продолжали лететь. Солнце наполовину скрылось под водой, и тогда только Элиза увидела под собой утёс, величиною не больше тюленя, высунувшего из воды голову. Солнце быстро угасало; теперь оно казалось только небольшою блестящею звёздочкой; но вот лебеди ступили ногой на твёрдую почву, и солнце погасло, как последняя искра догоревшей бумаги. Элиза увидела вокруг себя братьев, стоявших рука об руку; все они едва уместались на крошечном утёсе. Море бешено билось об него и окатывало их целым дождём брызг; небо пылало от молний, и ежеминутно грохотал гром, но сестра и братья держались за руки и пели псалом, вливавший в их сердца утешение и мужество.

На заре буря улеглась, опять стало ясно и тихо; с восходом солнца лебеди с Элизой полетели дальше. Море ещё волновалось, и они видели с высоты, как плыла по тёмно-зелёной воде, точно несметные стаи лебедей, белая пена.

Когда солнце поднялось выше, Элиза увидела перед собой как бы плавающую в воздухе гористую страну с массами блестящего льда на скалах; между скалами возвышался огромный замок, обвитый какими-то смелыми воздушными галереями из колонн; внизу под ним качались пальмовые леса и роскошные цветы, величиною с мельничные колёса. Элиза спросила, не это ли та страна, куда они летят, но лебеди покачали головами: она видела перед собой чудный, вечно изменяющийся облачный замок Фата-Морганы; туда они не смели

принести ни единой человеческой души. Элиза опять устремила свой взор на замок, и вот горы, леса и замок сдвинулись вместе, и из них образовались двадцать одинаковых величественных церквей с колокольнями и стрельчатыми окнами. Ей показалось даже, что она слышит звуки органа, но это шумело море. Теперь церкви были совсем близко, но вдруг превратились в целую флотилию кораблей; Элиза вгляделась пристальнее и увидела, что это просто морской туман, подымавшийся над водой. Да, перед глазами у неё были вечно сменяющиеся воздушные образы и картины! Но вот, наконец, показалась и настоящая земля, куда они летели. Там возвышались чудные горы, кедровые леса, города и замки.

Задолго до захода солнца Элиза сидела на скале перед большою пещерой, точно обвешанной вышитыми зелёными коврами — так обросла она нежно-зелёными ползучими растениями.

— Посмотрим, что приснится тебе тут ночью! — сказал младший из братьев и указал сестре её спальню.

— Ах, если бы мне приснилось, как освободить вас от чар! — сказала она, и эта мысль так и не выходила у неё из головы.

Элиза стала усердно молиться Богу и продолжала свою молитву даже во сне. И вот ей пригрезилось, что она летит высоко-высоко по воздуху к замку Фата-Морганы и что фея сама выходит ей навстречу, такая светлая и прекрасная, но в то же время удивительно похожая на ту старушку, которая дала Элизе в лесу ягод и рассказала о лебедях в золотых коронах.

— Твоих братьев можно спасти, — сказала она. — Но хватит ли у тебя мужества и стойкости? Вода мягче твоих нежных

рук и всё-таки шлифует камни, но она не ощущает боли, которую будут ощущать твои пальцы; у воды нет сердца, которое бы стало изнывать от страха и муки, как твоё. Видишь, у меня в руках крапива? Такая крапива растёт здесь возле пещеры, и только она, да ещё та крапива, что растёт на кладбищах, может тебе пригодиться; заметь же её! Ты нарвёшь этой крапивы, хотя твои руки покроются волдырями от ожогов; потом разомнёшь её ногами, ссучишь из полученного волокна длинные нити, затем сплетёшь из них одиннадцать рубашек-панцирей с длинными рукавами и набросишь их на лебедей; тогда колдовство исчезнет. Но помни, что с той минуты, как ты начнёшь свою работу, и до тех пор, пока не окончишь её, хотя бы она длилась целые годы, ты не должна говорить ни слова. Первое же слово, которое сорвётся у тебя с языка, пронзит сердца твоих братьев, как кинжалом. Их жизнь и смерть будут в твоих руках! Помни же всё это!

И фея коснулась её руки жгучею крапивой; Элиза почувствовала боль, как от ожога, и проснулась. Был уже светлый день, и рядом с ней лежал пучок крапивы, точно такой же, как та, которую она видела сейчас во сне. Тогда она упала на колени, поблагодарила Бога и вышла из пещеры, чтобы сейчас же приняться за работу.

Своими нежными руками рвала она злую, жгучую крапиву, и руки её покрывались крупными волдырями, но она с радостью переносила боль: только бы удалось ей спасти милых братьев! Потом она размяла крапиву голыми ногами и стала сучить зелёное волокно.

С заходом солнца явились братья и очень испугались, видя, что она стала немой. Они думали, что это новое колдовство их злой мачехи, но, взглянув на её руки, поняли, что она

стала немой ради их спасения. Самый младший из братьев заплакал; слёзы его падали ей на руки, и там, куда упала слезинка, исчезали жгучие волдыри, утихала боль.

Ночь Элиза провела за своей работой; отдых не шёл ей на ум; она думала только о том, как бы поскорее освободить своих милых братьев. Весь следующий день, пока лебеди летали, она оставалась одна-одинёшенька, но никогда ещё время не бежало для неё с такой быстротой. Одна рубашка-панцирь была готова, и девушка принялась за следующую.

Вдруг в горах слышались звуки охотничьих рогов; Элиза испугалась; звуки всё приближались, затем раздался лай собак. Девушка скрылась в пещеру, связала всю собранную ею крапиву в пучок и села на него.

В ту же минуту из-за кустов выпрыгнула большая собака, за ней другая и третья; они громко лаяли и бегали взад и вперед. Через несколько минут у пещеры собрались все охотники; самый красивый из них был король той страны; он подошёл к Элизе — никогда ещё не встречал он такой красавицы!

— Как ты попала сюда, прелестное дитя? — спросил он, но Элиза только покачала головой; она ведь не смела говорить: от её молчания зависела жизнь и спасение её братьев. Руки свои Элиза спрятала под передник, чтобы король не увидал, как она страдает.

— Пойдём со мной! — сказал он. — Здесь тебе нельзя оставаться! Если ты так добра, как хороша, я наряжу тебя в шёлк и бархат, надену тебе на голову золотую корону, и ты будешь жить в моём великолепном дворце! — И он посадил её на седло перед собой; Элиза плакала и ломала себе руки, но король сказал: — Я хочу только твоего счастья. Когда-нибудь ты сама поблаговаришь меня!

И повёз её через горы, а охотники скакали следом.

К вечеру показалась великолепная столица короля, с церквями и куполами, и король привёл Элизу в свой дворец, где в высоких мраморных покоях журчали фонтаны, а стены и потолки были украшены живописью. Но Элиза не смотрела ни на что, плакала и тосковала; безучастно отдалась она в распоряжение прислужниц, и те надели на неё королевские одежды, вплели ей в волосы жемчужные нити и натянули на обожжённые пальцы тонкие перчатки.

Богатые уборы так шли к ней, она была в них так ослепительно хороша, что весь двор преклонился перед ней, а король провозгласил её своей невестой, хотя архиепископ и покачивал головой, нащёптывая королю, что лесная красавица, должно быть, ведьма, что она отвела им всем глаза и околдовала сердце короля.

Король, однако, не стал его слушать, подал знак музыкантам, велел вызвать прелестнейших танцовщиц и подавать на стол дорогие блюда, а сам повёл Элизу через благоухающие сады в великолепные покои, она же оставалась по-прежнему грустной и печальной. Но вот король открыл дверцу в маленькую комнатку, находившуюся как раз возле её спальни. Комнатка вся была увешана зелёными коврами и напоминала лесную пещеру, где нашли Элизу; на полу лежала связка крапивного волокна, а на потолке висела сплетенная Элизой рубашка-панцирь; всё это, как диковинку, захватил с собой из леса один из охотников.

— Вот тут ты можешь вспоминать своё прежнее жилище! — сказал король. — Тут и работа твоя; может быть, ты пожелаешь иногда поразвлечься среди всей окружающей тебя пышности воспоминаниями о прошлом!

Увидав дорогую её сердцу работу, Элиза улыбнулась и покраснела; она подумала о спасении братьев и поцеловала у короля руку, а он прижал её к сердцу и велел звонить в колокола по случаю своей свадьбы. Немая лесная красавица стала королевой.

Архиепископ продолжал нащёптывать королю злые речи, но они не доходили до сердца короля, и свадьба состоялась. Архиепископ сам должен был надеть на невесту корону; с досады он так плотно надвинул ей на лоб узкий золотой обруч, что всякому стало бы больно, но она даже не обратила на это внимания: что значила для неё телесная боль, если сердце её изнывало от тоски и жалости к милым братьям! Губы её по-прежнему были сжаты, ни единого слова не вылетело из них — она знала, что от её молчания зависит жизнь братьев, — зато в глазах светилась горячая любовь к доброму красивому королю, который делал всё, чтобы только порадовать её. С каждым днем она привязывалась к нему всё больше и больше. О! Если бы она могла довериться ему, высказать ему свои страдания, но — увы! — она должна была молчать, пока не окончит своей работы. По ночам она тихонько уходила из королевской спальни в свою потаённую комнатку, похожую на пещеру, и плела там одну рубашку-панцирь за другой, но когда принялась уже за седьмую, у неё вышло всё волокно.

Она знала, что может найти такую крапиву на кладбище, но ведь она должна была рвать её сама; как же быть?

«О, что значит телесная боль в сравнении с печалью, терзающею моё сердце! — думала Элиза. — Я должна решиться! Господь не оставит меня!»

Сердце её сжималось от страха, точно она шла на дурное дело, когда пробиралась лунною ночью в сад, а оттуда по

длинным аллеям и пустынным улицам на кладбище. На широких могильных плитах сидели отвратительные ведьмы; они сбросили с себя лохмотья, точно собирались купаться, разрывали своими костлявыми пальцами свежие могилы, вытаскивали оттуда тела и пожирали их. Элизе пришлось пройти мимо них, и они так и таращили на неё свои злые глаза — но она сотворила молитву, набрала крапивы и вернулась домой.

Лишь один человек не спал в ту ночь и видел её — архиепископ; теперь он убедился, что был прав, подозревая королеву, итак, она была ведьмой и потому сумела околдовать короля и весь народ.

Когда король пришёл к нему в исповедальню, архиепископ рассказал ему о том, что видел и что подозревал; злые слова так и сыпались у него с языка, а резные изображения святых качали головами, точно хотели сказать: «Неправда, Элиза невинна!» Но архиепископ перетолковывал это по-своему, говоря, что и святые свидетельствуют против неё, неодобрительно качая головами. Две крупные слезы покатались по щекам короля, сомнение и отчаяние овладели его сердцем. Ночью он только притворился, что спит, на самом же деле сон бежал от него. И вот он увидел, что Элиза встала и скрылась из спальни; в следующие ночи повторилось то же самое; он следил за ней и видел, как она исчезала в своей потаённой комнатке.

Чело короля становилось всё мрачнее и мрачнее; Элиза замечала это, но не понимала причины; сердце её ныло от страха и от жалости к братьям; на королевский пурпур катились горькие слёзы, блестевшие, как алмазы, а люди, видевшие её богатые уборы, желали быть на месте королевы! Но скоро-скоро конец её работе; недоставало всего одной рубашки, и

тут у Элизы опять не хватило волокна. Ещё раз, последний раз, нужно было сходить на кладбище и нарвать несколько пучков крапивы. Она с ужасом подумала о пустынном кладбище и о страшных ведьмах; но решимость её спасти братьев была непоколебима, как и вера в Бога.

Элиза отправилась, но король с архиепископом следили за ней и увидали, как она скрылась за кладбищенскою оградой; подойдя поближе, они увидели сидевших на могильных плитах ведьм, и король повернул назад: между ведьмами находилась ведь и та, чья голова только что покоилась на его груди!

— Пусть судит её народ! — сказал он.

И народ присудил — сжечь королеву на костре.

Из великолепных королевских покоев Элизу перевели в мрачное, сырое подземелье с железными решетками на окнах, в которые со свистом врывался ветер. Вместо бархата и шёлка дали бедняжке связку набранной ею на кладбище крапивы; эта жгучая связка должна была служить Элизе изголовьем, а сплетённые ею жесткие рубашки-панцири — постелью и коврами; но дороже всего этого ей ничего и не могли дать, и она с молитвой на устах вновь принялась за свою работу. С улицы доносились до Элизы оскорбительные песни насмехавшихся над нею уличных мальчишек; ни одна живая душа не обратилась к ней со словом утешения и сочувствия.

Вечером у решётки раздался шум лебединых крыл — это отыскал сестру самый младший из братьев, и она громко зарыдала от радости, хотя и знала, что ей оставалось жить всего одну ночь; работа её подходила к концу, и братья были тут!

Архиепископ пришёл провести с нею её последние часы, — так обещал он королю, — но она покачала головой и

взором и знаками попросила его уйти; в эту ночь ей ведь нужно было кончить свою работу, иначе пропали бы задаром все её страдания, и слёзы, и бессонные ночи! Архиепископ ушёл, понося её бранными словами, но бедняжка Элиза знала, что она невинна, и продолжала работать.

Чтобы хоть немножко помочь ей, мышки, шмыгавшие по полу, стали собирать и приносить к её ногам разбросанные стебли крапивы, а дрозд, сидевший за решетчатым окном, утешал её своею весёлою песенкой.

На заре, незадолго до восхода солнца, у дворцовых ворот появились одиннадцать братьев Элизы и потребовали, чтобы ихпустили к королю. Им отвечали, что этого никак нельзя: король ещё спал и никто не смел его беспокоить. Они продолжали просить, потом стали угрожать; явилась стража, а затем вышел и сам король узнать, в чём дело. Но в эту минуту взошло солнце, и никаких братьев больше не было — над дворцом взвились одиннадцать диких лебедей.

Народ валом повалил за город посмотреть, как будут жечь ведьму. Жалкая кляча везла телегу, в которой сидела Элиза; на неё накинули плащ из грубой мешковины; её чудные длинные волосы были распущены по плечам, в лице не было ни кровинки, губы тихо шевелились, шепча молитвы, а пальцы плели зелёную пряжу. Даже по дороге к месту казни не выпускала она из рук начатой работы; десять рубашек-панцирей лежали у её ног совсем готовые, одиннадцатую она плела. Толпа глумилась над нею.

— Посмотрите на ведьму! Ишь, бормочет! Небось не молитвенник у неё в руках — нет, всё возится со своими колдовскими штуками! Вырвем-ка их у неё да разорвем в клочки.

И они теснились вокруг неё, собираясь вырвать из её рук работу, как вдруг прилетели одиннадцать белых лебедей, сели по краям телеги и шумно захлопали своими могучими крыльями. Испуганная толпа отступила.

— Это знамение небесное! Она невинна, — шептали многие, но не смели сказать этого вслух.

Палач схватил Элизу за руку, но она поспешно набросила на лебедей одиннадцать рубашек, и... перед ней встали одиннадцать красавцев принцев, только у самого младшего не хватало одной руки, вместо неё было лебединое крыло: Элиза не успела докончить последней рубашки, и в ней недоставало одного рукава.

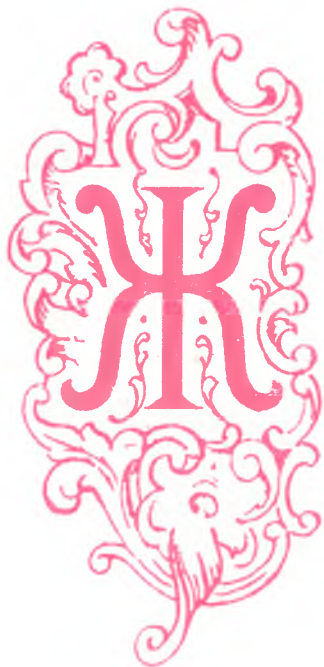
— Теперь я могу говорить! — сказала она. — Я невинна!

И народ, видевший всё, что произошло, преклонился перед ней, как перед святой, но она без чувств упала в объятия братьев — так действовали на неё неустанное напряжение сил, страх и боль.

— Да, она невинна! — сказал самый старший брат и рассказал всё, как было; и пока он говорил, в воздухе распространилось благоухание, точно от множества роз, — это каждое полено в костре пустило корни и ростки, и образовался высокий благоухающий куст, покрытый красными розами. На самой же верхушке куста блестел, как звезда, ослепительно белый цветок. Король сорвал его, положил на грудь Элизы, и она пришла в себя на радость и на счастье!

Все церковные колокола зазвонили сами собой, птицы слетались целыми стаями, и ко дворцу потянулось такое свадебное шествие, какого не видал ещё ни один король!

ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО

ила в деревне крестьянка. При ней жил сын её Семён, неженатый ещё. Жили они бедно: спали на соломе, одежонка на них старая, латаная и в рот им положить нечего. Жили они давно; тогда земли у крестьян было мало, а что и была, так неродящая была земля: что и посеет крестьянин, то вымерзнет, а не вымерзнет, так от засухи посохнет, а не посохнет, так вымокнет, а не вымокнет, так саранча пожрёт.

Получал Семён в городе пенсию за отца — копейку в месяц.

Вот идёт Семён однажды с деньгами, с копейкой, и видит: один человек надел собаке верёвку на шею и удавливает её. А собака-то маленькая, беленькая, щенок.

Семён к тому человеку:

— Ты пошто щенка мучаешь?

А тот ему:

— А какое тебе дело? Хоть убью, хоть нет — не твоё дело.

— А ты продай мне его за копейку!

— Бери!

Отдал Семён последнюю копейку, взял щенка на руки и пошёл домой.

— Нет у меня коровы, нету лошади, зато щенок есть.

Принёс он щенка домой, а мать бранится:

— Глупый ты у меня! Нам самим есть нечего, а он собак покупает!

— Ничего, мама,— отвечает ей сын,— и щенок скотина: не мычит, так брешет.

Через месяц Семён снова пошёл в город за пенсией. Вышла копейка прибавки, получил он две копейки.

Идёт он домой, а на дороге тот же человек кошку мучает.

Подбежал Семён к нему:

— Пошто ты живую тварь уродуешь?

— А тебе-то что? Чай кошка-то моя!

— Продай её мне!

— Купи, да кошка-то, гляди, дороже собаки.

Сторговались за две копейки.

Понёс Семён кошку домой. Мать пуще прежнего забранилась на сына — и в тот день до вечера бранилась и на другой день с утра начала браниться.

Прошёл месяц. Пошёл Семён опять в город за пенсией. Опять в прибавку вышла копейка: получил Семён три копейки.

Идёт Семён из города, а на дороге стоит тот же человек и змею давит.

Семён сразу к нему:

— Не убивай её, эта змея вишь какая, я и не видал такую — должно, она не ядовитая. Лучше продай её мне.

Купил он змею за все деньги, сколько было у него, за три копейки, положил её за пазуху и пошёл домой.

Змея отогрелась и говорит:

— Не жалей, Семён, что последние деньги на меня потратил. Я не простая змея, а я змея Скарапея. Без тебя пришла бы мне смерть, а теперь я жива, и мой отец тебя отблагодарит.

Пришёл Семён домой и выпустил змею из-за пазухи. А мать как увидела змею, так на печку залезла и даже побранить сына не может: у неё язык отнялся с испуга. Змея же Скарапея заползла под печку, свернулась там и уснула.

Вот и стали жить — собака белая да кошка серая, Семён с матерью да змея Скарапея, а всего пятеро.

Невзлюбила мать Семёна Скарапею-змею: то есть ей не даст и воды не поставит, то на хвост наступит.

Говорит тогда Скарапея Семёну:

— Твоя мать обижает меня. Проводи меня к моему отцу.

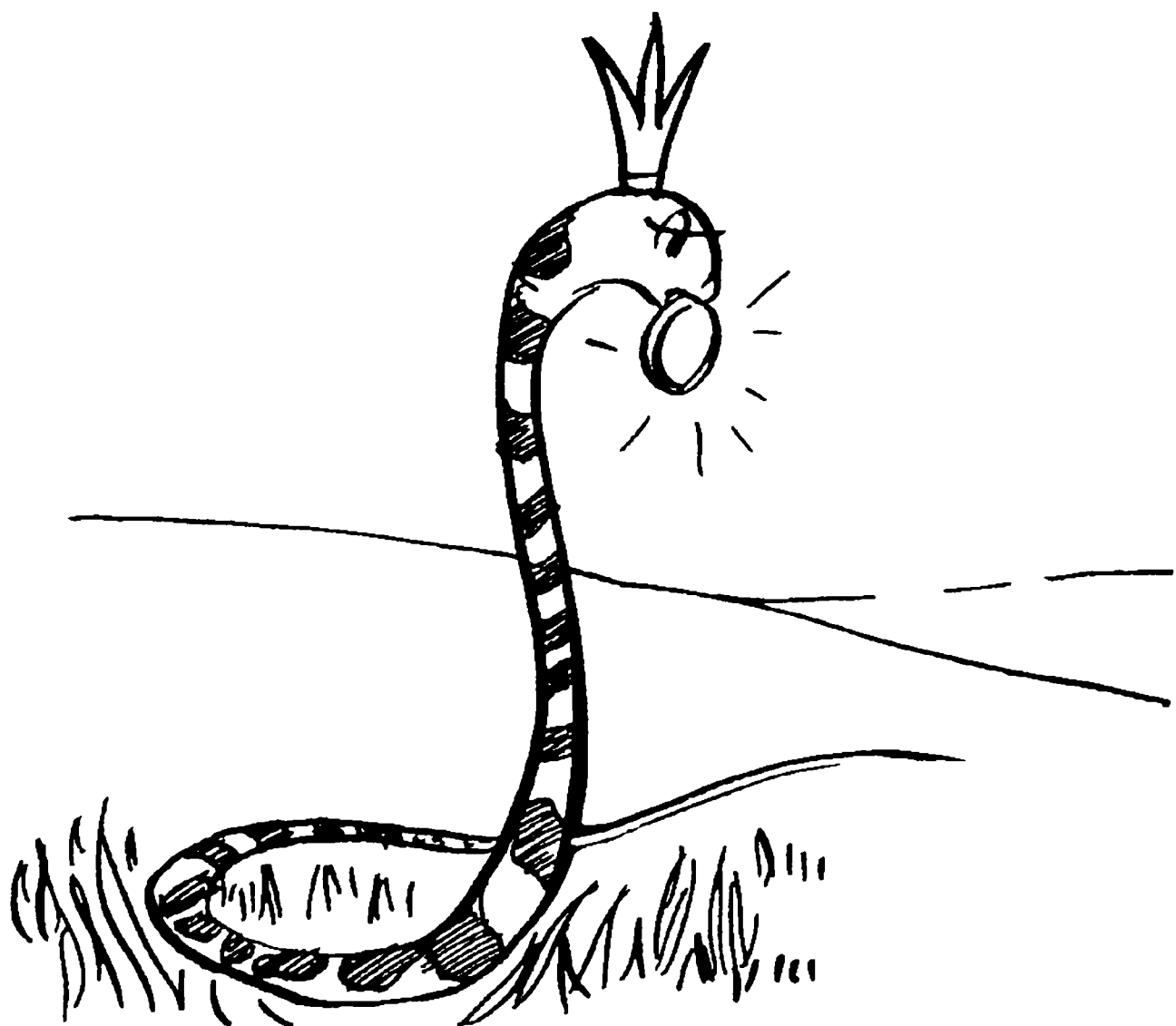
Поползла змея по дороге, а Семён следом пошёл. Долго шёл он за змеёю — день и ночь, день и ночь. Обступили их тёмные дебри. Подумал Семен: куда он идёт и как назад вернётся?

А змея утешает его:

— Не бойся ничего, сейчас доползём, это уж змеиное царство началось, видишь? А я змеиного царя — дочь, и сейчас мы увидим моего отца. А теперь слушай. Вот когда я скажу ему, как ты меня спас, он поблагодарит тебя и даст тебе много золота, а ты золото не бери, а попроси одно золотое кольцо, что у отца на пальце. Кольцо это волшебное. Отец для меня его бережёт, а я хочу тебе его подарить.

Пришёл Семён со змеиной царевной к Змею-царю. Змей обрадовался дочери.

Говорит он Семёну:

— Спасибо тебе, Семён, спас ты мне любимую дочь! Выдал бы я её замуж за тебя, не пожалел бы, да есть у неё сговорённый жених. Бери у меня золота сколько хочешь!

Семён золото не берёт, а говорит змеиному царю:

— Дай мне кольцо с твоей руки, оно мне будет в память о твоей дочери. На нём, видишь, на твоём кольце, змеиная головка выдавлена и два зелёных камня, как глаза, горят.

Задумался змеиный царь, а потом снял кольцо с руки и отдал Семёну и сказал ему потихоньку на ухо, как надо действовать кольцом, чтобы вызывать волшебную силу.

Попрощался Семён со змеиным царём и с дочерью его Скарапеей, а недалеко тут стоял ещё приёмный сын змеиного царя — Аспид; так Семён и с ним попрощался.

Пришёл Семён домой, к матери. А ночью, как мать легла на покой, Семён переменил змеиное кольцо с пальца на палец, и в тот же момент явились перед ним двенадцать молодых.

— Здравствуй, новый хозяин! — говорят. — Чего тебе нужно?

Семён им в ответ:

— А насыпьте, братцы, муки амбар, да сахару, да масла немного.

— Ладно, — молодцы говорят.

И пропали.

Проснулся Семён наутро, видит — мать корки сухие мочит да жуёт их старыми зубами.

— Чего ж ты, мать, теста не поставила и не охаживаешь его? Поставила бы тесто и пирогов бы напекла.

— Очнись, сынок! У нас второе лето муки и горсти нету.

— А ты наведайся, мама, в амбар — гляди, и найдёшь.

— Да там и мыши с голоду подошли! Чего глядеть в пустое место? Нешто дверь пойти наглухо припереть.

Пошла мать к амбару, тронула дверь, а дверь распахнулась, и мать Семёна головой в муку так и упала.

С тех пор они стали жить сытно. Половину муки Семён продал и купил на все деньги говядины, так у них и кошка с

собакой каждый день котлеты ели, шерсть у них лосниться стала.

И увидел однажды Семён видение во сне. Только он задремал, видит, как живую, прекрасную девицу, а проснулся — нету её. Затосковал Семён по ней, а где она, и сам не знает.

Переодел он змеиное кольцо с пальца на палец. И двенадцать молодцов — вот они.

— Чего прикажешь, хозяин? — спрашивают.

Семён им: так и так, говорит, видел я прекрасную девицу, а где она, не знаю, а туда-то мне и надобно.

Глядь — и очутился Семён в другом царстве, где жила та самая прекрасная девица.

Спросил он у тамошнего жителя о прекрасной девице.

— Это которая? — спросил у Семёна житель.

Семён рассказал, какая была девица.

— Так она царская дочь! — сказал ему житель.

Переместил Семён кольцо и велел молодцам доставить его во дворец к царевне. Очутился он во дворце, видит он молодую царевну, и тут она ещё лучше была, чем почудилась ему во сне.

Вздохнул Семён — чего будешь делать? — и опять за кольцо: вызвал молодцов и велел возвратить его домой.

Вот живёт он дома, да грустно ему без царевны: и пища не естся и брага не пьётся.

Смотрит на него мать:

— Заболел ты, что ли, либо скучаешь о ком?

— Скучаю, мама,— сказал Семён и рассказал, что с ним случилось.

А мать, как услышала, испугалась:

— И что ты удумал! Да разве можно крестьянскому сыну царевну любить? Цари-то люди ложные и лукавые, они и на смеются, и надругаются над тобой, и жизни тебя лишат, а уж дочь за тебя не выдадут! Женись-ка ты на бедной крестьянской девушке, глядишь — и счастливым будешь!

А Семён одно говорит: иди, мать, да иди — сватай за меня царевну. А мать не идёт, не хочет.

Подумал Семён, что ему делать, и выдумал. Взялся он за свой змеиный перстень, вызвал молодцов. Те — вот они:

— Чего надобно, хозяин?

— А надобны мне хоромы и чтоб к утру были готовы. А для матери устройте в хоромах богатые покои и в постель ей положите пуховую перину.

Молодцы ему в ответ:

— Построим хоромы, хозяин, и перину пухом набьём!

Проснулась наутро Семёнова мать, а подняться сразу не может: угрузла она в пуховой перине. Смотрит вокруг по горнице — узнать ничего не может: во сне, что ли, это или взаправду?

Тут Семён к ней подошёл и говорит:

— Здравствуй, мама! Значит, всё взаправду.

Спрашивает она:

— Откуда же у нас добро такое явилось?

А сын ей в ответ:

— Добро, мама, из добра явилось. Теперь и тебе жить покойнее будет, и мне за кого хочешь свататься можно — всем я ровня.

Подумала мать: «Ишь, сын у меня какой умелый да удалый!»

А сын ей опять за своё:

— Ступай, матушка, к царю, царице и посватай за меня царевну.

Огляделась мать, прошлась по хоромам.

«Эко дивно стало у нас!» — видит она и решила: «А схожу-ка я и вправду к царю, посватаю его дочку! Хоть и не ровня мы ему, да уж теперь нам до него недалече».

И пошла.

Приходит она в царскую избу, в столовую горницу. Царь с царицей в тот час чай пили и на блюдца дули, а молодая царевна в своей девичьей горенке приданое перебирала в сундуках.

Вот царь с царицей в блюдца дуют, на Семёнову мать не глядят. Из блюдца брызги летят, чай проливается на скатерть, а чай с сахаром. Царь, а чай пить не умеет!

Семёнова мать и говорит:

— Чай — не вода. Чего брызгаете?

Царь глянул на неё:

— А тебе чего надоть?

Вышла мать на середину горницы, под матицу.

— Здравствуйте, говорит, царь-государь-император. У вас товар, у нас купец. А не отдадите ли вашу дочь замуж за нашего сына?

— А кто таков твой жених? Каких он родов, каких городов и какого отца сын?

Мать в ответ:

— Роду он крестьянского, деревни нездешней, а по отчеству Семён Егорович. Не слышал такого?

Тут царица так и ахнула:

— Да что ты, сватья, с ума, что ль, сошла? Мы в женихах-то, как в сору каком, роемся — выбираем. Разве пойдёт наша дочка за мужика?

Обиделась Семёнова мать за сына:

— Это какой мужик, матушка, случится! Другой мужик — против него и десять царских сыновей ничего не стоят, а уж про девок-дочерей и говорить нечего! Таков вот и мой!

Царь придумал здесь хитрость.

— Пусть, говорит, твой жених от нашего избяного дворца да до вашего крыльца мост хрустальный построит. Тогда мы по такому мосту приедем женихово житьё смотреть. Так-то.

Вернулась Семёнова мать к родному двору. В сенях ей попались навстречу собака с кошкой, гладкие стали.

Мать в сердцах прогнала их прочь. «Ишь,— подумала,— только спят да едят! Какая от них польза!»

Сказала она сыну:

— Понапрасну ходила, не согласны они.

Семён удивился:

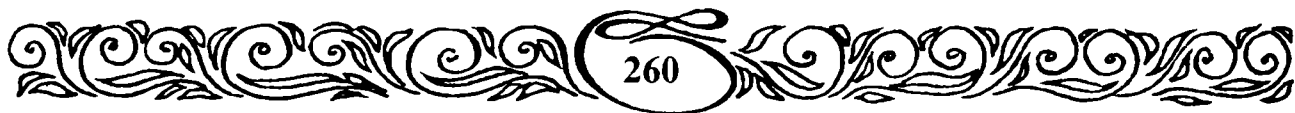
— Неужели не согласны? За меня-то?

— А ты думал — обрадуются? А царь ещё и посмеялся над нами: «Пусть, говорит, от нас до вас жених мост хрустальный построит, а мы к вам по хрусталу приедем в гости».

— Это, мама, ничто для нас!

Ночью Семён переметнул кольцо с одной руки на другую, вызвал молодцов и велел им построить к утру хрустальный мост, и чтоб мост от ихнего крыльца до царского избяного дворца поверх прошёл, через все реки и овраги, и чтобы по мосту самосильная машина ходила.

С полночи до зари повсюду окрест молотки стучали и пилы пилили.

Семён вышел утром на крыльцо, глядит — а мост уж готов и по хрустальному мосту ходит самосильная машина.

Семён к матери:

— Ступай, мама, к царю теперь. Пусть они в гости к нам собираются, а я на самосильной машине туда подкачу!

Пошла мать к царю.

Только ступила она на мост, на хрусталь на самый, а хрусталь скользкий, тут ветер подул на неё сзади, она присела от страху, да так и покатилась до самого царского крыльца.

Приходит она к царю:

— Вчерась была я у вас, так вы мост велели построить жениху. Погляди в окошко — вот тебе и мост готов.

Глянул царь в окошко:

— Ишь ты! Ан правда — мост! Знать, жених-то умелец!

Одел царь золотые парчёвые штаны, надел корону, кликнул царицу и вышел на крыльцо. Пошатал он перила — прочно ли стоят? Похлопал ладонями по хрустальным кирпичам — не подделка ли? Нет, мост построен по доброте.

Тут Семён на чудной самосильной машине подъехал. Отворяет он дверку в машине и говорит:

— Садитесь, царь-государь с женою-супругой, пожалуйста к нам в гости.

— Я-то с охотой,— царь говорит,— а вот жена моя как бы не оробела.

Семён — к царице, а она руками машет:

— Не поеду! Страсть какая! Сронят в реку, так что тут хорошего!

Здесь явились вельможи к царю. Старший вельможа совет подаёт:

— Надобно, государь, проехать, пример показать. Пусть не подумают, что ты оробел.

Делать нечего. Влез царь с царицей в машину, а вельможи на запятках, на штырях повисли, за крючья уцепились.

Засвистела, зашумела, загудела, задрожала машина, в звонок зазвонила, жаром-паром запыхтела, скакнула и поехала. Ехали, всю дорогу качались — спасибо, недалеко было, всего один мост переехать.

Доехали до Семёновых хором; Семён из машины вышел, хотел царю дверку открыть, а уж вельможи вперёд него поспели — волокут они из машины царя и царицу, поддувалами на них машут, в чувство их приводят, чтоб они опомнились.

Царица серчает-кричит, а царь хоть и молчит, да, видно, ей поддакивает.

— Ох, тошно! — шумит царица.— Ох, укачало, растрясло и растрепало! Ой, шут с тобой, где ты есть, жених-то? Бери девку, а мы-то уж обратно пешком пойдём.

А далее вышло всё по желанию Семёна. Выдали за него девку-царевну, и стал он жить с женою. Сперва они хорошо жили, нечего сказать.

Да случилось вот что. Пошёл Семён с женою в лес гулять. Зашли они далеко, утомились, легли под дерево и задремали.

В то время проходил по лесу Аспид, приёмный сын Змея-царя. Аспид увидел кольцо на пальце Семёна и от зависти превратился в гадюку. Он давно хотел, чтобы это кольцо было у него, он знал его волшебную силу и просил его у Змея. Однако Змей-царь не отдал Аспиду волшебного кольца и не сказал, как им надо орудовать.

Обратился Аспид в прекрасную девицу, прекраснее молодой жены Семёна, разбудил Семёна и позвал за собой. «Тогда и кольцо моё будет», — подумал Аспид.

А Семён поглядел на незнакомую прекрасную девицу, что манила его, и сказал ей:

— Ступай, куда шла. Хотя ты и хороша, даже лучше моей жены, за тобой я не пойду.

Сказал так Семён и опять заснул.

Обратился тогда Аспид в прекрасного юношу, в молодца из молодцов. Вот разбудил он царевну, жену Семёна, и красуется перед ней.

«Ой, ктой-то! — подумала царевна. — Да он лучше Семёна! Вот бы мне в женихи такого, когда я девкой была!»

Приблизился Аспид к Семёновой жене и протянул ей руку. Царевна поднялась с земли, поглядела на Семёна, а у него сор на лице, ноздрями он пыль раздувает.

— Ты чей? — спросила царевна у Аспида.

— А я царский сын, по прозванию Молодец из Молодцов.

— А я царская дочь!

— Пойдём со мной, я тебя не обижу!

— Пойдём, молодец! — сказала Семёнова жена и подала Аспиду руку.

Аспид нашептал на ухо царевне, научил её, что надо сделать, а царевна на всё согласилась. Тогда Аспид ушёл. А он научил её вызнать у Семёна действие волшебного кольца и принести ему то самое кольцо.

Вот пошла она с Семёном домой, взяла его за руку и спросила его, правда ли, что у него на пальце кольцо волшебное. И если он любит её, пусть скажет, как это кольцо действует.

Семён, по доброте, рассказал жене про своё кольцо. «Раз жена меня любит,— подумал Семён,— пусть и о кольце моём знает, она мне зла не сделает».

И надел Семён волшебное кольцо на палец жены. Когда кольцо понадобится, его всегда можно взять обратно.

А ночью царевна переместила кольцо с одного пальца на другой, и немедля явились двенадцать молодцов:

— Мы — вот они! Чем служить тебе, новая хозяйка?

Царевна даёт им наказ:

— Служите мне вот чем. Возьмите вот эти хоромы да и мост хрустальный и перенесите их туда, где живет Молодец из Молодцов.

Только и был женат Семён Егоров сын.

Проснулся он с матерью — ничего у них нету, одна худая изба и амбар пустой, как прежде было. И остался Семён с одной матерью, да ещё кошка и собака при них, всего четверо, а есть им, считай, нечего.

Семён не вздохнул, не пожаловался. Вспомнил он, что мать ему говорила: не женись на царевне — не будет счастья. Не послушался он матери!

Поглядел Семён с горя в окошко, видит — карета едет, а в ней — царь. Вышел царь из кареты как раз против Семёнова окошка, смотрит — куда что делось: ни хором нету, ни хрустального моста, ни света, ни блеску — одна худая изба, а в окошко на царя Семён глядит.

Царь как закричит:

— А что тут такое? А где моя дочь-царевна? Ах ты обманщик!

Семён вышел к царю. Сказал ему правду, как было: что царская дочь взяла у него волшебное кольцо и обманула его.

Царь правде не поверил, а разгневался и велел посадить Семёна в тюрьму, покуда он не скажет, где царская дочь.

Увели у матери сына, не стало у неё кормильца. Оголодала старуха, кликнула она кошку и собаку, пошла побираться. Под одним окошком хлеба попросит, под другим съест. А тут захолодало, потемнело, лето состарилось, к зиме пошло.

Кошка и говорит собаке:

— Пропадём мы все. Пойдём царевну сыщем и возьмём от неё волшебное кольцо. Нас хозяин от смерти спас, теперь мы его спасём.

Собака была согласна. Она понюхала землю и побежала, а кошка за нею.

Далеко им пришлось бежать. Сказывать скоро. А идти далеко.

Бежали они, бежали, покуда не увидели хрустальный мост и Семёновы хоромы, в которых и они прежде жили.

Собака осталась снаружи, а кошка пошла в хоромы. Забралась она в спальню, где спала царевна, Семёнова обманщица. Увидела кошка: царевна во рту держит волшебное кольцо, меж зубов у неё оно блестит. Боится, знать, как бы не украли.

Поймала кошка мышку, надкусила ей ухо и научила её уму-разуму, что мышка должна сделать. Влезла мышка на кровать, неслышно прошла по царевне и стала своим хвостиком свербить у неё в носу. Царевна чихнула, ртом дыхнула, кольцо на пол и покатилося.

А кошка хватъ кольцо — и в окно. Пока царевна проснулась, покуда она туда-сюда — кольца уж нету, и та мышка, что хвостиком у царевны в носу свербила, уж на кухне корочку грызёт: она-де ни при чём.

А кошка и собака домой бегут. Они не спят, не едят — им некогда, они торопятся. Бегут они через горы, через лесные дебри, плывут через реки и чистыми полями бегут. Кошка волшебное кольцо держит под языком, рта не разевает.

Вот уже перед ними последняя река, а за рекою видна ихняя деревня, там и Семёнова изба.

Собака говорит кошке:

— Садись ко мне на спину, а я поплыву. Да смотри, кольцо держи крепче в зубах, не оброни.

Поплыли они по реке, доплыли до середины. Собака говорит:

— Смотри, кошка, не говори: кольцо утопишь.

Кошка молчит. Проплыли ещё немного, собака опять:

— Молчи, кошка!

А кошка и так рта не открывает. Собака снова к ней:

— Не вырони кольца-то! Молчи лучше!

Кошка и сказала:

— Да я молчу! — и уронила кольцо в реку.

Выбрались они на берег и давай драться и ругаться.

Собака визжит:

— Это ты виновата, кошка-болтушка!

А кошка в ответ:

— Нет, это ты, брехунья! Зачем ты говорила, когда я молчала?

А тут рыбаки вытащили сетью рыбу на берег и стали её потрошить. Увидели они — кошка с собакой не ладят, подумали, что голодные, и бросили им рыбы внутренности.

Схватили кошка с собакой рыбы внутренности, стали есть, съели немного, вдруг — хряп! — твёрдое попало. Глядят — кольцо!

Оставили они еду и побежали в деревню. Пробежали мимо своей избы — нет ли там хозяина? Глядят — нету его, а мать побирается. Побежали в город, в тюрьму, где Семён был.

Взобралась кошка на тюремную ограду, ходит поверху, глядит, где Семён там, а не знает. Хочется ей помяукать, помурлыкать, да кольцо у неё под языком, боится обронить.

К вечеру выглянул Семён в тюремное окно, хотел поглядеть на белый свет. Кошка увидела Семёна и по дождевой трубе, а потом по стене забралась к Семёну в каземат.

Семён взял кошку на руки. «Вот,— думает,— хоть и кошка, а сердце у неё верное, помнит она меня!»

Кошка мяукнула и обронила на пол волшебное кольцо.

Поднял Семён кольцо и вызвал двенадцать молодцов. Те явились, тут как тут.

— Здравствуй, дорогой старый хозяин,— говорят,— прикажи, чего тебе надобно, а мы живо исполним!

Семён им говорит:

— Перенесите откуда ни на есть мои хоромы сюда: и кто там живёт, пусть в горницах будет,— я погляжу.

И мост хрустальный приподымите да сюда его уставьте, а только другим концом отверните его от царской избы и опустите в соседнюю деревню.

Всё и было исполнено, как приказано Семёном. Хоромы его стали на место, а в них оказалась молодая царевна с Аспидом своим. Ну, ушли они из Семёновых хором, пошли жить к отцу царевны, — куда же ещё?

Аспид же, как узнал, что это царевна кольцо потеряла, так от злости превратился в змею-гадюку.

И не мог уже он обратно обратиться в молодца, потому что не проходила в нём злоба на царевну. Так и остался Ас-

пид гадюкой; он только делал, что шипел на царевну и бранил её. Тут отец царевны вспомнил про Семёна.

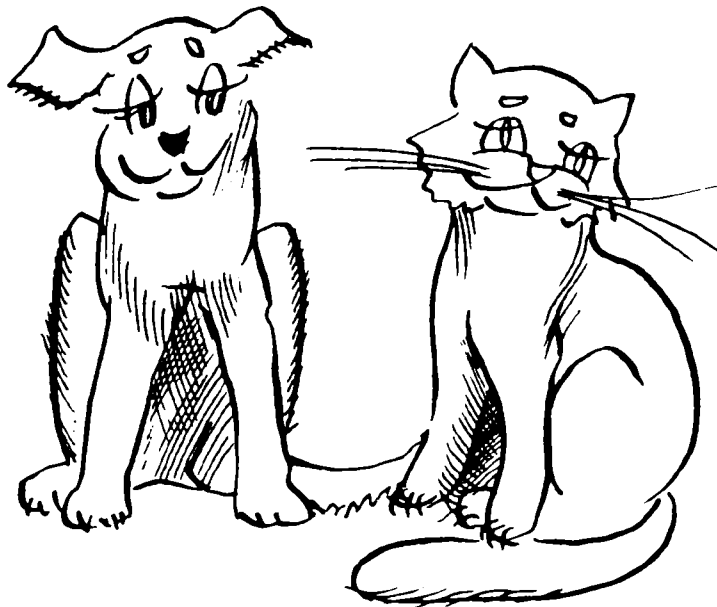
— Эх,— говорит,— а ведь Семён-то хоть и простой, да добрый малый был, а вот Аспид хоть и не простого рода, да ведь гадюка!

А Семён с матерью опять в хоромах жили, и собака с кошкой при них.

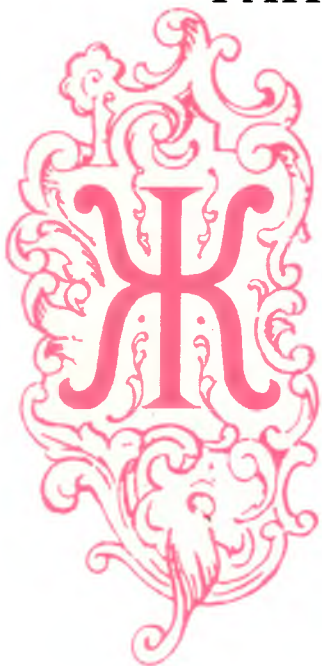
Семён на самосильной машине каждый день навещается в соседнюю деревню: по хрустальному мосту дорога туда близкой стала.

Слышно ещё, Семён из той деревни жену себе берёт; живёт там одна девушка-сирота, прекраснее той царевны, вот её и сватает Семён.

Должно, так и будет — женится Семён на сироте, пойдут у них дети, и новая сказка начнётся.

ГАНС И ПОЛОСАТЫЙ КОТ

ил-был одинокий мельник, у которого было три ученика. Однажды он вызвал их к себе, чтобы поговорить о чём-то важном.

— Как вы знаете, у меня нет детей,— сказал он.— Поэтому я хочу, чтобы один из вас унаследовал мельницу. Она достанется тому, кто найдёт и приведёт мне самую красивую на свете лошадь. Идите и через семь лет возвращайтесь с лошадьми.

Самого младшего ученика звали Ганс. Он был ленив и глуп до такой степени, что все только и смеялись над ним.

— Куда ты пошёл с нами,— говорили ему старшие ученики.— Если тебе даже и достанется мельница, ты не знаешь, как управлять ей.

Но Ганс ничего не отвечал и упорно шёл за ними.

Ночью, когда Ганс уснул, братья убежали от него. Проснувшись, Ганс очень расстроился: «Что же мне теперь делать? — причитал он.— Я не смогу найти лошадь сам, в одиночку».

Вдруг он увидел, что у него в головах сидит полосатый кот, который спрашивает его человеческим голосом:

— Куда держишь путь, милый Ганс?

— По правде сказать, я и сам не знаю,— ответил Ганс.

— Ну, тогда я предлагаю тебе вот что. Пойдём со мной, обещаю слушаться меня во всём ровно семь лет, а по истечении этого срока я дам тебе самую распрекрасную лошадь на свете.

— Я согласен,— сказал Ганс.— Уж если ты так умён, что умеешь говорить человеческим голосом, то я думаю, могу положиться на тебя.

Кот привёл Ганса в свой дворец, где множество слуг отмыли его, переодели и накормили чудесной едой. После этого они отвели его в роскошную комнату и уложили в шёлковую белоснежную кровать.

Каждый день Ганс старательно выполнял все приказания кота: рубил кустарник серебряным топором, поливал из золотой лейки розы в саду, стриг бриллиантовыми ножницами кустарник.

Однажды, заметив, что его одежда стала ему тесна, а башмаки сносились, он подумал: «А не прошло ли уже семь лет?»,— и он спросил вечером кота:

— Дорогой кот, я не знаю, сколько времени я нахожусь у вас, но не пора ли мне уже получить мою обещанную лошадь?

— Ещё не совсем пора,— ответил кот.— Сначала ты должен будешь построить дом. Вот тебе серебряные гвозди, молоток и доски. Всё из серебра строй!

— Хорошо,— ответил Ганс и принялся за работу. Когда он всё сделал, кот остался доволен и, поблагодарив его, повёл на конюшню выбирать лошадь, какая ему понравится.

Но все лошади были так хороши, что он не мог выбрать лучшую.

— Мы сделаем вот как,— сказал кот.— Ты отправляйся на мельницу, а через три дня я сам приведу тебе лошадь.

Ганс попрощался с котом, оделся в свою старую рваную одежду и пошёл домой. Придя домой, он увидел двух других учеников, которые привели мельнику двух старых, грустных кляч.

— А где твоя лошадь, Ганс? — спросили они.

— Она будет здесь через три дня,— ответил Ганс.

— Через три дня? — засмеялись старшие ученики.— Почему же не через три года? Что это за лошадь, которая плетётся медленнее человека? Кто-то опять подшутил над тобой, дурачок!

Мельник, увидев Ганса, рассердился.

— Как ты мог заявиться на мою чистую мельницу в своих грязных лохмотьях? — закричал он.— Убирайся вон!

Ганс отправился жить в хлев. Три дня спустя, рано утром во двор мельницы въехала золотая карета, запряжённая шестью резвыми лошадьми. Ещё одна лошадь, привязанная сзади кареты, была красивее и статнее остальных. На ней сидела необыкновенной красоты молодая принцесса.

— Мельник! — позвала она.

Мельник выскочил ей навстречу, беспрестанно кланяясь. Он отродясь не видел такого богатства.

— Позови мне своего младшего ученика, великолепного Ганса, который служил у меня семь лет,— велела принцесса.

— Он в коровьем хлеву, Ваше Высочество,— сказал смутившийся мельник.

Из кареты вышли слуги, которые вынесли бочку чистой воды, они вымыли Ганса и одели его в роскошные одежды.

— Мельник,— сказала принцесса,— эта лошадь для тебя от Ганса.

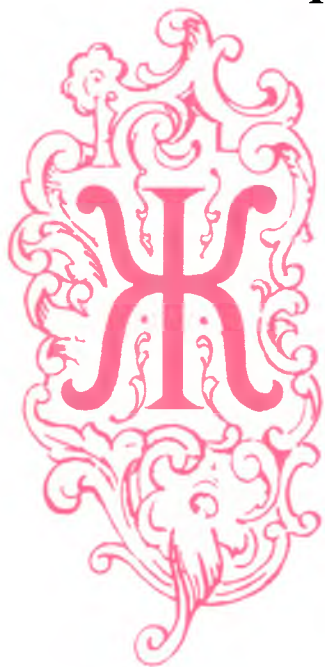
— Я никогда не видел такой красивой лошади,— вскричал радостный мельник.— Мельница по праву теперь достанется Гансу.

— Оставь это всё себе,— сказала принцесса. Она усадила Ганса в карету, и они умчались.

Остановившись около серебряного дома, построенного Гансом, они увидели, что он превратился в роскошный замок. Ганс и принцесса отправились туда. Наутро они поженились и прожили счастливо всю свою жизнь.

КРАСНАЯ ШАПОЧКА

ила однажды в далёкой деревушке маленькая прелестная девочка. Её мать и бабушка любили её без памяти. Бабушка сшила ей красную шапочку, которая была ей так к лицу, что все и стали звать девочку Красной Шапочкой.

Однажды мама напекла целый противень пирогов и говорит дочке:

— Красная Шапочка, бабушка заболела. Не отнесёшь ли ты ей пирожков и горшочек свежеевзбитого масла?

Красная Шапочка тут же встала и отправилась к бабушке. А бабушка её жила в другой деревне, за густым, диким лесом.

Проходя через лес, она встретила волка. Волк хотел было её съесть, но побоялся, поскольку недалеко работали дровосеки. Поэтому он придумал план.

— Куда ты идёшь, моя крошка? — спросил волк.

— Повидать свою бабушку, — сказала Красная Шапочка. — У меня есть для неё горшочек свежеевзбитого масла и пирожки.

— И далеко тебе идти? — спросил волк.

— Далеко,— ответила Красная Шапочка.— Её дом довольно далеко отсюда, первый с той стороны леса.

— Я тоже хочу навестить бабушку,— сказал хитрый волк.— Я пойду этой тропинкой, а ты другой. Посмотрим, кто из нас первый доберётся туда.

Волк бросился бежать изо всех сил по самой короткой тропинке, а Красная Шапочка пошла по самой длинной дорожке. Она собирала цветы, пела весёлые песни, играла с красивыми бабочками. Волк тем временем добежал до бабушкиного дома. Он дважды постучал в дверь.

— Кто там? — спросила Бабушка.

— Это я, Красная Шапочка,— сказал волк голосом девочки.— Я принесла тебе пирожков и горшочек свежевзбитого масла.

Бабушка лежала в постели, потому что болела.

— Открой дверь и войди,— крикнула она.

Волк ворвался в комнату. Он не ел целых три дня и был поэтому очень голоден. Он тотчас проглотил Бабушку. Потом он натянул на себя бабушкин халат, забрался на постель и стал поджидать Красную Шапочку, которая через некоторое время пришла и постучалась в дверь.

— Кто там? — спросил Волк бабушкиным голосом. Его голос был хриплым, но Красная Шапочка подумала, что у Бабушки болит горло.

— Это я, Красная Шапочка,— сказала она.— Я принесла тебе пирожков и горшочек свежевзбитого масла.

— Открой дверь и войди,— сказал волк таким ласковым голосом, насколько мог.

Он натянул одеяло до самых глаз.

— Поставь свою корзинку на стол и подойди ко мне,— сказал волк.

Красная Шапочка подошла поближе. Она сказала:

— Бабушка, какие у вас длинные руки!

— Это чтобы лучше обнимать тебя, моя дорогая,— сказал волк.

— Бабушка, какие у вас длинные уши!

— Это чтобы лучше слышать тебя, моя дорогая.

— Бабушка, какие у вас большие глаза!

— Это чтобы лучше видеть тебя, моя дорогая.

— Бабушка, какие у вас большие зубы!

— Это чтобы съесть тебя! — сказал волк и проглотил Красную Шапочку.

Он так громко зарычал своим жутким волчьим голосом, что дровосеки услышали его. Они вбежали в дом с топорами. Они размахнулись своими топорами и убили волка. Из волчьего живота тотчас вылезли Бабушка с Красной Шапочкой, живые и здоровые. Они зарыли волка в лесу и пригласили дровосеков на чай. К чаю были поданы вкусные пирожки со свежевзбитым маслом.

ФЕЯ И КОТЕЛ

островок Сандрей, один из Внешних Гебридских островов, расположен к югу от острова Барры, и его омывает безбрежный Атлантический океан. Вокруг островка кипят волны с белыми гребешками, а на берегу всегда дует солёный резкий ветер. Над островком, пронзительно крича, проносятся морские птицы: чайки с жалобными голосами и устрицееды, что, выпятив грудь и распластав крылья белым крестом, летают с криком: «Би-глик! Би-глик!

Би-глик!» (Осторожней! Осторожней! Осторожней!)

На этом островке когда-то жил один пастух. Жену его звали Мэриред. Она дружила с одной «мирной женщиной», как в старину называли фей. (А ещё племя фей называли: «добрые соседи» и «маленький народец».)

Эта фея была крошечная женщина с остреньким личиком, блестящими глазками и смуглой кожей орехового цвета. Жила она в зелёном, поросшем травой холмике, что возвышался неподалёку от дома пастуха. Каждый день фея семенила по тропинке к его дому, сразу же входила в комнату и, подойдя к очагу, где горел торф, снимала с огня и уносила с собой

большой чёрный котёл. Всё это она проделывала молча, а перед самым её уходом Мэриред ей говорила:

В горн кузнец насыплет углей
И чугун раскалит докрасна.
Надо котёл, полный костей,
Ко мне принести дотемна.

Вечером фея возвращалась и оставляла на пороге дома котёл, полный вкусных мозговых косточек.

И вот как-то раз пришлось Мэриред отправиться на остров Барру, в его главный город — Каслбей. Утром перед отъездом она сказала мужу:

— Когда придёт «мирная женщина», скажи ей, что я уехала в Каслбей. А она пусть возьмёт котёл, как всегда берёт.

Потом Мэриред уехала, а муж её, оставшись один в доме, принялся крутить жгут из стеблей вереска. Немного погодя он услышал чьи-то лёгкие шаги, поднял голову и увидел, что к дому подходит «мирная женщина». И тут ему почему-то стало жутко. Он вспомнил вдруг все рассказы о том, как феи заколдовывают людей, вскочил с места и, как только «мирная женщина» подошла к порогу, захлопнул дверь.

Надо сказать, что «маленький народец» очень вспыльчив и легко обижается. Блестящие глазки феи засверкали гневом — так её рассердила грубость пастуха. Она ступила ножкой на выступ под окном, а оттуда вскарабкалась на крышу. Потом наклонилась над дымовым отверстием и что-то крикнула. Это был зловеший, пронзительный крик.

Пастух в ужасе прижался к двери и вдруг увидел, как большой чёрный котёл подпрыгнул раз, потом ещё раз и... вылетел в дымоход. Но там его сейчас же ухватила чья-то сухонькая смуглая ручонка.

Не скоро осмелился пастух открыть дверь своего дома, а когда открыл, феи уже не было.

В тот же вечер Мэриред вернулась с корзинкой, полной свежей сельди, и первым долгом спросила мужа, почему котёл не вернулся на своё место в очаге.

— Ведь «мирная женщина» всегда возвращала его засветло,— добавила она.— Неужто позабыла? Не похоже это на неё.

Тут муж рассказал ей про всё, что с ним приключилось, пока она была в отъезде, а когда досказал, Мэриред крепко выругала его за глупость.

Потом она встала, взяла фонарь и побежала к зелёному холму, где жила фея. Светила луна, и при её свете Мэриред отыскала свой котёл. Он стоял у подножия холмика и, как всегда, был полон вкусных мозговых костей. Мэриред подняла котёл и уже повернулась, чтобы идти домой, как вдруг чей-то нечеловеческий голос крикнул:

Молчунья-жена, молчунья-жена,
Что к нам пришла из дремучих лесов,
И ты, что стоишь на вершине холма,
Пустите по следу злых, яростных псов!

И тут с вершины холмика донёсся дикий визг. Кто-то тёмный, что там стоял, спустил со своры двух лежащих у его ног заколдованных псов. С громким протяжным лаем псы сбежали с холмика. Хвосты их были закручены над зелёными спинами, языки вывалились и болтались между острыми клыками.

Мэриред услышала, что кто-то за нею гонится, оглянулась и пустилась бежать, не помня себя от страха. Она знала, что псы фей могут догнать и растерзать всё живое, что встретят на своём пути. Но как ни быстро она бежала, зелёные псы стали её нагонять — она уже чувствовала, как их дыхание обжигает ей пятки, и подумала: «Ещё миг, и они схватят меня зубами за щиколотки!»

И тут Мэриред вспомнила про кости в котле и догадалась, как ей спастись. Она сунула руку в котёл и на бегу стала бросать на землю кости, перекидывая их через плечо.

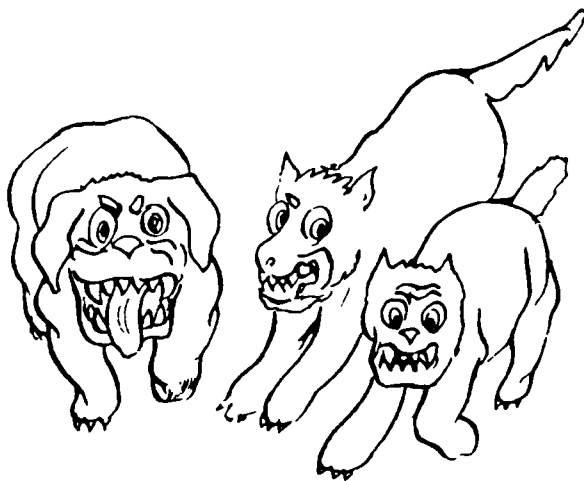
Псы фей жадно хватали кости, и Мэриред обрадовалась, когда они немного отстали. Наконец она увидела свой дом и вскоре подбежала к двери. Но вдруг услышала, что псы опять её догоняют, и в отчаянии крикнула мужу из последних сил:

— Впусти меня!

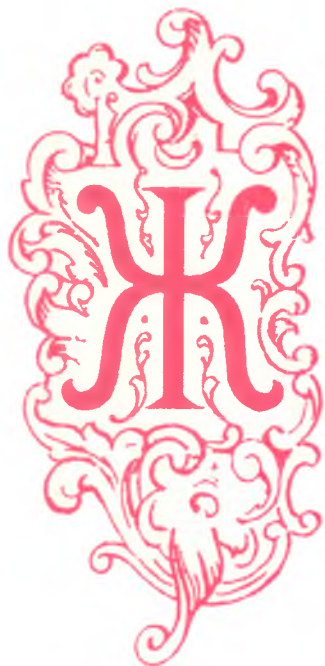
А как только ворвалась в дом, рухнула на пол за порогом. Муж тотчас захлопнул за нею дверь. И тут они услышали, как псы фей свирепо царапают когтями дверь и яростно воют.

Всю ночь Мэриред с мужем просидели, дрожа от страха, — спать и не ложились. Когда же утром, наконец, отважились выглянуть за дверь, увидели, что она с наружной стороны вся исцарапана когтями зелёных псов и обожжена их огненным дыханием.

С тех пор «мирная женщина» больше не приходила за котлом, а Мэриред и её муж всю свою жизнь боялись попасться на глаза своим «добрым соседям» — феям.

БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ

или-были однажды король с королевой. Было у них прекрасное королевство, и они им счастливо правили. Только одно огорчало их — у них не было детей.

Однажды, гуляя по лесу, королева присела отдохнуть на берегу озера. Вдруг ей стало так невыносимо грустно и одиноко, что она громко закричала:

— О, Боже, как я хочу иметь ребёнка!

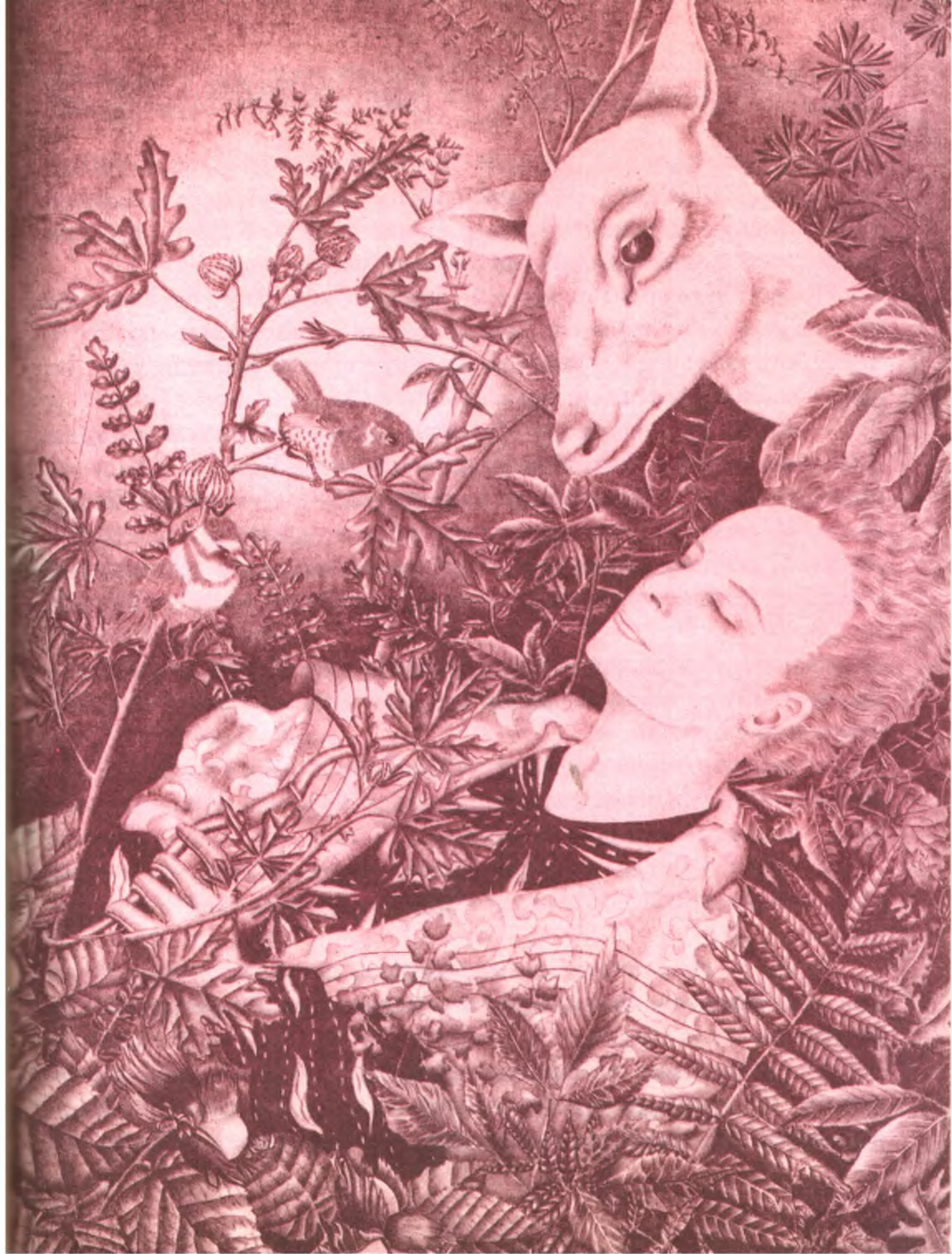
Вдруг вода в озере забурлила, и из его глубин выплыла громадная креветка.

Она сказала человеческим голосом:

— Королева, твоя мечта исполнится. Но разреши мне, ничтожной креветке, сопровождать тебя до волшебного дворца, который не может увидеть ни один смертный?

— С удовольствием! — ответила королева. — Но я не могу плавать под водой, как это делаешь ты.

Креветка засмеялась и превратилась в милую старую даму. Когда она вышла из воды, её одежда была сухая. Она была одета в белое платье с малиновыми полосками, а в её седые волосы вплетены зелёные ленты.

Королева отправилась за ней в частый дикий лес. Волшебная тропа, по которой они шли, светилась у них под ногами, а апельсиновые деревья сплетали крышу над головой. Кругом разносился божественный запах цветущих фиалок.

Через некоторое время они пришли к замку, сделанному из чистых бриллиантов. Двери замка отворились, и шесть красавиц фей вышли навстречу королеве с букетом цветов, сделанных из драгоценных камней.

— Ваше Высочество,— сказали феи,— только некоторые смертные могут посетить этот дворец. Ваши мольбы о ребёнке тронули наши сердца. У вас родится ребёнок по имени Фейф. Когда он родится, возьмите букет цветов, который мы подарили вам, и громко произнесите название каждого цветка. Мы тут же появимся и наградим вашего ребёнка самыми лучшими дарами.

Королева была вне себя от радости. Она бесчисленное число раз благодарила фей за их доброту. Затем, счастливая, она отправилась домой.

Через некоторое время у неё родилась дочь, которую она назвала Фейф. Она тотчас же достала букет и громко произнесла название каждого цветка.

И сразу же вся комната заполнилась феями. Их сопровождали маленькие пажи, которые несли шкатулки с подарками.

Здесь были распашонки и пинетки, чепчики и погремушки. Всё было расшито золотом и украшено драгоценными камнями.

Феи немножко поиграли с ребёнком, а потом взялись за работу. По очереди они наградили её добротой, умом, исключительной красотой, удачливостью и отменным здоровьем.

Не успела королева поблагодарить фей, как дверь распахнулась и в комнату вбежала огромная креветка, злобно крича:

— А про меня ты забыла! А ведь этим счастьем ты обязана мне.

Королева пришла в ужас.

— О, прости меня, пожалуйста,— взмолилась она.— Я допустила ужасную ошибку!

Фей присоединились к ней:

— Прости её, пожалуйста. Она сделала это не нарочно.

— Ну, хорошо,— сказала фея-креветка.— Я дарю ребёнку жизнь. Но я предупреждаю, что до пятнадцати лет она не должна видеть дневного света, иначе случится что-то ужасное. Если вы разрешите ей увидеть солнце раньше пятнадцати лет, берегитесь!

В королевском дворце были заколочены все окна и двери. Нигде не пробивался даже луч света, только свечи освещали дворцовые комнаты.

Девочка росла оченьмышлёной и красивой. Феи часто наведывались посмотреть на неё и поиграть с ней. Особенно её полюбила фея по имени Тюльпан.

Она постоянно напоминала королеве:

— Помните, что сказала фея-креветка. Берегите свою дочь от дневного света.

Королева обещала быть осторожной.

Когда Фейф исполнилось четырнадцать лет, королевский живописец нарисовал её портрет, и каждый, кто его видел, сразу же влюблялся в неё без памяти.

В это время в другом королевстве жил принц по имени Волак. Ему было всего 18 лет, и, увидев портрет принцессы

Фейф, он обезумел от страсти и любви. Он отправился к своему отцу королю Сейджу и сказал:

— Отец, мне нужна ваша помощь. Вот портрет принцессы Фейф. Она покорила моё сердце. Дайте своё благословение, я хочу жениться на ней.

— Какая красивая девушка, и, должно быть, очень умная и добрая,— сказал король.— Я даю тебе моё родительское благословение и пошлю лорда Кэнвиса послом к её отцу.

Молодой лорд Кэнвис был ближайшим другом принца. Принц сказал ему:

— Если тебе дорога моя жизнь, сделай всё, чтобы завоевать сердце принцессы. Я умру, если она не станет моей женой.

Он дал Кэнвису тысячу прекрасных подарков для принцессы. Родители Фейф были очень польщены, когда узнали, что за их дочь сватается принц Волак. Они знали, что это самый лучший, храбрый, правдивый и красивый принц из всех существующих на свете.

Король с королевой сначала решили показать Фейф лорду Кэнвису, но фея Тюльпан предупредила их, что это небезопасно.

Когда лорд приехал во дворец, то, к его великому изумлению, ему отказали во встрече с принцессой. Король рассказал ему всю историю с феями.

— Но, Ваше Высочество,— запротестовал Кэнвис,— принц Волак очень сильно влюблён. Он не может ни есть, ни пить, ни спать. Он очень болен. Разрешите мне показать вам его портрет. Поймите, если вы не покажете принцу Фейф, он умрет от тоски.

— Бедный принц,— сказал король.— Он так безумно влюблён в мою дочь. Я тоже был молод и знаю, что такое любовь. Мы постараемся что-нибудь придумать.

Фейф показали портрет принца, и она тоже полюбила его с первого взгляда.

Этот разговор услышала леди Уид, у которой были две дочери одного с Фейф возраста. Одну звали Дейзи, и она обожала принцессу, а другую звали Прикли, и она ненавидела Фейф всем сердцем. Она тоже видела портрет принца и дала себе слово стать его женой.

А крёстной матерью Прикли была, к несчастью, фея-креветка. Ночью Прикли отправилась к ней и сказала:

— Фейф выходит замуж за принца Волака. А я сама хочу стать его женой. Ты можешь мне помочь в этом?

— Конечно! Для меня будет счастьем расстроить её мечты,— сказала злая фея и что-то нашептала на ухо Прикли.

В это время Фейф мечтала о принце Волаке. Наконец она придумала, как избавить его от болезни. Она пошла к своей матушке и сказала:

— Мы можем обмануть злую фею. Пошли меня к принцу в карете без окон и с занавешенной дверью. Я поеду к нему ночью.

Король и королева согласились с таким планом. Они сообщили Кэнвису об этом, и он, счастливый, помчался домой, сообщить принцу радостную новость. Король велел сделать закрытую карету. Внутри её отделали зелёным бархатом и серебром.

Ключи от кареты вручили самому старшему лорду королевства и велели запереть в шкатулку. Когда всё было готово,

Фейф вместе с Прикли, Дейзи и леди Уид села в карету. Королева сказала леди Уид:

— Я вручаю вам сокровище всей своей жизни. Берегите её, помните, что она не должна видеть дневного света. Принц уже заколотил окна в своём дворце и приготовился к встрече.

Уид ответила:

— Не беспокойтесь и доверьтесь мне.

И они отправились в путь. Через некоторое время Прикли шепнула матери:

— Мама, нужно срочно что-то сделать. Если я не стану женой принца, я умру.

Леди Уид достала длинный нож, который она спрятала под юбками, и разрезала обивку кареты.

Хлынул дневной свет. Фейф сразу же превратилась в белого оленя, который выпрыгнул из кареты и скрылся в лесу.

Слуги бросились искать белого оленя. Но злая фея насладала на них бурю и перенесла их всех далеко-далеко, на другой конец света.

Остались только леди Уид, Прикли и Дейзи. Прикли надела обручальное кольцо Фейф и её корону. Вскоре они увидели золоченую карету принца, который с нетерпением поджидал свою любимую невесту. Увидев Прикли, старый король вскричал:

— Что за шутки?

Леди Уид отвечала с достоинством:

— Это принцесса Фейф, Ваше Высочество. И это доказывают письма её отца и матери, которые я передаю вам.

Принц сказал:

— Отец, они обманули нас. Портрет не имеет ничего общего с оригиналом. Я лучше умру, нежели женюсь на этой уродине.

Король сказал:

— До выяснения всех обстоятельств, я заберу принцессу и её сопровождающих в качестве пленников и поселю их в замке.

Принц же отправился в свой загородный дом в лесу, поохотиться и отвлечься от неприятных мыслей.

Гуляя в лесу, он вдруг почувствовал слабость и прилёг на землю. Если бы он только знал, что недалеко от этого места ходила его любимая принцесса, обратившаяся в белого оленя, больше всего на свете любившего дневной свет.

Фея Тюльпан знала, что произошло с Фейф. Она послала Дейзи искать свою любимую принцессу, и они встретились, горько заплакав и обнявшись.

— Моя дорогая принцесса,— сказала Дейзи.— Я останусь с вами навсегда и буду служить вам вечно.

Она отвела белого оленя во фруктовый сад, чтобы он поел плодов с деревьев, и спросила его, где же они будут ночевать. Ведь в лесу много волков и очень страшно.

— Не видели ли вы в этом лесу какого-нибудь домика? — спросила Дейзи оленя. Тот лишь покачал головой.

Вдруг появилась фея Тюльпан, чьё сердце тронула дружба девушки и оленя, и сказала:

— Каждую ночь, после захода солнца, Фейф будет превращаться опять в девушку. А теперь идите по этой дорожке и будьте храбры и терпеливы.

Дейзи и белый олень вскоре пришли к хижине, на пороге которой сидела пожилая женщина.

— Не найдётся ли у вас комнаты для меня и моего оленя? — спросила Дейзи.

— Конечно, молодая леди,— ответила старушка. Она проводила их в маленькую, но очень чистую комнатку, где стояли рядом две кровати.

Когда солнце зашло, белый олень превратился в принцессу, которая, бросившись на шею Дейзи, горячо поблагодарила её за помощь. Они проговорили всю ночь, а наутро Фейф опять превратилась в оленя и убежала в лес, чтобы пощипать травы.

В это время принц и лорд Кэнвис набрали на ту же избушку в поисках ночлега. Улыбающаяся старая женщина дала им поесть и выделила комнату, как раз напротив комнаты девушек.

Выспавшись, молодой принц отправился на охоту. Вдруг он увидел белого оленя, который пасся невдалеке. Прицелившись, он выстрелил в оленя, но тот, увернувшись, скрылся в чаще леса.

Придя вечером домой, олень превратился в принцессу, которая поведала Дейзи, что с ней приключилось.

— Милая принцесса,— сказала Дейзи.— Оставайтесь здесь, не ходите в лес, это опасно. Я буду читать вам книги, и время потечёт быстро.

— Я бы с удовольствием,— отвечала принцесса.— Но дело в том, что когда я превращаюсь в оленя, я и чувствую себя как олень. Я должна бегать и есть траву.

Уставшая, она тотчас же заснула. В это время в другой комнате принц рассказывал о чудесном олене, которого он видел сегодня утром.

— Завтра я обязательно пристрелю его,— сказал он.

Утром он отправился на поиски оленя. Но Фейф была настороже и не выходила из чащи леса. Принц ходил и ходил, пока не повалился от усталости под яблоневым деревом и уснул.

В это время из чащи вышел белый олень и подошёл к принцу.

— Он ещё прекраснее, чем на портрете,— подумала Фейф и прилегла рядом.

Принц Волак проснулся и остолбенел от изумления — рядом с ним лежал белый олень. Не успел он схватить лук, как Фейф стремглав скрылась из виду. Принц кинулся вслед за ней и выстрелил. Стрела попала белому оленю в ногу, и он повалился на землю.

Принц хотел было его пристрелить, но, увидев полные слез и мольбы глаза оленя, пожалел его и понес в хижину.

Выбежавшая навстречу Дейзи закричала ему:

— Это мой олень! Отдайте его мне!

— Нет,— ответил принц.— Я поймал его в лесу. Он — мой!

— Я скорее потеряю свою жизнь, чем своего оленя,— отвечала Дейзи.— Посмотри, как он сейчас узнает меня.

Она сказала:

— Белый олень, пожалуйста, дай мне ногу,— и олень протянул раненую ногу.

Она сказала:

— Белый олень, любишь ли ты меня? — и олень согласно кивнул головой. Принц был поражён.

— Я согласен,— сказал он.— Олень — ваш. Я сожалею, что подстрелил его.

Дейзи подхватила оленя и отнесла его в свою комнату. В это время лорд Кэнвис сказал молодому принцу:

— Я узнал эту девушку, она из сопровождения принцессы Фейф, я видел её в карете принцессы. Тут что-то не так!

Они узнали у старушки, в какой из комнат остановились девушки, и проделали в стенке дырку. Заглянув в неё, они увидели принцессу Фейф, сидящую на кровати, а возле неё Дейзи, бинтующую ей ногу.

Принц тут же кинулся в комнату девушек и упал перед принцессой на колени.

— Простите меня,— закричал он.— Я не знал ничего про оленя. Я бы скорее умер, чем причинил вам зло.

Фейф всё рассказала ему про свои несчастья. Они проговорили всю ночь, а наутро, когда солнце встало, принцесса вдруг обнаружила, что в этот раз не превратилась в оленя. Радость их не знала границ.

— Мы должны сообщить об этом моему отцу,— сказал принц.— Он собирается пойти войной на ваше королевство, обвиняя твоих родителей в обмане.

Вдруг они услышали звуки горнов и увидели, что сам король едет к ним, а в скотном фургоне сидят Прикли и её мать.

— Мой дорогой отец! — кинулся к нему принц.— Вот моя возлюбленная принцесса Фейф. Я нашел её! — воскликнул он.

Король взглянул на принцессу. Она стояла в серебряном платье, расшитом свежими благоухающими розами, её голову венчала корона из бриллиантов. Такой красоты он не видел никогда. Невдалеке стояла фея Тюльпан, которая и была той старушкой у хижины.

Все были счастливы. А лорд Кэнвис, тронутый преданностью и добрым сердцем Дейзи, сделал ей предложение, и две счастливые пары обвенчали в дворцовой церкви.

Прикли и её мать простили и отправили их домой. А всё королевство ещё долго пересказывало историю о волшебном белом олене и его приключениях, так счастливо закончившихся.

КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ

ил-был богатый купец, у которого было три дочери и три сына. Младшую из дочерей звали Красавица. Её сестрицы не любили её за то, что она была всеобщей любимицей. Однажды купец разорился и сказал своим детям:

— Теперь нам придётся жить в деревне и работать на ферме, чтобы сводить концы с концами.

Живя на ферме, Красавица всё делала по дому, да ещё помогала братьям в поле. Старшие же сёстры целыми днями бездельничали. Так они прожили год.

Вдруг купцу сообщили хорошие новости. Нашёлся один из его пропавших кораблей, и теперь он опять богат. Он собрался поехать в город получить свои деньги и спросил дочерей, что им привезти в подарок. Старшие попросили платья, а младшая — розу.

В городе, получив деньги, купец раздал долги и стал ещё беднее, чем был.

По пути домой он заблудился и попал в чащу леса, где было очень темно и завывали голодные волки. Пошёл снег, и холодный ветер пронизывал до костей.

Вдруг вдалеке показались огоньки. Приблизившись, он увидел старинный замок. Войдя в его ворота, он поставил свою лошадь на конюшню и вошёл в зал. Там находился стол, сервированный на одного, и горящий камин. Он подумал: «Хозяин, наверно, придёт с минуты на минуту». Он прождал час, два, три — никто не появлялся. Он сел за стол и вкусно пёдел. Затем пошёл посмотреть другие комнаты. Зайдя в спальню, прилёг на кровать и уснул глубоким сном.

Проснувшись поутру, купец увидел на стуле рядом с кроватью новую одежду. Спустившись вниз, он обнаружил на обеденном столе чашку кофе с тёплыми булочками.

— Добрый волшебник! — сказал он. — Спасибо тебе за твою заботу.

Выйдя во двор, он увидел уже оседланного коня и отправился домой. Проезжая по аллее, купец увидел розовый куст и вспомнил о просьбе младшей дочери. Он подъехал к нему и сорвал самую красивую розу.

Вдруг раздался рёв и перед ним предстал отвратительный огромный монстр.

— Я спас тебе жизнь, а ты вот как отплатил мне за это, — прорычал он. — За это ты должен умереть!

— Ваше Величество, простите меня, пожалуйста, — взмолился купец. — Я сорвал розу для одной из моих дочерей, она очень просила меня об этом.

— Меня зовут не Ваше Величество, — зарычал монстр. — Меня зовут Чудовище. Отправляйся домой, спроси у своих до-

черей: не хотят ли они умереть вместо тебя. Если они откажутся, то через три месяца ты должен сам вернуться сюда.

Купец и не помышлял посылать своих дочерей на смерть. Он подумал: «Я пойду попрощаюсь со своей семьёй, а через три месяца вернусь сюда».

Чудовище сказало:

— Поезжай домой. Когда ты прибудешь туда, я пришлю тебе сундук, полный золота.

«Какой он странный,— подумал купец.— Добрый и жестокий одновременно». Он сел на коня и отправился домой. Конь быстро нашёл верную дорогу, и купец ещё засветло добрался домой. Встретив детей, он отдал младшей розу и сказал:

— Я заплатил за неё высокую цену.

И рассказал про свои злоключения.

Старшие сёстры накинулись на младшую:

— Это ты во всём виновата! — кричали они.— Захотела оригинальности и заказала паршивый цветок, за который отец теперь должен расплачиваться жизнью, а сейчас стоишь и даже не плачешь.

— Зачем же плакать? — ответила им кротко Красавица.— Чудовище сказало, что я могу пойти к нему вместо отца. И я с радостью это сделаю.

— Нет,— возразили ей братья,— мы отправимся туда и убьём этого монстра.

— Это бессмысленно,— сказал купец.— Чудовище обладает волшебной силой. Я пойду к нему сам. Я стар, и мне вскоре всё равно умирать. Единственно, о чем я горюю, так это о том, что оставляю вас одних, мои дорогие деточки.

Но Красавица настаивала на своём:

— Я никогда не прощу себе,— твердила она,— если вы, мой дорогой отец, умрёте из-за меня.

Сестры же были, напротив, очень рады избавиться от неё. Отец позвал её и показал ей сундук, полный золота.

— Как хорошо! — радостно сказала добрая Красавица.— К моим сёстрам сватаются женихи, и это будет их приданое.

На следующий день Красавица отправилась в путь. Братья плакали, а сёстры, натерев луком глаза, рыдали тоже. Лошадь быстро сама нашла обратный путь к замку. Войдя в зал, она обнаружила стол, сервированный на двух человек, с изысканными винами и кушаньями. Красавица старалась не бояться. Она подумала: «Чудовище, должно быть, хочет сожрать меня, поэтому откармливает».

После обеда появилось рычащее Чудовище и спросило её:

— Пришла ли ты сюда по собственной воле?

— Да,— ответила Красавица тихим голосом.

— У тебя доброе сердце, и я буду милосерден к тебе,— сказал Чудовище и исчезло.

Проснувшись утром, Красавица подумала: «Чему быть — того не миновать. Поэтому я не буду волноваться. Чудовище скорее всего не будет меня есть утром, поэтому я прогуляюсь пока по парку».

Она с удовольствием побродила по замку и парку. Войдя в одну из комнат с табличкой «Комната для Красавицы», она увидела стеллажи, полные книг, и пианино. Она страшно удивилась: «Зачем же Чудовище принесло всё сюда, если ночью собирается съесть меня?»

На столе лежало зеркало, на ручке которого было написано:

«Всё, что Красавица пожелает, я исполню».

— Я желаю,— сказала Красавица,— узнать, что сейчас делает мой отец.

Она взглянула в зеркало и увидела отца, сидящего на пороге дома. Он выглядел очень грустным.

«Какой всё-таки добрый этот монстр,— подумала Красавица.— Я уже меньше боюсь его».

Вечером, сидя за ужином, она услышала голос Чудовища:

— Красавица, разреши мне посмотреть, как ты ужинаешь.

— Вы хозяин здесь,— ответила она.

— Нет, в этом замке твоё желание — закон. Скажи мне, я очень уродлив?

— Да! — ответила Красавица.— Я не умею врать. Но зато, я думаю, что вы очень добры.

— Твой ум и милосердие трогают моё сердце и делают моё уродство не таким болезненным для меня,— сказал Чудовище.

Однажды Чудовище сказал:

— Красавица, выходи за меня замуж!

— Нет,— ответила, помолчав, девушка,— я не могу.

Чудовище заплакало и исчезло.

Прошло три месяца. Каждый день Чудовище сидело и смотрело, как Красавица ужинает.

— Ты единственная моя отрада,— говорило оно,— без тебя я умру. Пообещай мне хотя бы, что никогда не покинешь меня.

Красавица пообещала.

Однажды зеркало показало ей, что отец болен. Ей очень захотелось навестить его. Она сказала Чудовищу:

— Я обещала тебе никогда не покидать тебя. Но если я не увижу своего умирающего отца, мне будет жизнь не мила.

— Ты можешь уходить домой,— сказало Чудовище,— а я умру здесь от тоски и одиночества.

— Нет,— возразила ему Красавица.— Я обещаю тебе, что вернусь назад. Зеркало сказало мне, что мои сёстры вышли замуж, братья — в армии, а отец лежит один больной. Дай мне сроку неделю.

— Завтра ты проснёшься уже дома,— сказало Чудовище.— Когда ты захочешь вернуться назад, просто положи кольцо на тумбочку рядом с кроватью. Спокойной ночи, Красавица.

И Чудовище быстро удалилось.

Проснувшись на следующий день, Красавица обнаружила себя в родном доме. Она оделась в свои дорогие одежды, надела корону из бриллиантов и пошла к отцу. Он был несказанно рад, увидев свою дочь целой и невредимой. Прибежали её сёстры и увидели, что она стала ещё красивее, да вдобавок разодета, как королева. Их ненависть к ней возросла с удвоенной силой.

Красавица рассказала всё, что с ней приключилось, и сказала, что непременно должна вернуться назад.

Прошла неделя. Красавица собралась обратно в замок. Коварные сёстры стали так плакать и причитать, что она решила остаться ещё на неделю. На девятый день ей приснился сон, что Чудовище лежит на траве в парке и умирает. Она в ужасе проснулась и подумала: «Мне нужно срочно вернуться и вылечить его».

Она положила кольцо на стол и легла спать. На следующий день она проснулась уже в замке. Надев свою лучшую одежду, она стала с нетерпением поджидать Чудовище, но оно не появлялось. Вспомнив про свой странный сон, она кинулась в сад. Там на траве лежало бездыханное Чудовище.

Она кинулась к ручью, набрала воды и брызнула Чудовищу в лицо. Её сердце разрывалось от жалости. Вдруг оно открыло глаза и прошептало:

— Я не могу жить без тебя. И теперь я счастливо умираю, зная, что ты рядом со мной.

— Нет, ты не должен умереть! — заплакала Красавица.— Я люблю тебя и хочу стать твоей женой.

Как только она произнесла эти слова, весь замок озарился ярким светом и всюду заиграла музыка. Чудовище исчезло, а вместо него на траве лежал прелестнейший из принцев.

— Но где же Чудовище? — закричала Красавица.

— Это я и есть,— сказал принц.— Злая фея заколдовала меня и превратила в монстра. Я должен был оставаться им до тех пор, пока молодая красивая девушка не полюбит меня и не захочет выйти за меня замуж. Я люблю вас и прошу быть моей женой.

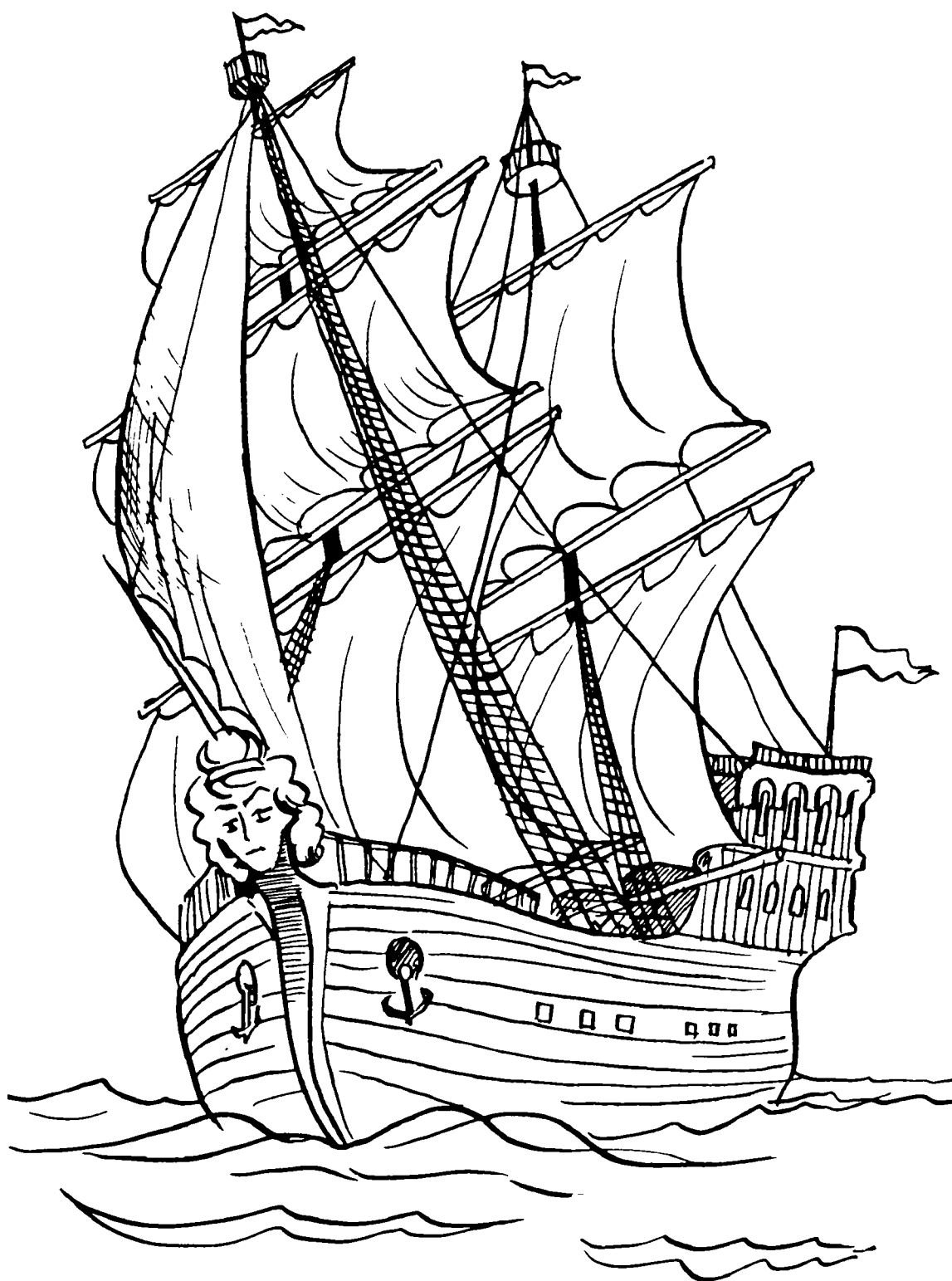
Красавица подала ему руку, и они отправились в замок. Там, к своей великой радости, они обнаружили отца, сестёр и братьев Красавицы, поджидавших их. Тут же появилась добрая фея и сказала:

— Красавица, ты достойна этой чести и отныне ты будешь королевой этого замка.

Затем, обратившись к сёстрам, она сказала:

— А вы станете за свою злобу и зависть каменными статуями у дверей замка и будете оставаться такими до тех пор, пока не осознаете свою вину и не пойдёте. Но я подозреваю, что такой день не наступит никогда.

Красавица с принцем обвенчались и зажили счастливо и долго.

ЗОЛОТОЕ ДЕРЕВЦЕ И СЕРЕБРЯНОЕ ДЕРЕВЦЕ

стародавние времена жила-была маленькая принцесса по имени Золотое Деревце, и была она такая красавица девочка, какой свет не видывал.

Мать её умерла. Отец нежно любил дочку и всячески старался ей угодить, так что она жила очень счастливо. Но вот король вздумал снова жениться, и тогда настали для принцессы тяжёлые дни.

Вторая жена короля, — а её, как ни странно, звали Серебряное Деревце, — тоже была красавица, но уж очень завистливая. Вечно она боялась увидеть женщину, что затмит её своей красотой. Падчерицу она сразу невзлюбила за её прекрасное лицо, и когда глядела на неё, всё себя спрашивала: «Неужто люди думают, что Золотое Деревце краше меня?» Да она в глубине души и сама так думала, а потому часто обижала падчерицу.

Как-то раз, когда принцесса Золотое Деревце уже совсем выросла и стала девушкой на выданье, она вместе с мачехой пошла погулять в одно глубокое ущелье. На дне этого ущелья под деревьями был небольшой родник, и вода в нём

была такая прозрачная, что хорошо отражала лицо каждого, кто над ним наклонялся. Гордая королева любила ходить к этому роднику и смотреть на своё отражение.

В тот день она опять наклонилась над родником и увидела, как в нём почти у самой поверхности воды снуёт маленькая форель.

— Форель, форель, ответь мне на один вопрос,— сказала ей королева.— Правда, что краше меня нет женщины на свете?

— Есть! — быстро ответила форель и подпрыгнула над водой, чтобы поймать мушку.

— Кто же это? — спросила королева в досаде. Ведь она ожидала совсем другого ответа.

— Конечно, падчерица твоя, принцесса Золотое Деревце,— ответила форель.

Лицо у завистливой королевы потемнело от гнева, и она бросила такой злобный взгляд на падчерицу — та собирала цветы невдалеке, — что рыбка испугалась и нырнула поглубже.

«А вдруг люди тоже скажут, что эта девчонка краше меня!» — думала королева. И она так разозлилась, что совсем потеряла власть над собой. Вернулась домой, убежала в свою спальню и бросилась на кровать, жалуясь, что тяжело заболела.

Напрасно принцесса Золотое Деревце спрашивала мачеху, что с нею и чем можно ей помочь. Королева не позволяла падчерице даже дотронуться до неё и отталкивала её от себя, словно что-то мерзкое. Наконец принцесса, очень опечаленная, вышла из королевской спальни и оставила мачеху одну.

Вскоре вернулся с охоты король и сразу же спросил про жену. Ему сказали, что она внезапно занемогла и лежит в своей опочивальне. К ней уже вызывали придворного лекаря, но ни он, ни другие люди не могут понять, что с ней такое.

Король очень встревожился, потому что любил жену. Он подошёл к её постели и спросил, как она себя чувствует, и что надо сделать, чтобы облегчить её страдания.

— Ты можешь сделать лишь одно,— ответила королева резким голосом,— и только это может меня спасти, но я хорошо знаю, что ты не согласишься.

— Неправда! — сказал король.— Я не заслужил этих слов. Ты знаешь, что я готов дать тебе всё — даже половину своего королевства.

— Так дай мне съесть сердце твоей дочери! — вскричала королева. — А если не дашь, я умру, умру очень скоро!

Она проговорила это так горячо и так странно посмотрела на мужа, что бедный король сразу подумал: «Да она помешалась!»

Не зная, что делать, он, растерянный, вышел из спальни и пошёл по коридору. И вдруг вспомнил: как раз в этот самый день сын одного могущественного короля приехал из заморской страны свататься к его дочери.

«Вот и хорошо! — подумал король.— Этот брак мне по душе, и я нынче же прикажу сыграть свадьбу. Дочь моя покинет нашу страну здоровой и невредимой. А я отправлю человека в горы с приказом убить козла. Сердце этого козла я велю сварить и пошлю жене. Может, она тогда исцелится от своего безумия».

И вот он призвал к себе заморского принца и сказал ему, что королева внезапно занемогла. От болезни разум у неё по-

мутился, и она возненавидела принцессу. Так что если Золотое Древецце согласна, то лучше всего сыграть свадьбу сегодня же. Тогда странная болезнь королевы, может быть, и пройдёт.

Принц очень обрадовался, что невеста досталась ему так легко, а Золотое Древецце тоже была рада расстаться с мачехой, что её так ненавидела. И вот свадьбу сыграли в тот же день, и молодые отправились за море, на родину принца.

Тогда король послал человека в горы с приказом убить козла, а когда тот вернулся, велел сварить сердце этого козла и отослал его на серебряном блюде в спальню королевы. Злая женщина поверила, что это — сердце её падчерицы. Съела его и сразу же встала с постели совсем здоровая.

Между тем замужество принцессы оказалось очень удачным. Муж её, принц, был богатый, могущественный властитель и души в ней не чаял. Так что жили они в любви и согласии.

Почти целый год прошёл мирно и тихо. Принцесса счастливо жила в своём новом доме. А королева тоже была довольна — ведь она думала, что падчерицы её нет на свете.

Но вот королева как-то раз снова пошла гулять в ущелье к роднику, чтобы посмотреть на своё отражение в воде.

И случилось так, что в роднике опять сновала та же маленькая форель, что плавала тут в прошлом году. Тщеславной королеве опять захотелось задать ей вопрос, — она думала, что теперь-то уж услышит желанные слова. И вот она наклонилась над водой и спросила:

— Форель, форель, правда, что краше меня нет женщины на свете?

— Нет, есть! — напрямик ответила форель.

— А кто же краше меня? — спросила королева и даже побледнела — до того ей было досадно, что у неё есть какая-то соперница.

— Конечно, падчерица твоего величества, принцесса Золотое Деревце! — ответила форель.

Тут королева сразу успокоилась.

— Ну, если даже и так,— сказала она,— то люди теперь уже не могут на неё любоваться. Ведь скоро год, как она умерла. Я съела её сердце за ужином.

— Ты в этом уверена, королева? — спросила форель, и глазки её заблестели.— А по-моему, она год назад вышла замуж за доблестного молодого принца, что явился просить её руки, и в тот же день уехала с ним за море в его страну.

Как услышала королева эти слова, затряслась от злости. Теперь она поняла, что муж её обманул. Она встала с колен и пошла прямо домой, во дворец, всячески стараясь скрыть свою ярость. И вот она попросила короля приготовить королевскую ладью.

— Я хочу съездить навестить свою милую падчерицу,— сказала она.— Ведь мы так давно не виделись!

Король удивился этой просьбе, но в то же время обрадовался, что королева перестала ненавидеть его дочь. И он приказал приготовить королевскую ладью к плаванию.

Вскоре ладья уже летела по волнам, и нос её был повернут к той стране, где жила принцесса Золотое Деревце. За рулём сидела сама королева. Она знала, куда надо направлять ладью, и так спешила поскорее прибыть на место, что никому не давала сесть за руль.

Случилось так, что в тот день принцесса Золотое Деревце осталась дома одна — муж её уехал на охоту. Она сидела у

окна и смотрела на море, как вдруг увидела, что к пристани на всех парусах летит ладья. Принцесса сразу же узнала её и догадалась, кто в ней сидит.

Тут она чуть не помешалась от страха, — ведь она знала, что не с добром едет к ней королева. Принцесса отдала бы всё на свете, чтобы муж её был дома, но он ещё не вернулся с охоты. В отчаянии она побежала в людскую к слугам.

— Ох, что мне делать, что делать? — стонала она. — Я вижу, как по морю плывёт к нам ладья моего отца, и знаю, что в ней сидит моя мачеха. А уж она постарается меня убить — ведь она ненавидит меня пуще всего на свете!

Слуги очень любили свою молодую госпожу, потому что она всегда была к ним добра. Они увидели, как бедняжка испугалась, услышали её жалобы и все столпились вокруг неё, словно затем, чтобы оградить её от беды.

— Не пугайся принцесса, — говорили они. — Если понадобится, мы будем защищать тебя до последней капли крови. Но чтобы мачеха твоя не околдовала тебя злыми чарами, мы запрём тебя в большой кладовой, той, что с решётками на окнах. Там она до тебя не доберётся.

Надо сказать, что кладовая находилась в боковом крыле замка, и дверь у неё была такая прочная, что взломать её было невозможно. Принцесса знала, что, когда за нею запрут эту толстую дубовую дверь, злая мачеха не сможет ей ничем повредить.

И вот она спряталась в кладовой с решётками на окнах, и слуги заперли её там.

А королева Серебряное Деревце сошла на берег и направилась к воротам замка. Навстречу ей вышел слуга, и она приказала ему проводить её к принцессе. Но он только низко

поклонился и ответил, что не может выполнить её приказ, потому что принцесса заперта в кладовой и выпустить её оттуда нельзя, так как никто не знает, где ключ от двери.

Это была правда: никто в замке и в самом деле не знал, где ключ от кладовой, потому что старик дворецкий привязал его к ошейнику любимой овчарки принца и послал собаку в горы за хозяином.

— Так проводи меня до двери этой кладовой,— приказала королева.— Я хоть одним словечком перемолвлюсь со своей милой дочерью!

И слуга повиновался — он думал, что в этом ничего опасного нет.

— Если ключ и вправду потерян,— сказала злая королева, когда они подошли к толстой дубовой двери,— и ты не можешь выйти ко мне, дорогая моя Золотое Деревце, так хоть просунь свой мизинчик в замочную скважину, мне так хочется его поцеловать!

И принцесса, не чуя беды, просунула свой мизинчик в замочную скважину. Но беда пришла! Вместо того чтобы поцеловать крошечный пальчик принцессы, мачеха уколола его отравленной иглой. А яд в этой игле был такой сильный, что бедная принцесса не успела даже вскрикнуть — замертво рухнула на пол.

Королева услышала, как она упала, и улыбнулась, очень довольная. «Ну, теперь я смогу сказать, что краше меня нет женщины на свете!» — прошептала она.

Она вернулась к слуге, что ожидал её в конце коридора, и сказала ему:

— Я уже поговорила со своей дочерью, а теперь хочу вернуться домой.

Слуга почтительно проводил её до ладьи, и королева пустилась в обратный путь.

Люди в замке и не подозревали, какая беда случилась с их хозяйкой, пока принц не вернулся домой с охоты. В руке у него был ключ от кладовой — его принесла овчарка.

Принцу рассказали, что в гости приезжала королева Серебряное Деревце, а принцесса от неё спряталась. Но он на это только рассмеялся и сказал слугам, что они поступили правильно. Потом он быстро поднялся по лестнице, чтобы открыть кладовую и выпустить жену на волю.

Но до чего же он испугался, когда отпер дверь и увидел, что жена его лежит на полу и не дышит! Чуть не обезумел от гнева и горя.

Тот яд, каким королева отравила падчерицу, сохранял мертвые тела нетленными. Шло время, а принцесса по-прежнему лежала, как живая. Принц не стал её хоронить, а положил на покрытое шёлком ложе и оставил в кладовой, чтобы иногда приходить и смотреть на неё.

Однако он так страдал от одиночества, что скоро женился во второй раз. Вторая его жена оказалась такой же доброй и ласковой, как и первая, и она тоже стала жить с ним в ладу и согласии. Но кое-что всё-таки не давало ей покоя.

Она знала, что в замке, в самом конце одного коридора, есть комната, куда ей войти нельзя, ибо ключ от неё принц всегда носит при себе. Не раз она спрашивала мужа про эту комнату, но он уклонялся от ответа, и она перестала спрашивать, чтобы он не подумал, что она ему не доверяет.

Но однажды принц позабыл запереть дверь в кладовую, и его вторая жена вошла в неё, — ведь муж не запрещал ей туда входить. И вот она увидела принцессу Золотое Деревце на

ложе, покрытом шёлковым покрывалом. Казалось, будто она спокойно спит.

«Умерла она или только уснула?» — подумала вторая жена принца. Она подошла к ложу и стала разглядывать принцессу Золотое Деревце. Но вдруг заметила в её мизинчике иголку и сразу обо всём догадалась, — ведь она была искусной врачевательницей.

«Тут свершилось злое дело, — подумала она. — Бьюсь об заклад, что эта игла отравлена, а если нет, так, значит, я ничего не понимаю в людских недугах». И она осторожно вытащила иглу.

Золотое Деревце открыла глаза, пришла в себя и вскоре рассказала второй принцессе обо всём, что с нею случилось.

Надо сказать, что если королева Серебряное Деревце была завистницей, то вторая жена принца была ничуть не завистлива и не ревнива. Она выслушала принцессу Золотое Деревце и радостно захлопала в ладоши.

— Ох, как обрадуется принц! — воскликнула она. — Хоть он и женился на мне, но я знаю, что тебя он любит больше.

В тот вечер принц возвратился домой с охоты очень усталый и печальный. Вторая принцесса сказала правду: хоть он и привязался к ней, но всегда тосковал по своей первой жене — не мог её разлюбить.

— Какой ты печальный! — сказала вторая принцесса, когда вышла ему навстречу. — Чем могу я вызвать улыбку на твоём лице?

— Ничем, — устало ответил принц и отложил в сторону свой лук.

Он так тосковал, что был не в силах притворяться весёлым.

— Нет, смогу! — возразила вторая принцесса, лукаво улыбаясь. — Смогу, если верну тебе Золотое Деревце. А я её верну! Ступай — ты найдешь её живую и здоровую в кладовой с решётками на окнах.

Принц, не говоря ни слова, побежал наверх. И вот он увидел свою возлюбленную жену Золотое Деревце. Она сидела на ложе, покрытом шёлком, и улыбалась ему.

Он так обрадовался, что обнял её и принялся целовать, а про вторую принцессу совсем забыл. Но она пришла за ним следом и теперь стояла на пороге и радовалась счастьем супругов. Ведь оно было делом её рук. Она как будто совсем не думала о себе.

— Я знаю, что ты всегда тосковал о Золотом Деревце, — сказала она. — И так оно и должно быть. Ведь её ты полюбил первую, и раз уж она ожила, я уеду домой к своим родным.

— Нет, не уедешь, — возразил принц. — Ты останешься с нами. Ведь это ты вернула её мне. Золотое Деревце станет твоей самой задушевной подругой.

Так оно и вышло. Принцесса Золотое Деревце и вторая принцесса подружились и полюбили друг друга, как родные сёстры. Казалось, будто они от рождения не разлучались.

Прошёл ещё год. Но вот как-то раз вечером королева Серебряное Деревце опять пришла в ущелье, чтобы посмотреть на своё отражение в воде родника. И опять в воде плавала маленькая форель.

— Форель, форель, — шепнула ей королева, — правда, я самая красивая женщина на свете?

— Вовсе нет! — ответила форель.

— А кто же, по-твоему, самая красивая? — спросила королева, и голос её задрожал от досады и ярости.

— Я тебе уже два года назад назвала её имя,— ответила форель.— Конечно, это принцесса Золотое Древецце.

— Но ведь она умерла! — со смехом воскликнула королева.— Уж теперь-то её наверное нет в живых! Ровно год назад я уколола её в мизинец отравленной иглой и своими ушами слышала, как она, мёртвая, рухнула на пол.

— Ну, а я не уверена, что она умерла,— возразила форель и, ни слова больше не вымолвив, нырнула в глубь родника.

А королева потеряла покой с того дня, как услышала загадочные слова форели. Наконец она опять попросила мужа подготовить королевскую ладью к плаванию. Она-де хочет навестить свою падчерицу.

Король охотно приказал подготовить ладью, и всё потом было так, как было год назад.

Королева сама села за руль, и когда ладья стала приближаться к берегу, её увидела и узнала принцесса Золотое Древецце.

Принц и на этот раз был на охоте, и принцесса в ужасе побежала к своей любимой подруге.

— Ох, что мне делать? — застонала она.— Я вижу, плывёт ладья моего отца, и знаю, что в ней сидит моя жестокая мачеха. Она опять попытается меня убить, как пыталась раньше. Ох, давай убежим в горы!

— Нет, не надо,— возразила вторая принцесса и обняла трепещущую подругу.— Я не боюсь твоей мачехи. Пойдём со мной, встретим её на берегу.

И вот они обе пошли на берег, а королева Серебряное Древецце, как увидела свою падчерицу, притворилась, что очень обрадовалась ей. Она выскочила из ладьи и протянула падчерице серебряный кубок с вином.

— Это редкое вино — оно привезено из восточных стран, — сказала королева. — Я привезла с собой фляжку — хочу выпить с тобой кубок дружбы.

Принцесса Золотое Деревце была женщина кроткая и учтивая. Она уже протянула было руку к кубку, но вторая принцесса помешала ей, встав между ней и королевой.

— Нет, госпожа, — сказала она, строго глядя королеве прямо в лицо, — в нашей стране такой обычай: тот, кто предлагает другому выпить кубок дружбы, должен первый отпить из него.

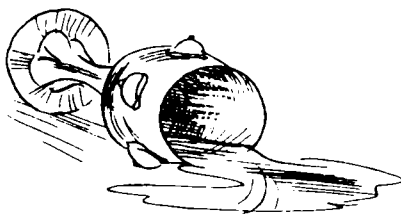
— Что ж, это я охотно сделаю, — отозвалась королева и поднесла к губам кубок.

Но вторая принцесса пристально следила за королевой и заметила, что она ни капельки не отпила. Тогда вторая принцесса сделала шаг вперёд и, как бы нечаянно, подтолкнула дно кубка плечом. Часть вина брызнула на лицо королевы, часть попала ей в рот.

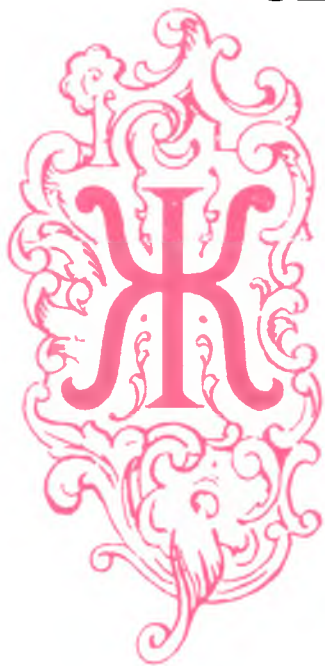
Так она сама запуталась в своих сетях. Ведь она отравила вино таким сильным ядом, что едва проглотила несколько капель, как упала мёртвая к ногам принцесс.

Никто о ней не жалел — она заслужила свою участь. Её спешно похоронили в уединённом месте, и вскоре все о ней позабыли.

А принцесса Золотое Деревце счастливо и мирно жила вместе с мужем и подругой до конца дней своих.

СЕРЕБРЯНОЕ КОПЫТЦЕ

ил в нашем заводе старик один, по прозвищу Кокованя. Семьи у Коковани не осталось, он и придумал взять в дети сиротку. Спросил у соседей,— не знают ли кого, а соседи и говорят:

— Недавно на Глинке осиротела семья Григория Потопаева. Старших-то девчонок приказчик велел в барскую рукодельню взять, а одну девчоночку по шестому году никому не надо. Вот ты и возьми её.

— Несподручно мне с девчонкой-то. Парнишечко бы лучше. Обучил бы его своему делу, пособника бы растить стал. А с девчонкой как? Чему я её учить-то стану?

Потом подумал-подумал и говорит:

— Знавал я Григория да и жену его тоже. Оба весёлые да ловкие были. Если девчоночка по родителям пойдёт, не тоскливо с ней в избе будет. Возьму её. Только пойдёт ли?

Соседи объясняют:

— Плохое житьё у неё. Приказчик избу Григорьеву отдал какому-то горюну и велел за это сиротку кормить, пока не подрастёт. А у того своя семья больше десятка. Сами не досы-

та едят. Вот хозяйка и взъедается на сиротку, попрекает её куском-то. Та хоть маленькая, а понимает. Обидно ей. Как не пойдёт от такого житья! Да и уговоришь, поди-ка.

— И то правда,— отвечает Кокованя,— уговорю как-нибудь.

В праздничный день и пришёл он к тем людям, у кого сиротка жила. Видит, полна изба народу, больших и маленьких. На топчане, у печки, девчоночка сидит, а рядом с ней кошка бурая. Девчоночка маленькая, и кошка маленькая и до того худая да ободранная, что редко кто такую в избу пустит. Девчоночка эту кошку гладит, а она до того звонко мурлычет, что по всей избе слышно.

Поглядел Кокованя на девчоночку и спрашивает:

— Это у вас Григорьева-то подарёнка?

Хозяйка отвечает:

— Она самая. Мало одной-то, так кошку драную где-то подобрала. Отогнать не можем. Всех моих ребят перецарапала, да ещё корми её!

Кокованя и говорит:

— Неласковыё, видно, твои ребята. У ней вон мурлычет.

Потом и спрашивает у сиротки:

— Ну, как, подарёнушка, пойдёшь ко мне жить?

Девчоночка удивилась:

— Ты, дедо, как узнал, что меня Дарёнкой зовут?

— Да так,— отвечает,— само вышло. Не думал, не гадал, нечаянно попал.

— Ты хоть кто? — спрашивает девчоночка.

— Я, говорит, вроде охотника. Летом пески промываю, золото добываю, а зимой по лесам за козлом бегаю да всё увидеть не могу.

— Застрелишь его?

— Нет,— отвечает Кокованя.— Простых козлов стреляю, а этого не стану. Мне посмотреть охота, в котором месте он правой передней ножкой топнет.

— Тебе на что это?

— А вот пойдёшь ко мне жить, так всё и расскажу,— ответил Кокованя.

Девчоночке любопытно стало про козла-то узнать. И то видит — старик весёлый да ласковый. Она и говорит:

— Пойду. Только ты эту кошку Мурёнку тоже возьми. Гляди, какая хорошая.

— Про это,— отвечает Кокованя,— что и говорить. Такую звонкую кошку не взять — дураком остаться. Вместо бала-лайки она у нас в избе будет.

Хозяйка слышит их разговор. Рада-радёхонька, что Кокованя сиротку к себе зовёт. Стала скорей Дарёнкины пожитки собирать. Боится, как бы старик не передумал.

Кошка будто тоже понимает весь разговор. Трётся у ног-то да мурлычет:

— Пр-равильно придумал. Пр-равильно.

Вот и повёл Кокованя сиротку к себе жить.

Сам большой да бородатый, а она махонькая и носишко пуговкой. Идут по улице, и кошчонка ободранная за ними попрыгивает.

Так и стали жить вместе дед Кокованя, сиротка Дарёнка да кошка Мурёнка. Жили-поживали, добра много не наживали, а на житьё не плакались, и у всякого дело было.

Кокованя с утра на работу уходил. Дарёнка в избе прибирала, похлёбку да кашу варила, а кошка Мурёнка на охоту ходила — мышей ловила. К вечеру соберутся, и весело им.

Старик был мастер сказки сказывать, Дарёнка любила те сказки слушать, а кошка Мурёнка лежит да мурлычет:

— Пр-равильно говорит. Пр-равильно.

Только после всякой сказки Дарёнка напомним:

— Дедо, про козла-то скажи. Какой он?

Кокованя отговаривался сперва, потом и рассказал:

— Тот козёл особенный. У него на правой передней ноге серебряное копытце. В каком месте топнет этим копытцем — там и появится дорогой камень. Раз топнет — один камень, два топнет — два камня, а где ножкой бить станет — там груда дорогих камней.

Сказал это, да и не рад стал. С той поры у Дарёнки только и разговору, что об этом козле.

— Дедо, а он большой?

Рассказал ей Кокованя, что ростом козёл не выше стола, ножки тоненькие, головка лёгонькая.

А Дарёнка опять спрашивает:

— Дедо, а рожки у него есть?

— Рожки-то,— отвечает,— у него отменные. У простых козлов на две веточки, а у него на пять веток.

— Дедо, а он кого ест?

— Никого,— отвечает,— не ест. Травой да листом кормится. Ну, сено тоже зимой в стожках подъедает.

— Дедо, а шёрстка у него какая?

— Летом,— отвечает,— буренькая, как вот у Мурёнки нашей, а зимой серенькая.

— Дедо, а он душной?

Кокованя даже рассердился:

— Какой же душной? Это домашние козлы такие бывают, а лесной козёл, он лесом и пахнет.

Стал осенью Кокованя в лес собираться. Надо было ему поглядеть, в которой стороне козлов больше пасётся. Дарёнка и давай проситься:

— Возьми меня, дедо, с собой. Может, я хоть сдалека того козлика увижу.

Кокованя и объясняет ей:

— Сдалека-то его не разглядишь. У всех козлов осенью рожки есть. Не разберёшь, сколько на них веток. Зимой вот — дело другое. Простые козлы безрогие ходят, а этот, Серебряное копытце, всегда с рожками, хоть летом, хоть зимой. Тогда его сдалека признать можно.

Этим и отговорился. Осталась Дарёнка дома, а Кокованя в лес ушёл.

Дней через пять воротился Кокованя домой, рассказывает Дарёнке:

— Ныне в Полдневской стороне много козлов пасётся. Туда и пойду зимой.

— А как же, — спрашивает Дарёнка, — зимой-то в лесу ночевать станешь?

— Там, — отвечает, — у меня зимний балаган у покосных ложков поставлен. Хороший балаган, с очагом, с окошечком. Хорошо там.

Дарёнка опять спрашивает:

— Серебряное копытце в той же стороне пасётся?

— Кто его знает. Может, и он там.

Дарёнка тут и давай проситься:

— Возьми меня, дедо, с собой. Я в балагане сидеть буду. Может, Серебряное копытце близко подойдёт, — я и погляжу.

Старик сперва руками замахал:

— Что ты! Что ты! Статочное ли дело зимой по лесу маленькой девчонке ходить! На лыжах ведь надо, а ты не умеешь. Угрузнешь в снегу-то. Как я с тобой буду? Замёрзнешь ещё!

Только Дарёнка никак не отстаёт:

— Возьми, дедо! На лыжах-то я маленько умею.

Кокованя отговаривал-отговаривал, потом и подумал про себя:

«Сводить разве? Раз побывает, в другой не запросится».

Вот он и говорит:

— Ладно, возьму. Только, чур, в лесу не реветь и домой до времени не проситься.

Как зима в полную силу вошла, стали они в лес собираться. Уложил Кокованя на ручные санки сухарей два мешка, припас охотничий и другое, что ему надо. Дарёнка тоже узелок себе навязала. Лоскуточков взяла кукле платье шить, ниток клубок, иголку да ещё верёвку.

«Нельзя ли,— думает,— этой верёвкой Серебряное копытце поймать?»

Жаль Дарёнке кошку свою оставлять, да что поделаешь. Гладит кошку-то на прощанье, разговаривает с ней:

— Мы, Мурёнка, с дедом в лес пойдём, а ты дома сиди, мышей лови. Как увидим Серебряное копытце, так и воротимся. Я тебе тогда всё расскажу.

Кошка лукаво посматривает, а сама мурлычет:

— Пр-равильно придумала. Пр-равильно.

Пошли Кокованя с Дарёнкой. Все соседи дивуются:

— Из ума выжился старик! Таковую маленькую девчонку в лес зимой повёл!

Как стали Кокованя с Дарёнкой из заводу выходить, слышат — собачонки что-то сильно забеспокоились. Такой лай да визг подняли, будто зверя на улицах увидали. Оглянулись, — а это Мурёнка серединой улицы бежит, от собак отбивается. Мурёнка к той поре поправилась. Большая да здоровая стала. Собачонки к ней и подступиться не смеют.

Хотела Дарёнка кошку поймать да домой унести, только где тебе! Добежала Мурёнка до лесу, да и на сосну. Пойди поймай!

Покричала Дарёнка, но не могла кошку приманить. Что делать? Пошли дальше. Глядят — Мурёнка стороной бежит. Так и до балагана добралась.

Вот и стало их в балагане трое. Дарёнка хвалится:

— Веселее так-то.

Кокованя поддакивает:

— Известно, веселее.

А кошка Мурёнка свернулась клубочком у печки и звонко мурлычет:

— Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Козлов в ту зиму много было. Это простых-то. Кокованя каждый день то одного, то двух к балагану притаскивал. Шкурок у них накопилось, козлиного мяса насолили — на ручных санках не увезти. Надо бы в завод за лошадьёю сходить, да как Дарёнку с кошкой в лесу оставить! А Дарёнка попривыкла в лесу-то. Сама говорит старику:

— Дедо, сходил бы ты в завод за лошадьёю. Надо ведь солонину домой перевезти.

Кокованя даже удивился:

— Какая ты у меня разумница, Дарья Григорьевна. Как большая рассудила. Только забоишься, поди, одна-то.

— Чего,— отвечает,— бояться. Балаган у нас крепкий, волкам не добиться. И Мурёнка со мной. Не забоюсь. А ты поскорее ворочайся всё-таки!

Ушёл Кокованя. Осталась Дарёнка с Мурёнкой. Днём-то привычно было без Коковани сидеть, пока он козлов выслеживал... Как темнеть стало, запобаивалась. Только глядит — Мурёнка лежит спокойнёхонько. Дарёнка и повеселела. Села к окошечку, смотрит в сторону покосных ложков и видит — по лесу какой-то комочек катится. Как ближе подкатился, разглядела,— это козёл бежит. Ножки тоненькие, головка лёгонькая, а на рожках по пяти веточек.

Выбежала Дарёнка поглядеть, а никого нет. Воротилась да и говорит:

— Видно, задремала я. Мне и показалось.

Мурёнка мурлычет:

— Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Легла Дарёнка рядом с кошкой, да и уснула до утра.

Другой день прошёл. Не воротился Кокованя. Скучненько стало Дарёнке, а не плачет. Гладит Мурёнку да приговаривает:

— Не скучай, Мурёнушка! Завтра дедо непременно придёт.

Мурёнка свою песенку поёт:

— Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Посидела опять Дарёнушка у окошка, полюбовалась на звёзды. Хотела спать ложиться, вдруг по стенке топоток прошёл. Испугалась Дарёнка, а топоток по другой стене, потом по той, где окошечко, потом где дверка, а там и сверху запостукивало. Не громко, будто кто лёгонький да быстрый ходит. Дарёнка и думает:

«Не козёл ли тот вчерашний прибежал?»

И до того ей захотелось поглядеть, что и страх не держит. Отворила дверку, глядит, а козёл — тут, вовсе близко. Правую переднюю ножку поднял — вот топнет, а на ней серебряное копытце блестит, и рожки у козла о пяти ветках. Дарёнка не знает, что ей делать, да и манит его как домашнего:

— Ме-ка! Ме-ка!

Козёл на это как рассмеялся. Повернулся и побежал.

Пришла Дарёнушка в балаган, рассказывает Мурёнке:

— Поглядела я на Серебряное копытце. И рожки видела, и копытце видела. Не видела только, как тот козлик ножкой дорогие камни выбивает. Другой раз, видно, покажет.

Мурёнка, знай, свою песенку поёт:

— Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Третий день прошёл, а всё Коковани нет. Вовсе затуманилась Дарёнка. Слезки запекывали. Хотела с Мурёнкой поговорить, а её нету. Тут вовсе испугалась Дарёнушка, из балагана выбежала кошку искать.

Ночь месячная, светлая, далеко видно. Глядит Дарёнка — кошка близко на покосном ложке сидит, а перед ней козёл. Стоит, ножку поднял, а на ней серебряное копытце блестит.

Мурёнка головой покачивает, и козёл тоже. Будто разговаривают. Потом стали по покосным ложкам бегать. Бежит-бежит козёл, остановится и давай копытцем бить. Мурёнка подбежит, козёл дальше отскочит и опять копытцем бьёт. Долго они так-то по покосным ложкам бегали. Не видно их стало. Потом опять к самому балагану воротились.

Тут вспрыгнул козёл на крышу и давай по ней серебряным копытцем бить. Как искры, из-под ножки-то камешки посыпались. Красные, голубые, зелёные, бирюзовые — всякие.

К этой поре как раз Кокованя и вернулся. Узнать своего балагана не может. Весь он как ворох дорогих камней стал. Так и горит-переливается разными огнями. Наверху козёл стоит — и всё бьёт да бьёт серебряным копытцем, а камни сыплются да сыплются. Вдруг Мурёнка скок туда же. Встала рядом с козлом, громко мяукнула, и ни Мурёнки, ни Серебряного копытца не стало.

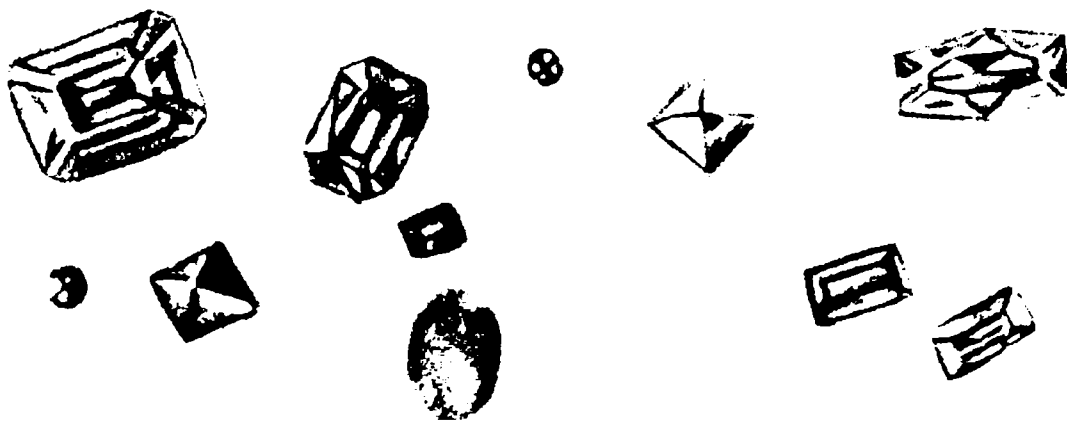
Кокованя сразу полшапки камней нагрёб, да Дарёнка запросила:

— Не тронь, дедо, завтра днём ещё на это поглядим.

Кокованя и послушался. Только к утру-то снег большой выпал. Все камни и засыпало. Перегребали потом снег-то, да ничего не нашли. Ну, им и того хватило, сколько Кокованя в шапку нагрёб.

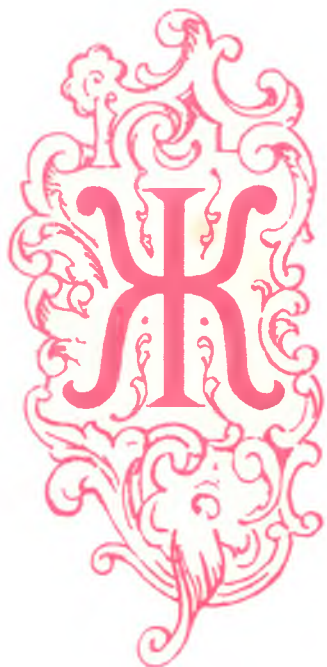
Всё бы хорошо, да Мурёнки жалко. Больше её так и не видали, да и Серебряное копытце тоже не показался. Потешил раз,— и будет.

А по тем покосным ложкам, где козёл скакал, люди камешки находить стали. Зелёненькие больше. Хризолитами называются. Видали?

ПРИНЦЕССА-КОШКА

ил-был король, у которого было три прекрасных сына. Он хотел, чтобы один из них наследовал его трон. И он решил, чтобы выбрать более достойного из них, испытать их ум и храбрость.

Король позвал сыновей и сказал:

— Вы знаете, что я стар и болен для того, чтобы править королевством. Один из вас должен занять моё место. Я отдам трон тому из вас, кто найдёт мне самого преданного друга. Я хочу умную, смелую маленькую собачку. И тот из вас, кто достанет мне самую маленькую собачку, унаследует мою корону.

Принцы были в недоумении, но они слишком почитали отца, чтобы отказаться от этой просьбы.

Каждому из них отец выдал мешочек с золотом и сказал:
— Встретимся через год.

Братья поклялись друг другу оставаться друзьями, независимо от того, кто победит, и разошлись в разные стороны. Каждый пошёл своей дорогой.

С каждым из них приключилась масса приключений, но о том, что произошло с младшим принцем, я вам сейчас расскажу.

Он был умен, красив собой, и ему всегда везло в жизни. Всё, что он делал, он делал хорошо. А ещё он был очень храбр, храбрее, чем стая львов.

И вот однажды вечером, когда молодой принц пробирался в лесу через заросли, начался ураган. Всё вокруг покрылось мраком, и принц заблудился.

Вдруг вдалеке он увидел огонёк и, пойдя на него, увидел волшебный замок. Его двери и окна были украшены сверкающими драгоценными камнями, а стены были хрустальные. На них золотом и серебром были нарисованы сюжеты из волшебных сказок про Золушку, Мальчика-с-пальчика, Спящую Красавицу и других.

Огромный бриллиант был дверной ручкой. Принц постучал, и дверь открылась. Войдя внутрь, он увидел несколько пар рук, держащих подносы с угощениями. Самих людей или их тел не было видно. Удивлённый принц не знал, что делать, и стоял как вкопанный.

Пока он раздумывал, не убежать ли ему отсюда, одна пара рук подхватила его под локоть и повела в глубь замка. Затем, подведя к коралловой двери, его втолкнули внутрь.

Он прошёл через шестьдесят комнат, каждая из которых была украшена волшебными картинами. Везде горели свечи в канделябрах.

Вдруг опять откуда-то появившиеся руки подтолкнули его на середину шестьдесят первой комнаты. Здесь был горящий камин, и рядом с ним стояло кресло. Руки невидимки

быстро сняли с него мокрую одежду и надели сухую, ещё более богатую, чем его прежняя.

Затем его проводили в следующую комнату, где стены были разрисованы различными кошачьими героями: здесь были и кот в сапогах, и три маленьких котёнка, потерявших свои перчатки, и кошка, отправившаяся в Лондон посмотреть на королеву, и ещё множество других.

Посередине комнаты стоял стол, накрытый на двоих и сервированный золотой посудой. Вошла кошка необыкновенной красоты с роскошной белой шерстью. Её сопровождали кошки-слуги, одетые в богатые одежды.

— Здравствуй, молодой принц,— сказала она.— Мы рады видеть тебя в нашем замке.

— Ваше Высочайшее Высочество,— ответил принц.— Я благодарю вас за ваше гостеприимство. Вы поистине самая выдающаяся кошка, которую я когда-либо видел. Ваши речи так учтивы, вкус так изыскан, а убранство вашего дворца выше всяких похвал.

— Молодой принц,— сказала кошка.— Не надо льстить мне, я люблю простые слова и простых людей. Не хочешь ли ты отобедать со мной?

Руки невидимки тут же накрыли на стол и положили в тарелки кушанья: кусочек мышиного пирога для кошки и кусочек пирога с ягодами для принца.

Вид мышиного пирога испугал принца. Ему стало не по себе, и он никак не мог заставить себя съесть хоть кусочек своего кушанья. Словно угадав его мысли, кошка сказала:

— Не беспокойся, принц. Мой повар очень чистоплотный и аккуратный человек. Он знает, что кошки едят мышей, а люди — нет. Ешь свою еду спокойно.

Принц улыбнулся и сразу же всё съел. После ужина они перешли в другую комнату. Там кошки, одетые в балльные костюмы, стали развлекать их испанскими и китайскими танцами. После этого принца увели в спальню и уложили в кровать. Стены в спальне были украшены картинами различных цветов, сделанных из крылышек мотыльков и птичьих пёрышек.

На следующий день рано утром принца разбудил звук горна. Руки невидимого слуги подали одежду для охоты, и он спустился вниз, где его ждал волшебный деревянный конь, который бегал и скакал не хуже настоящего. Сама же принцесса-кошка ехала на охоту верхом на обезьяне. После охоты за обедом принцу поднесли волшебный ликёр, выпив который он сразу же забыл, кто он и откуда, и зачем сюда пришёл. Ему хотелось только постоянно находиться в обществе очаровательной принцессы-кошки.

Они ездили на охоту, удили рыбу, читали и играли на пианино. Они слушали кошачьи оперы и смотрели кошачий балет. И всё время их обслуживали руки невидимого неутомимого слуги.

И вот однажды принцесса-кошка сказала принцу:

— Через три дня ты должен вернуться к отцу и принести ему маленькую собачку.

— О, Господи! — закричал принц. — Как я мог забыть об этом? Но как же я успею достать собачку, купить лошадь и добраться домой? И всё это за три дня.

Принцесса-кошка загадочно улыбнулась:

— Принц, ты мой друг, и я помогу тебе. Мой волшебный деревянный конь домчит тебя до дома за двадцать четыре часа.

— А как же собачка? — спросил принц.

— Вот она, — ответила принцесса и дала ему маленькое зёрнышко.

— Положи его себе в ухо, — велела она.

Он сделал так, и зёрнышко в ухе вдруг тоненько залаяло.

— Не раскрывай это зёрнышко, пока не вернёшься к отцу, — сказала она.

Принц раньше братьев вернулся домой, но вскоре пришли и они. Король появился перед своими сыновьями. Младший принц протянул ему зёрнышко.

— Это для тебя, отец, — сказал он.

Король раскрыл зёрнышко. Из его серединки, обтянутой бархатом, выпрыгнула крохотная собачка, которая была ростом меньше дырочки на булавочной головке. Она, мило поклонившись, станцевала для короля испанский танец. Король был очень рад, но решил дать сыновьям ещё одно испытание.

— Теперь, — сказал он, — принесите мне каждый по платью, которое пролезало бы в игольное ушко. Даю вам срок один год.

Принцы отправились в разные стороны, а младший прямоком в кошачий дворец. Принцесса была очень рада увидеть его и, послушав его рассказ, сказала:

— Не волнуйся, живи спокойно, я всё устрою наилучшим образом.

Так прошёл ещё один год. Однажды принцесса, рано утром разбудив принца, сказала:

— Завтра ты должен вернуться к отцу и принести ему платье. Карета с лошадьми готова, отправляйся в путь. Вот тебе грецкий орех для твоего отца. Открыв его, он найдёт в нём то, что хотел.

— Моя дорогая принцесса,— сказал принц.— Мне так хорошо с тобой, что совсем не хочется возвращаться к отцу. Я не хочу трона, я хочу быть с тобой рядом.

Кошка улыбнулась и сказала:

— Ты должен вернуться. Это твой сыновний долг.

Принц вернулся домой, братья уже были во дворце. Принесённые платья были, безусловно, самыми тончайшими и красивыми. Но когда отец-король попытался протянуть одежду через игольное ушко, у него ничего не вышло. Тогда вперёд выступил молодой принц. Он подал королю грецкий орех. Все заулыбались и подумали, что это просто шутка. Король открыл орех, внутри было бобовое зерно. Он открыл зерно и обнаружил пшеничное зерно. Принц заволновался. Но когда король открыл это зерно и достал из него прелестное королевское платье, все остолбенели, так оно переливалось и сверкало всеми цветами радуги. На нём были изображены все самые диковинные звери, птицы и рыбы на свете. Оно свободно прошло через игольное ушко.

— Я очень рад,— сказал король.— И теперь даю вам последнее задание. Привезите мне прекраснейшую из девушек, которая станет вашей невестой. Даю вам сроку один год.

Принцы опять отправились в путь, а младший прямоком в кошачий дворец.

— Я уже всё знаю,— сказала принцесса-кошка,— и помогу тебе.

Третий год промчался ещё быстрее первых двух. Принц и принцесса-кошка охотились, играли в шахматы и читали вслух волшебные сказки. Наконец настал день возвращаться домой.

— Теперь всё твоё счастье в твоих руках,— сказала кошка.— Я заколдованная принцесса, и ты можешь расколдовать меня.

— Но как? — вскричал принц.

— Отруби мне голову и хвост и сожги их в огне,— сказала кошка.

— Отрубить тебе голову? Ни за что! Ты для меня дороже сотни корон и тронов. Ни один волосок не упадёт с твоей головы!

— Ты должен это сделать,— настаивала кошка.— Нам с тобой будет только лучше от этого.

Принц согласился, и хотя его руки сильно дрожали, сделал всё, что велела кошка. И тут случилось чудо. Перед ним стояла девушка такой неземной красоты, что каждый хоть раз увидевший её тут же влюбился бы в неё без памяти, позабыв про всё и всех. Тут же все слуги кошки тоже превратились в людей. И принцесса рассказала принцу историю своего превращения.

— Я не всегда была кошкой,— сказала она.— Мой отец владел шестью королевствами, а моя мать очень любила путешествовать. Однажды она услышала рассказ о диковинном фрукте, растущем в старинном заброшенном замке, и сразу же отправилась туда. Но ворота замка были наглухо закрыты изнутри, а стены были такие высокие и неприступные, что не было никакой возможности пробраться туда. Королева слегла от болезни, поняв, что ей не удастся отведать диковинного плода. И вот однажды перед ней вдруг появилась старушка.

— Королева,— сказала она.— Я знаю, что тебе так хочется отведать диковинного плода, что ты умираешь без этого. Я со-

гласна принести его, но взамен ты должна отдать мне свою дочь, которую ты вскоре родишь.

— Хорошо,— сказала королева.

— Я наделю твою дочь добротой, мудростью, красотой и благородством, но ты не должна будешь видеть её до тех пор, пока ей не исполнится двадцать лет.

— Ты берёшь с меня суровое обещание, но я согласна,— сказала королева.

Служанка одела её и повела за собой в сад, где стояло диковинное дерево с плодами. Королева отведала плода, и старушка нарвала ей ещё целую корзину и дала с собой.

Вскоре после этого я родилась. Моя мать страшилась своего обещания. Она не могла сказать отцу об этом и впала в глубокую тоску. Отец был очень обеспокоен и долгими расспросами добился от неё правды. Он был вне себя от бешенства. Жёну он велел запереть в тюрьму, а дочь усиленно охранять. Феи рассердились на короля и наслали на его королевство все самые страшные болезни на свете. Каждый день умирали сотни детей, стариков и женщин. Обезумев от ужаса, король обратился к другу-волшебнику и попросил его о помощи.

— Я ничего не могу поделать,— сказал волшебник.— Слово нужно держать.

Отец смирился, он выпустил мою мать из тюрьмы. Она положила меня в золотую колыбель и отнесла феям. Они с радостью приняли меня и отнесли в крепость, которую построили специально для меня. Там было множество прелестных комнат, а крыша была в виде цветущего сада. Дверей в крепости не было, а были только очень высокие окна. Там прошло несколько лет, и феи решили, что мне пора выходить за-

муж. Мужем мне они выбрали короля Тинни. Накануне свадьбы ко мне прилетел мой друг попугай и сказал:

— Бедная маленькая принцесса, как мне жаль тебя!

— Почему? — спросила я.

— Потому что твой будущий муж, король Тинни, — страшный урод и изверг. Он живёт на том же дереве, где и я.

Не успел он это произнести, как вошла одна из фей и сказала:

— Побыстрей собирайся и спускайся вниз. Там пришёл король Тинни, будь с ним полюбезнее.

— Но я не хочу видеть его и выходить за него замуж, — плакала я.

— Глупое дитя, я лучше знаю, кто нужен тебе в мужья. Только посмей послушаться меня!

Я в слезах спустилась вниз и увидела его. Он был величиной не больше попугая, у него были когтистые лапы орла, горб и уродливое лицо злобного карлика. Его нос был острый и длинный, как карандаш. Он хотел поцеловать меня, но я в ужасе убежала и закрылась в своей комнате. Тогда жестокие феи заколдовали меня и моих слуг, превратив нас всех в кошек и котов. Колдовство должно было закончиться только тогда, когда в моём дворце появится молодой принц, который полюбит меня.

— Я люблю тебя больше жизни, — сказал принц. — И хочу жениться на тебе.

Они отправились во дворец, а принцесса спряталась внутри рубинового яичка. Братья принца уже были во дворце, оба с красивейшими принцессами. Когда очередь дошла до младшего, он раскрыл рубиновое яичко, и из него вышла принцесса, затмевающая день и ночь, солнце и луну. Она была одета

в бело-розовые одежды, а её голову украшал венок из диковинных цветов.

— Да,— закричал радостный король.— Только она достойна моего дворца.

— Ваше Величество,— отвечала принцесса.— Я благодарю вас за доверие, но мне не нужен ваш дворец, у меня их целых шесть. Разрешите мне подарить два из них вашим старшим сыновьям, а за младшего выйти замуж и поселиться в оставшихся четырёх дворцах.

Все были счастливы. И тотчас священник обвенчал три молодые пары, которые счастливо прожили всю оставшуюся жизнь.

КОЛА-РЫБА

Мессине, на самом берегу голубого Мессинского пролива, стояла хижина. Жила в ней вдова рыбака с единственным сыном, которого звали Кола.

Когда маленький Кола появился на свет, его приветствовал шум моря. Когда он впервые засмеялся, он засмеялся солнечным зайчиком, прыгавшим на волнах. Едва мальчик научился ходить, он побежал прямо к морю. Игрушками его были высохшие морские звёзды, выкинутые приливом на берег, да обкатанные водой блестящие камешки.

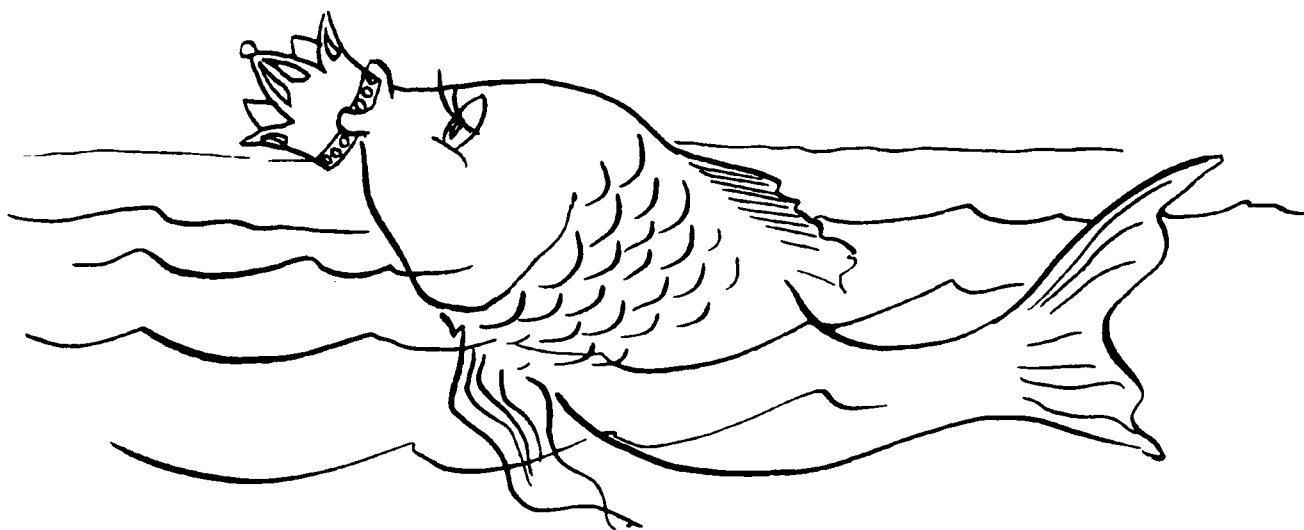
Что же удивительного, что для мальчика море было роднее родного дома!

А мать боялась моря. Ведь оно унесло её отца, брата, а потом и мужа. Поэтому стоило мальчику отплыть хоть немного от берега, мать выбегала из дому и кричала:

— Вернись, Кола! Вернись, Кола!

И Кола послушно поворачивал к берегу.

Но вот однажды, когда она звала его, Кола засмеялся, помахал ей рукой и поплыл дальше.

Тогда мать рассердилась и крикнула ему вслед:

— Если тебе море дороже матери, то и живи в море, как рыба!

Ничего дурного она не желала своему сыну, просто крикнула в сердцах, как многие матери, когда их рассердят дети. Но то ли этот день был днём чудес, то ли услышал её слова злой волшебник, только Кола и впрямь навсегда остался в море. Между пальцами у него выросла перепонка, горло вздулось и сделалось как у лягушки.

Бедная мать, увидев, что натворили её необдуманные слова, заболела с горя и через несколько дней умерла.

Хижина, в которой уже никто не жил, обветшала и покосилась. Но раз в год, в тот самый день, когда у матери вырвалось нечаянное проклятие, Кола подплывал к берегу и с грустью смотрел на дом, куда ему уже больше не вернуться.

В эти дни мессинские рыбаки, их жёны и дети не подходили близко к этому месту. И вовсе не потому, что они боялись человека-рыбу. Кола был их большим другом. Он распутывал рыбацьи сети, если их запутывал морской чёрт-скат, показы-

вал, какой стороной идут косяки рыб, предупреждал о вечно меняющихся коварных подводных течениях. Рыбаки не подходили к старой хижине, чтобы не помешать Кола одолеть своё горе в одиночку. Они ведь и сами так поступали — радость старались встретить вместе, горем не делились ни с кем.

Как-то услышал о Кола-Рыбе король. И захотелось ему посмотреть на такое чудо. Король велел всем морякам зорко глядеть, когда они выходят в море, не покажется ли где Кола. Если увидят его, пусть передадут, что сам король желает с ним говорить.

На рассвете одного дня матрос с парусной шхуны заметил в открытом море, как Кола играет в волнах, словно большой дельфин. Матрос приставил ко рту ладони и закричал:

— Эй, Кола-Рыба, плыви в Мессину! С тобой хочет говорить король!

Кола тотчас повернул к берегу. В полдень он подплыл к ступеням дворцовой лестницы, что уходила прямо в воду.

Начальник береговой стражи доложил об этом привратнику, привратник — младшему лакею, младший лакей — старшему камердинеру, а уж старший камердинер осмелился доложить королю.

Король в мантии и короне спустился до половины лестницы и заговорил:

— Слушай меня, Кола-Рыба! Моё королевство богато и обширно. Всё, что находится на суше, я знаю наперечёт. А что скрыто в моих подводных владениях, не ведомо никому, даже мне. Я хочу, чтобы ты узнал это и рассказал своему королю.

— Хорошо, — ответил Кола и ушёл в морскую глубь.

Когда Кола вернулся, он рассказал много удивительного. Рассказал, что видел на морском дне долины, горы и пещеры.

Рассказал о рощах из разноцветных кораллов, о холодных течениях и горячих ключах, что бьют из расселин морских гор. Рассказал о диковинных рыбах, которых никто никогда не видел, потому что они живут далеко внизу, в вечных зелёных сумерках. Только в одном месте Кола не мог достичь дна — у большого Мессинского маяка.

— Ах, какое огорчение! — воскликнул король. — Мне как раз больше всего хотелось знать, на чём стоит Мессина. Прошу тебя, спустись поглубже.

Кола кивнул головой и снова нырнул — только легонько плеснула волна.

Целый день и целую ночь он пропадал в пучине. Вернулся измученный, усталый и сказал королю:

— Слушай, король, я опять не достиг дна. Но я увидел, что Мессина стоит на утёсе, утёс покоится на трёх колоннах. Что будет с тобой, Мессина! Одна из колонн ещё цела, другая дала трещину, а третья вот-вот рухнет.

— А на чём стоят колонны? — спросил король. — Мы непременно должны это узнать, Кола-Рыба.

— Я не могу нырнуть глубже, — ответил Кола. — Вода внизу тяжела, как камни. От неё болят глаза, грудь и уши.

— Прыгни с верхушки сторожевой башни маяка, — посоветовал король. — Ты и не заметишь, как опустишься на дно.

Башня стояла как раз в устье пролива. В те давние времена на ней, сменяя друг друга, несли свою службу дозорные. Когда надвигался ураган, дозорный трубил в рог и разворачивал по ветру флаг. Увидев это, корабли уходили в открытое море, подальше от земли, чтобы их не разбило о прибрежные скалы.

Кола-Рыба поднялся на сторожевую башню и с её вер-хушки ринулся в волны.

На этот раз Кола пропада́л три дня и три ночи. Только на рассвете четвёртого дня голова его показалась над водой. Он с трудом подплыл к дворцовой лестнице и сел на первую ступеньку.

— Горе тебе, Мессина, настаёт чёрный день, и ты обратишься в прах! — заговорил он, едва отдышавшись.

— Расскажи же скорей, что ты увидел! — нетерпеливо воскликнул король. — Что делается на дне?

Кола покачал головой.

— Не знаю. Я и теперь не добрался до дна. Откуда-то снизу поднимаются дым и пламя. Дым замутил воду, от огня она стала горячей. Никто живой, ни рыба, ни морские звёзды, не могут спуститься ниже, чем спустился я.

— Раньше я тебя просил, а теперь приказываю: что бы ни было там, внизу, ты должен узнать, на чём стоит Мессина.

Кола-Рыба усмехнулся.

— Слушай, король! Ветер и волны не поймаешь даже самой частой сетью. А я сродни ветру и волнам! Мне приказывать нельзя. Прощайте, ваше величество.

Он соскользнул со ступенек в воду и собирался уплыть прочь.

Тут король со злости затопал ногами, сорвал с головы корону и бросил её в воду.

— Что ты сделал, король! — воскликнул Кола. — Ведь корона стоит несметных сокровищ!

— Да, — согласился король, — второй такой короны нет на свете. Если ты не достанешь её со дна, мне придётся сделать то, что делают все короли, когда им нужны деньги. Я обложу

податью всех рыбаков Сицилии, и рано или поздно мои сборщики выколотят из них новую корону.

Кола-Рыба опять присел на ступеньку лестницы.

— Будь по-твоему, король! Ради детей рыбаков я постараюсь достать до дна. Но сердце говорит мне, что я никогда не увижу больше родного сицилийского неба над головой. Дайте мне горсть чечевицы, я возьму её с собой. Если я погибну в глубинах, вы узнаете об этом.

На серебряном блюдечке принесли чечевицу. Кола зажал её плоские зёрна в руке и бросился в море.

Король поставил часовых у того места, где погрузился в воду Кола-Рыба. Семь дней часовые не спускали глаз с морской глади, а на восьмой день вдруг увидели, что по воде плывёт чечевица. Тут все поняли, что Кола больше уже не вернётся.

А вслед за покачивающимися на волнах зёрнами вынырнула удивительная рыба, какой никто никогда не видывал. Верно, одна из тех придонных рыб, о которых рассказывал Кола.

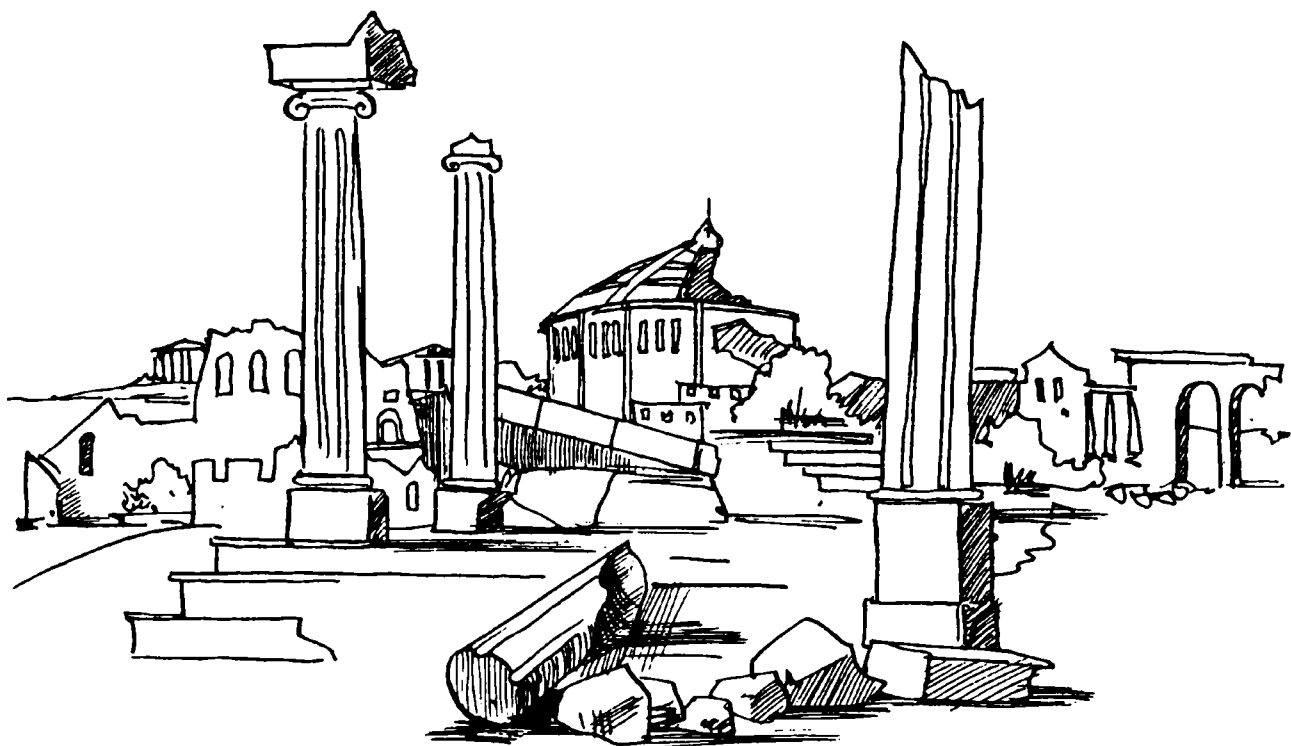
В зубастой пасти она держала драгоценную королевскую корону. Рыба высунулась из воды, положила корону на нижнюю ступеньку лестницы и, плеснув хвостом, исчезла в море.

Никто не знает, как погиб человек-рыба, который пошёл на смерть, чтобы избавить бедняков от беды. Но рассказы о нём передавались от деда к отцу, от отца к сыну.

И вот вправду настал чёрный день Мессины. Всё кругом загудело и затряслось. Горы раскалывались на куски и с грохотом рушились вниз. Земля расступалась, и там, где было ровное место, зияли пропасти.

Вмиг цветущий город превратился в груду развалин. Сбылось пророчество Кола.

Однако люди не ушли из Мессины. Ведь каждому дороже всего край, где он появился на свет и прожил всю жизнь. Оставшиеся в живых выстроили новый город, ещё прекраснее прежнего. Он и сейчас стоит на самом берегу голубого Мессинского пролива.

ЧУБЧИК-РИККИ

ила-была королева, которая родила такого ужасного уроды сына, что все, кто видел его, не могли смотреть без содрогания. Ребёнок родился с пучком волос на голове, который торчал вверх, как пучок сухой травы, никак не хотел приглаживаться и был такой скользкий, как будто его облизала языком корова. Поэтому ребенку и дали имя — Чубчик-Рикки. Но для королевы этот уродец был желаннее всех детей на свете. Волшебница, которая явилась ему на крестины, одарила его необыкновенным умом и предрекла также, что Чубчик-Рикки сможет передавать свой ум всякому, кого он полюбит. Королева была счастлива, услышав предсказания волшебницы.

Через несколько лет королева соседней страны родила двух дочерей. Первая была прекрасна, как солнце, но волшебница, которая присутствовала при родах, сказала, что она, к сожалению, будет, несмотря на это, глупа как пробка. Когда вслед за первой на свет появилась вторая дочь, королева упала без чувств, увидев, какого страшного уродца она родила.

— Не расстраивайтесь, Ваше Высочество,— сказала ей волшебница.— Эта девочка будет так умна и добра, что её уродство никто не заметит.

— Дай Бог,— отвечала королева.— Но нельзя ли дать хоть капельку ума старшей и чуточку красоты младшей,— попросила она волшебницу.

— К сожалению, нет. Единственно, что я могу сделать, это дать ей дар, что она будет передавать свою красоту всякому, кого полюбит.

По мере того как девочки подрастали, одна становилась всё глупее и глупее, а другая уродливее и уродливее. На балах гости всегда поначалу толпились вокруг красавицы, чтобы полюбоваться ею, но, послушав несколько минут её глупую болтовню, переходили к младшей. Кроме того, старшая была такая разиня и неумеха, что постоянно всё роняла, разбивала и ломала вокруг.

Однажды, в одиночестве гуляя по лесу, она повстречала маленького уродливого человечка со смешным чубчиком на голове. Это был принц Чубчик-Рикки, который, однажды увидев портрет принцессы, влюбился в неё без памяти и, оставив своё королевство, отправился в путь, чтобы разыскать её. Почтительным поклоном приветствуя принцессу, он спросил:

— О чём может грустить такая прекрасная особа?

— Я сама не знаю о чём,— ответила глупая принцесса.

— Красота — это такое великое достоинство,— заметил Рикки,— что тому, кто обладает им, не о чем горевать!

— Лучше бы я была уродлива, чем глупа как пробка,— сказала принцесса.

— Я вижу, сударыня, что вы, наоборот, чрезвычайно умны. Ведь только умный человек может признаться, что он не всезнайка.

— Этого я не знаю,— сказала принцесса,— я только знаю, что очень глупа, и это сильно огорчает меня, делая самой несчастной на свете!

— Так это недостаток ума является причиной вашей горести! — воскликнул Рикки.— Я могу помочь вам!

— Каким образом? — удивилась принцесса, раскрыв от удивления рот.

— Я принц Чубчик-Рикки и обладаю даром передавать ум тому, кого люблю всем сердцем. Вы, сударыня, и есть та особа, которую я люблю больше всего на свете. Я дам вам ум, если вы согласитесь выйти за меня замуж.

Принцесса была не в состоянии вымолвить ни слова.

— Я вижу, вы не в восторге от моего предложения,— сказал Рикки.— Но я не принуждаю вас сейчас же выйти за меня замуж. Я даю вам срок — целый год. Подумайте и дайте ответ.

Принцесса была так глупа, и ей так не терпелось поумнеть, что год показался ей целой вечностью. И, боясь, что Рикки передумает, она тотчас же согласилась выйти за него замуж, хотя на самом деле не пылала желанием стать его женой.

Как только она дала это обещание, её пустая голова вдруг поумнела, и она почувствовала в себе способность говорить умные вещи и выражать свои мысли приятным и естественным языком.

Они не заметили, как проболтали с Рикки довольно долгое время. При этом он был поражен, насколько приятно она

вела беседу, и даже подумал, не дал ли он ей больше ума, чем оставил самому.

Затем принцесса вернулась во дворец. Придворные были крайне изумлены переменой, произошедшей в ней. Сочетание красоты и ума, бывшее теперь в ней, делало её невообразимо привлекательной и приятной в общении. Её отец-король даже стал обращаться к ней за советами в государственных делах.

Весь мир облетел слух о перемене, произошедшей в ней. Принцы со всех сторон света стали съезжаться во дворец, чтобы просить её руки. Отец-король не раз говорил ей:

— Дочь моя, тронный зал переполнен высокородными принцами. Реши, наконец, кому из них ты отдашь предпочтение.

Принцесса решила пойти прогуляться в лес, чтобы в одиночестве решить, кто удостоится чести называться её женихом. Но чем человек умнее, тем труднее ему сделать выбор в брачных делах.

Что же решить? Кто будет её избранником?

Вдруг мысли принцессы были прерваны тонкими голосами, которые доносились прямо из-под земли, как будто под ней бегали и ходили тысячи маленьких человечков.

— Увеличь огонь, — сказал один голосок.

Другой ответил:

— Здесь мы поставим столы.

— Где золотой котёл? — спросил третий.

Посмотрев под ноги, принцесса увидела в земле щель, заглянув в которую она обнаружила маленьких эльфов, которые в поварских колпаках готовили различные кушанья.

Каждый из них носил в ухе золотую серёжку в виде маленькой вилочки — отличительный знак их профессии. Распе-

вая весёлые песни, они резали мясо, пекли пироги, взбивали крем.

Крайне удивленная принцесса спросила их, к какому празднеству они всё это готовят?

— К свадьбе,— ответили они.— Завтра Чубчик-Рикки женится на принцессе. После свадьбы будет дан роскошный пир.

Принцесса остолбенела, вдруг вспомнив про своё обещание. Это было как раз год назад. Получив от Рикки ум, она тут же забыла про все свои глупости, которые совершила в жизни.

Вдруг откуда ни возьмись появился сам принц Рикки.

— Принцесса, вы сделали меня счастливейшим человеком на свете. Я пришёл сдержать своё слово. И надеюсь, вы тоже пришли сюда, чтобы сдержать свою клятву и стать моей женой.

— Если откровенно, это не так,— ответила принцесса.— Если бы я имела дело с дураком, я бы ответила вам довольно мягко и туманно, но с вами я должна быть честна. Я не хочу выходить за вас замуж и не захочу никогда.

— Вы смущаете меня, сударыня,— сказал Рикки.

— Даже дураку понятно, что принцесса должна держать своё слово,— перебила его красавица.— Но вспомните, ведь клятву вам давала набитая дура, а я умна и не должна быть в ответе за клятву глупцов.

— Сударыня,— поспешил с ответом Рикки,— вы сказали, что только глупец может попрекнуть вас изменой. Но ответьте мне, могу ли я удержаться от упреков, когда речь идет о счастье всей моей жизни? Справедливо ли требовать, чтобы умные люди терпели больше дураков? Но давайте говорить конкретно: вам не нравится моё уродство? Это вполне понят-

но. Но позвольте спросить, что помимо этого вас отталкивает от меня? Находите ли вы мой род недостаточно знатным или мои манеры недостаточно изящными? Устраивает ли вас мой ум и нрав?

— Все эти качества мне как раз очень нравятся в вас,— возразила принцесса.

— Если это так,— сказал Чубчик-Рикки,— я надеюсь, что буду всё же счастлив, ибо если вы пожелаете, вы можете сделать меня красивейшим мужчиной на свете.

— Что вы имеете в виду? — спросила принцесса.

— Это довольно просто,— ответил Рикки.— Как вы знаете, волшебница наградила меня даром передавать свой ум всякому, кого я крепко люблю, эта же самая волшебница и вам разрешила сообщать вашу красоту тому, кого полюбите вы.

— Если это действительно так,— сказала принцесса,— то всем своим сердцем я желаю, чтобы вы стали самым красивейшим принцем из всех существующих на свете. Я дарю вам дар красоты.

Не успела она это сказать, как Рикки изменился у неё на глазах. Он показался ей самым красивым, самым стройным человеком, которого она когда-либо видела. Она тут же обещала ему свою руку и сердце, если только её отец будет согласен на этот брак.

Они вернулись в замок и попросили у короля благословения. Король-отец с удовольствием согласился иметь такого умного, богатого и красивого зятя.

На следующий день отпраздновали свадьбу. После церемонии бракосочетания в лесу было пышное празднество, которое умный принц давно дал распоряжение готовить.

СЕМЬ ПРИНЦЕВ-ВОРОНОВ

было у одного человека семеро сыновей и ни одной дочки, а ему очень хотелось её иметь. Вот, наконец, жена подала ему добрую надежду, что будет у них дитя; и родилась у них девочка. Радость была большая; но дитя оказалось хилое и маленькое, так что пришлось его крестить раньше срока.

Послал отец одного из мальчиков к роднику принести поскорее воды для крещения; шестеро остальных побежало вслед за ним — каждому из них хотелось первому набрать воды, — вот и упал кувшин в колодец. И они стояли и не знали, что им теперь делать, и никто не решался вернуться домой. Отец ждал их, ждал, а они всё не возвращались, потерял он, наконец, терпенье и говорит:

— Пожалуй, гадкие мальчишки опять заигрались, а про дело забыли.— И он стал опасаться, что девочка помрёт некрещёной, и с досады крикнул:

— А чтоб вас всех в воронов обратило!

Только вымолвил он эти слова, вдруг слышит над головой шум крыльев. Глянул он вверх, видит — кружат над ним семеро чёрных как смоль воронов.

И не могли отец с матерью снять своего заклатья, и как они ни горевали об утрате своих семерых сыновей, но всё же мало-помалу утешились, глядячи на свою любимую дочку. Она вскоре подросла, окрепла и с каждым днём становилась всё красивей и красивей.

Долгое время она не знала, что были у неё братья, — отец и мать избегали говорить ей об этом. Но вот однажды она случайно от людей услышала, как те говорили, что девочка-де и вправду хороша, да виновата в несчастье своих семерых братьев.

Услыхав об этом, она сильно запечалилась, подошла к отцу-матери и стала у них спрашивать, были ли у неё братья, и куда они пропали. И вот, — правды не скроешь, — им пришлось ей объяснить, что это случилось по воле свыше и рождение её было лишь нечаянной тому причиной. Стала девочка каждый день себя попрекать и крепко призадумалась, как бы ей вызволить своих братьев.

И не было ей покоя до той поры, пока не собралась она тайком в дальнюю путь-дорогу, чтоб отыскать своих братьев и освободить их во что бы то ни стало. Взяла она с собой в дорогу на память об отце-матери одно лишь колечко, хлебец — на случай, если проголодается, и скамеечку, чтобы можно было отдохнуть, если устанет.

И пошла она далеко-далеко, на самый край света. Вот подошла она к солнцу, но было оно такое жаркое, такое страшное, и оно пожирало маленьких детей. Бросилась она поскорей от солнца к месяцу, но был он такой холодный, мрачный и злой, и как увидел он девочку, сказал ей:

— Чую, чую мясо человежье.

Она убежала от него и пришла к звёздам. Они были ласковые и добрые, и сидела каждая из звёзд на особой скамеечке. Поднялась утренняя звезда, дала ей костылёк и сказала:

— Если не будет с тобой этого костылька — не разомкнуть тебе Стекло́нной горы, где заточены твои братья.

Взяла девочка костылёк, завернула его хорошенько в платочек и пошла. Шла она долго-долго, пока не пришла к Стекло́нной горе. Ворота были закрыты; хотела она достать костылёк, развернула платок, глядь — а он пустой, потеряла она подарок добрых звёзд.

Что тут делать? Ей так хотелось спасти своих братьев, а ключа от Стекло́нной горы не оказалось. Взяла тогда добрая сестрица нож, отрезала себе мизинец, сунула его в ворота и легко их открыла. Входит она, а навстречу ей карлик, и говорит ей:

— Девочка, что ты здесь ищешь?

— Ищу я своих братьев, семерых воронов.

А карлик ей говорит:

— Воронов нету дома. Если хочешь их подождать, пока они вернутся, то входи.

Потом карлик принёс воронам пищу на семи тарелочках; отведала сестрица из каждой тарелочки по крошке и выпила из каждого кубочка по глоточку, а в последний кубочек опустила колечко, взятое с собой в дорогу.

Вдруг слышит в воздухе шум крыльев и свист. И говорит ей карлик:

— Это летят домой вороны.

Вот прилетели они, есть-пить захотели, стали искать свои тарелочки и кубочки. А ворон за вороном и говорит:

— Кто это ел из моей тарелочки? Кто пил из моего кубочка? Никак человечьи уста?

Допил седьмой ворон до дна свой кубок, тут и выкатилось колечко. Посмотрел он на него и узнал, что то колечко отца-матери, и говорит:

— Дай боже, чтобы наша сестрица тут оказалась, тогда мы будем расколдованы.

А девочка стояла тут же за дверью; она услышала их желание и вошла к ним, — и вот обернулись вороны опять в людей. И целовались они, миловались и весело вместе домой воротились.

ДЕРЕВЯННЫЙ ОРЕЛ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь. И было у царя множество слуг. Да не простых прислужников, а разных мастеров: и столяров, и гончаров, и портных. Любил царь, чтобы и платье у него лучше, чем у других, было сшито, и посуда хитрее расписана, и дворец резьбою украшен.

Мастеров в царском дворце видимо-невидимо было.

Все они по утрам собирались к царскому выходу и ждали, кому какое дело царь на сегодня назначит.

И вот случилось раз, что столкнулись у царского порога золотых дел мастер и столяр. Стокнулись и заспорили — кто из них своё ремесло лучше знает, и чья работа труднее.

Золотых дел мастер и говорит:

— Твоё мастерство невелико, ты над деревом сидишь, деревянные вещи режешь. То ли дело моя работа. Я всё из чистого золота делаю: любо-дорого поглядеть.

А столяр и отвечает:

— Не хитро дорогую вещь сделать, коли золото само в цене. Ты вот из простого дерева сделай такую штучку, чтобы все кругом диву дались. Вот тогда я поверю, что ты мастер.

Спорили они, спорили, чуть до драки не дошли, да в это время царь входит. Услыхал он этот разговор, усмехнулся и приказал:

— Сделайте вы мне оба по диковинке, один из золота, другой из дерева. Погляжу на них и решу, кто из вас лучший мастер.

С царём не поспоришь, коли жизнь дорога. Пошли мастера из дворца каждый к себе: оба крепкую думу думают, как бы друг друга перегнуть в мастерстве.

Дал им царь неделю сроку.

Через неделю приходят оба мастера во дворец, становятся в ряд с другими, ждут царского выхода. И у каждого по свёртку в руках.

Вышел царь и говорит:

— Ну, молодцы, показывайте ваше искусство,— а сам в бороду усмехается. Приказал он позвать в палату и царицу, и молодого сына-царевича.

— Пусть и они на ваши чудеса поглядят.

Сели царь с царицей на лавку, а царевич рядом встал. Вышел вперёд золотых дел мастер.

— Прикажи, царь-батюшка, мне большой чан воды принести.

Принесли большой чан, водой налили.

Развязал мастер свой узелок, вынул оттуда золотую утку и пустил её на воду. Поплыла утка, словно живая: головой вертит, крикает, носиком пёрышки обчищает.

Открыл царь рот от удивления, а царица кричит:

— Да это живая утка, а не золотая! Он, видно, живую утку золотом покрыл!

Обиделся мастер:

— Какая же она живая? Прикажи мне её разобрать по частям и опять на винтики собрать.

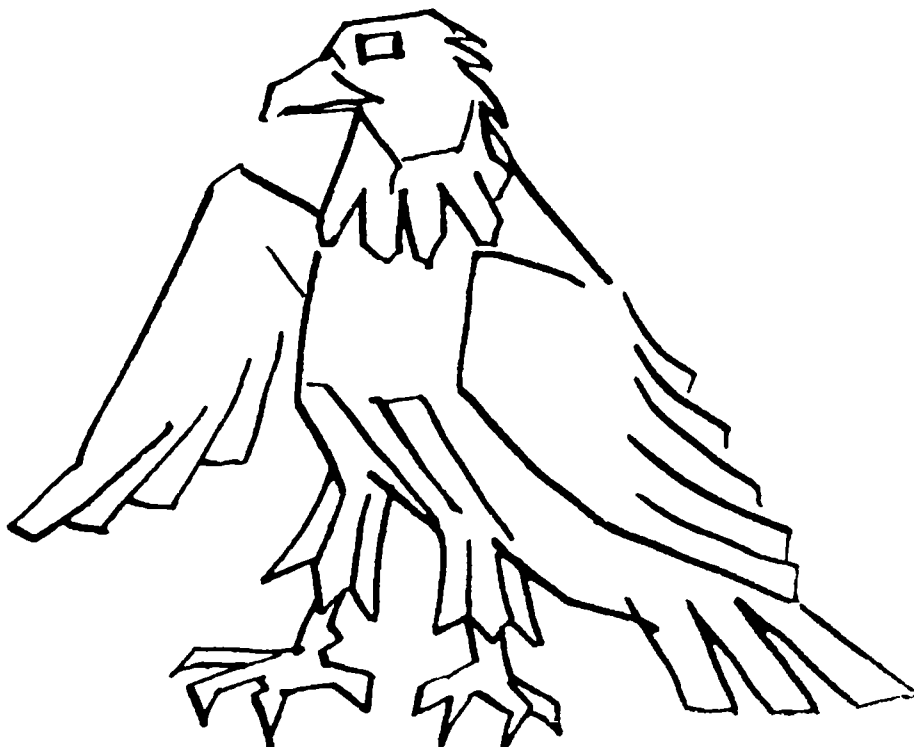
Вынул он утку из чана, сначала ей крылышки отвинтил, потом голову, а после и всю на кусочки разобрал. Разложил на столе, да и давай снова свинчивать. Свинтил, пустил на воду. И поплыла утка лучше прежнего.

Захлопали все придворные в ладоши.

— Ну и мастер! Ну и чудо сделал! Век такого не видывали.

Обернулся царь к столяру:

— Теперь ты своё искусство показывай.

Поклонился столяр:

— Прикажи, ваше царское величество, окошко в этой горнице отворить.

Отворили окошко. Развернул столяр свой узелок, вынимает из него орла деревянного. Да так этот орёл хорошо сделан был, что от живого не отличить. А столяр и говорит:

— Утка-то золотая только по воде плавает, а мой орёл в облака подымается.

Сел столяр на орла верхом и повернул винтик. Поднял его орёл и вынес по воздуху из царской палаты. Кинулись все к окнам, смотрят, рты разинув, а столяр над царским двором в воздухе разные круги делает. Влево повернёт винтик — орёл книзу летит, вправо — подымается. У царя от удивления корона на затылок съехала, глядит он в окошко, оторваться не может. Все кругом словно замерли. Такого мастерства никто не видывал.

Покружил столяр по воздуху и обратно в палату влетает. Поставил орла в сторонку и к царю подходит.

— Ну, как, царь-батюшка, доволен ли моим искусством?

— Слов не нахожу, так доволен,— царь отвечает.— Да как же ты этак умудрился? Да как же ты ему этот винтик пристроил?

Начал столяр всё это царю объяснять, а в это время царица как ахнет, как закричит:

— Куда ты? Куда? Ах, ловите, остановите!

Обернулись все на её голос и видят: пока царь со столяром беседовал, царевич молодой вскочил на орла, повернул винтик — и вылетел из окошка на двор.

— Вернись скорей! Куда ты? Убьёшься! — кричат ему царь с царицей. А царевич махнул рукой, да и перелетел через за-

бор серебряный, которым дворец огорожен был. Повернул он винтик вправо — поднялся орёл за облака и скрылся из глаз.

Царица без памяти лежит, а царь на столяра гневается.

— Это ты нарочно такую штуку придумал, чтобы нашего сына единственного сгубить. Эй, стражники, схватить его и бросить в темницу. А если через две недели царевич не вернётся, вздёрнуть столяра на виселицу.

Схватили стражники столяра и кинули в тёмное подземелье. А царевич на деревянном орле всё дальше и дальше летит.

Любо царевичу. Просторно, вольно кругом. В ушах ветер свистит, кудри развевает, под ногами облака проносятся, и сам царевич — словно птица крылатая. Куда хочет, туда в небе и поворачивает.

К вечеру прилетел он в неведомое царство, опустился на край города. Видит — стоит избушка маленькая.

Постучал царевич в дверь.

Выглянула старушка.

— Пусти, бабушка, переночевать. Я тут чужой человек, никого не знаю, остановиться не у кого.

— Отчего не пустить, сынок. Входи, места много. Я одна живу.

Развинтил царевич орла, связал в узелок, входит к старушке в домик.

Стала она его ужином кормить, а царевич расспрашивает: что за город, да кто в нём живет, да какие в городе диковинки.

Вот и говорит старушка:

— Есть у нас, сынок, одно чудо в государстве. Стоит посреди города царский дворец, а подле дворца высокая башня. За-

перта та башня тридцатью замками, и охраняют её ворота тридцать сторожей. Никого в башню не пускают. А живёт там царская дочь. Как родилась она, так её с нянькой в той башне и заперли, чтобы никто не видел. Боятся царь с царицей, что полюбит царевна кого-нибудь и придётся её замуж на чужую сторону отдавать. А им с ней расставаться жалко: она у них единственная. Вот и живёт девушка в башне, словно в темнице.

— А что, и верно, что хороша царевна? — спрашивает гость.

— Не знаю, сынок, сама не видала, а люди сказывают — такой красоты во всём свете не сыщется.

Захотелось царевичу в запретную башню пробраться. Лёг он спать, а сам всё раздумывает, как бы ему царевну увидеть.

На другой день, как стемнело, сел он на своего деревянного орла, взвился в облака и полетел к башне с той стороны, где окошко в тереме было.

Подлетел и стучит в стекло.

Удивилась царевна. Видит — молодец красоты неописанной.

— Кто ты, добрый молодец? — спрашивает.

— Отвори окно. Сейчас всё тебе расскажу.

Открыла девушка раму, влетел деревянный орёл в комнату. Слез с него царевич, поздоровался, рассказал девушке всё, что с ним случилось.

Сидят они, друг на друга глядят — наглядеться не могут.

Спрашивает царевич, согласна ли она его женой стать.

— Я-то согласна, — говорит царевна, — да боюсь, батюшка с матушкой не отпустят.

А злая мамка, которая царевну сторожила, всё выследила. Побежала она во дворец и донесла, что так, мол, и так, к царевне кто-то прилетал, а теперь этот молодец в доме старушки скрывается.

Прибежала тут стража, схватила царевича и потащила во дворец. А там разгневанный царь на троне сидит, дубинкой об стол стучит.

— Как ты, такой-сякой, разбойник, осмелился мой царский запрет нарушить? Завтра казнить тебя буду!

Повели царевича в темницу, бросили одного и крепкими замками заперли.

Наутро весь город на площадь согнали. Объявлено было, что казнить станут дерзкого молодца, который в башню к царевне проник.

Вот уж и палач пришёл, и виселицу поставили, и сам царь с царицей на казнь глядеть приехали.

Вывели царевича на площадь. А он обернулся к царю и говорит:

— Ваше величество, разрешите мне последнюю просьбу высказать.

Нахмурился царь, а отказать нельзя.

— Ну, говори.

— Прикажите гонцу сбегать в дом к старушке, где я жил, узелок мой из-под подушки принести.

Не мог отказать царь, послал гонца. Принесли узелок.

А царевича в это время уже к виселице подвели, на лесенку поставили. Протянул ему гонец узелок.

Развернул его царевич, вскочил на деревянного орла — да и был таков. Взвился он над виселицей, над царём, над всей толпой.

Ахнул царь:

— Лови его! Держи! Улетит!

А царевич направил орла к башне, подлетел к знакомому окошку, царевну подхватил и перед собой на орла сажает.

— Ну, говорит, теперь нам с тобой никакая погоня не страшна.

И помчал их орёл в родное государство.

А там из подземелья бедный столяр в подзорную трубу глядит, глаз с неба не сводит — не летит ли царевич обратно? Завтра две недели кончатся, висеть столяру на верёвке, коли царский сын не воротится.

И вдруг видит бедный мастер: летит по небу орёл деревянный, а на нём царевич, да не один, а с невестой-красавицей.

Опустился орёл посреди царского двора. Снял царевич с него невесту, к отцу с матерью повёл. Рассказал им, где он пропадал две недели. А те от радости и тревогу свою ему простили.

Великий пир царь устроил. Три месяца свадьбу праздновали.

А всех столяров в том государстве с той поры особо уважать стали.

ГОЛУБОЙ ХОХОЛОК

одном королевстве жил-был вдовый король. Он был несказанно богат, и у него была дочь, которую звали Эйприл, и была она прекрасней весны. Когда ей исполнилось 15 лет, её отец женился вновь. У мачехи была дочь, которую звали Тротти, и была она страшнее самой страшной ночи. Её лицо было как потрескавшаяся кожа барабана, волосы как спутанная пряжа, а тело было жёлтым, как старый воск. Но мачеха обожала свою дочь и желала для

неё всяческого счастья.

Однажды король сказал:

— Пожалуй, наступило время выдать наших дочек замуж.

— Это отличная мысль,— ответила королева.— Моя дочь заслуживает самого красивого и богатого мужа в мире. Она, в отличие от глупой Эйприл, умна и привлекательна. А поскольку она старше Эйприл, то должна первой выйти замуж.

Король согласился, потому что был добр и не любил скандалов. Он пригласил во дворец короля Криспина, самого влиятельного и богатого в мире. Тем временем королева скупала в городе всю материю и нашила Тротти множество нарядов.

Оставшийся материал она сожгла. Таким образом, Эйприл пришлось довольствоваться старыми нарядами.

В тот день, когда ожидали приезда Криспина, королева подговорила злую служанку, и та облила грязью и изорвала в клочья всю одежду Эйприл. Поэтому принцесса вынуждена была спрятаться в самом тёмном углу и оттуда наблюдать за Криспином.

Криспину представили Тротти. Она, одетая в бархат и кружева, выглядела ещё более уродливо, чем когда-либо. Отшатнувшись от неё, король Криспин сказал:

— А есть ли у вас ещё принцесса? Я слышал, её зовут Эйприл.

— Да вот она,— сказала Тротти, показывая пальцем на забившуюся в угол принцессу.

Король посмотрел на неё и тут же влюбился без памяти. Он проговорил с ней целых три часа и, к своей неопишуемой радости, убедился, что она так же умна, как и красива.

Разъярённые королева и Тротти явились к отцу-королю с требованием немедленно заточить Эйприл в крепость. Король, находившийся под каблуком жены, согласился. В это время Криспин, вернувшись домой, постоянно грезил о принцессе. Королева, пробравшись в его королевство и одарив его слуг золотом, велела им говорить Криспину всякие гадости об Эйприл. Один из слуг сказал ему, что она любит убивать кошек и собак, другой — что она ведьма и по ночам летает на метле, третий — что она сумасшедшая. Но Криспин не слушал их ложь. Он приехал в королевство Эйприл в надежде снова увидеть её. Но её нигде не было. Огорчённый Криспин потребовал ответа.

— Отец заточил её в темницу, где она будет находиться, пока её сестра не выйдет замуж, — ответила ему королева.

Криспин тут же вызвал к себе своего верного слугу и сказал ему:

— Речь идёт о моей жизни. Я хочу, чтобы ты узнал, где находится принцесса Эйприл.

Слуга узнал и доложил своему господину. Этот разговор подслушала королева, и у неё родился коварный план. Она подменила Эйприл и посадила вместо неё в темницу Тротти.

Тёмной ночью влюблённый король пробрался в темницу и, пав к ногам пленницы, объяснился ей в любви и попросил её согласия выйти за него замуж. В знак своей искренней любви он надел Тротти на палец (думая, что это Эйприл) обручальное кольцо. Они договорились встретиться завтра снова. Когда наступила следующая ночь, ещё более тёмная, чем прежняя, король Криспин подъехал к темнице в карете, запряжённой быстроногими лошадьми, и помог Тротти вылезти из окна. Он усадил её в карету, и они помчались в его дворец. Он был уверен, что похищает Эйприл. По дороге он спросил, где бы она хотела обвенчаться с ним. Тротти ответила, что у своей крёстной матери, феи Фретфул. Король согласился, и они поехали к замку злой феи. Тротти вбежала внутрь и, кинувшись к крёстной на шею, всё рассказала ей, моля о помощи. Фея вышла навстречу королю и сказала:

— Здесь находится моя крёстная дочь, принцесса Тротти, ты говорил ей, что любишь её и хочешь жениться на ней. Исполни же своё обещание.

— Что?! — закричал взбешенный король. — Я должен жениться на этой глупой уродице? Никогда и ни за что! Она об-

манывает, уверяя, что я обещал жениться на ней. Пусть докажет это!

— А вот и доказательство, глупый король,— сказала Тротти, показывая обручальное кольцо.— Ты сам надел его мне на палец.

— Это обман! — кричал король.— И я докажу это!

Тротти и фея настаивали на женитьбе, умоляли его и грозили, но он был непреклонен. Так они спорили двадцать дней и ночей. Наконец, уставшая фея сказала:

— Криспин, выбирай одно из двух: или я заколдую тебя за твоё непослушание, или ты женишься на моей крестнице.

Криспин ответил:

— Делай, что хочешь, но моей женой станет только принцесса Эйприл.

И в тот же миг он превратился в маленькую птичку с голубыми тонкими пёрышками. Маленький голубой хохолок торчал на её головке, словно корона.

— Отлично,— сказала злая фея.— Ты будешь птицей ровно семь лет, а теперь улетай прочь, окно открыто.

Король полетел прочь от колдовского места, его единственным желанием было найти Эйприл и попросить её подождать семь долгих лет, пока он опять не превратится в человека, и они поженятся.

Фея отослала Тротти назад к матери.

Когда королева узнала, что её план провалился, она совсем обезумела.

— Я отомщу Эйприл за это,— шипела она.

Задумав новый, ещё более изощрённый план, она надела Тротти корону королевы и привела её к Эйприл.

— Вот твоя сестра,— сказала она.— Она только что вернулась со своей свадьбы. Теперь она жена короля Криспина.

И Тротти продемонстрировала бедной Эйприл обручальное кольцо короля. Закричав от тоски, принцесса упала без чувств, а очнувшись, попросила:

— Оставьте меня все, я достаточно уже хлебнула горя. У меня больше нет сил жить.

Все следующие дни и ночи она сидела у окна темницы, тоскуя и плача. А в это время бедный король летал вокруг дворца в надежде увидеть свою любовь. Он боялся поближе подлетать к окнам, чтобы Тротти не увидела его.

Рядом с окном темницы росло огромное цитрусовое дерево. Голубая птичка присела на ветке этого дерева, чтобы отдохнуть. Вдруг она услышала тоскливый голос, молящий о смерти. Узнав этот самый дорогой на целом свете голос, птичка подлетела к окну Эйприл:

— Не грусти, моя дорогая принцесса.

— Кто ты? — воскликнула в изумлении принцесса, глядя на красивую голубую птичку, говорящую человеческим голосом.

— Принцесса, я готов отдать жизнь ради тебя,— ответила странная птица.— Разве ты не узнала меня? Я король Криспин. Фея Фретфул превратила меня в птицу на семь лет, но это не может изменить моей любви к тебе.

— Как же это может быть? Храбрейший на свете король Криспин превратился в такую маленькую птичку?

— Это цена, которую я заплатил за любовь к тебе.

— Любовь? Если бы ты любил меня, ты бы никогда не женился на Тротти. Я видела твоё кольцо у неё на пальце.

— Тротти сказала, что я женился на ней? Она лжёт! Они хотят тебя заставить забыть меня. Они обманом завлекли меня во дворец, а потом предложили мне на выбор: или стать птицей, или жениться на твоей сестре.

Эйприл поняла, что Криспин говорит правду. Она была так рада видеть его, что сразу позабыла про свою неволю. Они проговорили всю ночь, а утром вынуждены были расстаться, чтобы никто не увидел их, пообещав друг другу встречаться каждую ночь у окна. Чтобы доказать Эйприл свою любовь, Криспин слетал в замок и принёс ей в подарок пару бриллиантовых серёжек. На следующую ночь он подарил ей браслет, украшенный громадным изумрудом. Затем он подарил ей часы, сделанные из огромной жемчужины. Каждый день он летал во дворец и приносил принцессе необыкновенные подарки. Вскоре у Эйприл накопилась громаднейшая коллекция драгоценностей. Ночью она надевала их на себя, чтобы понравиться Криспину, а днём прятала их в шкатулки.

Прошло два года. Эйприл больше не тяготило заточение: каждую ночь она встречалась с любимым. Между тем её мачеха продолжала пытаться выдать замуж Тротти. Во все концы страны были разосланы посланники, но как только упоминалось имя Тротти, их отсылали обратно. Королева думала, что это вина Эйприл, и ненавидела её с каждым днём всё больше.

Однажды ночью они с Тротти отправились в крепость поговорить с Эйприл. Подойдя к двери, они услышали птичий голосок.

— Тротти, она обманывает нас! — крикнула королева и ворвалась в комнату.

Быстрее молнии Эйприл закрыла окно, давая птице шанс спастись.

— С кем это ты разговариваешь по ночам? — злобно шипела королева.

— Ни с кем,— спокойно отвечала Эйприл,— я не вижу здесь никого, кроме тех слуг, которых вы мне посылаете.

Но королева и Тротти не слушали её, во все глаза они смотрели на сверкающие бриллианты.

— Откуда у тебя эти драгоценности?

— Я нашла из здесь.

— Ах ты лгунья! Сейчас мы тебя проучим,— пригрозила Тротти.

— Ещё не время,— вставила королева.— Может быть, эти бриллианты она получила от своей доброй матери феи. Наказав её, мы разозлим фею.

Они подослали девочку прислуживать Эйприл и строго-настрого приказали ей смотреть за всем, что происходит в темнице. Эйприл поняла их замысел и не подходила к окну, несмотря на то, что видела, как за ним, тоскуя, кружится голубая птичка.

Целый месяц служанка, не смыкая глаз, следила за Эйприл. Наконец она уснула. Принцесса поспешила к окну и запела:

Голубая птичка, голубая, как небо и море,
Быстрее, быстрее ко мне прилетай!

Криспин тотчас же появился. Всю ночь они проговорили. В течение последующих двух ночей служанка продолжала спать, и счастьем влюбленных ничто не мешало. Но на следу-

ющую ночь она проснулась и притворилась спящей. Свет луны падал на принцессу, разговаривающую с голубой птицей. С рассветом птичка улетела, и служанка сразу же отправилась доложить об этом королеве.

— Это, должно быть, Криспин,— заключила Тротти.

— Как они посмели так провести нас? — закричала королева.— Теперь очередь за нами.

Она велела служанке сделать вид, как будто ничего не произошло. В эту ночь Эйприл опять пела свою песню, но никто не прилетел. Злобная королева дала распоряжение срубить цитрусовое дерево, и, к несчастью, под удар топора попал Криспин. Ему поранили ноги и крылья. Он умирал. Криспин жаждал смерти, думая, что Эйприл предала его, рассказав королеве о его ночных визитах.

К счастью, у него был друг волшебник, который все эти долгие годы продолжал искать его. Восемь раз он обходил вокруг света в поисках своего любимого короля. Теперь на девятый раз он проходил мимо того места, где лежал Криспин.

— О, где ты, дорогой Криспин? — позвал он.

И вдруг с земли ему ответил слабый голос друга:

— Я здесь, посмотри под цитрусовым деревом.

Волшебник взглянул, но увидел только раненую голубую птичку.

— Это я, Криспин, меня заколдовала злая волшебница,— прошептала птица.

Волшебник подхватил её на руки и тихо произнёс несколько волшебных слов. И Криспин поправился. Он рассказал другу обо всём, что с ним приключилось. И о предательстве Эйприл.

— Какая дрянная девчонка,— сказал волшебник,— забудь её. Она не стоит твоей любви. Сейчас я не могу вернуть тебе твоё обличье, но вскоре, я надеюсь, мне удастся сделать это.

— Посади меня в клетку для птиц,— попросил король.

— Разумеется,— ответил волшебник,— но ваше королевство не может обходиться без короля целых пять лет. Мы должны что-то обязательно придумать.

Между тем Эйприл целыми днями звала у окна Криспина. Она очень боялась, что Тротти и королева убили птичку. Она пыталась расспросить их, но они молчали, этим ещё больше терзая её сердце.

Отец Эйприл в это время был тяжело болен. Когда он умер, королевство перешло к Тротти и её матери. Злобные по натуре, они мучили и терзали всех вокруг. Королева умерла от злобы, а Тротти поспешила к своей крёстной матери, спасаясь от мести окружающих. Люди освободили Эйприл из темницы и торжественно короновали её. Даже будучи королевой, Эйприл целыми днями думала о Криспине.

Однажды, оставив вместо себя лорда-советника, она надела все свои драгоценности, подаренные им, и отправилась на поиски своей любимой птички.

Волшебник прилагал все усилия, чтобы превратить Криспина в человека, но у него ничего не получалось. Наконец, он решил пойти к Фретфул и попытаться договориться с ней. Он предложил ей вернуть Криспину человеческое обличье, а взамен обещал уговорить Криспина подумать о женитьбе на Тротти. Фретфул согласилась. Она одела Тротти в серебро и золото и отправила к Криспину. Вновь увидев её, король не мог сдержать отвращения. Проходили день за днём, а он всё больше ненавидел её.

А в это время Эйприл, одетая как бедная крестьянка, искала его повсюду. Однажды, сидя у ручья, она отдыхала в тени деревьев. Вдруг откуда ни возьмись появилась пожилая женщина и спросила:

— Что ты тут делаешь, дорогая?

— Я ищу голубую птичку, — ответила грустная Эйприл и поведала ей свою историю.

Вдруг пожилая женщина превратилась в красавицу волшебницу.

— Любезная Эйприл, — сказала она, — моя сестра Фретфул уже расколдовала Криспина. Он в своём дворце, и если ты храбра, у твоей истории будет счастливый конец. Вот тебе четыре яйца. Когда с тобой приключится беда, разбей одно из них — оттуда придёт помощь.

Эйприл поблагодарила волшебницу и поспешила во дворец к Криспину. Через семь дней и ночей она добралась до огромной хрустальной горы. Как ни пыталась она влезть на неё, всё было бесполезно. Наконец она вспомнила об яичках и разбила одно из них. Внутри она обнаружила маленькие золотые шипы, которые приделала к туфелькам и легко забралась на гору. Но как же спуститься? Она разбила второе яичко. Оттуда выпала карета, запряжённая двумя голубями. На глазах у Эйприл карета стала большой. Эйприл села в неё и попросила:

— Маленькие птички, домчите меня скорей до королевства Криспина.

Через несколько минут карета остановилась у ворот. Вымазав лицо сажей, чтобы никто не узнал её, Эйприл спросила у стражников, где она может найти короля.

— Сегодня вечером он публично объявит о своей помолвке с принцессой Тротти,— сказали они.

Сердце Эйприл заняло: «Тротти! Пока я беспокоюсь о нём, он решил жениться на этой глупой уродице. Он забыл все свои обещания!» И она отправилась на королевскую площадь. Вскоре там появилась и Тротти, богато одетая, но ещё уродливее, чем прежде. Эйприл подошла к ней.

— Кто эта грязная крестьянка, которая пачкает мне платье? — вскрикнула Тротти.

— Я принесла вам подарок,— сказала Эйприл и достала изумрудный браслет, подаренный Криспином. Глаза Тротти жадно заблестели.

— Я дам тебе за него пятьдесят центов,— предложила она.

— Покажите его оценщикам и тогда можно будет поговорить о цене,— ответила Эйприл.

Тротти с нетерпением побежала к королю. Он был удивлен, увидев знакомый браслет.

— Я знаю всего лишь один браслет на свете, но, может быть, их два. Купи его.

Тротти вернулась к Эйприл:

— Сколько ты за него хочешь?

— Тебе не хватит всего золота мира. Но если хочешь, можешь оставить его себе в обмен на ночь, проведённую в комнате над королевской опочивальней.

— И всего-то,— обрадовалась Тротти.

Дело было в том, что всё, что ни говорилось в этой комнате, было слышно в спальне. И всё, что ни делалось в спальне, было слышно в этой комнате. Поздно ночью, стоя посреди комнаты, Эйприл произнесла:

— Неужели ты забыл меня? Ведь ты клялся мне в любви, а теперь моё место заняла Тротти.

Слуги слышали это, а король нет. Потому что с тех пор, как он покинул Эйприл, каждую ночь Криспин принимал снотворное. Эйприл не знала, что и думать, когда не услышала ответа. В отчаянье она разбила третье яйцо. Внутри его оказалась золотая карета, которой управляла маленькая мышь. Вместо лошади был большой серый кот. Четыре маленьких клоуна сидел внутри.

Вечером Эйприл показала Тротти эту вещицу.

— Сколько ты хочешь за неё?

— За деньги это не купишь. Разреши мне провести ещё одну ночь в той же комнате.

Жадная Тротти согласилась.

Этой ночью Эйприл напоминала королю об их прежних счастливых днях, но её слова остались без ответа. Король крепко спал. В отчаянье Эйприл разбила четвертое яйцо. Оттуда вылетели четыре маленьких игрушечных птички. Они могли петь, как живые, могли предсказать судьбу и были сведущи в медицине. Как только Эйприл вышла из комнаты, слуги сказали ей:

— Это ты так шумишь в комнате над королевской спальней? Хорошо, что король принимает снотворное и не слышит тебя. А то бы непременно он прогнал тебя.

Наконец-то Эйприл поняла, почему Криспин не отвечает ей. Достав из сумки все свои драгоценности, она предложила слугам:

— Если сегодня вместо снотворного вы дадите королю обычные пилюли, всё это будет вашим.

Слуги согласились. Затем принцесса пошла к Тротти и показала ей волшебных птиц.

— Сколько же они стоят?

— Плата прежняя.

Наступила ночь. Эйприл шептала у окна:

— Я вытерпела столько несчастий. Я забросила королевство и свой народ. Неужели ты действительно забыл меня?

Поначалу Криспину показалось, что он бредит. Он закричал:

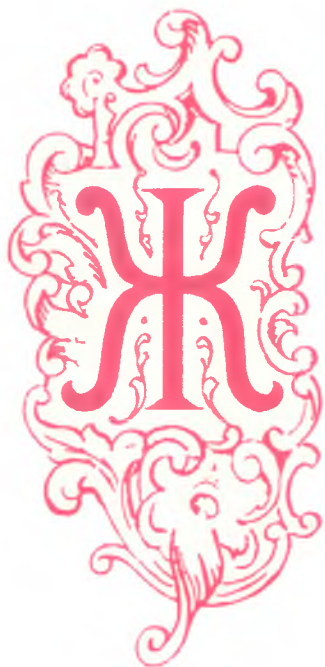
— Это жестокий сон, напоминающий мне о принцессе, предавшей меня.

И тут Эйприл рассказала ему обо всём, что произошло. Счастливый король вбежал в комнату и пал к её ногам, моля о прощении. Появившаяся в комнате Тротти, увидев это, умерла от злости. А король Криспин и принцесса Эйприл поженились и прожили вместе счастливо много-много лет.

КОРОЛЕВСКИЙ БАРАН

ил-был король, и у него было три дочери. Все они были очень красивы, но прекраснее всех была младшая. Её звали Ванда, и она была отцовской любимицей. Ей всегда дарили больше всех подарков и меньше всех запрещали проказничать.

Однажды король ушёл на войну. Услышав, что он победил и возвращается домой, дочери принарядились к его приезду: старшая надела зелёное с изумрудами платье, средняя — голубое с бирюзой, а младшая — белое с бриллиантами. Радостный король вернулся, и начался пир. Подозвав старшую дочь, отец спросил её:

— Скажи мне, почему ты надела зелёное платье?

— Ваше Величество, я услышала о вашей великой победе и надела зелёное платье, чтобы показать мою гордость за вашу храбрость и счастье по поводу вашего счастливого возвращения.

— Отлично сказано,— улыбнулся король.— А ты, моя средняя, почему сегодня в голубом?

— Ваше Величество, я надела голубое платье, чтобы показать, как мы волновались за вас. Ваше возвращение подобно ясному голубому небу в солнечный день.

— Прекрасно,— сказал король.— А ты, дорогая Ванда, почему выбрала белый цвет?

— Потому, что он мне идёт,— ответила принцесса.

— И только-то? — спросил разочарованный король. Он был очень себялюбив и темпераментен, и ему нравилось, когда дочери преклонялись перед ним.— Есть ли у тебя другая причина?

— Отец, моя причина — быть настолько привлекательной, насколько возможно. Мы, твои дочери, любим тебя и должны делать всё, чтобы радовать твой взор.

— Воистину умный ответ! — воскликнул король.— А теперь расскажите-ка мне, что вам снилось прошлой ночью.

Первая дочь сказала, что ей снилось, что отец привёз ей платье, затканное золотом и драгоценными камнями. Средняя — что он подарил ей золотую пряжку с серебряными спицами. А младшая сказала:

— Мне снился день свадьбы моей средней сестры, и вы, отец, подозвали меня и сказали: «Подойди, я обмою тебе руки розовой водой».

Разъярённый король вскочил с трона:

— Эта девица глупа и горда! Она думает, что я могу быть её слугой, а ведь я — король!

Он вызвал охрану и приказал:

— Вы всё слышали. Видите, какие козни плетёт Ванда? Уведите её в глухой лес и изрубите на куски. А в доказательство смерти принесите мне её сердце и язык.

Стражники были в ужасе, но они боялись короля и обещали, что в точности выполнят его приказ. Затем, схватив принцессу, повели её в лес. Увидев в глазах стражников слёзы, принцесса спросила:

— Что-то случилось? Расскажите мне, я постараюсь помочь.

— Госпожа, нам дано ужасное задание, ваш отец приказал убить вас.

Ванда побледнела.

— Он действительно распорядился убить меня? Я знаю вас с детства и не сделала вам ничего дурного. Я люблю и почитаю своего отца.

— Госпожа, мы не можем убить вас, но мы также не можем оставить вас здесь. Бегите, а мы постараемся обмануть вашего отца.

Ванда поблагодарила стражников и поспешила в лес. Она шла и шла, пока не наступила полночь. Ветви деревьев рвали на ней одежду и царапали лицо. Она почувствовала смертельную усталость и голод. Остановившись, она услышала вдали блеяние овцы. «Может быть, это хижина лесника? — подумала она.— Попробую-ка я попросить у них одежду, ведь моя изорвалась в клочья, а мне предстоит ещё долгий путь». Она направилась на голос овцы и вскоре пришла к большому загому. Там на ковре из лепестков душистых цветов стоял огромный белоснежный баран, украшенный золотой цепью с драгоценными камнями. Над ним возвышался золотой шатёр, а вокруг него находились сотни украшенных овец и баранов. Вместо травы они ели клубничное мороженое с шоколадным кремом и запивали его лимонадом. Невдалеке стояли два карточных стола, за которыми овцы играли в покер. Изумлённая

принцесса застыла на пороге. Бараний король предложил ей войти.

— Расскажи мне, что привело тебя к нам.

— Я вынуждена была убежать из дома, так как отец хотел убить меня.

— Оставайся с нами,— сочувственно произнёс баран.

Слуги-бараны внесли громадную тыкву. Она была выдолблена изнутри и отделана белоснежным бархатом. Бараний король взял Ванду за руку и помог войти ей внутрь. Затем слуги-бараны подняли тыкву и понесли её к высокому холму, где находилась пещера. Бараний король открыл дверь ключом.

— Не пугайся, принцесса, и следуй за мной.

Ступенька за ступенькой спускались они по винтовой лестнице в глубь пещеры, и вдруг перед ними открылся волшебный сад, полный цветов и сверкающих фонтанов. Вместо воды в них были заморские напитки. На деревьях висели диковинные фрукты, и кроме того, на ветках раскачивалась аппетитная ветчина, свежезажаренные цыплята, ноздреватый сыр и благоухающие раки. Лепестки цветов были сделаны из шоколада и карамели. Вся еда была как будто специально приготовлена к их приезду.

Вдоль аллеи стояли золотые, усыпанные драгоценными камнями домики. Выбрав самый красивый, король-баран сказал:

— Здесь ты можешь жить спокойно. Любое твоё желание будет тотчас же выполняться.

— Как вы добры ко мне, Ваше Величество,— ответила принцесса.— Но мне тут так непривычно, что я лучше бы вернулась домой.

— Останься хотя бы выслушать мою историю,— попросил бараний король.— Я сын очень богатого и знатного короля. Однажды на охоте мои слуги отстали от меня. Я выехал на опушку леса и увидел озеро с чистой водой. Подойдя к нему напиться, я вдруг обнаружил, что вода в озере горячая, а не холодная. Пока я в раздумье смотрел на воду, из середины озера вдруг взвился огненный столб, который, подхватив меня, увлёк за собой. На дне озера я увидел злую фею по имени Рэгтадж. Она, увидев меня, закричала: «Теперь ты будешь моим пленником, я превращу тебя в барана!» Мановением волшебной палочки она превратила меня в моё теперешнее обличье. Все овцы и бараны вокруг тоже её пленники. Это несчастные добрые люди, которые однажды прогневали эту злючку.

Ванда с удивлением выслушала его рассказ и согласилась остаться погостить. Вскоре она заметила, что король Баран не только приятен, но и очень умён. Он искренне любил её, и его чувство не осталось без ответа. Он говорил ей, что надеется однажды опять стать человеком, и тогда он увезёт её в своё королевство, где они будут счастливо жить вместе.

Они охотились, музицировали и болтали обо всём на свете. Так прошло некоторое время. Однажды до принцессы дошло известие, что её старшая сестра выходит замуж.

— О, как бы мне хотелось увидеть эту свадьбу,— мечтала Ванда.

— Мы можем это запросто сделать! — сказал бараний король.— Но обещай мне вернуться назад.

Ванда обещала и в ту же минуту оказалась в дворце у отца. Все придворные, не узнав её, недоумевали: кто же эта богатая красавица? Король-отец тоже не узнал её, поскольку

был уверен, что его дочь умерла много лет назад. После церемонии бракосочетания она исчезла. Король был опечален этим и приказал своим слугам:

— Как только опять появится незнакомка, закройте её в тронном зале. Я хочу узнать, кто она такая.

Через некоторое время вторая сестра Ванды решила выйти замуж. Ванда опять попросила короля Барана отпустить её домой.

— Я обещаю тебе,— сказала она,— сразу же вернуться сюда.

После церемонии бракосочетания она собралась уехать домой, но, к своему ужасу, обнаружила, что все двери закрыты. Вдруг вошёл король и сказал:

— Не бойся, красавица. Я хочу, чтобы ты вместе с другими гостями осталась на банкет. Я пойду сам обмою тебе руки розовой водой.

Ванда вдруг вспомнила свой сон, который послужил причиной её несчастий, и вскрикнула:

— Видишь, отец, сон сбылся, и от этого никому не стало плохо.

Король припал к её ногам и стал молить о прощении. Он сказал ей:

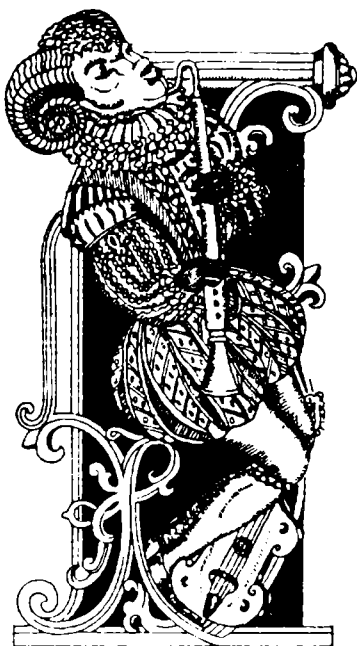
— Ты очень мудра. Будь же ты королевой вместо меня!

Все были счастливы, и пир продолжался много дней. Между тем король Баран всё ждал и ждал принцессу Ванду и, наконец, понял, что она не вернётся.

— Я слишком уродлив, она ушла навсегда,— плакал он.— Но я не могу жить без неё. О, злая фея, зачем ты заколдовала меня!

Он печально побрёл ко дворцу отца Ванды. Стража у ворот побила его палкой. Он упал в тоске у дворцовых ворот и умер.

Ванда же забыла от радости встречи с родными обо всём на свете. Она смеялась, пела и танцевала. Вдруг отец предложил всем выйти к дворцовым воротам и полюбоваться фейерверком. Когда они подошли к ним, Ванда вдруг с ужасом увидела на земле бездыханное тело своего любимого барана. Она подбежала к нему и начала его целовать, но он не очнулся - он был мёртв. Она горько заплакала, поняв, что потеряла навсегда своего возлюбленного. Так однажды наша радость уходит, сменяясь печалью.

ПРИНЦ И ДОЧЬ ВЕЛИКАНА

авным-давно, когда на земле ещё не перевелись великаны, в Тетертауне правил король, и был у него сын Айен. Как-то раз королевич пошёл на охоту. Вдруг видит — на дереве змея. Подкралась к ворону и вот-вот укусит его. Айен схватил свою пращу, запустил в змею камнем, и она мёртвая свалилась на землю. А ворон в тот же миг превратился в красивого юношу с чёрными блестящими волосами и тёмными глазами. Он с благодарностью посмотрел на своего спасителя и сказал:

— Тысячу раз благодарю тебя, королевич, за то, что ты меня расколдовал, и я из ворона стал опять человеком. Вот возьми этот узелок и ступай своей дорогой,— тут юноша протянул Айену какой-то предмет с острыми углами, завёрнутый в тряпку.— Но помни: узелок развяжи только там, где тебе больше всего хотелось бы жить.

И юноша скрылся из виду за гребнем горы.

Королевич пошёл домой, но ему не терпелось узнать, какой подарок он получил. Узелок был очень тяжёлый, и когда

Айен подошёл к густому тёмному лесу, что рос за несколько миль от его отчего дома, он решил присесть и отдохнуть.

«Ну теперь уж, наверное, ничего страшного не случится, если я только загляну в узелок и посмотрю, что там такое», — подумал королевич.

Не утерпел и развязал узелок. И вдруг перед Айеном возник огромный замок, какого он в жизни не видывал. Башенки замка вздымались выше самых высоких деревьев, а вокруг него раскинулись пышные цветники и зелёные сады.

Айен прямо залюбовался этим замком. Но вдруг сообразил, какую глупость сделал, что не поборол любопытства.

«Надо мне было подождать до той красивой зелёной лощины, что напротив нашего дома, — сокрушался он. — Ведь больше всего мне хотелось бы жить там. Эх, если б можно было опять завернуть замок в тряпку и отнести туда!»

И вдруг послышались чьи-то шаги, да такие тяжёлые, что даже деревья в лесу закачались. Ветви их трепетали, земля тряслась, и вот уже вдали показался громадный великан с огненно-рыжими волосами и бородой.

— Напрасно ты построил себе дом здесь, королевич, — заревел он. — Ведь эта земля моя!

— А мне вовсе и не хочется, чтобы дом мой стоял здесь, — молвил Айен — Да только не могу я опять завернуть его в тряпку и унести.

Тут великан ухмыльнулся в свою рыжую бороду и сказал:

— Какую награду дашь ты мне, королевич, если я сам заверну твой замок в тряпку?

— А какой награды ты просишь? — спросил Айен.

— Отдай мне своего первенца, когда ему исполнится семь лет, — ответил великан.

У Айена пока не было ни жены, ни детей, и он охотно согласился:

— Только-то? Пожалуйста! Первенца моего ты получишь.

Великан тотчас схватил замок вместе с пышными цветниками и зелёными садами и завернул всё это в тряпку, а корольевич взял узелок и отправился домой.

Как только Айен дошёл до красивой зелёной лощины, что была перед его отчим домом и где ему так хотелось жить, он тотчас развязал узелок. И вот в лощине возник замок, а вокруг него раскинулись пышные цветники и зелёные сады. Айен очень обрадовался. Распахнул огромную дверь замка и вошёл в большой зал. В зале стояла красивая девушка с ясными глазами. Она улыбнулась Айену и сказала:

— Подойди ко мне, корольевич! Всё здесь к твоим услугам, если ты согласен жениться на мне сегодня же вечером.

Корольевич был рад жениться на такой красавице. Их тут же обвенчали, и они мирно и счастливо зажили в своём новом замке, а когда старый король скончался, Айен стал правителем Тетертауна. Вскоре у королевской четы родился сын, но Айен и думать позабыл о своём опрометчивом обещании великану.

Прошло семь лет и один день. И вдруг деревья в зелёных садах закачались, земля затряслась, и великан с огненно-рыжими волосами и бородой подошёл к замку требовать своей награды.

Королева выглянула в окошко, увидела великана и спросила короля:

— Милый мой муж, что ему здесь нужно, этому страшному рыжему великану?

— Горе мне! — ответил Айен. — Он пришёл за нашим первенцем.

И, сокрушённый, он поведал жене про свою встречу с великаном семь лет назад.

— Позволь мне уладить дело, — сказала королева. — Я придумала, как помочь горю.

Между тем великан ревел всё громче, требуя обещанного, и Айен крикнул ему в ответ:

— Сейчас пришлю тебе своего сына. Мать одевает его в дорогу.

А королева приказала привести сынишку повара. Он был ровесник маленького принца, и она решила отдать великану этого мальчика вместо своего сына. Ведь она думала, что великана обмануть не трудно.

Она одела сынишку повара в платье принца и отвела к великану. Великан ушёл вместе с мальчиком, но ещё не успел далеко отойти, как подумал: «А вдруг этот мальчишка вовсе не маленький принц?» И вот он отломил от орехового куста толстый прут, подал его сыну повара и спросил:

— Что сделает твой отец с этим прутком, если возьмёт его в руки?

— Должно быть, отгонит собак и кошек, что подбираются к мясу на королевской кухне, — ответил мальчик.

Так великан узнал, что этот мальчик не королевский сын, и в страшном гневе повернул обратно к замку. Король с королевой увидели великана и догадались, что им не удалось его обмануть. Но королева всё-таки не сдалась. Она позвала сынишку дворецкого, тоже семилетнего мальчика. Пока великан нетерпеливо ждал на дворе, королева одела сынишку дворец-

кого в платье принца и отослала его великану вместо своего сына.

Великан увел мальчика, но ещё не успел отойти далеко, как снова решил узнать, правда ли ему отдали маленького принца, а не кого-то другого. Он опять отломил прут от орехового куста, подал его мальчику и спросил:

— Что сделает твой отец с этим прутом, если возьмёт его в руки?

— Должно быть, отгонит кошек и собак, если те близко подойдут к королевским бутылкам и стаканам,— ответил сын дворецкого.

Так великан узнал, что и этот мальчик не королевский сын, и повернул назад к замку в ещё более страшном гневе.

— Давайте мне своего сына! — заревел он, да так громко, что затряслись самые высокие башенки.— А если и на сей раз не отдадите,— камня на камне не останется от вашего замка!

Делать нечего. Как ни горько было королеве, она знала, что в третий раз ей великана не перехитрить.

В это время маленький принц играл со своим щенком во дворе. Королева, заливаясь слезами, позвала его и отвела к великану. А тот, как завидел мальчика, сразу узнал, что он королевский сын, — очень уж он был красивый и держался гордо.

Вместе они прошли длинный путь от королевского замка до великанова дома. Дом этот стоял на берегу озера с тёмной водой. Здесь принца радушно встретили, и здесь он остался жить.

Проходили годы, принц вырос, стал сильным, красивым юношей.

Как-то раз утром он пошёл в горы на охоту, а когда возвращался, услышал, подходя к дому, тихое пение. Он поднял голову и увидел в самом верхнем окошке красивую девушку с золотисто-рыжими волосами.

— Прекрасная девушка, кто ты? — спросил он, и в душе его сразу вспыхнула любовь к ней.

— Я младшая дочь великана, — ответила она, — и часто на тебя любовалась, когда ты проходил по дому моего отца.

Принц, не долго думая, признался ей в любви, и дочь великана ответила, что для неё нет большей радости, чем стать его женой.

— Но слушай внимательно, что я тебе скажу. От этого зависит наше будущее счастье, — молвила она. — Завтра отец предложит тебе жениться на одной из моих двух старших сестёр. А ты откажись и скажи, что хочешь жениться на его младшей дочери. Отец разгневается, но я дело улажу, и всё будет хорошо.

И правда, на другой же день великан позвал принца и предложил ему выбрать себе в жёны одну из его двух старших дочерей. Но принц не забыл наказа красавицы и сказал великану:

— Я хочу жениться на твоей младшей дочери.

Великан страшно разгневался — ведь младшая дочь была его самым дорогим сокровищем, и он прочил её за могущественного короля, что правил соседним королевством. И он сразу придумал, как отомстить принцу за столь дерзкую просьбу.

— Многого ты просишь, принц, — сказал он и хитро ухмыльнулся в свою рыжую бороду. — Такое сокровище, как моя младшая дочь, даром не получишь. Если хочешь на ней

жениться, сперва сделай три дела, какие я тебе поручу. А не сумеешь, потеряешь не только мою дочь, но и жизнь свою. Ну, что скажешь? Согласен ты рискнуть жизнью ради своей прихоти?

— Охотно,— ответил принц.— Ведь без этой прихоти, как ты говоришь, жизнь моя будет всё равно что потухший очаг.

На другой день великан ушёл на охоту, а перед уходом задал принцу первую задачу — велел ему вычистить громадный хлев во дворе. В этом хлеву стояло сто коров, и его не чистили семь лет.

— Я вернусь вечером,— сказал великан.— К тому времени хлев у тебя должен быть таким чистым, что покати по нему золотое яблоко — из конца в конец прокатится, ни за что не зацепится. А не вычистишь, уж я попыю твоей кровушки!

Принц выслушал эти слова, и сердце у него упало. Однако наутро он встал рано, пошёл в хлев и принялся за работу, хоть и видел, что её не закончить. Но как только великан вышел из дому и скрылся за горами, младшая его дочь прибежала к принцу и стала его утешать.

— Не горюй! — говорит.— Я же тебе сказала, что всё будет хорошо. И не тревожься! Приляг вон там за дверью, под тенистым деревом и спи себе.

Принц послушался. Лёг под тенистым деревом и, хоть и был беспокоен, крепко заснул. Проснулся он уже в сумерках. Посмотрел — девушки и след простыл. Но хлев был вычищен, да так хорошо, что покати по нему золотое яблоко — и оно из конца в конец прокатится, ни за что не зацепится.

Немного погодя великан вернулся, увидел, что принц выполнил первое его поручение, и в досаде нахмурил свои рыжие лохматые брови.

— Как тебе это удалось, не знаю,— говорит.— Но раз дело сделано, придётся мне задать тебе вторую задачу.

И он приказал принцу:

— Завтра покрой этот хлев кровлей из птичьих перьев. Все они должны быть разных цветов — так, чтобы даже двух одинаковых не было. На это уйдёт тысяча тысяч разных птиц. А не сумеешь, я, как вернусь, вволю поплю твоё кровушки.

Наутро солнце взошло рано, а принц ещё раньше взял лук и стрелы и отправился на торфяные болота, чтобы настрелять птиц и набрать перьев для кровли. Но он не надеялся на удачу. Да ему и не повезло — к полудню он подстрелил только двух чёрных дроздов, но перья у них были одинакового цвета. И вдруг к нему подошла младшая дочь великана и говорит:

— Не горюй! Я же тебе говорила, что всё будет хорошо. И не тревожься. Приляг вон там, на душистый вереск и спи себе.

Принц послушался, хоть и подумал, что как проснётся он, так ему и конец придёт. Он лёг на вереск и заснул крепким сном. Когда он проснулся, сумерки уже спускались на болото, а великановой дочери и след простыл. Тогда принц вернулся домой и прямо диву дался, увидев, что хлев уже покрыт кровлей из птичьих перьев. Тысяча тысяч разных перьев сверкали там, отливая всеми цветами радуги. Тысяча тысяч разных птиц ушло на эту кровлю.

Великан увидел, что и второе его поручение выполнено, и разгневался пуще прежнего.

— Как ты сделал это, не знаю,— сказал он.— Но раз уж дело сделано, придётся задать тебе третью задачу. Завтра принеси мне к обеду пять сорочьих яиц, что лежат в гнезде

на верхушке ели у озера. Принесёшь, я в тот же вечер задам пышный свадебный пир.

Наутро принц пошёл к озеру, когда предрассветный туман ещё лежал на воде. Ель была такая могучая, что верхние её ветви упирались в облака. Высоко-высоко на этих ветвях виднелся маленький комочек — сорочье гнездо. От земли до нижних ветвей ели было футов пятьсот.

Как ни старался принц забраться на дерево по стволу — не смог. Только выбился из сил да ободрал себе руки о шершавую кору. В полдень он всё ещё стоял на земле под деревом и в отчаянии глядел на свои окровавленные ладони, как вдруг к нему подбежала младшая дочь великана. Но на этот раз она не велела принцу ложиться спать.

Она один за другим обломала свои пальчики и понатыкала их в щели на стволе дерева, так, чтобы принцу было за что ухватиться руками и на что ступить ногой. И вот принц начал карабкаться на ель — быстро, как только мог. Наконец добрался до самой верхушки и стал на тонкий гибкий сук. А сук прогнулся под его тяжестью — вот-вот переломится. Но принц уже протянул руку к сорочьему гнезду.

— Ох, скорей, скорей! — крикнула ему снизу дочь великана. — Отец домой идёт! Его дыхание мне спину жжёт.

Принц быстро схватил гнездо и поспешил спуститься на землю с пятью сорочьими яйцами, целыми и невредимыми. По дороге он вынимал из щелей пальчики девушки, но так торопился, что позабыл на верхушке дерева мизинчик с её левой руки.

— Ну, теперь скорей снеси яйца моему отцу, — сказала дочь великана. — И нынче же вечером я стану твоей женой, если только ты сумеешь узнать меня. Отец прикажет мне и

сёстрам одеться одинаково и закрыть лицо плотными покрывалами. И вот когда свадебный пир кончится, отец скажет тебе: «Ступай к своей жене, королевский сын!» А ты выбери из нас троих ту, что без мизинчика на левой руке.

Принц обрадовался, что все три дела уже сделаны, и поспешил отнести великану пять сорочьих яиц. Увидел их великан и пришёл в страшную ярость, но постарался её скрыть и велел готовиться к пышному свадебному пиру. А принцу сказал:

— Нынче вечером получишь, чего желал. Если только...— и он хитро ухмыльнулся в свою рыжую бороду,— если только ты узнаешь свою невесту.

И вот когда в зале отпировали и блюда с мясом были опорожнены, а сосуды, полные эля, осушены, великан повёл принца в небольшую комнату, где их ждали все три великановы дочери. Они были одеты совершенно одинаково в длинные платья из белоснежной шерстяной ткани, а лица их были закрыты плотными покрывалами, так что рассмотреть их было невозможно.

— Ну, королевский сын, теперь подойди к своей жене,— сказал великан.

Принц подошёл к трём девушкам и, не колеблясь, стал рядом с той, у которой не было мизинца на левой руке. Тут великан увидел, что все его козни не привели ни к чему — принц добился-таки его младшей дочери. И великан так разгневался, как ещё никогда не гневался. Но пока что делать было нечего. Пришлось ему позволить молодым удалиться в брачный покой.

Как только принц и дочь великана остались одни, она сказала:

— Смотри не засни, а не то погибнешь! Надо нам бежать, пока отец тебя не убил.

И вот она взяла яблоко и разрежала его на девять ломтиков. Два ломтика она положила в изголовье кровати, два — в ногах. Потом вывела принца из дома и положила два ломтика яблока у первой двери и два у второй. Последний ломтик она оставила за воротами, что вели во двор. Затем молодые пошли в конюшню, сняли путы с молодой сивой кобылицы, сели на неё верхом и помчались прочь на крыльях ветра.

А великан думал, что молодые всё ещё в брачном покое. Немного погодя он крикнул им:

— Вы спите?

И два ломтика яблока, что лежали в изголовье кровати, ответили:

— Нет ещё!

Великану не терпелось, чтобы молодые поскорее заснули, — тогда он пошёл бы в их спальню и убил бы принца. И вот он опять крикнул:

— Вы спите?

И два ломтика в ногах кровати ответили:

— Нет ещё!

В третий раз великану ответили те два ломтика, что лежали у первой двери, а в четвёртый раз — те, что лежали у второй. Тут великан заподозрил неладное и нахмурился.

— Должно быть, вы сбежать хотите, — сказал он.

Наконец он в пятый раз спросил:

— Вы спите? — и ломтик яблока, что остался за воротами, ответил:

— Нет ещё! — но голосок у него был такой тихий, что великан сразу обо всём догадался. Он вскочил на ноги и заревел:

— Вы сбежали!

Тут он ринулся вон из дома, в страшном гневе на дочь за то, что она его обманула, и погнался за беглецами. А те всё летели вперёд на сивой кобылице.

Наутро, чуть забрезжило, дочь великана сказала мужу:

— Слышишь, как земля дрожит? Это отец нас нагоняет — его дыхание мне спину жжёт.

— Ох! Что же нам делать? — вскричал принц. — Как нам от него спастись?

— Сунь руку в ухо сивой кобылице, — сказала дочь великана, — и что найдёшь там, то брось назад, да так, чтобы это упало поперёк дороги отцу.

Принц сунул пальцы в ухо сивой кобылице и вынул оттуда сучок с колючками. Он бросил сучок назад через плечо, и на дороге выросли и разрослись на двадцать миль заросли терновника, такие густые, что даже маленький зверёк ласка и тот не мог бы пробраться сквозь эту непроходимую чащу.

Как увидел великан преграду на своём пути, выругался страшным ругательством.

— Всё равно нагоню! — зарычал он и быстро повернул домой, чтобы взять свой острый топор и нож, каким сучья обрезают.

Вскоре он вернулся и быстро прорубил себе дорогу в чаще. И вот в полдень, когда солнце высоко стояло на небе, дочь великана снова крикнула мужу:

— Отец нагоняет! Его дыхание мне спину жжёт!

И она опять велела принцу сунуть пальцы в ухо сивой кобылице и потом бросить на дорогу то, что он оттуда вынет. На сей раз принц вынул обломок серого камня и бросил его назад через плечо. И как только камешек упал на дорогу, позади беглецов выросли отвесные скалы и загромождили равнину на двадцать миль в длину и двадцать в ширину.

Великан увидел перед собой эти неприступные горы и заревел:

— Меня не остановишь! Всё равно нагоню!

Он бегом бросился назад, и земля тряслась под его ногами. А как прибежал домой, схватил свой толстенный лом и громадную кирку. Уже темнело, когда он, наконец, пробил себе дорогу в скалах. Но вот взошла луна, и дочь великана крикнула мужу в третий раз:

— Отец нагоняет! Его дыхание мне спину жжёт!

Принц не стал дожидаться её приказаний — сам в третий раз сунул пальцы в ухо сивой кобылице и вытащил маленький пузырёк с водой. И едва он бросил его назад через плечо, бездонное озеро в двадцать миль длиной и двадцать шириной разлилось позади беглецов. А великан гнался за ними до того быстро, что не смог остановиться, когда озеро вдруг разлилось у его ног. Полетел вниз головой прямо в тёмную воду и утонул. И ни дочь его, ни принц и никто другой на свете никогда уже больше его не видели.

Верная сивая кобылица перешла на ровную рысь. Луна поднялась высоко и осветила всё вокруг. И тут принц вдруг узнал свои родные места.

— Гляди! Мы подъезжаем к моему отчому дому! — сказал он молодой жене. — Вот те самые поля, где я играл ребёнком.

И он возрадовался великой радостью, что наконец-то вернулся на родину.

Немного погодя они подъехали к старому каменному колодцу и спешили, чтобы немного отдохнуть. Когда же принц встал и собрался ехать домой, дочь великана сказала:

— Лучше поезжай к отцу один и подготовь его к моему приходу. А я подожду тебя здесь.

Принц согласился, и когда он вскочил в седло, жена стала ему наказывать:

— Милый мой, не позволяй никому — ни человеку, ни зверю — дотронуться до тебя губами, пока ты далеко от меня. А если позволишь, найдёт на тебя помрачение, и ты навсегда меня позабудешь.

— Да разве могу я позабыть! — возразил принц. Но всё-таки обещал выполнить наказ жены.

Он ускакал и вскоре подъехал к своему богатому отчому дому, что стоял в красивой зелёной лощине. И хотя принцу было только семь лет, когда за ним пришёл великан, он сразу вспомнил и эти высокие башенки, и пышные цветники, и зелёные сады, что окружали замок. Он оставил во дворе свою сивую кобылицу и вошёл в огромный зал. Родители его сидели за главным столом, и когда увидели перед собой красивого стройного юношу, узнали в нём своего сына. Они бросились его обнимать, но принц помнил наказ жены и отстранился, когда родители попытались поцеловать его в щёку.

Ему очень хотелось поскорее вернуться за женой, и он сразу же принялся рассказывать родителям про всё, что с ним приключилось. Но вдруг зашуршал камыш, которым был устлан пол, и стройная борзая собака с радостным лаем выскочи-

ла из-под стола. Это была собака принца, и с ней он играл, когда она была маленьким щенком.

Собака бросилась к принцу и ткнулась мордой прямо ему в губы, а он не успел ей помешать. И вот горе! Принц сразу же забыл дочь великана. Отец стал было просить сына продолжать рассказ.

— Ты начал говорить нам про одну прекрасную девушку, сын мой,— молвил король.

Но принц даже не понял отца,— только посмотрел на него и сказал:

— Про какую девушку? Никакой девушки я не встречал, отец мой.

Между тем дочь великана ждала его там, где он с нею расстался,— у старого каменного колодца. Время шло, а принц всё не возвращался, и она поняла, что случилось то, чего она так боялась: он её позабыл.

Поблизости не было никакого человеческого жилья, и дочь великана влезла на дерево, что росло у колодца. Она опасалась, как бы на неё не напали волки, и решила там подождать, пока кто-нибудь не подойдёт.

Не успела она усесться на суку с развилиной, как послышались чьи-то шаги, и к колодцу подошла старая женщина с ведром в руке. Это была жена сапожника, что жил неподалёку, и он послал её по воду. Старуха наклонилась над колодцем, чтобы опустить в него ведро, и вдруг отшатнулась, словно в испуге, она увидела, что в воде отражается прекрасное женское лицо. Это было лицо великановой дочери, но жена сапожника была придурковата и подумала, что это её собственное лицо отразилось в воде.

— Ох, да какая же красавица! — вскричала она и погладила свои морщинистые щёки.— Да разве пристало таким красоткам, как я, носить воду для какого-то неуклюжего старого мужлана-сапожника!

Она бросила своё ведро и ушла домой. А бедный сапожник прямо диву дался, когда его жена вернулась домой без ведра, да ещё прихорашиваться стала. Он пожал плечами и сам пошёл по воду, а когда подошёл к колодцу, дочь великана окликнула его с дерева и спросила, нельзя ли ей где-нибудь переночевать. Сапожник, как только увидел её прекрасное лицо, сразу догадался, что это её отражение старуха приняла за своё.

Он пригласил красавицу переночевать в его доме и отвел её туда. Тут жена сапожника уразумела, что ошиблась, и сама над собой посмеялась. Старики уговорили гостью пожить у них, пока она сама не решит, куда ей идти. А дочь великана всё это время обдумывала, как ей вернуть мужа.

Как-то раз старый сапожник пришёл домой в большом волнении.

— В королевском замке скоро будут играть свадьбу,— сказал он.— И мне заказали обувь для жениха и всех домочадцев.

Дочь великана спросила его, кто женится, и сапожник ответил:

— Сам молодой принц женится на дочери какого-то богатого лорда.

С того дня по всей округе только и разговоров было, что о пышной свадьбе в королевском замке. И когда настал день свадьбы, дочь великана, наконец, придумала, что ей делать.

Перед самым венчанием король задал пир на весь мир. Пригласили всех, кто жил в окрестностях замка. На пир пошёл и сапожник с женой. Пошла с ними и дочь великана. Их усадили за один из тех длинных столов, что были накрыты в большом зале, и они стали пить и есть досыта и веселиться всласть.

Многие гости заметили дочь великана. Они говорили между собой про её красоту и спрашивали, кто она такая. Принц сидел с невестой и всей роднёй за главным столом, и он тоже заметил красавицу с золотисто-рыжими волосами. Тут что-то промелькнуло у него в голове, но сразу же позабылось. И вот когда веселье было в самом разгаре, король предложил гостям выпить за здоровье и счастье его сына. Все гости поднялись и пожелали счастья прекрасному юному принцу.

Дочь великана тоже подняла кубок, чтобы выпить за счастье своего мужа, но ещё не успела поднести его к губам, как вдруг в кубке вспыхнуло и взвилось яркое пламя. Все в огромном зале примолкли, когда увидели это чудо. Но вот из пламени вылетели два голубя. У первого голубя крылья светились золотым светом и грудка была как расплавленное золото. У другого голубя перья сияли, словно кованое серебро. Обе птицы вместе сделали круг в воздухе и опустились на главный стол прямо против принца. Он глядел на них и дивился. И тут голуби заговорили с ним человеческим голосом.

— О королевский сын,— сказал золотой голубь,— ты помнишь, кто вычистил хлев во дворе великана и кто рассеял твою тревогу?

— О сын короля,— сказал серебряный голубь,— или ты забыл, как тот хлев покрывали кровлей из перьев тысяч птиц?

А потом они заговорили вместе:

— О королевич, или ты не помнишь, как для тебя добыли сорочьи яйца, что лежали в гнезде на верхушке ели у озера? Когда ты доставал их, твоя верная возлюбленная потеряла свой мизинчик, и нет у неё этого мизинчика до сих пор.

Тут принц вскочил и схватился за голову. Он вспомнил, какие задачи задавал ему великан и кто выполнял эти задачи. Вспомнил он и прекрасную девушку, что стала его женой.

И вот он оглядел все длинные столы в зале и встретился глазами с дочерью великана. С криком радости он подбежал к ней и взял её за руку. Так, наконец, к ним вернулось счастье.

Свадебные гости пировали много дней, и если ещё не кончили, значит, и сейчас пируют.

БРАЙТ, ПРЕЛЕСТНЫЙ ОЛЕНЬ И КОТ

днажды в некотором королевстве правил король Кайнд и королева Джентл. У них была маленькая дочка, которую звали Брайт. Она была очень добрая, смелая и красивая. Вскоре после рождения дочери королева умерла.

А через год король женился вновь на королеве из соседнего королевства принцессе Ригиде. Она была красива и умна, и все считали, что этот брак будет счастливым. Когда Брайт исполнилось три года, её стали пугать глаза мачехи: холодные и зелёные, как у пантеры. Узнав об этом, отец поселил маленькую принцессу с няньками в самом дальнем крыле замка.

Вскоре у королевы Ригиды родилась дочь, которую она назвала Дак. Девочка была хороша собой, но имела такие же пороки, как и мать. Когда никто не видел её, она била и пинала свою сестру Брайт и ломала её игрушки.

Королева видела, что король по-прежнему любит свою первую дочь, и ненавидела Брайт с каждым днём всё сильнее и сильнее. Когда девочке исполнилось семь лет, Ригида придумала коварный план.

У принцессы была маленькая карета с двумя страусами вместо лошадей. Каретой правил карлик-паж по имени Пигго, который больше всего на свете любил сладости.

Этим и воспользовалась королева. Она стала подкармливать сладостями Пигго, и через некоторое время он больше уже ни о чём не мог думать, кроме шоколадок и леденцов.

Тогда коварная королева позвала его к себе и сказала:

— Пигго, если ты исполнишь то, что я тебе велю, ты будешь до отвала есть конфеты до конца своей жизни. Завтра во время прогулки ты должен завести принцессу Брайт в заколдованный фиалковый лес.

— Но я не могу это сделать! — заплакал маленький паж, который очень любил свою госпожу-принцессу.

— Тогда ты не увидишь ничего сладкого до конца своих дней! — свирепо закричала королева.

— О, не говорите так! Я не вынесу этой пытки,— громко зарыдал паж.

— Тогда делай то, что я велю.

— А что же скажет король, узнав про это?

— Это моя забота. Когда ты выполнишь мой приказ, я отправлю тебя в другое королевство и велю наложить тебе 15 сундуков с конфетами, шоколадками и халвой.

Паж согласился и на следующий день, когда они с принцессой подъехали к фиалковому лесу, старался всё время думать только о конфетах, но у него ничего не получалось. Ему было жалко маленькую Брайт.

В это время она, увидев в окно прелестные фиалки, бросилась собирать их и вошла в лес. Карлик-паж изо всех сил закричал:

— Вернись, вернись!

Но волшебный лес уже заколдовал принцессу: она никого не слышала, и деревья сомкнулись за ней. Она собирала фиалки, пока не устала.

— Пигго, Пигго,— позвала пажу Брайт, но ответа не было. Она ещё долго ходила и звала его, но всё было бесполезно.

— О Боже, что подумает отец? — заплакала она и прилегла под деревом. Уставшая, она тотчас заснула. Проснувшись утром, она увидела белого кота, который сидел рядом с ней и смотрел на неё добрыми глазами.

— О, как ты красив. Проводи меня, пожалуйста, домой, я очень голодна.

Кот замяукал и указал своей лапкой на лежащий рядом пакет. Брайт открыла его. Там лежал свежий хлеб и масло. С жадностью она съела всё, не забыв дать кусочек и коту.

— Спасибо тебе, котик,— сказала она.— Не мог бы ты указать мне, в какую сторону мне лучше теперь идти?

Кот кивнул и повёл за собой девочку. Они долго шли и, наконец, вошли в огромный старинный парк, в середине которого находился золотой замок.

Войдя в него, принцесса увидела множество разных комнат: голубых, розовых и бежевых, украшенных драгоценными камнями. В одной из комнат, самой большой в замке, на троне из свежих зелёных листьев сидел белый олень.

Он встал, приветствуя принцессу, и сказал:

— Я рад тебя видеть. Я хорошо знаю твою семью.

— Пожалуйста,— взмолилась принцесса,— отправьте меня назад, к отцу.

— Я не могу. Ты находишься под чарами фиалкового леса. Я и кот тоже пленники этого леса. Всё, что я смогу, это во сне рассказать твоему отцу, что ты жива и здорова.

— И я никогда больше его не увижу? — заплакала Брайт.

— Будущее никому не известно, — сказал олень. — Мы стараемся, чтобы ты была счастлива здесь. Сходи посмотри свою комнату.

Принцесса поднялась наверх. Стены в её комнате были отделаны белым бархатом, пол застелен ковром из лепестков роз, потолок был серебряный, а мебель — золотая.

На стене висели два портрета в красивых резных рамах. На одном портрете была изображена необыкновенной красоты девушка, а на другом — не менее прелестный юноша.

— Кто они такие? — спросила Брайт у оленя.

— Вскоре ты узнаешь об этом, — ответил он. — А сейчас пойдём обедать.

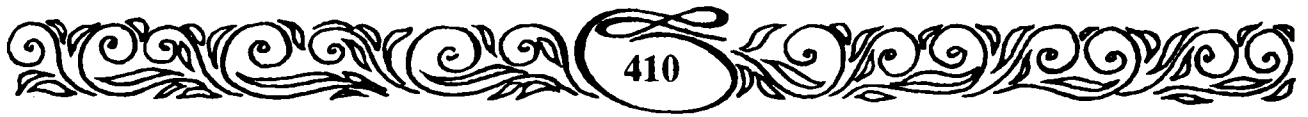
За столом прислуживали три газели, которые подносили диковинные кушанья и заморские напитки.

После обеда уставшая Брайт захотела поспать. Услужливые газели раздели её и уложили в постель. Проснувшись, она увидела своё отражение в зеркале. Она уже была не маленькой девочкой. Из зеркала на неё смотрела прелестная молодая девушка. Быстро одевшись, она побежала вниз узнать, что с ней произошло.

— Олень, олень! — закричала она. — Я ложилась спать маленькой девочкой, а проснулась взрослой девушкой.

— Сегодня тебе исполнилось 14 лет, моя дорогая, — сказал олень. — Ты проспала целых семь лет. Во сне мы с котом учили тебя всяким премудростям жизни. Посмотри, что ты умеешь.

Олень посадил принцессу за пианино, и она обнаружила, что великолепно играет на нём. Взяв в руки перо и чернильницу, она увидела, что прекрасно пишет. Посмотрев на книги

во дворцовой библиотеке, вдруг осознала, что она их все уже давно прочитала. А что касается рисования, то ей мог бы позавидовать любой самый знаменитый живописец.

Она обняла оленя за шею.

— О, спасибо тебе за всё. Как мне отблагодарить тебя за это? И как мой отец? — поинтересовалась принцесса.

— Он жив и здоров и часто тоскует о тебе. Он сейчас живёт один. Королева Ригида умерла, а принцесса Дак вышла замуж за принца Фиерса.

Брайт очень обрадовалась и счастливо зажила в замке.

— Только берегись фиалкового леса, не заходи в него, — каждый день предупреждали её кот и олень.

— Но почему? — спрашивала принцесса.

— Это ужасное место, — только и говорил олень.

Однажды, сидя на окне и мечтая о доме, Брайт заметила попугая, который присел рядом с ней.

— Здравствуй, Брайт! — сказал он. — Тебе одиноко, не правда ли? Хочешь, я буду прилетать к тебе поболтать, только не говори про это коту и оленю.

— Но почему? — удивилась Брайт.

— Если ты не пообещаешь мне это, я никогда больше не вернусь сюда. Кот и олень ненавидят меня, они очень злые и коварные!

— Хорошо, — пообещала принцесса. Она была рада поболтать с кем-нибудь, а попугай обещал рассказать ей много интересного.

Он прилетал каждый день и развлекал её. Однажды он сказал:

— У меня новости о твоём отце.

— Здоров ли он? — забеспокоилась принцесса.

— Да, но он очень скучает по тебе. Он попросил меня освободить тебя из заточения.

— Заточения? — удивилась принцесса.— Кот и олень очень добры ко мне, и мне здесь хорошо.

— О, ты не знаешь их. Они очень коварные. Они ненавидят меня потому, что я знаю, где находится волшебный талисман.

— Талисман? — спросила заинтригованная принцесса.

— Да, они умрут от тоски без тебя, поэтому они и удерживают тебя здесь. А что касается талисмана, то это роза. Сорви её, и ты вмиг очутишься во дворце своего отца.

— Но в нашем саду нет роз! — с горечью воскликнула принцесса.

— Я знаю это. Завтра я расскажу тебе, где растут розы. Только доверься мне. Попробуй спроси у оленя про розу и посмотри, что он ответит,— сказал попугай и улетел.

Слова глупого попугая так запали в душу Брайт, что она сразу же позабыла про всё то добро, которое сделали ей олень и кот. Она отправилась на поиски оленя.

Встретив его в саду, она спросила:

— Почему у нас здесь не растут розы?

Олень побледнел и ответил:

— Брайт, даже имя этого цветка запрещено упоминать в этом доме. Он приносит несчастье.

Тон, каким говорил олень, настолько удивил и испугал её, что она не осмелилась расспрашивать дальше.

Когда на следующий день попугай прилетел и спросил:

— Ну, был ли я прав насчёт оленя и розы?

Принцесса была вынуждена признать, что прав.

— Тогда пошли в лес,— предложил попугай.— Я покажу тебе, где растёт роза.

— Но я не могу. Когда я хожу на прогулку, кот всегда следует за мной.

— А ты отошли его обратно,— сказал попугай.— А если он не захочет, убеги от него.

Вскоре принцесса и кот пошли гулять. Брайт пыталась всячески уговорить кота не ходить с ней, но он не соглашался. Тогда Брайт, по совету попугая, пнула кота ногой. Тот закричал от боли и убежал в замок.

— Поспешим,— сказал появившийся откуда-то попугай.— Беги за мной.

Он потащил её за собой туда, где не было никаких цветов и не было слышно пения птиц.

— Быстрее, быстрее! — торопил он.— Вспомни своего отца. Наконец он закричал:

— Вот мы и пришли.

Они стояли рядом с розовым кустом, на верхушке которого росла гигантская роза алого цвета.

— Сорви её, принцесса,— сказал попугай.— Ты заслужила её. Ну давай же, рви!

Принцесса подошла и сорвала розу. Вдруг цветок выскользнул из её рук, и попугай захохотал страшным голосом:

— Спасибо, глупая Брайт, что ты сняла с меня заклятье, наложенное оленем. Я твоё несчастье. И теперь ты моя! А я теперь уже не буду попугаем,— радостно захохотала коварная птица.— Я волшебник фиалкового леса. Я ненавижу оленя и кота. А теперь ты уничтожила их. О, как же было легко обмануть тебя, глупая девочка. Ха-ха-ха!

Брайт была в ужасе. Она опрометью бросилась назад к замку, но вместо него увидела лишь кучку сухих листьев.

Она пыталась отыскать своих друзей, но сверху вдруг послышался голос:

— Ты убила своих друзей, гадкая глупая девчонка. Убирайся отсюда.

Брайт упала на землю и зарыдала. Она долго плакала, а затем пошла искать ночлег. Пройдя несколько шагов, она сказала себе:

— Я не заслужила ночлега. Я буду ночевать здесь. Я гадкая-прегадкая дрянь.

Вдруг опять послышался всё тот же голос.

— Если ты действительно раскаиваешься в своих грехах и искренне переживаешь, кое-что может измениться.

Брайт подняла голову и увидела ворону.

— Я действительно раскаиваюсь,— сказала она.

— Но это уже не поможет оленю и коту,— грустно ответила ворона.— Будь храброй,— сказала она.— Сделай всё, что от тебя зависит.

Брайт побрела по лесу. Она нашла несколько ягод и съела их.

— Будь храброй. Сделай всё, что ты можешь,— сказало дерево, рядом с которым она присела.

Она сделала шалаш из веток дерева и стала жить там день за днём.

Пролетели недели. Брайт жила в лесу и пыталась ягодами. Она очень раскаивалась из-за своей глупости, тосковала по коту, оленю и своему отцу.

Однажды к ней приползла в шалаш большая черепаха и сказала:

— Если ты сделаешь то, что я скажу тебе, я выведу тебя из леса.

— Я не хочу ничьей помощи,— ответила Брайт.— Моя жестокость убила моих друзей.

— А ты уверена, что они мертвы? — спросила черепаха.

— А могу ли я надеяться, что они живы? — воскликнула принцесса.

— Я не могу говорить об этом,— прошептала, оглядываясь по сторонам, черепаха.— Если ты будешь храброй и сядешь на меня верхом... Если ты будешь терпеливой в течение шести месяцев... Если в течение этого времени ты не скажешь ни одного слова... ты найдешь их.

— Я сделаю всё, только чтобы ещё хоть разок услышать моих дорогих друзей,— заплакала Брайт.

— Ты уверена? Ты должна быть очень терпелива. Ты не должна произнести ни одного слова,— сказала черепаха.

— Пожалуйста, дорогая черепаха. Ну, давай же, начнём прямо сейчас. Я обещаю тебе, что сделаю всё, что ты велела.

Сто восемьдесят дней пробыла Брайт на черепашьей спине. Она старалась быть терпеливой, пока старая черепаха пробиралась через заросли леса шаг за шагом. Она не задала ни одного вопроса и не произнесла ни одного слова.

Вдруг вдали она увидела замок, похожий на замок оленя. Ей хотелось подбежать к нему и посмотреть поближе, но она была терпелива и продолжала сидеть на месте.

Наконец черепаха остановилась у ворот замка и сказала:

— Теперь ты можешь слезть с меня. Зайди в замок и спроси фею Добра. Твоё терпение будет вознаграждено.

На стук принцессы дверь открыл прелестный юноша.

— Скажите, пожалуйста, могу ли я увидеть фею Добра? — спросила Брайт.

— Следуйте за мной,— ответил юноша.

Они вошли в зал, где на золотом троне сидела прекрасная женщина. Она улыбнулась и спросила:

— Чего ты желаешь, дитя моё?

— Пожалуйста, расскажите мне о моих друзьях олене и коте,— попросила Брайт.

Женщина грустно покачала головой. Она достала ключ и сказала:

— Открой им кухонный шкаф у окна и посмотри сама.

Вся дрожа, Брайт распахнула дверцу шкафа. Там внутри на полке лежали окровавленные шкуры оленя и кота. Отшатнувшись, Брайт закричала и упала без чувств. Молодой юноша подбежал к волшебнице.

— Твоё наказание слишком жестоко, мама,— прошептал он.

— Да, это так, но ничто не могло спасти её от заклятия волшебника фиалкового леса.

Она дотронулась до принцессы волшебной палочкой, и та очнулась.

— О, я никогда больше не увижу своих любимых друзей! — заплакала она.

— Ты ошибаешься, дорогая,— возразила волшебница.— Ты видишь их сейчас перед собой. Я и есть тот самый олень, а это мой сын — принц Кот. Мы рады видеть тебя.

Брайт была вне себя от радости.

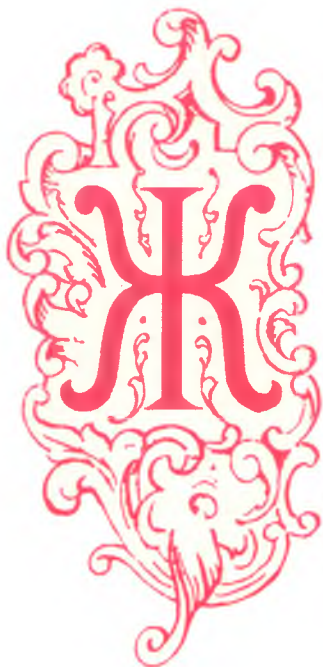
— А сейчас,— сказала фея Добра,— мы должны доставить тебя домой к отцу.

Втроём они сели в золотую, украшенную жемчугом карету и поехали во дворец к королю Кайнду. Он был очень счастлив увидеть свою любимую пропавшую дочь, и целую неделю всё королевство праздновало возвращение принцессы. И тут

королю в голову пришла блестящая идея — он сделал предложение фее Добра, и священник обвенчал в церкви две счастливые пары: фею и короля, принцессу Брайт и принца Кота. На церемонию бракосочетания приехала принцесса Дак, сестра Брайт, со своим мужем принцем Фиерсом. Вскоре у Брайт родилось много маленьких девочек, похожих на неё, и много маленьких мальчиков, похожих на её мужа. Они долго и счастливо любили друг друга, и все любили их.

ЯСНАЯ ЗАРЯ С ЗОЛОТЫМИ ВОЛОСАМИ

ил-был король, и была у него дочь с такими золотыми волосами, что на них невозможно было смотреть: так они переливались и блестели. За это её называли Ясной Зарёй.

Король из соседнего королевства, услышав о её красоте, сразу же влюбился в неё. Он послал к ней посла с многочисленными дарами и письмом, в котором просил её стать его женой. Он был уверен, что она согласится, поскольку он был молод и красив, а слава о его храбрости облетела все соседние королевства.

В этот день Ясная Заря была в плохом настроении. Она отослала с отказом все подарки короля, оставив себе на память лишь пакетик золотых английских булавок.

Король чуть не умер от горя, узнав про отказ Ясной Зари. Когда придворные обсуждали это событие, один из них, друг короля, которого звали Вэлком, сказал:

— Если бы я поехал к Ясной Заре послом, я бы вернулся сюда вместе с ней.

Старший лорд, который ненавидел Вэлкома, доложил об этом королю. Он сказал:

— Ваше Величество, Вэлком похвалялся, что ему ничего не стоит завоевать сердце принцессы. Он, видимо, считает себя храбрее и красивее Вашего Величества. Его необходимо проучить!

Король, огорчённый отказом принцессы, сказал:

— Бросьте его в тюрьму. Может, там он избавится от самомнения. Если нет — то пусть умрёт от голода.

Вэлкома бросили в тюрьму и перестали кормить. Каждый день он молил о еде. Однажды он, плача, кричал:

— О, как мой король жесток ко мне. А я ведь так его люблю. Я бы не пожалел даже своей жизни ради его благополучия и счастья.

Проходивший в это время мимо темницы король услышал это и велел привести к нему Вэлкома. Когда его ввели в тронный зал, он упал перед королём на колени и спросил:

— Ваше Величество, почему вы так жестоки со мной?

— Ты поставил себя выше меня,— ответил король.

— О, это неправда! — возразил Вэлком.— Я говорил только, что, если бы я был послом Вашего Величества, я бы, без сомнения, смог уговорить принцессу выйти за вас замуж.

Обрадованный проблеском надежды, король простил его и сказал:

— Мой дорогой друг, я больше жизни люблю Ясную Зарю. Поезжай к ней и уговори её выйти за меня замуж.

— Я отправлюсь завтра же,— сказал Вэлком.— Приготовьте мне резвую лошадь и письмо от вас.

Рано утром Вэлком выехал в путь. Проезжая по берегу озера, он увидел на песке рыбу, которая почти уже задыха-

лась без воды. Рыба была крупная, и из неё получилась бы неплохая уха, но Вэлком пожалел её и отпустил обратно в озеро. Вдруг рыба сказала человеческим голосом:

— Спасибо тебе, добрый юноша. Ты спас мне жизнь. Но я тоже помогу тебе и верну свой долг.

На следующий день, проезжая по лесу, Вэлком увидел воронье гнездо, которое разорял огромный орёл. Юноша достал лук и стрелы и убил орла. Прилетевшая ворона-мать сказала ему:

— Спасибо тебе, ты спас моих детей. Если тебе потребуется моя помощь, рассчитывай на меня.

Вэлком поблагодарил ворону и поехал дальше.

Вдруг он увидел сову, попавшую в сети. Он освободил её и отпустил. Сова сказала ему:

— Спасибо тебе за помощь. Ты спас мне жизнь. Я отплачу тебе тоже добром.

К вечеру Вэлком приехал во дворец Ясной Зари. Она вышла к нему навстречу. Сначала, поражённый её красотой, юноша не мог вымолвить ни слова, но затем, придя в себя, он начал расхваливать ей достоинства своего господина. Ясная Заря ответила ему:

— Вэлком, вы говорили очень красноречиво и почти убедили меня. Но дело в том, что сейчас я не могу думать об этом, потому что сегодня я уронила в реку своё любимое кольцо. Пока я не достану его обратно, о предложении короля не может быть и речи,— и она скрылась в своей комнате.

Огорчённый, Вэлком сидел на берегу озера. Маленький щенок, по имени Талспин, которого он взял с собой для компании, сказал ему:

— Не печалься, мы достанем кольцо.

Он три раза пролаял, и юноша услышал странный голос, который как будто звал его. Подойдя к воде, он увидел огромного карпа, который держал во рту кольцо принцессы.

— Я возвращаю свой долг,— сказал он и исчез в озере.

Обрадованный юноша побежал к принцессе.

— Ваше Высочество, вот ваше кольцо. Может быть, теперь вы согласитесь на предложение короля?

— Я бы согласилась,— сказала принцесса.— Но дело в том, что мой сосед, принц Гру, хочет тоже жениться на мне. Он уродливый великан и вдобавок людоед, который пожирает людей, как обезьяны бананы. Он убил уже много людей из-за того, что я не соглашаюсь на брак с ним. Победите его, отрубите ему голову и принесите её мне. Тогда я серьёзно подумаю о предложении вашего короля.

Опечаленный Вэлком побрёл на берег озера, где его поджидал Талспин.

— Не беспокойтесь, хозяин,— сказал он.— Положитесь на судьбу.

Вэлком отправился во дворец людоеда. Вся дорога туда была усеяна человеческими костями, а на деревьях вместо плодов висели человеческие черепа. Вдруг он увидел людоеда. Тот шёл по деревьям, как по траве, и распевал песни. Вэлком тоже тихонечко запел тонким голосом. Людоед подумал, что это поёт какая-нибудь птица в небе, и, задржав голову, стал вглядываться вверх. Откуда ни возьмись появившаяся ворона вцепилась когтями ему в лицо и вырвала глаза. Он упал мёртвый на землю.

— Я вернула тебе свой долг за спасённую жизнь моих детей,— сказала ворона и улетела.

Вэлком отрубил людоеду голову и принёс её принцессе.

Обрадованная принцесса сказала:

— Я уже, пожалуй, согласна. Но сначала принеси мне кувшин воды из Тёмной пещеры. Она находится недалеко отсюда. Огнедышащие драконы охраняют вход в неё, а внутри полно ядовитых змей и гадких сколопендр. В глубине пещеры находится фонтан с водой красоты и здоровья. Его вода делает уродов красивыми, калек здоровыми, а простую любовь — бессмертной. Я хочу перед свадьбой испытать этой воды.

— Ваше Высочество, вы и так прекрасны, без этой воды, — ответил Вэлком. — Но ваше желание — для меня закон. Я принесу вам этой воды, чего бы это ни стоило для меня.

Он взял на руки Талспина и отправился в путь. Каждый, кто видел его, жалел:

— Какой красивый юноша должен умереть так ужасно. И как это нашей принцессе в голову приходят такие жестокие прихоти?

Вэлком, придя к пещере, сказал щенку:

— Мой дорогой друг, мой конец уже близок. Когда драконы разорвут меня в клочья, наполни эту бутыль моей кровью и отнеси жестокой принцессе. А моему любимому королю расскажи, что я умер, сражаясь за его счастье.

Пока он говорил, сверху из листвы дерева слышался голос, звавший его.

— Это я, сова. Я хочу вернуть свой долг. Положи эту бутылку в корзину и привяжи её мне на шею. Я принесу тебе волшебной воды.

— Но как же ты сможешь сделать это? — спросил изумлённый юноша.

— Это моя забота, — сказала сова. — Жди меня здесь.

Через некоторое время сова вернулась с полной бутылкой воды. Вэлком поблагодарил её и поспешил к принцессе. Она взяла волшебную воду и сказала:

— Ты был очень храбр и завоевал моё сердце. Если хочешь, я стану твоей женой.

Юноша в ответ лишь покачал головой.

— Ты прекрасней всех на свете,— ответил он.— Но я верен своему королю.

Вскоре Ясная Заря вышла замуж за короля. Она постоянно расхваливала достоинства Вэлкома, и это очень огорчало молодого мужа. Вдобавок Старший лорд и все придворные нащёптывали ему:

— Как ты можешь это терпеть? Она любит его, а не тебя.

— Я брошу его в темницу, я уничтожу его! — закричал обезумевший от ревности король. Вэлкома схватили и бросили в тюрьму. Услышав об этом, Ясная Заря кинулась к королю и, упав перед ним на колени, слёзно молила простить Вэлкома и вспомнить, что он сделал для него. Но чем больше она просила, тем непреклоннее становился король.

Так прошло некоторое время. Король, видя, что Ясная Заря продолжает тосковать по Вэлкому, решил стать ещё красивее, выпив волшебной воды из кувшина. Но всё дело было в том, что служанка, убираясь в комнате, случайно разбила кувшин и, испугавшись, выбросила осколки, а вместо него поставила точно такой же из комнаты короля. В этом кувшине король держал яд, которым умерщвлял неугодных слуг. Войдя в комнату, король отпил из кувшина и замертво упал.

Когда Талспин узнал об этом, он быстро побежал к Ясной Заре и сказал ей:

— Ваше Высочество, в своём горе не забудьте о верном Вэлкоме.

Принцесса тут же освободила юношу и обвенчалась с ним в церкви. Они счастливо и долго прожили жизнь.

БЕЛОСНЕЖКА

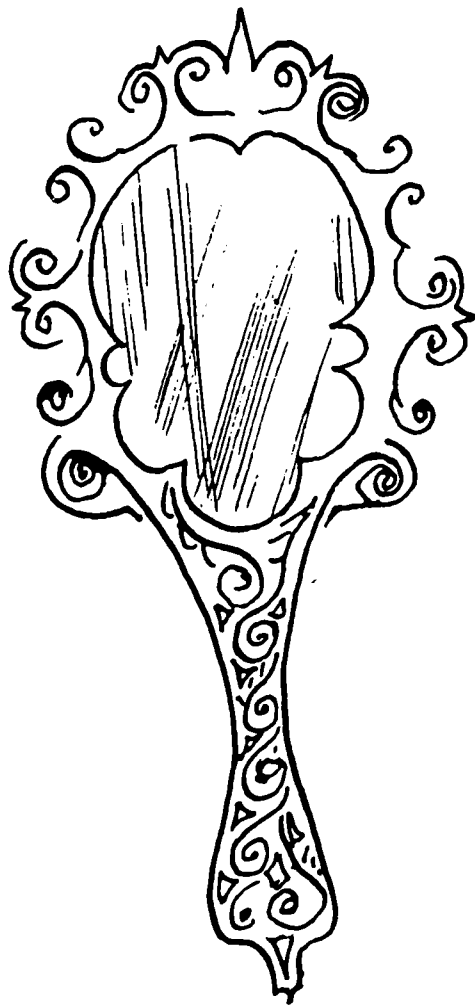
Было то в середине зимы, падали снежинки, точно пух с неба, и сидела королева у окошка,— рама его была из чёрного дерева,— и шила королева. Шила она, загляделась на снег и уколола иглою палец, и упало три капли крови на снег. А красное на белом снегу выглядело так красиво, что подумала она про себя: «Если бы родился у меня ребёнок, белый, как этот снег, и румяный, как кровь, и черноволосый, как дерево на оконной раме!» И родила королева вскоре дочку, и была она бела, как снег, как кровь, румяна, и такая черноволосая, как чёрное дерево,— и прозвали её потому Белоснежкой. А когда ребёнок родился, королева умерла.

Год спустя взял король себе другую жену. То была красивая женщина, но гордая и надменная, и она терпеть не могла, когда кто-нибудь превосходил её красотой. Было у неё волшебное зеркальце, и когда становилась она перед ним и гляделась в него, то спрашивала:

Зеркальце, зеркальце на стене,

Кто всех красивей во всей стране?

И зеркало отвечало:

Вы всех, королева, красивей в стране.

И она была довольна, так как знала, что зеркало говорит правду.

Белоснежка за это время подросла и становилась всё красивей, и когда ей исполнилось семь лет, была она такая прекрасная, как ясный день, и красивее самой королевы. Когда королева спросила у своего зеркальца:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей во всей стране? —

оно ответило так:

Вы, госпожа королева, красивы собой,

Всё же Белоснежка в тысячу крат выше красой!

Испугалась тогда королева, пожелтела, позеленела от зависти. С того часа увидит она Белоснежку — и сердце у неё разрывается, так стала она ненавидеть девочку. И зависть и высокомерие росли, точно сорные травы, в её сердце всё выше и выше, и не было у неё отныне покоя ни днём, ни ночью. Тогда подозвала она одного из своих егерей и сказала:

— Отнеси ребёнка в лес, я больше видеть её не могу. Ты должен её убить и принести мне в знак доказательства её лёгкие и печень.

Егерь повиновался и завёл девочку в лес, но когда вытащил он свой охотничий нож и хотел было уже пронзить ни в чём не повинное сердце Белоснежки, стала та плакать и просить:

— Ах, милый егерь, оставь ты меня в живых, я убегу далеко в дремучий лес и никогда не вернусь домой.

И оттого что была она прекрасна, сжалился над нею егерь и сказал:

— Так и быть, беги, бедная девочка!

И точно камень свалился у него с сердца, когда не пришлось ему убивать Белоснежку. На ту пору как раз подбежал молодой олень, и заколол его егерь, вынул у него лёгкие и печень и принёс их королеве в знак того, что приказанье её исполнено. Повару было велено сварить их в солёной воде, и злая женщина их съела, думая, что это лёгкие и печень Белоснежки.

И осталась бедная девочка в большом лесу одна-одинёшенька, и стало ей так страшно, что все листочки на деревьях оглядела она, не зная, как быть ей дальше, как горю помочь. Пустилась она бежать, и бежала по острым камням, через колючие заросли, и прыгали около неё дикие звери, но её не трогали. Бежала она, сколько сил хватило, и вот стало уже вечереть, увидела она маленькую избушку и вошла в неё отдохнуть. А в избушке той всё было таким маленьким, но красивым и чистым, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Стоял там накрытый белой скатертью столик, а на нём семь маленьких тарелочек, у каждой тарелочки по ложечке, а ещё семь маленьких ножей и вилок и семь маленьких кубков. Стояли у стены семь маленьких кроваток, одна возле другой, и покрыты они были белоснежными покрывалами. За-

хотелось Белоснежке поесть и попить, и взяла она из каждой тарелочки понемногу овощей да хлеба и выпила из каждого кубочка по капельке вина,— ей не хотелось выпить всё из одного. А так как она очень устала, то попробовала лечь в постельку, но ни одна из них для неё не подходила: одна была слишком длинной, другая слишком короткой, но седьмая оказалась ей впору, легла она в неё и, отдавшись на милость господню, уснула.

Когда уже совсем стемнело, пришли хозяева избушки, а были то семеро гномов, которые в горах добывали руду. Они зажгли семь своих лампочек, и когда в избушке стало светло, они заметили, что у них кто-то был, потому что не всё оказалось в том порядке, в каком было раньше. И сказал первый гном:

— Кто это на моём стуле сидел?

Второй:

— Кто это из моей тарелочки ел?

Третий:

— Кто взял кусок моего хлебца?

Четвёртый:

— Кто ел мои овощи?

Пятый:

— Кто моей вилочкой брал?

Шестой:

— Кто моим ножичком резал?

Седьмой спросил:

— Кто это пил из моего маленького кубка?

И оглянулся первый и увидал, что на его постельке маленькая складочка, и спросил:

— Кто это лежал на моей кровати?

Тут сбежались и остальные и стали говорить:

— И в моей тоже кто-то лежал.

Глянул седьмой гном на свою постель, видит — лежит в ней Белоснежка и спит. Позвал он тогда остальных, прибежали они, стали кричать от удивления, принесли семь своих лампочек и осветили Белоснежку.

— Ах, Боже ты мой! Ох, Боже ты мой! — воскликнули они. — Какой, однако, красивый ребёнок! — Они так обрадовались, что не стали её будить и оставили её спать в постельке. А седьмой гном проспал у каждого из своих товарищей по часу, — так вот и ночь прошла.

Наступило утро. Проснулась Белоснежка, увидела семь гномов и испугалась. Но были они с ней ласковы и спросили:

— Как тебя зовут?

— Зовут меня Белоснежка, — ответила она.

— Как ты попала в нашу избушку?

И рассказала она им о том, что мачеха хотела её убить, но егерь сжалился над ней, и что бежала она целый день, пока, наконец, не нашла их избушку. Гномы спросили:

— Хочешь вести наше хозяйство, стряпать, постели взбивать, стирать, шить и вязать, всё содержать в чистоте да порядке, — если согласна на это, можешь у нас остаться, и всего у тебя будет вдоволь.

— Хорошо, — сказала Белоснежка, — с большой охотой.

И осталась у них. Она содержала избушку в порядке, утром гномы уходили в горы искать руду и золото, а вечером возвращались домой, и она должна была к их приходу приготовить им еду. Целый день девочка оставалась одна, и потому добрые гномы её предостерегали и говорили:

— Берегись своей мачехи: она скоро узнает, что ты здесь, смотри, никого не впускай в дом.

А королева, съев лёгкие и печень Белоснежки, стала снова считать, что она самая первая и самая красивая из всех женщин в стране. Она подошла к зеркалу и спросила:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей во всей стране?

И ответило зеркало:

Вы, королева, красивы собой,
Но Белоснежка там, за горами,
У гномов семи за стенами
В тысячу крат ещё выше красой!

Испугалась тогда королева,— она ведь знала, что зеркало говорит правду, и поняла, что егерь её обманул и что Белоснежка ещё жива. И стала она снова думать да придумывать, как бы её извести; не было ей от зависти покою, оттого что не она самая первая красавица в стране. И вот, наконец, она что-то надумала: накрасила себе лицо, переделалась старой торговкой, так что и узнать её было нельзя. Направилась она через семь гор к семи гномам, постучала в дверь и говорит:

— Продаю товары хорошие! Продаю!

Глянула Белоснежка в окошко и говорит:

— Здравствуй, добрая женщина, что же ты продаёшь?

— Хорошие товары, прекрасные товары,— ответила та,— шнурки разноцветные.— И достала королева один из шнурков, показала, и был он сплетён из пёстрого шёлка. «Эту честную женщину можно и в дом пустить»,— подумала Белоснежка, открыла дверной засов и купила себе красивый шнурок.

— Как тебе идёт, девочка,— молвила старуха,— дай-ка я зашнурую тебя как следует.

Белоснежка, не ожидая ничего дурного, стала перед нею и дала затянуть на себе новые шнурки, и начала старуха шнуровать, да так быстро и так крепко, что Белоснежка задохнулась и упала мёртвая наземь.

— Была ты самой красивой,— сказала королева и быстро исчезла.

Вскоре после того, к вечеру, вернулись семь гномов домой, и как испугались они, когда увидели, что их милая Белоснежка лежит на земле, не двинется, не шелохнётся, точно мёртвая! Подняли они её и увидели, что она крепко-накрепко зашнурована, тогда разрезали они шнурки, и стала она понемногу дышать и постепенно пришла в себя. Когда гномы услышали о том, что случилось, они сказали:

— Старая-то торговка была на самом деле злая королева, берегись, не впускай к себе никого, когда нас нет дома.

А злая женщина возвратилась домой, подошла к зеркалу и спросила:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей во всей стране?
И ответило ей зеркало, как прежде:
Вы, королева, красивы собой,
Но Белоснежка там, за горами,
У гномов семи за стенами
В тысячу крат ещё выше красой!

Когда услышала она такой ответ, вся кровь прилила у ней к сердцу, так она испугалась,— она поняла, что Белоснежка ожила снова.

— Ну, уж теперь,— сказала она,— я придумаю такое, что погубит тебя наверняка.— Зная ведьмино колдовство, приготовила она ядовитый гребень. Затем переоделась она и оберну-

лась другою старухой. И отправилась за семь гор к семи гномам, постучалась в дверь и говорит:

— Продаю товары хорошие! Продаю!

Белоснежка выглянула в окошко и говорит:

— Проходи, проходи дальше, в дом пускать никого не велено!

— Поглядеть-то, пожалуй, можно,— молвила старуха, достала ядовитый гребень и, подняв его вверх, показала Белоснежке.

Он так понравился девочке, что она дала себя обмануть и открыла дверь. Они сошлись в цене, и старуха сказала: «Ну, а теперь дай-ка я тебя как следует причешу».

Бедная Белоснежка, ничего не подозревая, дала старухе себя причесать, но только та прикоснулась гребешком к волосам, как яд стал тотчас действовать, и девочка упала без чувств наземь.

— Ты, писаная красавица,— молвила злая женщина,— теперь-то уж пришёл тебе конец.— Сказав это, она ушла.

Но, к счастью, дело было под вечер, и семь гномов вскоре вернулись домой. Заметив, что Белоснежка лежит на земле мёртвая, они тотчас заподозрили в том мачеху, стали доискиваться, в чём дело, и нашли ядовитый гребень; и как только они его вытащили, Белоснежка снова пришла в себя и рассказала им обо всём, что случилось. И ещё раз гномы ей сказали, чтоб была она настороже и дверь никому не открывала.

А королева возвратилась домой, села перед зеркалом и говорит:

Зеркальце, зеркальце на стене,

Кто всех красивей во всей стране?

И ответило зеркало, как прежде:

Вы, королева, красивы собой,
Но Белоснежка там, за горами,
У гномов семи за стенами
В тысячу крат ещё выше красой!

Услыхала она, что говорит зеркало, и вся задрожала-за-трепетала от гнева.

— Белоснежка должна погибнуть,— крикнула она,— даже если бы это мне самой стоило жизни!

И она отправилась в потайную комнату, куда никто никогда не входил, и приготовила там ядовитое-преядовитое яблоко. Было оно снаружи очень красивое, белое и румяное, и всякому, кто б увидел его, захотелось бы его съесть, но кто съел хотя бы кусочек его, тот непременно бы умер. Когда яблоко было готово, накрасила она себе лицо, переделалась крестьянкой и отправилась в путь-дорогу,— за семь гор к семи гномам. Она постучалась, Белоснежка высунула голову в окошко и говорит:

— Пускать никого не велено, семь гномов мне это запретили.

— Да, это хорошо,— ответила крестьянка,— но куда же я дену свои яблоки? Хочешь, я подарю тебе одно из них?

— Нет,— сказала Белоснежка,— мне ничего не велено брать.

— Ты что ж это, яду боишься? — спросила старуха.— Погляди, я разрежу яблоко на две половинки, румяную съешь ты, а белую съем я.

А яблоко было сделано так хитро, что только румяная его половинка была отравленной. Захотелось Белоснежке отве-дать прекрасного яблока, и когда увидела она, что крестьянка его ест, то и она не удержалась, высунула из окошка руку и

взяла отравленную половинку. Только откусила она кусок, как тотчас упала замертво наземь. Посмотрела на неё своими злыми глазами королева и, громко захохотав, сказала:

— Бела, как снег, румяна, как кровь, черноволоса, как чёрное дерево! Теперь твои гномы уж не разбудят тебя никогда.

Вернулась она домой и стала спрашивать у зеркала:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей во всей стране?

И ответило зеркало наконец:

Вы, королева, красивей во всей стране.

И успокоилось тогда её завистливое сердце, насколько может подобное сердце найти себе покой.

Гномы, возвратясь вечером домой, нашли Белоснежку лежащей на земле, бездыханной и мёртвой. Они подняли её и стали искать яд: они расшнуровали её, причесали ей волосы, обмыли её водой и вином, но ничего не помогло, — милая девочка как была мёртвой, так мёртвой и осталась. Положили они её в гроб, сели все семеро вокруг неё и стали её оплакивать, и проплакали они так целых три дня. Затем решили они её похоронить, но она выглядела точно живая — щёки у неё были красивые и румяные.

И сказали они:

— Как можно её такую в сырую землю закопать?

И велели они сделать для неё стеклянный гроб, чтоб можно было её видеть со всех сторон, и положили её в тот гроб и написали на нём золотыми буквами её имя и что была она королевской дочерью. И отнесли они гроб тот на гору, и всегда один из них оставался при ней на страже. И пришли также и

птицы оплакивать Белоснежку: сначала сова, затем ворон и, наконец, голубок.

И вот долго-долго лежала в своём гробу Белоснежка, и казалось, что она спит,— была она бела, как снег, румяна, как кровь, и черноволоса, как чёрное дерево. Но случилось, что заехал однажды королевич в тот лес, и попал он в дом гномов, чтобы в нём переночевать. Увидел он на горе гроб, а в нём прекрасную Белоснежку, и прочёл, что было написано на нём золотыми буквами. И сказал он тогда гномам:

— Отдайте вы мне этот гроб, а я дам вам за него всё, что вы пожелаете.

Но ответили гномы:

— Мы не отдадим его даже за всё золото в мире.

Тогда он сказал:

— Так подарите мне его. Я жить не могу, не видя Белоснежки.

Когда он это сказал, сжалились над ним добрые гномы и отдали ему гроб.

И велел королевич своим слугам нести его на плечах. Но случилось так, что споткнулись они о какой-то куст, и от сотрясения выпал кусок ядовитого яблока из горла Белоснежки. Тут открыла она глаза, подняла крышку гроба, а затем встала и сама.

— Ах, Господи, где же это я? — воскликнула она. Королевич, исполненный радости, ответил:

— Ты у меня,— и поведал ей всё, что произошло, и молвил:

— Ты мне милее всего на свете, пойдём вместе со мною в замок к моему отцу, и будешь ты моею женой.

Согласилась Белоснежка, и отпраздновали они пышную и великолепную свадьбу.

Но на праздник была приглашена и королева, мачеха Белоснежки. Нарядилась она в красивое платье, подошла к зеркалу и сказала:

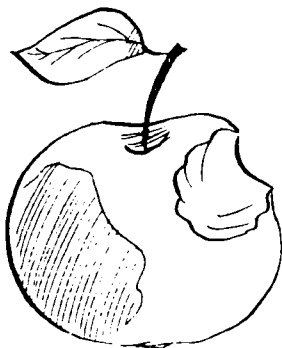
Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей во всей стране?

И ответило зеркало:

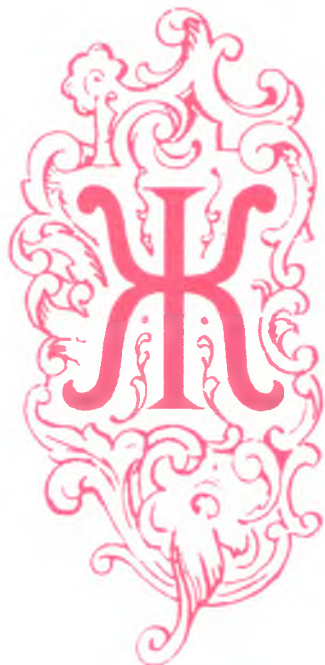
Вы, госпожа королева, красивы собой,
Но королева младая в тысячу крат ещё выше красой!

И вымолвила тогда злая женщина своё проклятье, и стало ей так страшно, так страшно, что не знала она, как ей с собой справиться. Сначала она решила совсем не идти на свадьбу, но не было ей покоя — хотелось ей пойти и посмотреть на молодую королеву. И вошла она во дворец, и узнала Белоснежку, и от страха и ужаса как стояла, так на месте и застыла.

Но были уже поставлены для неё на горящие угли железные туфли, и принесли их, держа щипцами, и поставили перед нею. И должна была она ступить ногами в докрасна раскалённые туфли и плясать в них до тех пор, пока, наконец, не упала она мёртвая наземь.

ФИНИСТ – ЯСНЫЙ СОКОЛ

ил да был крестьянин. Умерла у него жена, осталось три дочки. Хотел старик нанять работницу — в хозяйстве помогать. Но меньшая дочь, Марьюшка, сказала:

— Не надо, батюшка, нанимать работницу, сама я буду хозяйство вести.

Ладно. Стала дочка Марьюшка хозяйство вести. Всё-то она умеет, всё-то у неё ладится. Любил отец Марьюшку: рад был, что такая умная да работающая дочка растёт. Из себя-то Марьюшка красавица писаная. А сёстры её завидующие да жаднующие; из себя-то они некрасивые, а модницы-перемодницы — весь день сидят да белятся, да румянятся, да в обновки наряжаются, платье им — не платье, сапожки — не сапожки, платок — не платок.

Поехал отец на базар и спрашивает дочек:

— Что вам, дочки, купить, чем порадовать?

И говорят старшая и средняя дочки:

— Купи по полушалку, да такому, чтоб цветы покрупнее, золотом расписанные.

А Марьюшка стоит да молчит. Спрашивает её отец:

— А что тебе, доченька, купить?

— Купи мне, батюшка, пёрышко Финиста — ясна сокола.

Приезжает отец, привозит дочкам полушалки, а пёрышка не нашёл.

Поехал отец в другой раз на базар.

— Ну,— говорит,— дочери, заказывайте подарки.

Обрадовались старшая и средняя дочери:

— Купи нам по сапожкам с серебряными подковками.

А Марьюшка опять заказывает:

— Купи мне, батюшка, пёрышко Финиста — ясна сокола.

Ходил отец весь день, сапожки купил, а пёрышка не нашёл. Приехал без пёрышка.

Ладно. Поехал старик в третий раз на базар, а старшая и средняя дочери говорят:

— Купи нам по платью.

А Марьюшка опять просит:

— Батюшка, купи пёрышко Финиста — ясна сокола.

Ходил отец весь день, а пёрышка не нашёл. Выехал из города, а навстречу старенький старичок.

— Здорово, дедушка!

— Здравствуй, милый! Куда путь-дорогу держишь?

— К себе, дедушка, в деревню. Да вот горе у меня: меньшая дочка наказывала купить пёрышко Финиста — ясна сокола, а я не нашёл.

— Есть у меня такое пёрышко, да оно заветное; но для доброго человека, куда ни шло, отдам.

Вынул дедушка пёрышко и подает, а оно самое обыкновенное. Едет крестьянин и думает: «Что в нём Марьюшка нашла хорошего!»

Привёз старик подарки дочкам; старшая и средняя наряжаются да над Марьюшкой смеются:

— Как была ты дурочка, так и есть. Нацепи своё пёрышко в волоса да красуйся!

Промолчала Марьюшка, отошла в сторону; а когда все спать легли, бросила Марьюшка пёрышко на пол и проговорила:

— Любезный Финист — ясный сокол, явись ко мне, жданный мой жених!

И явился ей молодец красоты неописанной. К утру молодец ударился об пол и сделался соколом. Отворила ему Марьюшка окно, и улетел сокол к синему небу.

Три дня Марьюшка привечала к себе молодца; днём он летает соколом по синему поднебесью, а к ночи прилетает к Марьюшке и делается добрым молодцем.

На четвёртый день сёстры злые заметили — наговорили отцу на сестру.

— Милые дочери,— говорит отец,— смотрите лучше за собой.

«Ладно,— думают сёстры,— посмотрим, как будет дальше».

Натыкали они в раму острых ножей, а сами притаились, смотрят.

Вот летит ясный сокол. Долетел до окна и не может попасть в комнату Марьюшки. Бился-бился, всю грудь изрезал, а Марьюшка спит и не слышит. И сказал тогда сокол:

— Кому я нужен, тот меня найдёт. Но это будет нелегко. Тогда меня найдёшь, когда трое башмаков железных износишь, трое посохов железных изломаешь, трое колпаков железных порвёшь.

Услышала это Марьюшка, вскочила с кровати, посмотрела в окно, а сокола нет, и только кровавый след на окне остался. Заплакала Марьюшка горькими слезами — смыла слёзками кровавый след и стала ещё краше.

Пошла она к отцу и проговорила:

— Не брани меня, батюшка, отпусти в путь-дорогу дальнюю. Жива буду — свидимся, умру — так, знать, на роду написано.

Жалко было отцу отпускать любимую дочку, но отпустил.

Заказала Марьюшка трое башмаков железных, трое посохов железных, трое колпаков железных и отправилась в путь-дорогу дальнюю, искать желанного Финиста — ясна сокола. Шла она чистым полем, шла тёмным лесом, высокими горами. Птички весёлыми песнями ей сердце радовали, ручейки лицо белое умывали, леса тёмные привечали. И никто не мог Марьюшку тронуть: волки серые, медведи, лисицы — все звери к ней сбегались. Износила она башмаки железные, посох железный изломала и колпак железный порвала.

И вот выходит Марьюшка на поляну и видит: стоит избушка на курьих ножках — вертится. Говорит Марьюшка:

— Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом! Мне в тебя лезть, хлеба есть.

Повернулась избушка к лесу задом, к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит там баба-яга — костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос.

Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела:

— Тьфу, тьфу, русским духом пахнет! Красная девушка, дело пытаешь аль от дела лытаешь?

— Ищу, бабушка, Финиста — ясна сокола.

— О красавица, долго тебе искать! Твой ясный сокол за тридевять земель, в тридевятом государстве. Опоила его зельем царица-волшебница и женила на себе. Но я тебе помогу. Вот тебе серебряное блюдечко и золотое яичко. Когда придёшь в тридевятое царство, наймись работницей к царице. Покончишь работу — бери блюдечко, клади золотое яичко, само будет кататься. Станут покупать — не продавай. Просись Финиста — ясна сокола повидать.

Поблагодарила Марьюшка бабу-ягу и пошла. Потемнел лес, страшно стало Марьюшке, боится и шагнуть, а навстречу кот. Прыгнул к Марьюшке и замурлыкал:

— Не бойся, Марьюшка, иди вперёд. Будет ещё страшнее, а ты иди и иди, не оглядывайся.

Потёрся кот спиной и был таков, а Марьюшка пошла дальше. А лес стал ещё темней. Шла, шла Марьюшка, сапоги железные износила, посох поломала, колпак порвала и пришла к избушке на курьих ножках. Вокруг тын, на кольях черепа, и каждый череп огнём горит.

Говорит Марьюшка:

— Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом! Мне в тебя лезть, хлеба есть.

Повернулась избушка к лесу задом, к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит там баба-яга — костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, нос к потолку прирос.

Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела:

— Тьфу, тьфу, русским духом пахнет! Красная девушка, дело пытаешь аль от дела лытаешь?

— Ищу, бабушка, Финиста — ясна сокола.

— А у моей сестры была?

— Была, бабушка.

— Ладно, красавица, помогу тебе. Бери серебряные пальцы, золотую иголочку. Иголочка сама будет вышивать серебром и золотом по малиновому бархату. Будут покупать — не продавай. Просись Финиста — ясна сокола повидать.

Поблагодарила Марьюшка бабу-ягу и пошла. А в лесу стук, гром, свист, черепа лес освещают. Страшно стало Марьюшке. Глядь, собака бежит:

— Ав, ав, Марьюшка, не бойся, родная, иди! Будет ещё страшнее, не оглядывайся.

Сказала и была такова. Пошла Марьюшка, а лес стал ещё темнее. За ноги её цепляет, за рукава хватает... Идёт Марьюшка, идёт и назад не оглянется.

Долго ли, коротко ли шла — башмаки железные износила, посох железный поломала, колпак железный порвала. Вышла на полянку, а на полянке избушка на курьих ножках, вокруг тын, а на кольях лошадиные черепа; каждый череп огнём горит.

Говорит Марьюшка:

— Избушка, избушка, встань к лесу задом, а ко мне передом!

Повернулась избушка к лесу задом, а к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит баба-яга — костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос. Сама чёрная, а во рту один клык торчит.

Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела:

— Тьфу, тьфу, русским духом пахнет! Красная девушка, дело пытаешь аль от дела лытаешь?

— Ищу, бабушка, Финиста — ясна сокола.

— Трудно, красавица, тебе будет его отыскать, да я помогу. Вот тебе серебряное донце, золотое веретенце. Бери в руки, само прясть будет, потянется нитка не простая, а золотая.

— Спасибо тебе, бабушка.

— Ладно, спасибо после скажешь, а теперь слушай, что тебе накажу: будут золотое веретенце покупать — не продавай, а просись Финиста — ясна сокола повидать.

Поблагодарила Марьюшка бабу-ягу и пошла, а лес зашумел, загудел; поднялся свист, совы закружились, мыши из нор повылезли — да все на Марьюшку. И видит Марьюшка — бежит навстречу серый волк.

— Не горюй,— говорит он,— а садись на меня и не оглядывайся.

Села Марьюшка на серого волка, и только её и видели. Впереди степи широкие, луга бархатные, реки медовые, берега кисельные, горы в облака упираются. А Марьюшка скачет и скачет. И вот перед Марьюшкой хрустальный терем. Крыльцо резное, оконца узорчатые, а в оконце царица глядит.

— Ну,— говорит волк,— слезай, Марьюшка, иди и нанимайся в прислуги.

Слезла Марьюшка, узелок взяла, поблагодарила волка и пошла к хрустальному дворцу. Поклонилась Марьюшка царице и говорит:

— Не знаю, как вас звать, как величать, а не нужна ли вам будет работница?

Отвечает царица:

— Давно я ищу работницу, но такую, которая могла бы прясть, ткать, вышивать.

— Всё это я могу делать.

— Тогда проходи и садись за работу.

И стала Марьюшка работницей. День работает, а наступит ночь — возьмёт Марьюшка серебряное блюдечко и золотое яичко и скажет:

— Катись, катись, золотое яичко, по серебряному блюдечку, покажи мне моего милого.

Покатится яичко по серебряному блюдечку, и предстанет Финист — ясный сокол. Смотрит на него Марьюшка и слезами заливается:

— Финист мой, Финист — ясный сокол, зачем ты меня оставил одну, горькую, о тебе плакать!

Подслушала царица её слова и говорит:

— Продай ты мне, Марьюшка, серебряное блюдечко и золотое яичко.

— Нет,— говорит Марьюшка,— они непродажные. Могу я тебе их отдать, если позволишь на Финиста — ясна сокола поглядеть.

Подумала царица, подумала.

— Ладно, говорит, так и быть. Ночью как он уснёт, я тебе его покажу.

Наступила ночь, и идёт Марьюшка в спальню к Финисту — ясну соколу. Видит она — спит её сердечный друг сном непробудным. Смотрит Марьюшка — не насмотрится, целует в уста сахарные, прижимает к груди белой,— спит, не пробудится сердечный друг.

Наступило утро, а Марьюшка не добудилась милого...

Целый день работала Марьюшка, а вечером взяла серебряные пальцы да золотую иголочку. Сидит вышивает, сама приговаривает:

— Вышивайся, вышивайся, узор, для Финиста — ясна сокола. Было бы чем ему по утрам вытираться.

Подслушала царица и говорит:

— Продай, Марьюшка, серебряные пальцы, золотую иголочку.

— Я не продам,— говорит Марьюшка,— а так отдам, разреши только с Финистом — ясным соколом свидеться.

Подумала та, подумала.

— Ладно, говорит, так и быть, приходи ночью.

Наступает ночь. Входит Марьюшка в спальню к Финисту — ясну соколу, а тот спит сном непробудным.

— Финист ты мой, ясный сокол, встань, пробудись!

Спит Финист — ясный сокол крепким сном. Будила его Марьюшка — не добудилась.

Наступает день.

Сидит Марьюшка за работой, берёт в руки серебряное донце, золотое веретенце. А царица увидала:

— Продай да продай!

— Продать не продам, а могу и так отдать, если позволишь с Финистом — ясным соколом хоть часок побыть.

— Ладно,— говорит та.

А сама думает: «Всё равно не разбудит».

Настала ночь. Входит Марьюшка в спальню к Финисту — ясну соколу, а тот спит сном непробудным.

— Финист ты мой, ясный сокол, встань, пробудись!

Спит Финист, не просыпается.

Будила, будила — никак не может добудиться, а рассвет близко.

Заплакала Марьюшка:

— Любезный ты мой Финист — ясный сокол, встань, пробудись, на Марьюшку свою погляди, к сердцу своему её прижми!

Упала Марьюшкина слеза на голое плечо Финиста — ясна сокола и обожгла. Очнулся Финист — ясный сокол, осмотрелся и видит Марьюшку. Обнял её, поцеловал:

— Неужели это ты, Марьюшка! Трое башмаков износила, трое посохов железных изломала, трое колпаков железных поистрепала и меня нашла? Поедем же теперь на родину.

Стали они домой собираться, а царица увидела и приказала в трубы трубить, об измене своего мужа оповестить.

Собрались князья да купцы, стали совет держать, как Финиста — ясна сокола наказать.

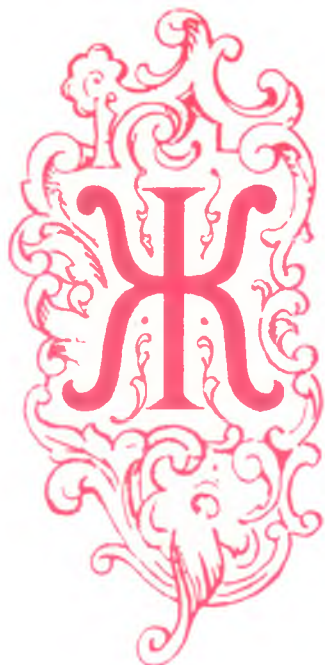
Тогда Финист — ясный сокол говорит:

— Которая, по-вашему, настоящая жена: та ли, что крепко любит, или та, что продаёт да обманывает?

Согласились все, что жена Финиста — ясна сокола — Марьюшка.

И стали они жить-поживать да добра наживать. Поехали в своё государство, пир собрали, в трубы затрубили, в пушки запалили, и был пир такой, что и теперь помнят.

ВОЛШЕБСТВО

ила-была вдова, у которой были две дочери. Старшая была очень похожа на свою мать, которая была злобной и скупой. Младшая дочь, наоборот, была доброй и кроткой, как её покойный отец. К тому же она была писаная красавица.

Всякому человеку нравится его подобие, поэтому мать безумно любила старшую дочь и настолько же сильно ненавидела младшую, заставляя её работать по дому с утра до вечера.

Дважды в день бедная девушка ходила к роднику за водой. Каждый день она ходила этой дальней дорогой, неся в руках тяжёлый, доверху наполненный водой кувшин.

Однажды у родника она повстречала бедную старую женщину, которая попросила дать ей напиться.

— С удовольствием, бабушка, — ответила бедняжка и мило улыбнулась старушке. Она наполнила кувшин чистой родниковой водой и подала нищенке. Женщина напилась и поблагодарила девушку. Она сказала:

— Поскольку ты такая добрая и услужливая, я награжу тебя. Всякий раз, как ты молвишь слово, с твоих губ слетит либо цветок, либо драгоценный камень.

И она исчезла. Это была волшебница, которая захотела испытать доброе сердце молодой девушки.

С полным кувшином воды девушка возвратилась домой. Мать тотчас же накинулась на неё, бранясь за то, что она так долго была у родника.

— Простите меня, матушка! — сказала младшая дочка, и тут же с её губ слетели две розы, две жемчужины и два бриллианта.

— Что это? — удивлённо воскликнула старуха мать. — Откуда это взялось?

Бедняжка правдиво всё рассказала. Пока она говорила, вокруг неё образовалась куча цветов и драгоценных камней.

— Эта глупая волшебница допустила ошибку, — сказала её мать. — Волшебные дары слишком хороши для такой дурищи, как ты. Они по праву должны принадлежать твоей умной старшей сестре. Следующий раз она пойдет к роднику.

На следующее утро мать решила послать за водой старшую дочь.

— Я никуда не собираюсь идти, — заявила ленивица.

— Ты сейчас же отправишься туда! — закричала злобная старуха.

Наконец, наругавшись вдоволь, старшая дочь отправилась с кувшином за водой. У колодца она увидела богато одетую даму, которая попросила дать ей напиться.

— Я вам не служанка, — грубо ответила гордячка. — Это мой кувшин, а не ваш. Если желаете пить, принесите свой кувшин.

— Очень хорошо,— сказала дама, которая и была той самой волшебницей, только в новом обличье.— Я награжу тебя даром, который отвечает твоим манерам. Каждый раз, когда ты скажешь слово, у тебя изо рта тотчас же выпадет змея или выпрыгнет жаба.

С нетерпением ожидала мать возвращения старшей дочери. Едва увидев её, она закричала:

— Ну что, доченька?

— Чего тебе? — в тон ей заорала грубая девушка, и тотчас же изо рта у неё выскочили две жабы и змеи.

— О, Господи, что это? — запричитала старуха. Когда она узнала, что произошло, то впала в полное неистовство.

— Это твоя вина! — топая ногами от злости, орала она на младшую дочь. И, схватив метлу, она принялась избивать бедняжку. Младшая дочь насилу вырвалась и убежала в лес.

В это время с охоты возвращался молодой принц. Увидев красавицу, он спросил её, почему она плачет здесь, одна, в диком лесу.

— Моя мать прогнала меня из дома,— ответила девушка, и тотчас же с её губ слетело несколько жемчужин и алмазов. Когда она закончила свой рассказ, трава вокруг неё сияла и переливалась всеми цветами радуги. Принц тут же без памяти влюбился в неё, восторгаясь её красотой и добрым сердцем.

Он взял её с собою во дворец. Они поженились и зажили счастливо.

Что касается старшей сестры, то её возненавидела даже собственная мать, поскольку ленивица наводнила весь дом ползучими гадами. Её выгнали из дома, и она ушла, презираемая всеми.

СИНЯЯ СВЕЧКА

ил-был солдат, и служил он верой и правдой королю многие годы, но кончилась война, и солдат, получив много ран, служить больше не мог. Вот и говорит ему король:

— Можешь ты домой отправляться, теперь ты мне не нужен, жалованья получать ты больше не будешь, — деньги плачу я только тому, кто мне службу несёт.

И не знал солдат, чем ему теперь и жить, и ушёл он, озабоченный, и шёл целый день, а вечером пришёл в лес. Наступила уже темнота, и увидел он вдали огонёк, пошёл ему навстречу и пришёл к дому, а жила в нём ведьма.

— Пусти меня переночевать и дай мне чего-нибудь поесть да попить, — сказал он ей, — а то пропадать мне придётся.

— Ого! — ответила она. — Да кто же даст что-нибудь беглому солдату? Но так уж и быть, сжалюсь я над тобой и пущу тебя, если сделаешь ты то, что я от тебя потребую.

— А что же ты потребуешь? — спросил солдат.

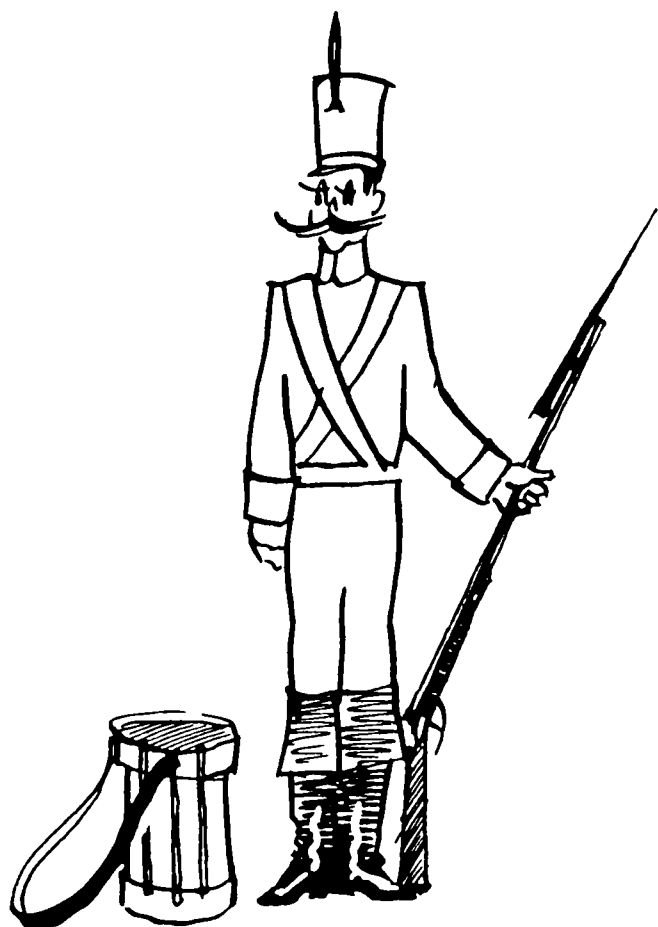
— Чтоб завтра вскопал ты мне огород.

Солдат согласился, и на другой день изо всех сил принялся он за работу, но до вечера всё же не справился.

— Вижу я,— сказала ведьма,— что ты нынче больше не можешь. Ну, пробудь у меня ещё одну ночь, а завтра нарубишь ты мне за то поленницу дров и щепок наколешь.

Весь день проработал солдат, а к вечеру ведьма предложила ему остаться у неё ещё на одну ночь.

— Завтра работа тебе предстоит небольшая: есть у меня за домом старый пустой колодец, упала в него моя свечка, горит она синим пламенем и не гаснет,— вот ты и должен будешь мне её оттуда достать.

На другой день повела его старуха к колодцу и спустила туда в корзине. Нашёл он синюю свечку и подал ведьме знак, чтобы вытащила она его из колодца. Стала она его тащить наверх, но только стал он подыматься к краю колодца, а ведьма протянула руку вниз и хотела было отнять у него синюю свечку.

— Нет,— сказал солдат, заметив её злой умысел,— свечку я отдам тебе только тогда, когда стану обеими ногами на землю.

Пришла ведьма в ярость, сбросила его снова в колодец, а сама ушла.

Упал бедный солдат на мягкое дно колодца, не причинив себе никакого вреда, а синяя свечка продолжала гореть, но что ему было в том толку? Видит, не уйти ему теперь от смерти. Сидит он в колодце грустный, и сунул он случайно руку в карман и нашёл там свою трубку, а набита она была до половины табаком. «Это будет последней моей радостью», — подумал он, достал её, зажёл от синей свечки и начал курить. Разошёлся дымок по дну колодца, и явился вдруг перед ним чёрный человечек и спрашивает:

— Что, хозяин, прикажешь?

— Что ж мне тебе приказать? — ответил ему солдат в изумлении.

— Я обязан выполнить всё, — сказал человечек, — что потребуешь.

— Ладно, — сказал солдат, — помоги мне сначала выбраться из колодца.

Взял его чёрный человечек за руку и повёл через подземный ход, но солдат синюю свечку взять с собой не забыл. Показал он ему по пути богатства, собранные и запрятанные ведьмой, и набрал солдат золота столько, сколько нести мог. Поднялся он наверх и говорит человечку:

— Ну, а теперь ступай да свяжи старую ведьму и отведи её на суд.

Тут вскоре промчалась она, точно ветер, со страшным криком на диком коте, а чёрный человечек вернулся назад.

— Всё исполнено, — сказал он, — ведьма уж висит на виселице. Что ж прикажешь теперь, хозяин, мне делать? — спросил человечек.

— Сейчас пока ничего,— ответил солдат,— можешь себе идти домой, но чуть что — тотчас явись, когда я тебя позову.

— Звать меня не надо,— сказал человечек,— только зажги свою трубку синей свечой, и я тотчас явлюсь перед тобою.— Затем он исчез на его глазах.

Воротился солдат в город, откуда он и пришёл. Направился в самую лучшую гостиницу и велел сшить себе красивый кафтан, и приказал хозяину убрать свою комнату как можно красивей да богаче. Когда комната была готова, солдат поселился в ней, кликнул чёрного человечка и говорит:

— Служил я королю верой и правдой, а он меня прогнал да ещё голодать заставил, хочу я ему теперь за то отомстить.

— Что же я должен сделать? — спросил человечек.

— Поздно вечером, когда королева будет в постели, принеси её сюда спящей, пусть поработает она у меня служанкой.

— Для меня это дело лёгкое, но для тебя будет опасное,— если об этом доведаться, плохо тебе придётся.

Пробило двенадцать, распахнулась дверь, и принёс человечек ему королеву.

— Ага, вот ты и здесь,— крикнул солдат,— ну, живей принимайся за работу. Ступай, принеси метлу да подмети мне комнату.

Подмела она ему комнату, и зовёт он её к своему креслу, протягивает ей ноги и говорит:

— Снимай с меня сапоги!

Сняла она с него сапоги, и кинул он их ей в лицо, и должна она была их поднять, почистить и глянец на них навести. Всё она исполняла, что он ей ни приказывал, беспрекословно, молча, с полузакрытыми глазами. Но с первым пеньем петуха

отнес её чёрный человечек назад в королевский замок и положил в постель.

Наутро встала королевна с постели, пошла к своему отцу и рассказала, что видела удивительный сон: «Будто несло меня с быстротой молнии по улицам, и попала я в комнату к одному солдату, и должна была я прислуживать ему как служанка и исполнять всякую чёрную работу, подметать комнату и сапоги чистить. Это был сон, но, однако, я так устала, будто было это всё на самом деле».

— Сон мог оказаться и явью,— сказал король,— я дам тебе совет: набей полный карман гороху и проделай дырку в кармане, и если тебя снова унесут, то горошины выпадут, и на улице будет виден след.

Когда король это говорил, то чёрный человечек стоял незримо рядом и всё слышал. Ночью, когда он снова понёс королевну по улицам, выпало несколько горошин у неё из кармана, но след указать они не могли: хитрый человечек заранее разбросал горох по всем улицам. И королевна должна была снова до первых петухов исполнять работу служанки.

На другое утро король выслал своих людей разыскать след, но все поиски были напрасны — на всех улицах сидели бедные дети и подбирали горох, говоря: «А сегодня-то ночью шёл гороховый дождь».

— Надо будет что-нибудь другое придумать,— сказал король,— ты сегодня, ложась в постель, башмаков не снимай, а когда будешь возвращаться оттуда, спрячь один из них там, а я уж его найду.

Чёрный человечек доведлся и про этот замысел и когда вечером солдат стал требовать, чтобы тот принёс ему снова королевну, стал ему отсоветывать и сказал, что против такой

хитрости нету никакого средства, и если башмак у него найдут, то плохо ему придётся.

— Делай, что я велю,— ответил солдат, и должна была и на третью ночь королева исполнять работу служанки, но спрятала она прежде, чем её понесли назад домой, свой башмак у него под кроватью.

На другое утро король приказал искать по всему городу башмак своей дочери, и нашли его у солдата, но, по совету человечка, вышел солдат за городские ворота, ну, тут его и схватили и в тюрьму бросили. И забыл он во время бегства самое своё дорогое — синюю свечку и золото, и остался у него в кармане один только дукат. Когда стоял он, закованный в цепи, у окошка тюрьмы, увидел он проходящего мимо тюрьмы одного из своих товарищей. Стал он стучать в окошко, и когда тот подошёл, говорит он ему:

— Окажи ты мне услугу, принеси мне мой маленький узелок, что оставил я в гостинице, дам я тебе за это дукат.

Побежал его товарищ туда и принёс его узелок. Только солдат снова остался один, набил он свою трубку и кликнул чёрного человечка. И сказал чёрный человечек своему хозяину: «Ты не бойся, ступай туда, куда тебя поведут, пусть будет, что будет, только не забудь захватить с собой синюю свечку».

На другой день был суд над солдатом, и хотя он ничего дурного не сделал, но присудил его судья к смертной казни. Когда его вывели, стал он просить короля оказать ему последнюю милость.

— Какую? — спросил его король.

— Дозволь выкурить мне по дороге трубку.

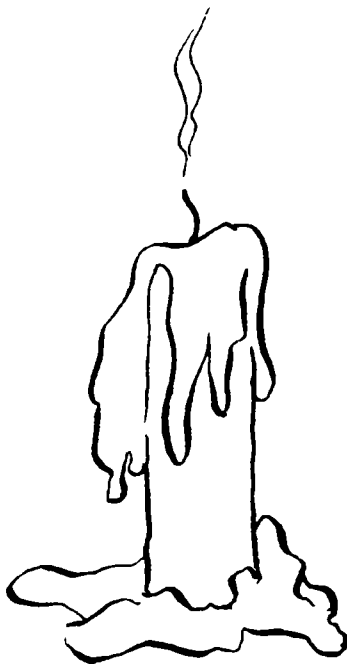
— Выкури хотя б и целых три,— ответил король,— но не думай, однако, что я тебя помилую.

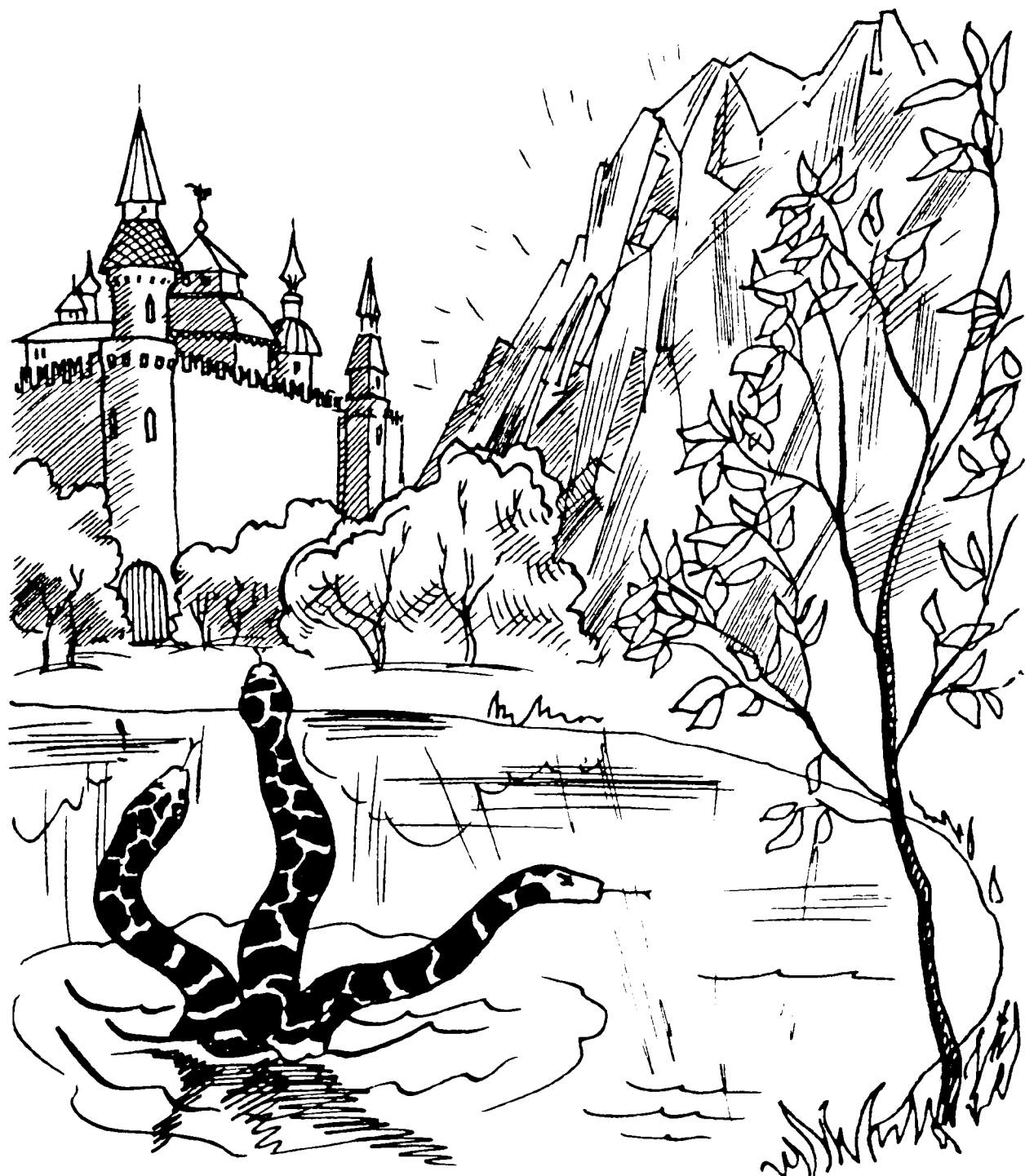
Достал солдат свою трубку, закурил её от синей свечки, и только поднялось несколько колец дыма, как явился чёрный человечек и была у него в руке небольшая дубинка, и спросил он у солдата:

— Что прикажешь, хозяин?

— Убей ты насмерть этих лживых судей и стражу, да и короля не пощади, он поступил со мной плохо.

Стал носиться тот чёрный человечек, точно молния, то туда, то сюда, и кого он только касался своей дубинкой — тот падал наземь, и ни встать, ни шелохнуться больше не мог. Стало королю страшно, и начал просить он пощады, чтобы оставил тот его в живых, и отдал он солдату королевство и дочь свою в жёны.

ХРУСТАЛЬНАЯ ГОРА

некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у царя было три сына.

Вот дети говорят ему:

— Милостивый государь-батюшка! Благослови нас, мы на охоту поедем.

Отец благословил, и они поехали в разные стороны.

Младший сын ездил, ездил и заплутался; выезжает на поляну, на поляне лежит палая лошадь, около этой падали собралось много всяких зверей, птиц и гадов.

Поднялся сокол, прилетел к царевичу, сел ему на плечо и говорит:

— Иван-царевич, раздели нам эту лошадь; лежит она здесь тридцать три года, а мы всё спорим, а как поделить — не придумаем.

Царевич слез с своего доброго коня и разделил падаль: зверям — кости, птицам — мясо, кожа — гадам, а голова — муравьям.

— Спасибо, Иван-царевич! — сказал сокол. — За эту услугу можешь ты обращаться ясным соколом и муравьём всякий раз, как захочешь.

Иван-царевич ударился о сырую землю, сделался ясным соколом, взвился и полетел в тридесятое государство; а того государства больше чем наполовину втянуло в хрустальную гору.

Прилетел прямо во дворец, оборотился добрым молодцем и спрашивает придворную стражу:

— Не возьмёт ли ваш государь меня на службу к себе?

— Отчего не взять такого молодца?

Вот он поступил к тому царю на службу и живёт у него неделю, другую и третью.

Стала просить царевна:

— Государь мой батюшка! Позволь мне с Иваном-царевичем на хрустальной горе погулять.

Царь позволил. Сели они на добрых коней и поехали.

Подъезжают к хрустальной горе, вдруг, откуда ни возьмись, выскочила золотая коза.

Царевич погнался за ней; скакал, скакал, козы не добыл, а воротился назад — и царевны нету! Что делать? Как к царю на глаза показаться?

Нарядился он таким древним старичком, что и признать нельзя; пришёл во дворец и говорит царю:

— Ваше величество! Найми меня стадо пасти.

— Хорошо, будь пастухом; коли прилетит змей о трёх головах — дай ему три коровы, коли о шести головах — дай шесть коров, а коли о двенадцати головах — то отсчитай двенадцать коров.

Иван-царевич погнал стадо по горам, по долам; вдруг летит с озера змей о трёх головах:

— Эх, Иван-царевич, за какое ты дело взялся? Где бы сражаться доброму молодцу, а он стадо пасёт! Ну-ка, говорит, отгони мне трёх коров.

— Не жирно ли будет? — отвечает царевич. — Я сам в сутки ем по одной уточке, а ты трёх коров захотел... Нет тебе ни одной!

Змей осерчал и вместо трёх взял шесть коров; Иван-царевич тотчас обернулся ясным соколом, снял у змея три головы и погнал стадо домой.

— Что, дедушка, — спрашивает царь, — прилетал ли трёхглавый змей, дал ли ему трёх коров?

— Нет, ваше величество, ни одной не дал!

На другой день гонит царевич стадо по горам, по долам; прилетает с озера змей о шести головах и требует шесть коров.

— Ах ты, чудо-юдо обжорливое! Я сам в сутки ем по одной уточке, а ты чего захотел! Не дам тебе ни одной!

Змей осерчал, вместо шести захватил двенадцать коров; а царевич обратился ясным соколом, бросился на змея и снял у него шесть голов.

Пригнал домой стадо; царь и спрашивает:

— Что, дедушка, прилетал ли шестиглавый змей, много ли моё стадо поубавилось?

— Прилетать-то прилетал, но ничего не взял!

Поздним вечером оборотился Иван-царевич в муравья и сквозь малую трещинку заполз в хрустальную гору; смотрит — в хрустальной горе сидит царевна.

— Здравствуй,— говорит Иван-царевич,— как ты сюда попала?

— Меня унёс змей о двенадцати головах; живёт он в ба-тюшкином озере. В том змее сундук таится, в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яичко, в яичке — семечко; коли ты убьёшь его да достанешь это семечко, в те поры можно хрустальную гору извести и меня избавить.

Иван-царевич вылез из той горы, снарядился пастухом и погнал стадо.

Вдруг прилетает змей о двенадцати головах:

— Эх, Иван-царевич! Не за своё ты дело взялся; чем бы тебе, доброму молодцу, сражаться, а ты стадо пасёшь... Ну-ка отсчитай мне двенадцать коров!

— Жирно будет! Я сам в суточки ем по одной уточке, а ты чего захотел!

Начали они сражаться, и долго ли, коротко ли сражались — Иван-царевич победил змея о двенадцати головах, разрезал его туловище и на правой стороне нашёл сундук; в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яичко, в яичке — семечко.

Взял он семечко, зажёг и поднёс к хрустальной горе — гора скоро растаяла. Иван-царевич вывел оттуда царевну и привёз её к отцу; отец возрадовался и говорит царевичу:

— Будь моим зятем!

Тут их и обвенчали; на той свадьбе и я был, мёд-пиво пил, по бороде текло, в рот не попало.

ЗОЛОТАЯ КНИГА ЛУЧШИХ СКАЗОК МИРА

Редактор *И. Понятых*
Художественный редактор *С. Столяров*
Технический редактор *Г. Смирнова*
Корректоры *Н. Кузнецова, И. Сахарук*

Подписано в печать 16.03.93. Формат 84×108^{1/16}. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 48,72. Усл. кр.-отт. 173,04. Уч.-изд. л. 23,75. Тираж 200 000 (1 — 100 000) экз.
Заказ 220.

Издательский центр «ТЕРРА», Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.

Отпечатано с оригинал-макета на Ярославском полиграфкомбинате
Министерства печати и информации Российской Федерации.
150049. Ярославль, ул. Свободы, 97.

ЗОЛОТАЯ КНИГА ЛУЧШИХ СКАЗОК МИРА

